This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

A7
Berendts, É. N
Lektsii po administrativnomu...
T. 1

HARVARD LAW LIBRARY

Received Jul. 18, 1922

Э. Н. Берендтсъ
Ординарн. профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета.

ЛЕКЦІИ

по

АДМИНИСТРАТИВНОМУ ПРАВУ

Великаго Княжества Финляндскаго

читанныя

въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ
въ 1901—1902 учебномъ году.

Томъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Товарищество Р. Голике и А. Вильборгъ.
1903.

По опредѣленію Юридическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета
печатать разрѣшается. С.-Петербургъ, 1 Сентября 1903 г.

JUL 18 1922

Предисловіе.

Первый томъ выпускаемыхъ мною „Лекцій по Административному праву Великаго Княжества Финляндскаго“ содержитъ въ себѣ какъ бы общее введеніе ко всему курсу. Въ это общее введеніе входитъ историческій обзоръ не только источниковъ права, территоріальнаго дѣленія и административныхъ учрежденій до 1809 г., но и обзоръ исторіи развитія сословій Финляндіи до постепеннаго распаденія ихъ во вторую половину XIX ст., такъ какъ формальный строй администраціи, организація и компетенція учрежденій, лишь тогда становится понятной для читателя, если онъ знакомъ съ соціальной подкладкой этого строя. Конечно, этотъ обзоръ исторіи сословій могъ быть только весьма сжатымъ, хотя соблазнъ углубиться въ эту сферу изслѣдованія былъ очень великъ. Къ одному изъ вопросовъ, затронутыхъ во II главѣ, мнѣ придется еще разъ вернуться съ большею подробностью, а именно: къ вопросу о развитіи землевладѣнія въ Финляндіи. На своеобразной системѣ землевладѣнія основанъ всецѣло строй т. н. камеральнаго законодательства, которое войдетъ въ одну изъ дальнѣйшихъ частей моего курса.

Во II томѣ я излагаю организацію и компетенцію административныхъ учрежденій Финляндіи съ 1809 года до настоящаго времени, т. е. до весны 1903 г. включительно.

Э. Берендтсъ.

Гапсаль. Августъ 1903 г.

Оглавленіе перваго тома.

Введеніе. . . . . стр. III — X

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Источники шведско-финляндскаго права . . . . . » 1 — 102
Приложеніе I къ первой главѣ . . . . . » 103 — 106
» II » » . . . . . » 106 — 109
» III » » . . . . . » 109 — 111
» IV » » . . . . . » 111

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Развитіе землевладѣльческихъ сословій . . . . . » 112 — 175

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Развитіе духовнаго сословія . . . . . » 176 — 186

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Развитіе городского сословія . . . . . » 187 — 202

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Территоріальное дѣленіе В. К. Финляндскаго . . . . . » 203 — 213

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Обзоръ исторіи развитія административныхъ установленій Финляндіи » 214 — 300

Введеніе.

Не смотря на внѣшнее сходство и однообразіе жизни въ городахъ и селахъ Финляндіи, внимательный наблюдатель и въ настоящее время замѣчаетъ оттѣнки различія въ національной культурѣ западной и восточной Финляндіи. Это различіе имѣетъ корни въ глубокой древности. Археологическія данныя (находки оружія и домашней утвари) свидѣтельствуютъ о томъ, что уже въ доисторическое время развитіе западной и восточной Финляндіи шло не одинаковымъ путемъ, не подъ вліяніемъ тождественныхъ факторовъ и не съ одинаковой скоростью. До V вѣка по Р. Х. западная Финляндія подчинялась исключительно культурному вліянію Скандинавіи; восточная Финляндія стояла въ тѣсной культурной связи съ славянскимъ востокомъ и югомъ, поддаваясь несомнѣнно вліянію сосѣднихъ славянскихъ племенъ. Дальнѣйшія археологическія находки доказываютъ, что въ эпоху т. н. младшаго желѣзнаго вѣка (V—X ст. по Р. Х.)—восточная культура проникаетъ въ глубь Финляндіи, оттѣсняя скандинавскія стихіи къ берегамъ Ботническаго и Финскаго заливовъ. То была эпоха укорененія сѣверныхъ славянъ въ современной великорусской полосѣ и сліянія финскихъ племенъ въ верховьяхъ Волги и ея притоковъ съ надвигавшимися съ юга славянами-колонизаторами.

Съ X-го вѣка западная Финляндія снова подпадаетъ подъ вліяніе Скандинавіи. Походы Викинговъ (съ начала VIII вѣка) подготовили почву для поступательнаго движенія скандинавскихъ культурныхъ началъ. Междоусобная рознь славянскихъ племенъ и ихъ борьба съ восточными и южными сосѣдями (болгарами, хозарами и др.) облегчили вытѣсненіе славянскаго вліянія изъ предѣловъ нынѣшней Финляндіи.

Только крайній востокъ (Корелія) продолжала тяготѣть къ славянскому рубежу, какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи.

О двойственномъ воздѣйствіи западныхъ (скандинавскихъ) и восточныхъ (славянскихъ) началъ свидѣтельствуетъ и національный эпосъ финновъ (Kalevala).

Племена, нынѣ обитающія Финляндіи, принадлежатъ къ западно-финскимъ отраслямъ монгольской расы. Они перешли изъ первоначальныхъ своихъ обиталищъ, въ средней Россіи, прежде всего къ берегамъ Западной Двины. Въ эпоху великаго переселенія народовъ они были отброшены на сѣверъ и, тѣснимые съ юга, вторгнулись въ Финляндію 3 группами: 1) Финны въ узкомъ смыслѣ слова заняли нынѣшнюю юго-западную Финляндію; 2) Тавасты заняли среднюю Финляндію, на западъ отъ рѣки Кюммене; 3) Корелы заняли восточную Финляндію. (Часть кореловъ поселилась въ нынѣшней Олонецкой губерніи, небольшая группа удержалась въ Бѣжецкомъ уѣздѣ Тверской губерніи, въ т. н. Тверской Кореліи). Различныя мелкія финскія племена западной отрасли осѣли въ Ингерманландіи, Эсты въ нынѣшней Эстляндіи и въ сѣверной части Лифляндіи. Финны, Тавасты и Корелы вытѣснили коренное населеніе Финляндіи—лапландцевъ (Saame). Независимо отъ этого съ юга и юго-востока идущаго заселенія,—шла финская колонизація съ сѣверо-востока. Сѣверъ Финляндіи былъ заселенъ, по преданію, двумя финскими племенами: Квенами и Біармами. Выходцы изъ сказочной, богатой торговлей Біарміи сохранили и далѣе связь съ отчизной. Искони обычная въ Финляндіи разносная торговля коробейниковъ („архангелитовъ") есть какъ бы переживаніе древняго торговаго движенія Біармовъ къ Ботническому заливу.

Свидѣтельства о первичной культурѣ финновъ-пришельцевъ въ Финляндіи очень скудны. Знаменитыя народныя былины Калевалы, собранныя Эліасомъ Ленротомъ въ Кореліи, даютъ богатый матеріалъ для лингвистическихъ изслѣдованій, но юристъ мало почерпнетъ изъ этого творенія народнаго поэтическаго духа. Финны на зарѣ историческаго періода несомнѣнно не были болѣе дикарями безъ всякихъ слѣдовъ общественной организаціи, но точныхъ данныхъ объ ихъ національной общественной организаціи и правовомъ строѣ мы не имѣемъ. Въ качествѣ доказательства, что финны до шведскаго завоеванія имѣли свой особый правовой строй, нѣкоторые историки права и культуры въ Финляндіи

указываютъ на то, что финскій языкъ имѣетъ свои особенныя слова для выраженія понятій: „вѣче“ (ting по шведски, а по фински—Käräjä) и „округъ“ (härad по шведски, а по фински Kihla Kunta). Историкъ Ирье-Коскиненъ указываетъ на то, что древніе финны были знакомы съ понятіями законъ, право. Это понятіе обозначалось словомъ „sunta“; судья назывался—suntia. Это же названіе присвоено было и вообще должностнымъ лицамъ общинъ. Налоги назывались vero (не отъ славянскаго ли слова „вира“?) Что слова: sunta и suntia также, вѣроятно, славянскаго происхожденія, допускаетъ Ирье-Коскиненъ. Но эти доказательства далеко не достаточны. Какъ объяснилъ Лиліенстрандъ (въ статьѣ: „О древности Гельсингескаго уложенія и его значеніи въ судопроизводствѣ Финляндіи въ древнѣйшія времена“)[1]), слово „Käräjä доказываетъ только одно, что древніе финны несомнѣнно знали“ общественныя собранія, вѣча, для совершенія религіозныхъ обрядовъ, а также для обсужденія общихъ дѣлъ. На эти собранія являлись представители одного рода, или представители сосѣднихъ родовъ, или наконецъ, и представители племени. Но отъ такихъ періодическихъ собраній еще далеко до прочнаго общественнаго строя съ правильнымъ судоговореніемъ и положительными законами. Слово „kihlakunta“ указывало бы на таковую прочную организацію, если бы мы могли быть увѣрены, что оно чисто финскаго происхожденія, а не воспринято изъ древняго шведскаго языка.

Въ болѣе древнихъ актахъ оно передается шведскимъ словомъ „gisslalag“ (округъ, ставившій заложниковъ). Весьма вѣроятно, что шведскіе завоеватели формировали изъ разрозненныхъ родовъ, частей племени или даже отдѣльныхъ поселковъ — мелкіе союзы, коллективныя единицы, связанныя круговой порукой за исполненіе повинностей въ пользу завоевателей и обезпечивавшія свою поруку — поставкою заложниковъ. Эти коллективныя тягловыя

---

[1]) A. Lilienstrand. „Om Helsingelagens alder och betydelsc för lagskipningen Finland under äldsta tider“ Iuridiska Föreningens i Finland tidskrift II. 1866. Впрочемъ, мнѣніе финскихъ историковъ, что „килекунда“ можетъ означать извѣстное территоріальное дѣленіе, существовавшее у финновъ въ до-шведскую эпоху, не столь безосновательно, какъ полагаетъ Лиліенстрандъ, ибо у эстовъ, по свидѣтельству извѣстнаго средневѣковаго историка-хрониста Гейнриха Латышскаго упомянуто также дѣленіе территоріи на „килекунда“. Ср. Heinrich v. Lettland. Livländische Chronik, übersetzt und erläutert v. H. Pabst. Reval 1867. (XXIX, XXVIII, 2; XVIII, 5).

единицы и носили названіе gisslalag (gisslakunta, Kihlakunta;— Kunta, Kontoja, отвѣтственные округа). Часть западной Финляндіи носила названіе Satakunta, Сатакунта, земля 100 союзовъ. Нѣкоторые ученые указывали также на множество финскихъ народныхъ пословицъ, выражающихъ нормы обычнаго нрава. Но если эти пословицы могутъ служить отличнымъ матеріаломъ для изслѣдованія народно-правовыхъ воззрѣній, то едва ли изъ нихъ можно дѣлать выводы относительно соціально-правоваго строя древнѣйшей Финляндіи. Та ступень общей культуры, на которой находились финны до шведскаго завоеванія, сама по себѣ исключаетъ возможность болѣе развитой общественной организаціи и правопорядка. Охота, рыбная ловля были главными промыслами и источниками пропитанія древнихъ финновъ еще въ XII столѣтіи. Земледѣліе несомнѣнно было имъ извѣстно, но оно имѣло дикую форму подсѣчнаго хозяйства, опустошавшаго 1 квадратную милю ради одного скуднаго урожая. Населеніе было рѣдкое; финскія семьи были разсѣяны по громадному пространству и сношенія ихъ были рѣдки и исключительны. При такихъ условіяхъ не было нужды въ развитомъ правѣ.—Инстинктивныя элементарныя понятія о „моемъ“ и „твоемъ“, о правдѣ и неправдѣ удовлетворяли всѣмъ требованіямъ несложной жизни.

Съ XI столѣтія для Финляндіи начинается исторія. Западное скандинавское колонизаціонное движеніе сгущается; движеніе шведовъ въ Финляндію приводитъ ихъ къ столкновенію съ Новгородомъ, старавшимся отстоять восточную Финляндію. Въ теченіе столѣтія чередуются мелкіе походы шведовъ и новгородцевъ, опирающихся на междоусобную войну западныхъ финновъ съ восточными. Существуетъ преданіе, что уже въ 1006 г. норвежскій король Олафъ покорилъ часть Финляндіи и властвовалъ въ ней. Въ 1156—1157 шведскій король Эрикъ Святой предпринялъ крестовый походъ противъ финновъ. Его сподвижникъ, эпископъ Генрихъ, старался укоренить христіанскую вѣру въ Финляндіи. Одинъ изъ преемниковъ этого перваго финскаго святителя, эпископъ Ѳома, задумалъ создать изъ Финляндіи особое духовное царство, подчиненное непосредственно папѣ римскому, подобно государству, основанному рыцарскими орденами: Тевтонскимъ, въ Восточной Пруссіи, и Меченосцами въ Лифляндіи. Въ посланіи 1229 г. Папа далъ свое благословеніе на учрежденіе монастырей и основаніе церквей въ „Остраландіи“ (Финляндіи). Но завоеваніе шведовъ было весьма шаткое, финны сопротивлялись шведамъ и

католическому христіанству. Въ союзѣ съ новгородцами Тавасты и Корелы грозили отбросить пришельцевъ обратно въ Швецію. Въ 1230 г. и въ 1274, Папа провозгласилъ крестовый походъ противъ финскихъ язычниковъ. До 1323 г., т. е. до заключенія Нотеборгскаго (Орѣшковскаго) мирнаго Трактата между Новгородомъ и Швеціей, Финляндія была безпрерывно ареной не прекращавшихся войнъ, и потребности военной жизни не дали возможности удовлетворить нуждамъ мирной гражданской жизни. Вся соціальная организація, а посему и административный строй, Финляндіи до половины XIV ст. были непрочными, неустановившимися. Финляндія управлялась одновременно: (и конечно не безъ внутренвихъ раздоровъ) Абоскимъ эпископомъ, военными начальниками въ замкахъ, построенныхъ королями, или, вѣрнѣе полновластными ихъ majordomus'ами и маршалами (вродѣ Биргера Ярла, основателя Тавастгусскаго замка, Кроноборга, или Тюргиль Кнутсона, основателя замка въ Выборгѣ и крѣпости Ландскрона на мѣстѣ нынѣшняго С.-Петербурга, на лѣвомъ берегу Невы), и, въ третьихъ, компаніей шведскихъ купцовъ (т. н. Биркарлы), взявшей на откупъ сборъ податей съ полудикихъ еще сѣверныхъ финновъ и лапландцевъ. Замѣтимъ здѣсь же, что въ первые 2 вѣка послѣ шведскаго завоеванія Финляндія не была равноправной въ средѣ другихъ областей Швеціи частію шведскаго государства; ни въ избраніи королей, ни въ совѣщаніяхъ общаго народнаго вѣча въ Упсалѣ финны не участвовали. На подвластное финское населеніе шведы смотрѣли исключительно какъ на порабощенный народъ, какъ на источникъ фискальнаго дохода, какъ на удобный матеріалъ для пополненія шведскаго народнаго войска. Шведскіе же колонисты, какъ искони осѣвшіе на южномъ побережьѣ Финляндіи, такъ и послѣдовавшіе за эпископами, священниками, монахами и военачальниками, въ XII—XIII ст. жили совершенно особнякомъ отъ финнновъ, подъ охраной своего отечественнаго обычнаго права (преимущественно права, укоренившагося въ двухъ областяхъ средней Швеціи, „Свитіода", въ Упландіи и Гельсингеландіи). Что касается финновъ, какъ западныхъ, такъ и восточныхъ, то имъ было предоставлено жить подъ сѣнью ихъ собственныхъ мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ. Но каковы были эти обычаи, какова была вообще общественная организація аборигеновъ края въ эпоху XII—XIV вѣковъ, на этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить опять таки только молчаніемъ [1]). Древній національный

---

[1]) Въ средневѣковыхъ грамотахъ и податныхъ реестрахъ встрѣчаются тер-

эпосъ „Калевала“, который въ первой половинѣ XIX ст. т. ск. вновь подаренъ культурному міру благодаря неутомимыхъ трудовъ Ленрота, и объясненію котораго содѣйствовали изслѣдованія Шегрена, Кастрéна и Альквиста, доказываетъ намъ только одно, что культура финновъ въ Финляндіи стояла выше культуры ихъ единоплеменниковъ на верховьяхъ Волги, Сѣверной Двины-Оки, Камы, т. е. тѣхъ отчасти нынѣ вымершихъ, отчасти вымирающихъ народцевъ Мери, Веси, Мордвы, Вогуловъ, Вотяковъ, которые или пали въ вѣковой борьбѣ съ славянскими колонизаторами, или слились съ ними въ одно цѣлое, образовавъ при подавляющемъ воздѣйствіи славянской расы—великорусское племя средней и сѣверной Россіи.

Нотеборгскій трактатъ 1323 г. упрочилъ господство Швеціи въ Финляндіи. Ослабленная татарскимъ игомъ и внутренними раздорами удѣльно-вѣчевой системы Русь, если и не отказалась навсегда отъ своихъ притязаній на сосѣднюю Финляндію,—то, по крайней мѣрѣ, отсрочила предъявленіе ихъ на столѣтія. Со второй половины XIV столѣтія можно говорить про господство въ Финляндіи христіанской культуры въ шведскомъ обликѣ, про господство скандинавскаго права въ шведской его видовой формѣ, про господство шведской системы управленія и про шведскій строй судоустройства и судопроизводства. Но то не была древнѣйшая шведская соціальная организація, древнѣйшее первичное шведское право и первичный демократическій политическій строй Швеціи, который водрузилъ свое знамя на Финляндскихъ скалахъ. Въ промежутокъ времени между появленіемъ въ финляндіи первыхъ миссіонеровъ Эрика Святого и его сподвижника, святого эпископа Гейнриха, и заключеніемъ Нотеборгскаго трактата, Швеція пережила политическій процессъ, основная тенденція котораго была враждебна демократическимъ началамъ ея коренного соціально-политическаго быта. Эти начала не погибли. Они все сызнова выступали наружу и подъ конецъ пробили себѣ путь сквозь гущу чужихъ зарослей, но эти чужіе наросты все таки лишили ихъ доброй части силы. Колонизація и культивированіе Финляндіи

мины: въ такихъ то мѣстностяхъ примѣняется jus carelicum, jus finnicum, jus helsingonicum, jus suevicum.—Эти выраженія могутъ ввести въ заблужденіе. Можно думать, что они означаютъ какіе либо различные мѣстные законы, мѣстное обычное право различныхъ областей. Однако, по тщательному изслѣдованію, сіи термины означаютъ лишь различные способы раскладки податей и повинностей, (cr. Fontell Omsvenska och finska Rätten 1883).

совершилось, что и естественно, болѣе подъ руководствомъ тѣхъ началъ, которыя укоренились въ господствовавшихъ высшихъ слояхъ народа, нежели тѣхъ, кои таились въ глубинѣ народнаго сельскаго быта. Къ половинѣ XIV столѣтія въ Швеціи начало *сословнаго обособленія* уже успѣло *разрушить единство народа*. Народные выборные органы законодательства, управленія и суда (лагманы и вѣче) уже потеряли свое первенствующее значеніе; королевская администрація заслонила „земщину" (употребляя слово нашего древняго права). Аристократическіе законодательные и законосовѣщательные органы: господскіе съѣзды (herredagar) и королевскій или государственный совѣтъ („Konungens råd или riksens råd") отстранили общее Упландское вѣче (Allshaerjating) и ограничили значеніе вѣчъ областныхъ. Республиканскій строй древней католической церкви, принаровившій ее къ народному быту, уступилъ требованіямъ олигархическимъ и даже монархическимъ, предъявляемымъ эпископами и папскимъ престоломъ. Все возраставшее значеніе рыцарской конницы съ ея дорого стоющимъ вооруженіемъ и сословнымъ корпораціоннымъ духомъ умалило значеніе пѣшаго народнаго крестьянскаго войска и морского сполченія. Появленіе городовъ и ихъ связь съ могущественной ганзой дали поводъ къ ограниченію экономической свободы при сбытѣ и обмѣнѣ результатовъ народнаго труда, — установленіемъ привиллегій въ пользу городскихъ торговцевъ и ремесленниковъ. Рядъ внѣшнихъ и внутреннихъ междоусобныхъ войнъ поразилъ множество семействъ въ ихъ хозяйственномъ благосостояніи и содѣйствовалъ появленію безземельныхъ съемщиковъ земли и неимѣющихъ крова батраковъ и бобылей. Потребность государства въ увеличенномъ количествѣ личныхъ и матеріальныхъ силъ управленія дала поводъ къ образованію чиновнаго люда, который при господствовавшемъ натуральномъ хозяйствѣ кормился отъ отведенныхъ ему земель, угодій и помѣстій, вводя въ систему землевладѣнія новый, посторонній и не безопасный для верховной власти элементъ. Наконецъ, та же потребность расширяющагося въ своихъ задачахъ управленія повлекла за собой увеличеніе податного бремени и строя натуральныхъ повинностей. Однимъ словомъ, XIV вѣкъ далъ Финляндіи общественную организацію, сохранившую отчасти основы древняго скандинавскаго демократическаго быта, но съ значительной примѣсью феодальныхъ началъ и съ возраставшимъ господствомъ элементовъ военно-чиновныхъ, приказныхъ. На этой подкладкѣ XIV столѣтія выросъ и развился

общественный строй Финляндіи до нашихъ дней. Лишь XIX столѣтіе ликвидировало это наслѣдство. Но въ финляндскомъ правѣ мы все еще встрѣчаемся съ понятіями и терминами, унаслѣдованными отъ глубокой древности. Донынѣ живы въ Финляндіи: шведское право и воспитанныя на немъ шведскія правовыя понятія и воззрѣнія. Шведская система судоустройства и судопроизводства охраняетъ это право; шведская система управленія приводитъ его въ исполненіе. А посему мы должны ознакомиться: 1) съ исторіей главныхъ источниковъ этого права, 2) съ основными чертами развитія общественнаго строя Финляндіи съ XIV по XIX вѣкъ, 3) съ дѣленіемъ территоріи Финляндіи, являющейся пространственной рамкой, въ которой группируются эти бытовыя картины, и 4) съ развитіемъ организаціи управленія и основными началами управленія, которое то старалось навязать народной жизни направленіе, цѣли и задачи, то безпомощно уступая давленію естественныхъ потребностей, само подчинялось дѣйствію стихійныхъ силъ, которыя рано или поздно всегда пробиваютъ себѣ путь сквозь искусственныя строенія человѣческой мысли, какъ бы издѣваясь надъ тщетными начинаніями тѣхъ, кто сквозь призму предвзятыхъ административныхъ воззрѣній смотритъ на требованія природы и исторіи.

— · — — —

ГЛАВА I.

Источники шведско-финляндскаго права.

Источниками права въ Швеціи и Финляндіи, какъ повсюду, являются: 1) обычай (sedvänja) и 2) законъ (lag) *).

*) Обзоръ источниковъ составленъ преимущественно по слѣдующимъ пособіямъ: а) Предисловія къ отдѣльнымъ томамъ сборника *Шлитера и Коллина* „Corpus juris suevogotorum antiqui" 1827—1869. Древнія городскія и земскія уложенія Швеціи изданы Шлитеромъ—Коллиномъ въ 12 томахъ. Каждому тому предпослано предисловіе съ объясненіями и указаніями различныхъ рукописей и изданій. XIII-й томъ содержитъ въ себѣ общій глоссарій къ памятникамъ, изданнымъ въ первыхъ XII томахъ. б) *Монгомери*. Руководство къ общей части гражданскаго права Финляндіи (Handbok i Finlands allmänna Privaträtt. Hfs. 1889). в) *Германсонъ*. Записки по лекціямъ проф. Германсона объ отечественномъ административномъ правѣ, изд. Нюквиста 1898 (Anteckningar enligt Professor R. F. Hermansons föreläsningar öfver inhemsk Förvaltningsrätt, med tillstånd af Föreläsaren utgifna af Hj. Nyqvist Hfs. 1898). г) *Ф. Л. Шауманъ*. Руководство къ церковному праву Финляндіи 1853. (F. L. Schaumann. Handbok i Finlands Kyrkorätt. Hfs. 1853). д) *Beauchet*. La Loi de Westhrogothie. Paris. 1894. Въ очень интересномъ обширномъ введеніи помѣщенъ обстоятельный обзоръ древнихъ уложеній Швеціи. е) *K. Maurer*: статья въ Энциклопедіи права Гольцендорфа (Holtzendorff: Encyklopädie für Rechtswissenschaft. Отдѣлъ: Nordgermanische Rechtsquellen.). ж) *А. Лиліенстрандъ*. Сѣверные уставы о строеніи, ихъ строй въ органическомъ развитіи. Hfs. 1881 (Axel Lilienstrand. De nordiska Bygnings Balkarne, deras Rättsordning i organisk utveckling. з) *Шлитеръ*. О древнѣйшемъ областномъ дѣленіи Швеціи и о появленіи земскихъ уложеній 1835. (Schlyter. Om Sveriges äldsta indelning i landskap och landskapslagarnes uppkomst. Upsala 1835). и) *Нордстремъ*. Опытъ изслѣдованія исторіи развитія шведскаго общественнаго строя (Bidrag till det svenska Samhällsförtattningens historia af I. I. Nordström Ups. 1839). к) *I. Ф. Пальменъ*. Къ историко-юридическому толкованію уложенія 1734 г. (I. Ph. Palmén. Bättshistoriska Bidrag till tolkning af 1734 års lag). л) см. указанное выше (въ введеніи) сочиненіе А. Лиліенстранда о Гельсингеландскомъ уложеніи.

Словами: *обычай* (sedvänja) или *правовой обычай* (rättsed), или *мѣстный обычай* (landsed) мы обозначаемъ источникъ такой правовой нормы, которая получаетъ силу и примѣняется непосредственно, какъ выраженіе прочно установившагося правовоззрѣнія какого либо народа или какой либо части народа, живущей подъ дѣйствіемъ какихъ либо особыхъ жизненныхъ условій и въ предѣлахъ какой либо части территоріи.

Обычай, какъ извѣстно, первичный источникъ права, онъ предшествуетъ закону; законъ изъ него выростаетъ.

Обычай двоякимъ образомъ регулируетъ общественную жизнь народа. Онъ или служитъ непосредственнымъ источникомъ правовыхъ нормъ, коими юридически регулируются бытовыя отношенія. Обычай въ этомъ узкомъ смыслѣ слова называется въ шведской юриспруденціи — sedvänja. Или же мы имѣемъ дѣло съ бытовыми отношеніями, которыя, существуя въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, принимаютъ постепенно характеръ правовыхъ отношеній и вызываютъ къ жизни права и обязанности, или упраздняютъ, или измѣняютъ ихъ. Въ таковыхъ случаяхъ шведская юриспруденція говоритъ про: „häfd", давность („пошлину", употребляя терминъ древняго русскаго права). Различіе между давностью и обычаемъ шведскіе юристы усматриваютъ въ томъ, что первая относится лишь къ опредѣленнымъ правоотношеніямъ (rättsförhållande), обычай же, подобно закону, есть источникъ отвлеченныхъ нормъ, правоположеній (rättssats).

Шведскіе законовѣды гордятся тѣмъ, что историческое развитіе ихъ отечественнаго права не знаетъ скачковъ и переломовъ, что оно шло преемственно, послѣдовательно. Жизненныя условія родины были главнымъ факторомъ развитія; иноземныя правовоззрѣнія лишь поздно коснулись шведскаго права, и чужія правовыя теоріи не заглушили народнаго правотворчества. „Едва ли найдется народъ", говоритъ выдающійся финляндскій юристъ Монгомери, „исторія правъ котораго содержитъ въ себѣ болѣе точныя, убѣдительныя и рѣшительныя доказательства той истины, которая общеизвѣстна и признана всѣми культурными народами: что въ былые ранніе періоды развитія государственной жизни мѣстный юридическій обычай является первымъ и въ началѣ даже исключительнымъ, единственнымъ источникомъ права, нежели исторія права соединенныхъ нѣкогда народовъ Швеціи и Финляндіи". Задолго до того времени, когда были собраны въ одно цѣлое, переданы на письмѣ и санкціонированы мѣстныя уложенія, со-

держаніе ихъ было извѣстно народу; ихъ положенія признавались уже за правовыя нормы. Эти правоположенія въ ихъ точной юридической формулировкѣ были результатомъ собирательной и толковательной дѣятельности мѣстныхъ законовѣдовъ. Знаніе мѣстныхъ обычаевъ передавалось изъ поколѣнія въ поколѣніе въ семьяхъ законовѣдовъ. Умѣніе оформить правовоззрѣнія въ ясныя, удобопонятныя формулы, легко сохранявшіяся въ памяти, было высокочтимымъ искусствомъ. На мѣстныхъ народныхъ вѣчахъ законовѣды (лагманы) [1]) періодически повторяли и громогласно провозглашали формулы права. Лагманы пѣли стихи законовъ. Нормы обычнаго права были положены на риѳму и были облечены въ понятную для простонародія форму простыхъ заповѣдей и діалологовъ. Народная юриспруденція была формою народной поэзіи [3]). Символы, жесты, торжественныя слова служили средствами запечатлѣнія въ памяти народа предписаній народнаго права [2]). Формулы мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ, устно передававшіяся изъ поколѣнія въ поколѣніе, съ дополненіями и разъясненіями, собирались лучшими законовѣдами (лагманами) въ сборникахъ, которые послужили матеріаломъ для кодификаціонныхъ работъ XIII и XIV столѣтій, установившихъ тексты мѣстныхъ земскихъ и городскихъ уложеній и, въ свою очередь, послужившихъ исходной точкой и основой при составленіи общихъ уложеній XIV и XV ст. Но кодификація не устранила обычнаго права. Юридическій обычай оставался важнымъ источникомъ права еще долго послѣ появленія мѣстныхъ и общихъ уложеній. Въ теченіе столѣтія, истекшаго со времени составленія перваго проекта общаго уложенія (короля Магнуса Эриксона), до окончательнаго установленія и санкціи общаго уложенія королемъ Христофоромъ въ 1442 г. совершилось замѣтное уравненіе, сближеніе мѣстныхъ правовыхъ нормъ. Исподволь развивалось общее національное шведское право. Это уравненіе и объединеніе было результатомъ внутренняго процесса, главнѣйшимъ, дѣятельнѣйшимъ факторомъ котораго было не перестававшее развиваться обычное право. Со-

---

[1]) О значеніи и характерѣ этой должности см. ниже (главу V).

[2]) О риѳмѣ въ древнихъ шведскихъ законахъ ср. изслѣдованіе. *Линдъ*. О риѳмѣ и стихосложеніяхъ въ шведскихъ земскихъ уложеніяхъ. (Lind. Om rim och verslemningar i de svenska landskapslagarne. Upsala. 1881).

[3]) О символизмѣ въ древнемъ скандинавскомъ правѣ ср. Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer.

ставленіе и утвержденіе общаго уложенія не было внезапнымъ скачкомъ отъ разрозненности и правового раздробленія къ правовому единству. Почва была подготовлена стихійнымъ сростаніемъ юридическихъ обычаевъ.

Въ XVI столѣтіи вновь начинаются кодификаціонныя работы, приведшія въ 1734 — 1736 гг. къ изданію „Общаго уложенія". Правовыя положенія сего уложенія несомнѣнно не вполнѣ совпадаютъ съ нормами уложенія XV ст. Мы встрѣчаемся съ новыми нормами и новыми институтами права. Несомнѣнно, что въ этотъ промежутокъ времени проявилось вліяніе чужихъ, иноземныхъ правъ съ бо́льшею силою, чѣмъ въ эпоху средневѣковую; однако, главными правотворческими факторами и въ XVI, и XVII ст. нельзя не признать юридическій обычай и судейское толкованіе, опиравшееся на народное правовоззрѣніе.

Въ памятникахъ шведскаго права мы встрѣчаемъ вполнѣ оффиціальное признаніе правосозидающей силы обычая. Таковое признаніе имѣется въ „судейскихъ правилахъ" (Domare regler), составленныхъ въ XVI ст., въ царствованіе короля Густава Вазы, по всей вѣроятности однимъ изъ ближайшихъ его сотрудниковъ, Олаусомъ Петри [1]).

Въ § 14 судейскихъ правилъ сказано: „Мѣстный обычай, не заключающій въ себѣ ничего неразумнаго, долженъ быть почитаемъ за законъ, по которому можно судить". „(Landzseedh, nàr hon icke haffuer oskiäl medh sigh, bör reknas for Lagh, ther man effter döma må").

§ 16 гласитъ: „Allmennelige Ordseeder brukas offta för Lagh, hvilka äre och så Lagh, sådane som thesse här effterfölia"...

Т. е. общіе мѣстные обычаи часто принимаются въ качествѣ законовъ и они и суть законы, напр. такіе, какъ нижеслѣдующіе:

---

[1]) Этотъ памятникъ судейской мудрости XVI ст. заключаетъ въ себѣ положенія, которыя доказываютъ, что его сочинитель далеко опередилъ въ своемъ юридическомъ мышленіи современниковъ. Напр., въ § 25 сказано: „...ибо всякое наказаніе имѣетъ цѣлью исправленіе, и наказаніе должно быть по возможности таковымъ, чтобы оно не лишало наказаннаго возможности исправиться" (ty alt Straff bör vara til Förbättring, och straffet bör vara sàdant, om mögeligt är, at thet icke förhindrar honom som straffet warder, til at bättra sigh"). Упомянутыя „Судейскія правила заключаютъ въ себѣ наказъ судьямъ, проникнутый вообще высокогуманнымъ духомъ. Интересующіеся этимъ памятникомъ, владѣющіе шведскимъ языкомъ, найдутъ его напечатаннымъ въ изданіяхъ Общаго Уложенія 1734 г. гг. Шеросъ—Сулинъ, а также въ новѣйшемъ изданіи Уложенія Р. Идестама (1902 г.).

(слѣдуетъ 21 положеніе обычнаго права).

Дальше сказано: „Och monge andra sådana uppenbarlige och allmennelige Ordseder, pläga brukas för Lagh, så at ther må dömas efter. Förty sådana allmenneliga Ordspråk äro såsom andra Regler och en Grund ther Lagen är uthdragen aff, hvilcke en Domare bör wetta“, (т. е. и многіе иные столь же ясные и общепризнанные мѣстные обычаи почитаются за законъ, такъ что на основаніи ихъ можно судъ творить. Ибо таковыя общепризнанныя положенія, подобно другимъ правиламъ, суть основа, изъ которой законъ извлеченъ; они должны быть извѣстны судьѣ“).

Наконецъ, § 20 гласитъ: „Ther man haffuer icke beskriffuen Lagh uppå, ther skal man bruka Landsens skäliga sedvenio för Lag, och döma ther efter“, т. е. „коли не имѣются на извѣстный случай писанные законы, то можно принимать въ качествѣ закона различные мѣстные обычаи и по онымъ судить“. Слѣдовательно, судейскія правила признаютъ юридическіе обычаи: 1) въ качествѣ источника новыхъ правовыхъ нормъ и 2) въ качествѣ субсидіарной нормы права, дополняющей или даже *въ извѣстныхъ случаяхъ* замѣняющей законъ.

Это же начало признано въ уставѣ судопроизводства (Rätte-gångsprocessen) 1615 г. въ королевской резолюціи на прошенія дворянскаго и рыцарскаго сословія 1682 г., и въ формулярѣ судейской присяги 11 Февраля 1689 г.

Такова же точка зрѣнія кодификаторовъ XVIII в. Въ манифестѣ короля Фридриха I отъ 28 Апрѣля 1736 г., предпосланномъ общему уложенію 1734 г., сказано между прочимъ:... король Карлъ XI, нашъ достоуважаемый тесть, призналъ необходимымъ избрать и назначить извѣстныхъ ученыхъ и мудрыхъ людей, коимъ было поручено редактировать уложеніе на ясномъ и общеупотребительномъ шведскомъ языкѣ, исключить изъ онаго все, что болѣе неупотребительно или что благодаря принятымъ добрымъ нравамъ было измѣнено, и на мѣсто онаго внести, что могло быть установлено учрежденіями или законами и постановленіями сейма“.

Донынѣ имѣетъ силу § 11 главы I, отд. о судопроизводствѣ уложенія 1734 г., гласящій: „Судья обязанъ въ достаточной мѣрѣ вникнуть въ истинный разумъ и основаніе закона и, сообразно съ тѣмъ, чинить судъ, а не противъ закона, по собственному произволу. *Мѣстные обычаи, не заключающіе въ себѣ чего либо неразумнаго,* онъ можетъ также принимать въ основаніе своихъ рѣшеній, когда по какому либо предмету не окажется писаннаго

закона". Сила мѣстнаго обычая признается и въ другихъ отдѣлахъ уложенія 1734 г. Такъ напр., въ § 1 главы I, отдѣла о строеніи, въ коей говорится о томъ, какъ отводить мѣсто подъ селеніе и какъ дѣлить усадьбы, — сказано: „Усадебное мѣсто должно быть надѣлено каждому двору въ селеніи, соотвѣтственно числу окладныхъ единицъ, количеству оброка или по величинѣ земельныхъ участковъ, *соображаясь во всемъ съ древнимъ обычаемъ каждой мѣстности* касательно измѣренія и исчисленія, или съ тѣмъ, какъ впредь можетъ быть установлено".

Обычное право имѣло и имѣетъ значеніе не только въ области гражданскаго матеріальнаго и процессуальнаго права (и права торговаго). Его сила проявляется также въ области права административнаго. Въ настоящее время, конечно, въ этой области его сила ослабѣла и значеніе его сузилось въ виду того, что писанный законъ захватилъ все болѣе широкія отрасли общественной жизни, регламентируя ихъ своими систематически связанными воедино нормами. Но въ былое время въ шведско-финляндскомъ административномъ правѣ нормы обычнаго права играли очень замѣтную роль. Цѣлый рядъ правоположеній имѣлъ своимъ источникомъ обычай, укоренившійся въ данной мѣстности, и административную практику, введенную дѣятельностью органовъ управленія (напр., способы раскладки повинности ямской гоньбы, содержанія дорогъ, способы и основы измѣренія податной силы различныхъ категорій земель въ различныхъ округахъ). Почти каждая область, каждый уѣздъ въ Финляндіи имѣлъ свою особую камеральную инструкцію. (Kamerala undervisning.). Эти мѣстныя камеральныя инструкціи имѣли силу до 40-хъ годовъ XIX ст. Реформа оброкоположенія 1840 года совершена на основаніи этихъ мѣстныхъ обычно-правовыхъ финансовыхъ нормъ. Проф. Германсонъ въ своихъ лекціяхъ по административному праву замѣчаетъ: „Естественно, что значеніе обычая въ качествѣ источника права уменьшается по мѣрѣ того, какъ законодательство упорядочиваетъ отношенія. Но, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, фактически у насъ (въ Финляндіи) имѣютъ силу закона многія положенія, не смотря на то, что ихъ значеніе основано не на законодательныхъ мѣрахъ. Предположенія, на основаніи коихъ въ области административнаго права обычно-правовая норма можетъ быть признана имѣющей силу, тѣ же, что и въ другихъ сферахъ права, а именно: 1) норма должна быть дѣйствительно соблюдаема съ извѣстнымъ постоянствомъ и 2) это соблюденіе должно совершаться „opinione juris",

т. е. съ убѣжденіемъ, что мы обязаны дѣйствовать въ согласіи съ данной нормой"... [1]).

Обычай былъ не только творцомъ непосредственно нормировавшихъ общественную жизнь шведовъ и финовъ правовыхъ нормъ, онъ былъ также источникомъ писанныхъ законовъ (skrifven lag, lex scripta). Конецъ XIII и начало XIV ст., т. е. эпоха, подарившая Швеціи и Финляндіи упроченную политическую и общественную организацію, — была также эпохою собиранія и закрѣпленія на письмѣ мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ. Обычай дѣлитъ свое господство съ писаннымъ закономъ. Терминъ lag (отъ слова laeggia, положить, установить) въ древнее время означалъ: 1) право въ объективномъ смыслѣ, и 2) передавалъ понятіе „справедливость", rättvisa. Въ первомъ смыслѣ слово lag не съ самаго начала означало правоположеніе, оффиціально, формальнымъ образомъ санкціонированное законодателемъ. И обычай назывался подчасъ словомъ „lag". Но постепенно, по мѣрѣ того, какъ образовалось все большее

---

[1]) Въ качествѣ примѣра тому, какъ административная практика и административное обычное право въ Финляндіи создаютъ или расширяютъ компетенцію органовъ управленія безъ точной законодательной нормировки, можно привести слѣдующее: Отдѣлъ о взысканіи уложенія 1734 г. въ сущности нормируетъ функціи губернатора лишь въ качествѣ органа взысканія по дѣламъ гражданскимъ и въ качествѣ исполнителя судебныхъ рѣшеній. Это явствуетъ изъ § 1 главы I означеннаго отдѣла, гласящаго: „Губернаторъ обязанъ пещись объ управленіи всѣми экзекуціонными дѣлами съ прилежаніемъ и ревностью, не преграждая ни богатому, ни бѣдному пути къ достиженію правъ своихъ и не оставляя никого безъ помощи".

Если читать всѣ §§ этой главы въ непосредственной связи, то станетъ яснымъ, что ratio legis направлена на снабженіе губернатора экзекуціонной и штрафной властью въ интересахъ исполненія судебныхъ рѣшеній и обезпеченія гражданскихъ взысканій. Таковъ несомнѣнно смыслъ § 9 означенной главы, гласящаго: „Приказанію губернатора въ дѣлахъ по должности обязаны всѣ повиноваться, и онъ властенъ, если найдетъ къ тому причину, назначить денежную пеню за неисполненіе онаго или велѣть упорствующаго привести къ себѣ, либо запретить ему выѣздъ изъ мѣста, гдѣ онъ находится. Если же онъ, несмотря на то, уѣдетъ, то слѣдуетъ воротить его и штрафовать 20 талерами. Въ этихъ и другихъ тому подобныхъ случаяхъ Губернаторы должны оказывать другъ другу взаимную помощь; если же кто сего не сдѣлаетъ, то подвергается за это отвѣтственности". — Между тѣмъ административная практика истолковала эту статью въ томъ смыслѣ, что губернаторы на основаніи этихъ статей имѣютъ право налагать денежные штрафы за неисполненіе административныхъ распоряженій, притомъ въ неограниченномъ размѣрѣ.

Такое толкованіе явно противорѣчитъ духу правомѣрности, коимъ проникнуто административное право Финляндіи, заимствованное изъ Швеціи. Обычай побѣдилъ ratio legis, и ему нынѣ подчиняется и communis opinio doctorum. Новый уставъ о взысканіи 1895 г. почти дословно повторяетъ указанныя выше положенія.

и большее количество сборниковъ мѣстныхъ „leges consuetudinis“, терминъ lag сдѣлался выраженіемъ понятія: писанный, формально санкціонированный и провозглашенный законъ, притомъ законъ, содержащій въ себѣ обыкновенно не только единичную норму, регулировавшую какое либо спеціальное, индивидуальное отношеніе, но совокупность однородныхъ или близко другъ къ другу стоящихъ бытовыхъ отношеній. Слово lag начало означать „систему правовыхъ нормъ“. Параллельно съ этимъ развитіемъ понятія „lag“ шло другое, введшее въ это понятіе новый моментъ.

Для установленія общеобязательныхъ правовыхъ нормъ, касающихся главнѣйшихъ сторонъ гражданской жизни, или нормъ, въ силу коихъ на гражданъ налагались повинности въ пользу общую, въ пользу государства, объединившаго въ одно цѣлое разрозненныя ранѣе области (landskap), требовалось согласіе свободныхъ поселянъ (odalbonde) различныхъ степеней достатка или ихъ уполномоченныхъ представителей. Таковое согласіе давалось или на общихъ вѣчахъ, или на вѣчахъ мѣстныхъ, собиравшихся въ каждой области. Лишь такое правоположеніе или такая совокупность нормъ, на изданіе коихъ дано согласіе свободныхъ и полноправныхъ шведовъ, — получили названіе „lag“. Но уже довольно рано, вѣроятно съ XII столѣтія, но несомнѣнно съ XIII ст., король, представитель государственнаго единства состоявшихъ въ союзѣ другъ съ другомъ областей, — имѣлъ право, въ качествѣ мира и права высшаго хранителя, издавать отъ себя указы, повелѣнія, имѣвшіе силу законовъ, направленные на обезпеченіе и охрану общественной безопасности и благоустройства. Слѣдовательно, мы имѣемъ двѣ области развитія писаннаго права: 1) первая область, это т. н. *общее законодательство,* заключавшее въ себѣ законы, касавшіеся всѣхъ и съ согласіемъ всѣхъ (конечно только полноправныхъ поселянъ) издававшіеся,—„allmän lagstiftning“, и 2) вторая область, т. н. королевское, административное законодательство, впослѣдствіи называвшееся экономическимъ законодательствомъ, (ekonomisk lagstiftning), — обнимающее законы административные, полицейскіе. Конечно, нельзя ожидать строгаго и послѣдовательнаго проведенія ясныхъ границъ между этими двумя законодательными областями. Границы эти отодвигались въ ту или другую сторону, въ зависимости отъ измѣнявшихся взглядовъ на предметы дѣятельности „доброй полиціи“, на обязанности власти, интересы народа, а также въ зависимости отъ фактическаго распредѣленія политическихъ силъ.

Разсмотримъ развитіе и ростъ правовыхъ источниковъ, относящихся къ этимъ двумъ областямъ писаннаго права.

I. *Общее законодательство.* Въ первыя столѣтія своей исторіи Швеція представляетъ собою двѣ демократическія федераціи областей, во главѣ которыхъ стояли выборные корольки: Гетскія области, составлявшія государство Гаутіодъ, и Свейскія области, составлявшія государство Свитіодъ. Послѣ столѣтней борьбы свейская федерація принудила гетскую федерацію къ соединенію въ одну общую государственную федерацію.

Каждая область въ свою очередь была союзомъ сотенъ (härad); каждая сотня или округъ—союзомъ родовъ (ätt, slägt), во главѣ которыхъ стояли свободные домохозяева — поселяне (husfäder, odalmän, bönder). Каждый родъ представлялъ собой нѣчто юридически цѣлое, какъ въ отношеніи родового имущества, такъ и въ отношеніи родственной защиты, помощи и солидарной отвѣтственности.

Во главѣ каждой области въ первую эпоху шведской исторіи стояли мелкіе выборные короли (fylkis konungar), замѣненные послѣ усиленія центральной власти упсальскаго короля (бывшаго главой области Упландъ) лагманами и гевдингами. Лагманъ (lagman) былъ избранникомъ народа, гевдингъ (höfding) былъ посаженъ королемъ. Первый былъ представителемъ демократическаго элемента въ государственномъ строѣ, второй — представителемъ элемента монархическаго (ср. Науманъ. Государственное право Швеціи; Sveriges statsförfattningsrätt. I, 1, стр. 6 и 8). Въ каждой области союзы родовъ жили подъ охраной своихъ мѣстныхъ юридическихъ обычаевъ, охранявшихся и развивавшихся, какъ сказано выше, лагманами и мѣстными судебными вѣчами. По мѣрѣ развитія общественной жизни назрѣвала и необходимость консолидаціи и точнаго редактированія положеній обычнаго права. Устная передача изъ поколѣнія въ поколѣніе въ семьяхъ извѣстныхъ и высоко чтимыхъ законовѣдовъ признавалась недостаточной. Въ составленномъ канцеляръ-коллегіей предисловіи къ уложенію 1734 г. начало консолидаціи и кодификаціи областныхъ обычныхъ правъ передано нѣсколько легендарно слѣдующимъ образомъ: во время правленія первой королевской династіи Инглинговъ, пришедшей въ Швецію изъ Азіи и воцарившейся въ ней до Р. Х., древніе областные законы подвергались измѣненію, благодаря вліянію королей, подъ охраною которыхъ они сохранились и дѣйствовали 600 лѣтъ. Послѣдній изъ королей означенной династіи, король Ингьялдъ, побѣдившій мелкихъ

королей въ областяхъ и присоединившій ихъ владѣнія къ владѣніямъ упсальскаго короля, пришелъ къ убѣжденію о необходимости создать изъ мѣстныхъ законовъ одно общее уложеніе для всего государства. Онъ поручилъ одному довѣренному мудрому мужу, Вигеръ Спа, объединить эти законы въ одно цѣлое. Сборникъ, составленный означеннымъ законовѣдомъ, назывался „Статьями Вигера" (Vigers flockar). Сей сборникъ послужилъ основаніемъ для упландскаго уложенія, составленнаго 700 лѣтъ спустя, съ согласія короля Биргера Магнусона, законовѣдомъ Биргеромъ Персономъ при содѣйствіи 12 другихъ законовѣдовъ. Послѣ долгихъ обсужденій оно принято было народомъ и утверждено королемъ. Между тѣмъ остальныя области Гаутіода и Свитіода сохранили свои собственные мѣстные законы, установленные еще въ древнѣйшія языческія времена, а затѣмъ, по принятіи христіанства, исправленные королями и лагманами и очищенные отъ языческихъ суевѣрій и несообразностей. — Новѣйшія изслѣдованія шведскихъ историковъ и юристовъ (въ особенности Шлитера) доказали погрѣшности въ исторіографіи кодификаторовъ 1734 г. Личность короля Ингьялда — сказочна; едва ли къ его царствованію (VII ст.) относится собирательная и редакціонная дѣятельность мудраго Вигеръ Спа. Самые древніе сборники мѣстныхъ уложеній относятся къ XII ст. Извѣстно, что во всей Европѣ въ XIII и XIV ст проявлялось стремленіе къ собиранію, упорядоченію и обновленію устарѣвшихъ законовъ. Юриспруденція ожила. Это движеніе передалось въ Швецію, въ которой въ тѣ вѣка царствовала блестящая династія Фолькунговъ. Въ эту эпоху, въ промежутокъ 160 лѣтъ, начиная приблизительно съ 1180 г. и до 1340 г., и составлены тѣ своды мѣстныхъ законовъ, которые сохранились донынѣ, но это, конечно, не исключаетъ возможности, что имъ предшествовали другіе своды, до насъ не дошедшіе. Однако, на возможности нельзя строить выводы въ исторіи права.

Дошедшіе до насъ сборники и своды не всѣ имѣютъ для насъ одинаковый интересъ, если смотрѣть исключительно съ точки зрѣнія исторіи развитія права въ Финляндіи. Но общій обзоръ ихъ небезполезенъ.

Мѣстныя уложенія и своды могутъ быть раздѣлены на 3 группы. 1) первую группу составляютъ уложенія Гетскія (Götalagar). Къ нимъ относятся: Вестерготландское уложеніе въ двухъ редакціяхъ. Первая относится къ концу XIII столѣтія. По преданію, уже въ языческое время законы Вестерготландіи собраны были

лагманомъ Лумберомъ, а затѣмъ въ началѣ XIII ст. работа Лумбера была пересмотрѣна и исправлена лагманомъ Эскилъ. Младшая редакція Вестерготландскаго закона относится къ началу XIV ст. (Она т.е. младшая редакцияВестерготландскаго уложенія, вдвое объемистѣе первой[1]). 2) Остготландское уложеніе относится къ началу XIV ст. Отъ 3-го Смоландскаго уложенія (конца XIII или начала XIV ст.) сохранился только отдѣлъ королевскій (Konunga balken). Не дошли до насъ уложенія 2-хъ гетскихъ областей, Вермландіи и Нерике.

Вторую группу мѣстныхъ уложеній составляютъ уложенія и сборники, относящіеся къ Южной Швеціи и острову Готланду. Эти мѣстныя уложенія стоятъ въ близкой связи съ датскими и нѣмецкими сборниками законовъ XIII и XIV ст. Сюда принадлежатъ: Шоненское уложеніе (оно еще въ средніе вѣка было издано на латинскомъ языкѣ епископомъ Андерсъ Сунесонъ), Шоненское городское и церковное уложеніе, уложеніе Готландское (Gutalag), городское уложеніе города Висби и морское уложеніе Висби.

Наконецъ, къ 3-ей группѣ относятся свейскія уложенія (Svealagar). Древнѣйшее и главнѣйшее изъ нихъ Упландское уложеніе, затѣмъ слѣдуютъ: Зедерманландское уложеніе, Вестманландское уложеніе (въ двухъ редакціяхъ), Гельсингенское уложеніе и древнѣйшее городское уложеніе (Biörkörätt) Стокгольма. Всѣ эти уложенія относятся къ концу XIII и первой половинѣ XIV ст.

Уложенія дѣлятся на отдѣлы (balkar), отдѣлы на статьи или стихи (flokkar)[2]).

---

[1]) Къ Вестерготландскому уложенію относятся также эксцепты и примѣчанія монаха Лидекина и неизвѣстнаго автора.

[2]) Отдѣлъ уложенія называется „balk"—бревно, доска, потому что первоначально каждый отдѣлъ былъ врѣзанъ руническимъ письмомъ въ продолговатое бревно или полированную доску. Какъ упомянуто въ указанномъ выше предисловіи, эти „доски" сохранялись въ церквахъ или въ иныхъ общественныхъ зданіяхъ, прикрѣпленныя къ столбамъ желѣзными цѣпями.

Слово „Flokkar" на древнемъ скандинавскомъ языкѣ означало коротенькій стихъ. Отдѣльныя законоположенія первоначально, какъ указано выше, имѣли форму короткихъ стихотвореній. Къ этимъ стихамъ, которые цитировались лагманами на вѣчахъ, эти же законовѣды, лагманы, прибавляли объясненія и добавки въ прозѣ.

По мѣрѣ развитія общественнаго строя и исчезновенія первоначальной простоты жизни, эти добавки въ прозѣ возрастали въ числѣ и значеніи и, наконецъ, почти совсѣмъ поглотили поэтическіе тексты. Сохранились лишь немногіе его слѣды.

Въ виду малаго распространенія шведскаго, а тѣмъ болѣе старо-шведскаго языка, укажемъ латинскія изданія важнѣйшихъ мѣстныхъ уложеній.

Скажемъ нѣсколько словъ о построеніи земскихъ и городскихъ уложеній [1]). Для примѣра возьмемъ два изъ Свейскихъ уложеній и одно Гетское. Какъ уже сказано выше, всѣ уложенія дѣлятся на отдѣлы (balkar), отдѣлы на статьи (flokkar). Каждая статья имѣетъ свое особое заглавіе. Распредѣленіе матеріала по отдѣламъ и названіе ихъ весьма различны. Остготландское земское уложеніе дѣлится на слѣдующіе отдѣлы: церковный (отдѣлъ Kristnubalken), отдѣлъ о нарушеніи королевскаго мира (Edsörebalken), отдѣлъ о проступкахъ и вирахъ (Drapabalken), отдѣлъ о насильственныхъ дѣйствіяхъ (Uatamal och saramalbalken), отдѣлъ о бракѣ (Giftobalken), отдѣлъ о наслѣдствѣ (Aerfdabalken), отдѣлъ о продажѣ движимой собственности (Uinsorpabalken), отдѣлъ о судопроизводствѣ (Raefstabalken) и, наконецъ, отдѣлъ о строеніи (Bygdabalken), т. е. объ общинной жизни и общинномъ пользованіи землями и угодьями [2]).

Вестерготландское уложеніе переведено на латинскій языкъ въ 1663 г. Локценіемъ; неполный латинскій переводъ того же уложенія изданъ въ 1812 — 1822 г. Брингомъ. Остготландское уложеніе переведено на латинскій языкъ въ 1700 г. (Рудбекомъ и Локценіемъ). Вестманландское (Далсландское) и Зедерманландское уложеніе переведены на латинскій языкъ Локценіемъ въ концѣ XVII ст. Готландское уложеніе переведено на нѣмецкій языкъ въ 1818 г. профессоромъ Шильденеромъ. Выше указанъ французскій переводъ Вестерготландскаго уложенія, изданный Бошé (Beauchet).

[1]) Въ предисловіи къ уложенію 1734 г. сказано: „Эти различныя областныя уложенія король Магнусъ Эриксонъ въ XIV столѣтіи приказалъ въ удобномъ и общемъ для всего государства уложеніи собрать и сводить. Но, благодаря различнымъ препятствіямъ, чинимымъ папскимъ духовенствомъ, дѣло затормозилось и остановилось, и по сему вновь возобновились общія жалобы, что списки древнихъ уложеній, кои отчасти рунами, отчасти обыкновенными буквами были писаны или врѣзаны въ деревянныя доски и сохранялись прикрѣпленныя цѣпями въ церквахъ или въ иныхъ общественныхъ зданіяхъ, а также въ частныхъ домахъ, благодаря многому несходству, привели къ различнымъ недоразумѣніямъ, а посему король Христофоръ въ 1442 г. былъ принужденъ означенное выше уложеніе, купно съ различными въ промежутокъ времени изданными новыми законоположеніями, собрать въ одно общее уложеніе и кодексъ и, согласно перемѣнамъ времени и потребностямъ государства, согласить и обновить".

[2]) Замѣтимъ здѣсь же, что отдѣлъ о строеніи обнималъ въ болѣе новыхъ законахъ болѣе широкую область явленій общественной жизни. Слово byggning, byggda означаетъ уже въ эпоху уложеній (общихъ) не только строеніе на общинныхъ земляхъ (aedificatio, reparatio, aedificium), но и земледѣліе, обработку земли, cultura terrae или устройство связаннаго съ землевладѣніемъ хозяйства, а также сдачу земель въ аренду. Слово byggning соотвѣтствуетъ отчасти понятію: строеніе земли и домостроительство.

Свейскія земскія уложенія имѣютъ менѣе дробное дѣленіе. Какъ Упландское, такъ и Гельсингенское уложенія, дѣлятся на 8 отдѣловъ: церковный (Kyrkiubalken), отдѣлъ о королѣ (Kununxbalkeu), отдѣлъ о наслѣдствѣ (Aerfdabalken), отдѣлъ о нарушеніи общественнаго мира (Manhaelgisbalkeu), отдѣлъ о недвижимости (Iordabalken), отдѣлъ о торговлѣ (Kœpmalæbalken), отдѣлъ о сосѣдской жизни (Vidherbobalken) и отдѣлъ о судопроизводствѣ (Tingmalæbalken). Чѣмъ обусловлено это отдѣленіе и распредѣленіе по отдѣламъ юридическаго матеріала? Идея, лежащая въ основѣ этого дѣленія, слѣдующая. Основаніемъ всей общественной жизни является христіанская вѣра и церковь, а посему впереди поставленъ отдѣлъ о церкви, о ея служителяхъ, о ихъ правахъ и обязанностяхъ, о повинностяхъ, отбываемыхъ въ ихъ пользу, и т. д. Хранителемъ свѣтскаго спокойствія и мира, хранителемъ законовъ и блюстителемъ правъ духовнаго церковнаго общенія является свѣтская власть короля, а посему за церковнымъ отдѣломъ слѣдуетъ отдѣлъ о королѣ и его органахъ, его правахъ и обязанностяхъ, и о повинностяхъ въ пользу свѣтскаго управленія. Подъ духовнымъ руководствомъ церкви и свѣтской охраной короля живетъ гражданское общество свободныхъ гражданъ (odalbonde). Основой ихъ жизни является, семья, связывающая смѣняющіяся поколѣнія наслѣдственной передачей унаслѣдованныхъ же правъ и имуществъ, а посему третій отдѣлъ посвященъ семейственному и наслѣдственному праву. Миръ семейнаго и домашняго очага охраняется, по завѣтамъ церкви и по королевскому приказанію, такъ называемымъ королевскимъ миромъ, обезпеченнымъ угрозами наказанія противъ нарушителей, а потому четвертый отдѣлъ содержитъ статьи объ охранѣ мира; вещественной основой общественной и домашней семейной жизни является собственность, прежде всего недвижимая, о коей трактуетъ отдѣлъ о недвижимости, а затѣмъ движимая, легче переходящая изъ рукъ въ руки, не связанная въ своемъ движеніи правомъ выкупа, родовымъ и сосѣдскимъ; она охраняется правилами о куплѣ — продажѣ, о ней трактуетъ отдѣлъ о торговлѣ. Но семья и бракъ, наслѣдство и собственность поставлены въ общій кругъ общественной жизни области, нѣкогда заселенной родами одного и того же племени, а затѣмъ построившей свою экономическую жизнь на основахъ общиннаго землевладѣнія и пользованія нераздѣльными угодьями на сушѣ и на водѣ. Объ этой общинной жизни трактуетъ отдѣлъ о сосѣдской жизни. Наконецъ, вѣнцомъ всего строя является правильная, на глазахъ народа совершающаяся

защита правъ передъ судомъ и гласное судоговореніе надъ нарушителями мира. А посему послѣдній отдѣлъ и посвященъ суду и процессу. Вотъ схема построенія земскихъ законовъ Свейскихъ областей. Близка къ ней схема уложеній XIV и XV ст. и уложенія 1734 г., хотя другъ за другомъ отпали первые два отдѣла: 1) церковный, сперва вслѣдствіе протеста католической церкви, а затѣмъ въ виду совершившейся самостоятельной кодификаціи церковнаго права въ 1686 г., и 2) королевскій отдѣлъ, въ виду совершеннаго измѣненія характера королевской власти и появленія т. н. формъ Правленія. Эту схему нельзя упрекнуть въ произвольности; она вытекаетъ изъ глубины народной жизни и понятій народа объ элементахъ общественнаго строя. Про нее можно сказать то, что одинъ нѣмецкій экономистъ (Knies) сказалъ про древне-германскія установленія до рецепціи римскаго права. „Sie haben einen erdigen Beigeschmack“ (имъ присущъ запахъ родной почвы) [1]).

---

[1]) Комитетъ для провѣрки работъ по кодификаціи финляндскихъ законовъ, исполненныхъ учрежденной въ 1835 г. комиссіей, въ 1843 г. писалъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ слѣдующее о характерѣ и системѣ уложенія 1734 г. и древнихъ областныхъ уложеній. „Общее уложеніе содержитъ въ себѣ основныя нормы гражданскаго общежитія, въ особенности опредѣленія правовыхъ отношеній въ семьѣ, въ управленіи недвижимымъ и движимымъ имуществомъ, въ дѣлѣ наказанія преступленій и упорядоченія судопроизводства. Это общее уложеніе въ своей настоящей формѣ въ эпоху, когда Финляндія была соединена съ королевствомъ Швеціей, было одобрено и принято государственными чинами на общемъ сеймѣ въ 1734 г., а затѣмъ утверждено къ примѣненію въ 1736 г. Но происхожденіе и дѣйствующая сила разработанныхъ въ немъ правоположеній ведетъ свое начало отъ временъ, отдѣленныхъ отъ насъ вѣками. Когда Финляндія, по свидѣтельству исторіи, въ XII, XIII и XIV столѣтіяхъ была завоевана шведскими королями, то послѣдніе, вводя христіанство и культуру, ввели и законъ, и гражданскій правопорядокъ въ среду малокультурныхъ жителей Финляндіи, коимъ до того времени не доставало выгодъ организованнаго общественнаго строя. И этотъ законъ, это право, насажденное въ жизнь народа одновременно съ сѣменами культуры, въ теченіе временъ укоренилось въ немъ и нынѣ совсѣмъ срослось съ духомъ и воззрѣніемъ народнымъ. Оно вмѣстѣ съ тѣмъ воспитало въ немъ то глубокое уваженіе къ праву и закономъ установленному порядку, которое составляетъ отличительную характерную черту финскаго народа. Къ числу обусловившихъ это явленіе причинъ несомнѣнно прежде всего нужно причислить тотъ фактъ, что упомянутое уложеніе не только по содержанію своему соотвѣтствовало потребностямъ народнымъ, но, благодаря своей популярной формѣ, преимущественно было приспособлено къ пониманію простонародья. И первоначально это законодательство исходило изъ обычаевъ, записанныхъ въ отдѣльности судьями и затѣмъ утвержденныхъ правителями. Благодаря своему происхожденію, законодательство уже въ самомъ своемъ началѣ приняло форму собранія правилъ, приспособленныхъ къ практиче-

Какъ только что сказано, эта старинная систематизація, основанная не на отвлеченныхъ логическихъ категоріяхъ юридической мысли, а на группировкѣ, такъ сказать, цѣльныхъ картинъ общественной жизни, сохранилась до новѣйшаго времени, хотя уже съ XVI столѣтія система народнаго права начинаетъ колебаться.

скому употребленію въ народѣ, и впослѣдствіи оно постоянно сохраняло эту тенденцію и природу, не смотря на то, что оно, благодаря различнымъ постановленіямъ, было развито сообразно требованіямъ времени и новыхъ правовыхъ положеній.

Если уложеніе Финляндіи, образовавшееся такимъ путемъ, не носитъ на себѣ отпечатка научныхъ теорій, послужившихъ основою для различныхъ новыхъ законодательныхъ памятниковъ нашего времени, то всетаки его цѣнность и въ отношеніи формальномъ остается крупною и многозначащею, ибо оно въ небольшомъ объемѣ просто свело въ одно цѣлое общія правоположенія постоянно, въ теченіе долголѣтняго примѣненія, ставшія понятными и вошедшія въ употребленіе не только въ средѣ законовѣдовъ, но и въ средѣ простого сельскаго населенія и иныхъ обывателей. Форма, по которой составлено уложеніе, состоитъ именно въ томъ, что его постановленія по существенно-различному качеству предметовъ подведены подъ извѣстные отдѣлы „Balkar", краткія по возможности заглавія которыхъ (брачный отдѣлъ, отдѣлъ о наслѣдствѣ, отдѣлъ о недвижимости, отдѣлъ о строеніи, отдѣлъ о торговлѣ, отдѣлъ о преступленіяхъ, отдѣлъ о наказаніяхъ, отдѣлъ о взысканіи и отдѣлъ о судопроизводствѣ) ясно передаютъ содержаніе и этимъ путемъ руководятъ каждаго при изученіи уложенія, постановленій и предписаній законовъ. Такимъ же способомъ въ составѣ каждаго отдѣла отдѣльныя постановленія сведены въ главы и статьи, какъ того требуютъ природа вещей и связь ихъ, съ точки зрѣнія практической. Если мы желаемъ изслѣдовать внутреннюю основу построенія указанныхъ отдѣловъ уложенія и ихъ внутреннюю связь, то оказывается, что все цѣлое проникнуто глубоко продуманной идеей. Исходнымъ пунктомъ при сопоставленіи законовъ о гражданскомъ общежитіи вполнѣ основательно является семья, ибо первоначально государство является ни чѣмъ инымъ, какъ соединеніемъ семействъ въ предѣлахъ извѣстной территоріи. И такъ какъ семья устанавливается бракомъ, то законодательство, касающееся правоотношеній семьи, сведено въ первомъ отдѣлѣ уложенія подъ заглавіемъ „Отдѣлъ о бракѣ". Но такъ какъ, согласно естественному порядку вещей, существованіе и дѣятельность каждаго члена семьи должны же прекратиться, то слѣдующій отдѣлъ, отдѣлъ о наслѣдствѣ, даетъ указанія относительно того, что станется съ оставшимся послѣ умершаго имуществомъ, и кому будетъ поручено попеченіе, буде онъ оставитъ послѣ себя малолѣтнихъ дѣтей. Другой элементъ, входящій въ понятіе государства, есть земля, на которой укоренилась семья, о ней и о правилахъ распоряженія ею трактуетъ отдѣлъ о недвижимости, а о хозяйственномъ управленіи и сосѣдскихъ отношеніяхъ въ предѣлахъ общины говорится въ отдѣлѣ о строеніи. Затѣмъ въ отдѣлѣ о торговлѣ выясняются правовыя начала веденія торговли, въ качествѣ промысла, трактуется о переходѣ изъ рукъ въ руки движимости и о различныхъ иныхъ договорахъ, имѣющихъ мѣсто въ гражданскомъ общежитіи. Съ другой точки зрѣнія, не менѣе важной, чѣмъ первая, общежитіе разсматривается въ отдѣлѣ о преступленіяхъ, въ коемъ опредѣляется отвѣтственность за преступныя дѣйствія вообще; въ связи съ этимъ отдѣлъ о наказаніяхъ ука-

Изъ указанныхъ выше мѣстныхъ уложеній насъ, занимающихся судьбой шведскаго права въ Финляндіи, всѣхъ больше интересуютъ два уложенія: Упландское и Гельсингенское (Гельсингеландское). Родиной шведскихъ колонистовъ, заселявшихъ Финляндію (по крайней мѣрѣ южную и югозападную Финляндію), были преимущественно двѣ области средней Швеціи: Упландія и Гельсингеландія. Вмѣстѣ съ переселенцами изъ этихъ областей переселились въ Финляндію и дѣйствовавшія въ упомянутыхъ областяхъ мѣстныя права.

Выше сказано про преданіе, согласно которому еще въ языческое время лагманъ Вигеръ собралъ въ одно цѣлое положенія Упландскаго обычнаго права. Какъ сказано въ торжественномъ утвержденіи (confirmatio) Упландскаго уложенія, въ концѣ XIII ст., Лагманъ Тіундаскаго округа Упландіи Биргеръ Персонъ, при содѣйствіи комиссіи изъ 12 довѣренныхъ лицъ (въ комиссію вошли: одинъ пробстъ изъ Упсала, лагманъ округа Аттунда, одинъ мѣстный судья, наконецъ, рыцари и иные знатные поселяне), провѣрилъ и дополнилъ сборникъ Вигера. Трудъ Персона и товарищей былъ прочитанъ на вѣчѣ въ Упсалѣ, одобренъ народомъ и, наконецъ, утвержденъ королемъ Биргеромъ Магнусономъ въ 1296 г. Схема Упландскаго уложенія слѣдующая: Упландское уложеніе содержитъ въ себѣ: Утвержденіе короля Биргера Магнусона (confirmatio), введеніе, отдѣлъ о церкви (въ XXII главахъ); отдѣлъ о королѣ (въ XII главахъ); отдѣлъ о наслѣдствѣ (въ XXV главахъ); отдѣлъ о преступленіяхъ (въ LIV главахъ); отдѣлъ о недвижимостяхъ (въ XXIII главахъ); отдѣлъ о торговлѣ (въ XL главахъ); отдѣлъ о сосѣдской жизни (въ XXIX главахъ) и отдѣлъ о судѣ (въ XIV главахъ). Затѣмъ слѣдуютъ въ изданіи Шлитера нѣсколько дополнительныхъ статей (additamenta). Область Гельсингеландъ самая младшая изъ областей Швеціи, какъ съ точки зрѣнія культурно-исторической, такъ и съ точки зрѣнія административно-организаціонной. Уложеніе этой области самое младшее изъ всѣхъ мѣстныхъ уложеній. Оно составлено въ дошед-

---

зываетъ порядокъ, коимъ преступникъ долженъ быть содержимъ въ мѣстѣ заключенія, и коимъ наказаніе должно быть приведено въ исполненіе. Наконецъ, отдѣлы о взысканіи и судопроизводствѣ предписываютъ тотъ порядокъ, коимъ долговыя требованія и иныя права должны быть предъявлены передъ органами взысканія и общими судебными мѣстами, и какимъ образомъ рѣшеніе и приговоръ должны быть приведены въ исполненіе". (Ср. сочиненіе Пальмена „Исторія новаго свода законовъ." „Det nya Lagverkets historia" въ „Юридическомъ Альбомѣ", изд. Лагуса 1862 г. II, стр. 3—5).

шей до насъ формѣ и текстѣ не раньше 1320 г. и не позже 1347 г. (по тщательному изслѣдованію Лиліенстранда). При этомъ нужно замѣтить, что оно никогда не получало формальной королевской санкціи.

Схема Гельсингеландскаго уложенія слѣдующая: Гельсингеландское уложеніе распадается на 8 отдѣловъ: 1) отдѣлъ о церкви (XXI глава); 2) отдѣлъ о королѣ (XI главъ); 3) отдѣлъ о наслѣдствѣ (XVI главъ), 4) отдѣлъ о преступленіяхъ (XXXVIII главъ); 5) отдѣлъ о недвижимостяхъ (XVII главъ); 6) отдѣлъ о торговлѣ (VII главъ); 7) отдѣлъ о сосѣдской жизни (XXIV главъ) и 8) отдѣлъ о судѣ (XV главъ). Передъ первымъ отдѣломъ помѣщено краткое введеніе.

Были ли эти мѣстныя уложенія единственнымъ писаннымъ дѣйствующимъ правомъ въ Финляндіи до появленія общихъ уложеній, и если да, то въ какомъ смыслѣ?

Установленію и упроченію правопорядка въ Финляндіи содѣйствовала не только свѣтская, но и духовная власть. Католическіе епископы появились въ Финляндіи уже съ перваго времени завоеванія; свѣтскіе, гражданскіе и военные начальники не ранѣе конца XIII ст.[1]) Первою цѣлью завоеванія Финляндіи было введеніе христіанства; цѣль была религіозная, а потому упорядоченіе внутренняго строя покореннаго края было естественно главною заботою не столько свѣтскихъ, сколько духовныхъ властителей. Нужно имѣть въ виду, что духовенство жило по своему собственному спеціальному праву, праву каноническому. Каноническое право не было только правомъ церковнымъ въ узкомъ смыслѣ слова. Оно своими положеніями глубоко вторгалось въ гражданскія отношенія, коль скоро того требовали догматы католической церкви. Съ другой стороны каноническое право открыто предписывало духовнымъ властямъ соблюдать, уважать и терпѣть всѣ народные юридическіе обычаи, права и привычки, коль скоро они не противорѣчили явно церковномъ требованіямъ и правиламъ. Если мы примемъ во вниманіе эти характерныя отношенія католической церкви къ мѣстному праву, то намъ станетъ яснымъ, какое значеніе имѣли различныя юридическія нормы и источники права въ малоразвитой гражданской жизни. Слуги церкви и представители церковной власти едва ли нуждались въ шведскомъ правѣ. Въ Швеціи самой они даже не особенно дружелюбно относились къ развитію и упро-

1) Ср. указанныя выше сочиненія Лиліенстранда и Нордстрема.

ченію общаго шведскаго писаннаго права, да и правовые вопросы, возникавшіе въ покоренной Финляндіи, не были еще настолько сложны, чтобы они не могли быть рѣшены удовлетворительно при помощи положеній каноническаго права или по указаніямъ мѣстнаго обычнаго права.—Лишь къ концу XIII и къ началу XIV ст., когда свѣтскія должностныя лица взяли въ руки крупную часть управленія Финляндіи, шведское право получило болѣе широкое примѣненіе въ покоренной области, какъ въ сферѣ суда, такъ и въ сферѣ администраціи (впрочемъ, тогда едва ли разъединенныхъ). Нельзя, впрочемъ, опредѣлить, который изъ мѣстныхъ шведскихъ законовъ получилъ дѣйствительно оффиціальную силу и признаніе, который нѣтъ. По всей вѣроятности, дѣло обошлось слѣдующимъ образомъ. Каждый начальникъ приносилъ изъ Швеціи тѣ законы и права, которые были ему знакомы по родинѣ и происхожденію. Упландецъ — приносилъ упландское право, зедерманландецъ — зедерманландское право и т. д. Встрѣчая необходимость рѣшать поставленные ему вопросы и не находя въ мѣстныхъ юридическихъ обычаяхъ нормъ, подъ которыя можно было бы подвести данный случай, судья или управитель естественно обращался къ своему родному праву, какъ къ субсидіарному источнику. Въ качествѣ такого субсидіарнаго источника особенно пригоднымъ оказалось мѣстное уложеніе Упландіи, о которомъ говорено выше. Оно, какъ уже извѣстно, получило королевскую санкцію въ 1296 г. Притомъ оно было полнѣе другихъ уложеній и поэтому пользовалось большимъ уваженіемъ, нежели остальныя мѣстныя уложенія. (Только Зедерманландское уложеніе впослѣдствіи получило таковую же королевскую санкцію). По всѣмъ этимъ причинамъ на Упландское уложеніе смотрѣли не только какъ на мѣстное, провинціальное уложеніе, но оно примѣнялось также очень часто въ качествѣ добавочнаго уложенія въ остальныхъ областяхъ, съ цѣлью пополнить пробѣлы, недостатки и недомолвки въ остальныхъ уложеніяхъ. Такъ какъ Упландія наиболѣе близкая къ Финляндіи шведская область, и такъ какъ большинство должностныхъ лицъ, отправлявшихся въ Финляндію, имѣло своей родиной Упландію, то ясно и естественно, что Упландское уложеніе и какъ субсидіарный источникъ права вообще, и какъ родное мѣстное право пришельцевъ, стало наиболѣе извѣстнымъ въ Финляндіи. [1])

---

[1]) Имѣются смутныя извѣстія, что и для Финляндіи составлялось въ началѣ XIV стол. особое мѣстное уложеніе. По крайней мѣрѣ, въ царствованіе Карла IX въ

Кодификація мѣстныхъ уложеній была подготовительной, переходной ступенью къ одному общему для всей Швеціи уложенію. Но при сведеніи юридическаго матеріала мѣстныхъ уложеній въ одно цѣлое, королевская власть, приступившая къ кодификаціи, имѣла дѣло уже не только съ народными правовоззрѣніями. Въ XIII ст. усилился еще одинъ моментъ въ общественной жизни Швеціи — католическая церковь, которая въ качествѣ основного требованія своей внутренней жизни выставила положеніе: „ecclesia vivit jure canonico". Уже при кодификаціи мѣстныхъ уложеній въ XIV ст. проявилось вліяніе католическаго права. Отдѣлы о церкви (Kyrko или Kristnu balk), имѣющіеся почти во всѣхъ земскихъ уложеніяхъ, были составлены подъ несомнѣннымъ вліяніемъ каноническаго права, не смотря на противодѣйствіе мірянъ и открыто выраженные протесты народныхъ вѣчъ. Отъ королей народъ требовалъ присяги въ томъ, что они не допустятъ вторженія „чужого права". Но королевскія торжественныя обѣщанія не препятствовали вторженію каноническаго права, которое начало проникать въ Швецію уже съ первыхъ десятилѣтій послѣ введенія христіанства. Если тѣмъ не менѣе шведское національное право не поддалось чужому вліянію въ той мѣрѣ, въ коей это имѣло мѣсто въ отношеніи народнаго права на материкѣ Европы, то это объясняется настойчивымъ упорствомъ шведовъ и національнымъ духомъ шведскаго духовенства, жившаго въ народѣ и съ народомъ, и лишь къ концу среднихъ вѣковъ покорившагося централизаціоннымъ притязаніямъ папъ. Болѣе сильное вліяніе каноническаго права начинается послѣ 1248 г., т. е. послѣ церковнаго собора въ Шенинге, созваннаго по приказанію папы Иннокентія IX, легатомъ Вильгельмомъ де Сабина. Легатъ приказалъ всѣмъ шведскимъ епископамъ обзавестись Грегоріанскими декреталіями (собранными и изданными по распоряженію папы Григорія IX въ 1230 г.) и руководствоваться ими.

Вліяніе духовенства и авторитетъ каноническаго права, впрочемъ, настолько возросли въ XIV ст., что даже послужили препятствіемъ къ оффиціальному утвержденію общаго шведскаго уложенія. Проектъ общаго земскаго уложенія (allmän landslag) былъ выработанъ лагманами по порученію короля Магнуса Эриксона[1])

работахъ для новой кодификаціи шведскихъ законовъ встрѣчаются ссылки на якобы существовавшее Финляндское уложеніе. Однако, слѣды онаго донынѣ не найдены.

[1]) Главнымъ матеріаломъ при составленіи уложенія служили преимущественно

и былъ предложенъ на обсужденіе т. н. господскаго съѣзда 1347 г. (въ городѣ Эребро). Между тѣмъ, какъ свѣтскіе вельможи и представители областей согласились на принятіе проекта, духовенство протестовало, указывая на то, что нѣкоторыя положенія противорѣчили каноническому праву, различнымъ постановленіямъ церковныхъ соборовъ и пожалованнымъ церкви и духовенству привилегіямъ. Въ виду этого протеста проектъ церковнаго отдѣла былъ исключенъ изъ проекта уложенія. Остальные отдѣлы были одобрены „съѣздомъ", а затѣмъ переданы на обсужденіе и одобреніе мѣстныхъ вѣчъ. Насколько извѣстно, проектъ этого общаго земскаго уложенія никогда не былъ формально утвержденъ королемъ. Земское уложеніе Магнуса Эриксона примѣнялось въ XIV и первой половинѣ XV столѣтія въ качествѣ субсидіарнаго источника права, наравнѣ съ постановленіями отдѣльныхъ мѣстныхъ уложеній. (Уложеніе короля Магнуса Эриксона называется иногда также „среднимъ уложеніемъ", Medellag) *).

Сила общаго земскаго уложенія не распространялась на города. Большинство городовъ (число хоть нѣсколько крупныхъ городовъ въ Швеціи, впрочемъ, было не велико) имѣло свои особые законы, составленные по образцу Стокгольмскаго „Бьеркеретта", или по образцу Шоненскаго или Висбискаго городскихъ уложеній. Въ царствованіе короля Магнуса Эриксона издано общее городское уложеніе (allmän Stadslag), которое повидимому есть сводъ отдѣльныхъ городскихъ уложеній, со включеніемъ нѣкоторыхъ положеній изъ общаго земскаго уложенія. Съ точки зрѣнія матеріальной — общее земское и общее городское уложенія пред-

---

мѣстныя уложенія: Упландское, Остготландское и Зедерманландское, а также нѣкоторыя отдѣльныя узаконенія, изданныя королями въ XIV стол.

1) Уложеніе Магнуса Эриксона содержитъ въ себѣ, съ одной стороны, немало новыхъ законоположеній, съ другой стороны—въ него не включенъ рядъ постановленій мѣстнаго и временнаго характера, встрѣчающихся въ мѣстныхъ земскихъ уложеніяхъ.

Въ уложеніи постановлено, что при изданіи новыхъ законовъ должно испрашивать согласіе народа, но способъ и порядокъ этого соглашенія съ народомъ не былъ указанъ. Въ то время существовалъ лишь одинъ органъ народныхъ совѣщаній, земскія областныя вѣча, которыя, впрочемъ, созывались все рѣже и рѣже, и къ концу XIV стол. потеряли всякое дѣйствительное значеніе. Фактически, слѣдовательно, новые законы должны были издаваться инымъ, неузаконеннымъ порядкомъ и новымъ органомъ, прежде не имѣвшимъ законодательныхъ функцій— королемъ.

ставляютъ довольно крупныя различія, обусловленныя преимущественно различіемъ въ условіяхъ общественной жизни въ городахъ и селахъ. Это раздвоеніе права на сельское (земское) и городское сохранилось въ Швеціи формально до изданія общаго уложенія 1734 г.; матеріальное различіе сохранено и по изданіи сего общаго кодекса.

Уложеніе короля Магнуса Эриксона, въ свою очередь, послужило основою для составленія и выработки общаго уложенія XV ст. Въ 1442 году удалось, съ согласія свѣтскихъ и духовныхъ вельможъ, окончательно установить текстъ и содержаніе общаго уложенія [1]). Система уложенія 1442 слѣдующая: Первый отдѣлъ „о королѣ" содержитъ въ себѣ опредѣленіе территоріальныхъ границъ Шведскаго государства и дѣленіе его на епархіи и лагманскіе округа; затѣмъ слѣдуетъ постановленіе, что въ государствѣ долженъ государствовать (править) одинъкороль на основаніи законовъ. Глава II-я перваго отдѣла уложенія 1442 года озаглавлена [2]): „Non debet in Suecia nisi unus Rex et una Corona esse. Et omnes incolae illi debent obedientiam secundum Leges". Король (согласно главѣ II-й) избирается, а не наслѣдуетъ престолъ. Четвертая глава содержитъ въ себѣ такъ называемое королевское удостовѣреніе: „Jusjurandum, quod Rex praestare et quomodo jurare tenetur". Эта глава гласитъ: „Eodem die (т. е. по избраніи) et loco debet Rex omnibus regni incolis fidei et securitatis juramentum jurare ac praestare. § 1. Primus Articulus est: Quod Deum et sanctam Ecclesiam amare debet et jus ejus firmare, salvo omni jure Regio, Coronae et universi Sueciae populi. § 2. Secundus Articulus est: Quod debet omne justitiam et veritatem corroborare, amare et servare, et omne calumniosam juris detorsionem, mendacium et omnem injustitiam deprimere, *tam jure, quam Regia sua potestate.* § 3. Tertius Articulus est: Quod fidus esse debet omni populo suo, ita ut nullum pauperem vel divitem perdat in corpore vel membris; nisi legitime

---

[1]) Король Христофоръ Баварскій, утвердившій уложеніе XV стол., находился, повидимому, подъ сильнымъ вліяніемъ духовенства. Это явствуетъ изъ того, что 1) въуложеніи нѣтъ „отдѣла о церкви" (kyrkiubalk) и во 2) что утвердительная грамота короля есть не иное что, какъ почти дословная цитата изъ грамоты папы Григорія IX при утвержденіи сборника декреталій.

[2]) Въ виду малоизвѣстности шведскаго языка, (въ особенности шведскаго языка XV стол.), мы цитируемъ латинскій текстъ въ переводѣ Локенія 1672 г., по изданію 1608 г.

convictus et condemnatus sit, secundum scriptas Sueciae Leges. Nec ullo modo ulla bona immobilia vel mobilia, cuicunque auferet, vel adimi sinet, nisi secundum leges et legitimam sententiam. § 4. Quartus Articulus est: Quod debet cum Senatus sui consilio in Suecia, regnum suum Sueciae administrare ac regere, cum indigenis Sueciae viris, non extraneis. Et ne extraneum virum in Senatum Sueciae adsciscat; nec arces et castella, vel provincias, nec Regni vel Coronae bona, quae sunt immemorialis praescriptionis, ab extraneis gubernari faciat. § 5. Quintus Articulus est: Quod Rex tenetur arces, castella et provincias, cum annuis earum reditibus servare, et fines regni defendere pro viribus suis, ita ut nihil ex his praenominatis minuatur pro successore Rege, qui habet potestatem illa jure reducendi. Alias cito Regnum fieret Comitatus, vel minus. § 6. Sextus Articulus est: Quod Rex debet vivere ex bonis Regni patrimonialibus et Coronae possessionibus et annuis legitimis tributis provinciarum suarum. Nec nova onera aut tributa provinciis suis imponet, nisi his ex causis: primo, si extraneus exercitus, paganus aut Christianus, velit terras ejus populari. Vel si quis indignarum rebellet Regi, et Rex non possit alio modo se defendere. Vel si Rex filium aut filiam suam in matrimonium elocare velit. Vel si Rex coronari debeat, vel circumire regnum suum velit. Vel Rex necesse habeat arces et castella sua vel Regni possessiones aedificare aut reparare. In talibus casibus debent Episcopi et Judices provinciales ex qualibet juris dictione, et sex ex Nobilibus et sex ex populo inter se ponderare, quod auxilii et contributionis plebs regi suo quam commode et tolerabiliter praestare possit. § 7. Septimus Articulus est: Quod Rex debet Ecclesiae, Klericis et monasteriis, Equestri et Nobilium ordini, et cujus libet eorum familiae ac bonis, omnem antiquam immunitatem, libertatem ei privilegia servare; et Sueciae Leges, quas populus spontanea voluntate et consensu accipit, tueri, firmare ac defendere *sic, ut nulla iniqua lex aut prava consuetudo praevaleat justae legi; speciatim, ut nullum extraneum jus introducatur in regnum, quod sit oneri populo, nec ulla lex nova constituatur populo, nisi cum consensu et bona voluntate illius.* Tenetur etiam omnem populum suum tutum praestare, praesertim quietes, qui cum mansuetudine et lege vivere volunt, liberare tam a refractariis et iniquis indigenis, quam extraneis. *Praecipue Rex meminerit servare ac tueri pacem ecclesiasticam, forensem et domesticam.* Omnis pax augeatur, et motus et inimicitia extinguatur, prout Rex justus et pacificus est. § 8. Rex debet jusjurandum suum draestare, dextra Biblia imposita, et reliquias Sanctorum manibus suis

tenere et ita dicere: „Ita precor Deum mihi propitium tam in corpore, quam anima, Virginem S. Mariam et S. Ericum regem et omnes Sanctos et reliquias Sanctorum, quas manu teneo, quod velim omnes antedictos titulos servare ac custodire secundum artem et optimam conscientiam meam". Et debet Rex, elevata manu sua, Deo et populo suo fidei ac securitatis juramentum tenere, tam juvenibus, quam senibus, tam non natis, quam jam natis, tam non dilectis, quam dilectis, tàm absentibus, quam praesentibus et Regis juramentum audientibus, et in nullo violare, sed potius omni bono augere et praecipue regia charitate sua Dei amor sit cum Rege nostro, et omni ejus populo. § 9. Quando hoc modo a praefectis provinciarum et provincialibus est designatus et in Regem proclamatus, et juramentum suum praestitit, ut ante dictum est, tunc legitimus Rex est super omnem Sueciam. Postea potest Feuda concedere, regnum suum administrare et omnia antedicta. Praeterea in regno suo a Deo supremam jurisdictionem habere super omnes civiles Judices, atque sic populi actiones secundum Leges, vel inquisitam plenam veritatem audire, utrum velit".

Слѣдуютъ далѣе постановленія: о присягѣ лагмановъ и народа (глава V); о королевскомъ объѣздѣ (т. н. Eriksgata), (глава VI); о коронаціи короля (глава VII); о порядкѣ назначенія членовъ государственнаго совѣта (гл. VIII); объ оскорбленіяхъ словами короля и членовъ Совѣта (гл. IX); о вступленіи короля въ бракъ (гл. X); о дворянской фрельзовой службѣ и привилегіяхъ (гл. XI, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX, XXI, XXII, XXIII); о ямской гоньбѣ и гастгебергскихъ дворахъ (гл. XXIV — XXVII); о преступленіяхъ противъ королевскаго мира (гл. XXVIII—XXXIV) и о порядкѣ разсмотрѣнія и рѣшенія таковыхъ дѣлъ (гл. XXXIII, XXXV и XXXVI).

Второй отдѣлъ о бракѣ, въ 23 главахъ, содержитъ въ себѣ нормы семейнаго права; третій (23 главы) нормы права наслѣдственнаго. Затѣмъ слѣдуютъ: отдѣлъ о недвижимостяхъ (33 гл.); отдѣлъ о строеніи (53 главы); отдѣлъ о торговлѣ (14 гл.); отдѣлъ о мѣстныхъ судахъ (43 главы); отдѣлъ о нарушеніяхъ общественнаго мира (44 главы); отдѣлъ объ уголовныхъ преступленіяхъ (16 главъ); отдѣлъ объ умышленномъ убійствѣ (39 главъ); отдѣлъ о неумышленномъ убійствѣ (17 главъ); отдѣлъ объ умышленномъ нанесеніи ранъ (7 главъ); отдѣлъ о кражѣ (38 главъ).

Хотя уложеніе 1442 г. включало въ себѣ все содержаніе уложенія короля Магнуса Эриксона, оно все же не было просто

новымъ его изданіемъ. Столѣтіе, лежащее между составленіемъ уложенія XIV вѣка и изданіемъ уложенія короля Христофора, принесло много новаго въ области шведскаго права. Это „новое“ отчасти относилось къ области частнаго права, отчасти къ области права публичнаго. Въ первомъ отношеніи проявилось нѣкоторое, хотя весьма скромное, вліяніе свѣтскаго римскаго права (благодаря тому, что не мало молодыхъ шведовъ штудировало въ Прагѣ, Парижѣ и Болоньѣ, и пріобрѣтенныя въ знаменитыхъ континентальныхъ университетахъ свѣдѣнія эта молодежь старалась примѣнить къ истолкованію и развитію отечественнаго права), и отчасти нѣмецкаго городского и рыцарскаго права и, наконецъ, въ особенности, каноническаго права.

Въ публично-правовой сферѣ замѣтно отступленіе отъ первичныхъ демократическихъ началъ общественнаго строя Швеціи. Заимствованныя отъ народовъ европейскаго материка феодальныя воззрѣнія, не смотря на все противодѣйствіе, проникли въ Швецію. Государственныя должности потеряли свой народный характеръ; выборное начало уступило мѣсто сословно-наслѣдственному; началось и развивалось обособленіе сословій. Вокругъ ядра древняго національнаго права выростали отчасти чуждые и враждебные ему институты и нормы. (Иммунитетъ, пожалованіе земель съ должностями, реальныя привилегіи поземельной собственности и т. п.). Такъ называемый отдѣлъ о королѣ (Konungabalk) уложенія хотя и оставался главнымъ указателемъ правъ и обязанностей короля и должностныхъ лицъ, но, параллельно съ нимъ, отчасти независимо отъ него, появились новые спеціальные источники публичнаго права, такъ называемыя королевскія удостовѣренія (försäkran или handfästning), которыя подносились королю для подписанія государственнымъ совѣтомъ при вступленіи на престолъ, а также различнаго рода договоры, конвенціи, взаимныя удостовѣренія сословныхъ привилегій, постановленія господскихъ съѣздовъ (recess, förenig, forsäkring, förbund, dagtingning), установленныя и подписанныя свѣтскими и духовными вельможами для обезпеченія и въ видахъ подтвержденія ихъ правъ и привилегій.

Ослабленіе демократическихъ элементовъ въ общественномъ строѣ Швеціи доставило возможность королевской власти присвоить себѣ самостоятельную законодательную функцію. Первые шаги по этому пути сдѣланы были уже въ первую половину XIII ст. Важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ такъ называемое постановленіе въ Шенинге (Skeninge Stadga) 1285 г., изданное королемъ Магнусомъ Ладулосъ.

Источникомъ самостоятельной законодательной власти короля была его функція и обязанность охранять: миръ церкви, миръ судебный, миръ женщинъ и миръ домашняго очага (kyrkofred, tingsfred, qvinnofred och husfred). Всѣ граждане, какого бы то ни было сословія и ранга, обязаны были въ точности соблюдать королевскія постановленія, имѣющія въ виду охрану общественной безопасности (это называлось: „Konungs edsöre", что соотвѣтствовало германскимъ понятіямъ: der Königsfriede, der Königsbann). Нарушившій королевскій миръ назывался нарушителемъ королевской присяги. Постановленія объ охранѣ общественной безопасности назывались постановленіями о королевской присягѣ (edsörelagarne). Первыя, извѣстныя намъ постановленія этого рода изданы извѣстнымъ Majordomus'омъ Ярломъ Биргеръ и его сыномъ, королемъ Вальдемаромъ. Изданныя ими постановленія вновь подтверждены въ Скеннингенскомъ и Алснескомъ постановленіяхъ короля Магнуса Ладулоса (эти уставы внесены въ младшую редакцію Вестерготландскаго уложенія). Понятіе общественной безопасности—понятіе весьма растяжимое. Имъ воспользовалась королевская власть для расширенія своихъ функцій. Во имя охраны общественной безопасности, она присвоила себѣ право, по совѣщаніи съ своими ближайшими совѣтниками, издавать административнымъ порядкомъ законы по вопросамъ, касающимся общественнаго хозяйства, благоустройства и безопасности, а также право аутентически толковать и даже дополнять общіе законы [1]).

Но самостоятельная законодательная дѣятельность короля,

1) Въ I Скеннингенскомъ постановленіи (Skenningenstadga) 1285 г. король Магнусъ Ладулосъ говоритъ: „Если мы считаемъ необходимымъ и полезнымъ установить что либо по дѣламъ общимъ и частнымъ, нуждающимся въ исправленіи или улучшеніи, если даже таковыя дѣла ранѣе не были упорядочены или закономъ опредѣлены, то мы, по соглашенію съ нашимъ совѣтомъ и по совѣту добрыхъ мужей, постановляемъ, что все то, что мы опредѣлимъ и прикажемъ написать, должно быть часто прочитано всенародно, дабы каждый могъ имѣть въ виду и соблюдать то, что мы повелѣваемъ, и избѣгать того, что мы запрещаемъ". Полустолѣтіе спустя, въ 1335 г., король Магнусъ Эриксонъ во второмъ Скеннингенскомъ постановленіи высказывается о законодательной функціи короля слѣдующимъ образомъ: „Мы обсудили съ нашими добрыми совѣтниками, какимъ образомъ добрый обычай и справедливость могли бы быть установлены и утверждены, а худые обычаи и неправда устранены и опровергнуты добромъ или силою, какъ то Намъ и нашимъ совѣтникамъ Богъ на то даровалъ власть установить;—ибо иначе мы бы не были достойны нашего королевскаго достоинства".

впрочемъ, не ограничивалась изданіемъ полицейскихъ уставовъ. Король безъ участія народныхъ представителей издавалъ грамоты привилегій въ пользу дворянства и духовенства. Далѣе, онъ изданіемъ уставовъ о дворовыхъ судахъ (gårdsrätt) регулировалъ право суда, предоставленное дворянамъ землевладѣльцамъ въ ихъ замкахъ и дворахъ.

Хотя для городовъ, какъ указано выше, издано было особое общегородское уложеніе, тѣмъ не менѣе въ пользу городовъ издавались спеціальныя хартіи привилегій и особые ремесленные уставы (skråförfattningar).

Между тѣмъ, какъ въ XII и XIII ст. городскіе совѣты сами издавали уставы касательно хозяйства городовъ, полиціи и управленія въ оныхъ,—съ XIV ст. короли присвоивали себѣ право изданія таковыхъ уставовъ. Наконецъ, королевской властью созданы особые уставы для горныхъ округовъ.

Но, говоря про законодательную власть короля, должно имѣть въ виду, что она осуществлялась имъ не единолично. Упомянутые уставы и постановленія издавались по совѣщанію и по согласію „совѣта“ короля (med råds råd). Совѣтъ, послѣ того какъ въ его составъ вошли лагманы, присвоилъ себѣ роль народнаго представительства. Изъ совѣта, такъ сказать, выросли т. н. господскіе съѣзды (herredagar или herremöten), оттѣснявшіе все болѣе земскія мѣстныя вѣча. Участіе совѣта въ королевскомъ законодательствѣ, съ одной стороны, обезпечивало обдуманность законодательныхъ мѣръ, но затѣмъ, съ другой стороны, по мѣрѣ усиленія олигархическихъ элементовъ въ общественномъ строѣ, оно стало факторомъ удаленія административнаго законодательства отъ національныхъ основъ. Еще на первыхъ порахъ, до истощенія силы шведской демократіи, этому процессу противодѣйствовало то, что всѣ королевскіе уставы и постановленія, для того, чтобъ сдѣлаться обязательными, нуждались въ публичномъ прочтеніи на мѣстныхъ вѣчахъ. Вѣче какъ бы одобряло ихъ, давая имъ народную санкцію. Но это чтеніе стало скоро пустою обрядностью. Народное собраніе и здѣсь было замѣнено совѣтомъ и господскими съѣздами. Слѣдовательно, сравнительно рано въ шведскомъ публичномъ правѣ установилось формальное различіе между *общимъ закономъ* (allmän lag), т. е. нормою, установленной королевской властью по соглашенію съ органами народовластія, и *административнымъ закономъ*, уставомъ, учрежденіемъ (stadga, förordning, förklaring), изданными королемъ съ согласія совѣта, но иногда и единолично,

безъ совѣтскаго согласія. Съ матеріальной точки зрѣнія эти двѣ формы законоположеній не разграничены. Административные законы преимущественно направлены на регулированіе того, что не нормировано законами общими, или того, что оставлено ими въ неясности. Но они нормируютъ также и то, что по существу своему считалось принадлежащимъ къ области общаго всенароднаго законодательства. Административные законы дополняютъ общіе законы, выясняютъ, толкуютъ ихъ, даже замѣняютъ ихъ. Поэтому, встрѣчающіяся въ источникахъ ограниченія законодательной власти короля нужно толковать въ ограничительномъ смыслѣ. Слѣдовательно, если мы въ королевской присягѣ, предписанной въ королевскомъ отдѣлѣ общаго Земскаго Уложенія (какъ XIV, такъ и XV ст.) читаемъ: „Король долженъ всѣ древніе законы Швеціи, которые народъ добровольно и свободно принялъ,—соблюдать, поддерживать и охранять, и не давать никакой новый законъ народу, безъ его согласія и одобренія", то мы должны понимать подъ словомъ „законъ" не каждый законъ вообще, а только земскія, мѣстныя и общія уложенія [1]).

Какъ сказано выше,—въ 1442 г. было утверждено королемъ Христофоромъ Баварскимъ новое уложеніе, включившее въ себя уложеніе 1347 г. и различные, вышедшіе за промежуточное столѣтіе законы. Почти 300 лѣтъ это уложеніе (до изданія Уложенія 1734) было общимъ кодексомъ во всѣхъ главныхъ владѣніяхъ шведскаго короля. Въ теченіе первыхъ 150 лѣтъ этого періода кодификація едва двинулась впередъ. За то все обширнѣе, быстрѣе и сложнѣе развивалось королевское (экономическое) административное законодательство. Изъ привилегій дворянства и рыцарства, и изъ постановленій хартій о правахъ и повинностяхъ т. н. фрельзовыхъ (бѣлопомѣстныхъ) земель, въ отличіе отъ земель непривилегированныхъ, развивалось сложное камеральное законодательство. Изъ постановленій о дворовыхъ замковыхъ судахъ (gårdsrätt) выдѣлились въ серединѣ XVI ст. т. н. военные законы (Krigsartiklar) въ качествѣ особой области законодательства. Привилегіи духовенства дали толчекъ къ изданію церковныхъ уставовъ, а также къ изданію законоположеній, касающихся народнаго просвѣщенія и общиннаго строя. Городскія

---

1) Ср. соч. Thulin'a „О королевскомъ экономическомъ законодательствѣ" (om Konungens ekonomiska lagstiftning) Лундъ 1890. Ср. также статью Пальмéна „Юридико-историческое толкованіе „слова" законъ въ §§ 40—43 Формы Правленія 1772 г., въ Журналѣ Финляндскаго Юридическаго Общества I, 1865 г.

привилегіи и постановленія о цехахъ были источниками законодательства о городскихъ промыслахъ. Въ царствованіе Густава Вазы и его сыновей, Эрика и Іогана (1523—1593), совершается быстрое развитіе законодательства въ области земледѣлія, сельскаго хозяйства, горнаго хозяйства, лѣсного хозяйства, охоты и рыбныхъ промысловъ, какъ благодаря тому, что правительство и передовые классы все сильнѣе интересовались вопросами народнаго хозяйства, такъ и благодаря тому, что въ сферахъ, близкихъ къ престолу, въ кругу коронныхъ юристовъ развивалось ученіе о королевскихъ регальныхъ правахъ на землю и на воду въ предѣлахъ коренной Швеціи и Финляндіи. Съ начала XVII ст. снова начинается оживленная дѣятельность въ области общаго законодательства. Король Карлъ IX, еще будучи герцогомъ Зедерманландскимъ и регентомъ королевства, указалъ на необходимость обновленія и пополненія уложенія 1442. По вступленіи на престолъ, онъ не упустилъ изъ виду дѣла новой кодификаціи и самъ, личнымъ своимъ трудомъ участвовалъ въ кодификаціонныхъ работахъ. Переиздать уложеніе короля Христофора ему не удалось, но въ 1608 г. онъ вновь утвердилъ силу уложенія (съ нѣкоторыми лишь измѣненіями). По его же повелѣнію было напечатано и издано какъ общее земское, такъ и городское уложеніе (послѣднее, впрочемъ, появилось въ печати въ полномъ видѣ лишь въ 1618 г.).

И въ XVII ст. еще номинально „народъ“ (т. е. полноправные осѣдлые поселяне и горожане) имѣлъ право участвовать въ изданіи законовъ. Органомъ этого народнаго участія въ законодательствѣ были, опять таки номинально, по прежнему — областныя вѣча (landskapsting). Но, какъ сказано выше, областныя вѣча фактически потеряли свое значеніе. Ихъ власть и компетенція перешли почти цѣликомъ къ совѣту, въ узкомъ смыслѣ слова, и, такъ сказать, къ совѣту въ расширенной формѣ, къ господскимъ съѣздамъ. Господскіе съѣзды пріобрѣтали все большее значеніе по мѣрѣ того, какъ король все чаще сталъ призывать къ участію въ нихъ представителей крестьянскаго и городского сословій. Но и въ этой полной, широкой своей формѣ господскіе съѣзды не имѣли права, по буквѣ закона, играть роль органа въ законодательствѣ съ устраненіемъ и замѣною областныхъ вѣчъ. Въ сущности господскіе съѣзды съ участіемъ крестьянъ и горожанъ не имѣли de jure законодательной власти, а лишь власть законосовѣщательную. Тѣмъ не менѣе, они же были зерномъ, изъ котораго

впослѣдствіи выросло народное представительство и порядокъ, такъ сказать, конституціоннаго законодательства. Названіе „господскій съѣздъ“ замѣнено названіемъ: „риксдагъ“. При королѣ Густавѣ Адольфѣ (1617 г.) появляется особое законоположеніе, опредѣляющее составъ и функціи „риксдага“. Право короля призывать къ участію въ собраніе кого ему заблагоразсудится,—превращается въ право народа отправлять своихъ представителей въ собраніе сословій. Шведскій риксдагъ съ начала XVII в. осуществляетъ законодательную функцію, которая, по словамъ древнихъ областныхъ земскихъ уложеній и общихъ уложеній, принадлежала шведскому народу. Однако и въ XVII ст. областныя земскія вѣча не исчезаютъ. Появляются даже новыя представительныя собранія, которыя стоятъ на перепутьи отъ областныхъ вѣчъ къ общимъ риксдагамъ,—собранія представителей отъ нѣсколькихъ областей, называемыя „ландтагами“ (landtag). Таковые ландтаги созывались впрочемъ лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ напр. ландтагъ въ Гельсингфорсѣ въ 1616 г., на который созваны были земскіе чины финляндскихъ областей. Означенные ландтаги (ландтагъ 1616 г. и тѣ, которые созывались въ Финляндіи впослѣдствіи, въ царствованія Карла X и Карла XI) обсуждали преимущественно вопросы о чрезвычайныхъ военныхъ налогахъ и повинностяхъ [1]). Созывъ такихъ мѣстныхъ ландтаговъ запрещенъ въ 1660 г. такъ наз. дополнительнымъ актомъ къ Формѣ Правленія 1634 г.

Впрочемъ, и послѣ установленія и развитія риксдага сохранились слѣды самостоятельности областей въ дѣлахъ законодательныхъ. Принципіально область и ея вѣче оставались какъ бы настоящими носителями права народа участвовать въ законодательствѣ. Депутаты областей на риксдагѣ считали себя связанными полномочіями, данными ихъ областными избирателями. Такъ напр., въ постановленіи риксдага 1602 г. предписано подвергнуть пересмотру церковный требникъ и учрежденіе о церкви короля Іогана III, а по пересмотрѣ ихъ, разослать ихъ во всѣ мѣстности, дабы народъ могъ добровольно ихъ одобрить и принять; затѣмъ они подлежали напечатанію и употребленію во всѣхъ общинахъ

---

*) Ландтагу въ Гельсингфорсѣ въ 1616 г. были предложены слѣдующія дѣла: 1) обсудить мѣры для противодѣйствія интригамъ польскаго короля Сигизмунда III и мѣры обороны противъ русскихъ; 2) о вотированіи чрезвычайнаго военнаго налога (landtägsgärd) и 3) о введеніи въ силу въ Финляндіи положенія о земской гоньбѣ установленнаго въ 1615 г. для Швеціи.

и приходахъ. Тому же риксдагу Карлъ IX предложилъ на обсужденіе проектъ устава о торговлѣ, но городскіе депутаты отказались отъ обсужденія, ссылаясь на то, что ихъ довѣрители не дали имъ полномочія на такое дѣло. Когда въ 1614 г. риксдагу былъ предложенъ на обсужденіе проектъ новаго устава о судопроизводствѣ, то духовное сословіе высказало сомнѣніе, имѣетъ ли оно право отъ имени своихъ остальныхъ сочленовъ, безъ особаго на то полномочія, рѣшать такое важное дѣло. Наконецъ, риксдагъ 1604 г. постановилъ относительно переизданія общаго уложенія, что оно должно быть подвергнуто пересмотру, дополненію и исправленію, но исправленное уложеніе не подлежитъ печатанію до одобренія его не только общимъ риксдагомъ, но и со стороны отдѣльныхъ областей. Такимъ образомъ необходимымъ реквизитомъ въ процессѣ изданія общаго закона почиталось согласіе мѣстныхъ вѣчъ. Каковы же были права упрочившагося съ 1617 г. въ своей организаціи риксдага въ области законодательства и каковы были отношенія общаго законодательства къ законодательству административному или экономическому? Несомнѣнно, и это было признано всѣми королями, не исключая самовластнаго Карла XI, ригсдагъ въ области *общаго* законодательства осуществлялъ всѣ права, нѣкогда принадлежавшія мѣстному народному представительству на областныхъ вѣчахъ. Внѣшнее ясное выраженіе это признаніе получило въ томъ, что когда, по почину королевской власти и риксдага, было приступлено къ пересмотру и переработкѣ уложенія 1442 г., то этотъ трудъ былъ исполненъ и приведенъ къ окончанію при постоянномъ участіи „сословій“. Но предѣлы общаго законодательства, возможность его развитія и будущность его зависѣли отъ того, какимъ образомъ будутъ разграничены сферы законодательства общаго и административнаго (экономическаго). Выше было указано, что въ область такъ называемаго экономическаго законодательства входило не только все то, что подходило подъ широкое понятіе „общественная безопасность и благоустройство“, но что оно, это экономическое законодательство, охватило многое, что ранѣе относилось къ сферѣ законодательства общаго, но не было еще имъ регулировано, хотя de jure входило въ его компетенцію.

Главною причиною расширенія экономическаго законодательства было то, что послѣ ослабленія и паденія древняго демократическаго строя не существовало прочно и правильно организованнаго народнаго представительства. XVII ст. создало таковое

организованное представительство, но въ ту же эпоху, благодаря условіямъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, усилилась и королевская власть, усилилась и бюрократія, и чиновное дворянство, тянувшее къ королю и ко двору. Короли (или регентство во время малолѣтства и несовершеннолѣтія короля) постоянно отстаивали принадлежавшее имъ право экономическаго законодательства, но въ то же время не отрицали за сословіями (земскими или государственными чинами) права на участіе въ законодательствѣ общемъ [1]).

Но риксдагъ (государственные чины) въ XVII ст. осуществлялъ свое право, признанное королевской властью, далеко не въ полной мѣрѣ. Тому препятствовала не только причина матеріальная, рознь сословій (изъ которыхъ два низшія—крестьянское и городское, нуждались въ поддержкѣ могущественной королевской власти), но и причина формальная, — неопредѣленность формъ и порядка дѣятельности риксдага. „Риксдагъ, говоритъ проф. Тулинъ въ цитированномъ выше сочиненіи,—подобно господскимъ съѣздамъ, бывшимъ источникомъ его происхожденія,—все еще занималъ положеніе совѣщательнаго учрежденія". Согласно уставу о риксдагѣ 1617 г., король, въ случаѣ разногласія сословій, имѣлъ право избрать то мнѣніе, которое онъ считалъ наилучшимъ. Слѣдовательно, рѣшающій голосъ принадлежалъ королю, и это имѣло мѣсто не только въ отношеніи административныхъ распоряженій, но и въ отношеніи вопросовъ, носившихъ столь же общій характеръ, какъ и тѣ, которые рѣшались общимъ уложеніемъ. При такихъ условіяхъ естественно, что вліяніе государственныхъ чиновъ въ области законодательства было очень измѣнчиво. Неустройство въ порядкѣ законодательства выступаетъ ярко при изученіи актовъ риксдага того времени, а также и сборника узаконеній Шмедемана (Schmedemans Justitieverk), по крайней мѣрѣ, насколько „вступленіе" (ingressen) къ помѣщеннымъ въ немъ постановленіямъ указываетъ способъ ихъ составленія и изданія. Несомнѣнно, что въ теченіе XVII ст. издано много общихъ административныхъ постановленій съ согласія государственныхъ чиновъ, по выслушаніи ихъ

[1]) Напр.: Издавая уставъ о поединкахъ въ 1662 г., король заявлялъ, что хотя онъ и считалъ себя въ правѣ издать положеніе для устраненія безпорядковъ, не испросивъ ни у кого предварительно согласія, и также своей властью привести повелѣніе въ исполненіе, разъ новое узаконеніе не налагаетъ какого либо новаго бремени на подданныхъ, но что онъ не упуститъ при изданіи новаго закона привлечь къ участію и государственные чины.

мнѣнія или, по крайней мѣрѣ, по ихъ представленію. Но въ другихъ случаяхъ король издавалъ таковыя же постановленія собственною властью, и даже не заходила рѣчь о томъ, чтобы впослѣдствіи испросить на то согласіе государственныхъ чиновъ. Такимъ порядкомъ изданъ, напр., уставъ о наказаніяхъ 1653 г. (Уставъ о наказаніяхъ 1653 г. изданъ безъ предварительнаго выслушанія мнѣнія государственныхъ чиновъ; онъ изданъ, какъ сказано въ введеніи, въ качествѣ „грамоты (öppet bref), въ коей король пожелалъ рѣшить и объяснить свою волю относительно извѣстнаго рода дѣлъ, впредь до того времени, когда король будетъ имѣть время просмотрѣть законъ и издать относительно всѣхъ преступленій прочный уставъ о наказаніяхъ“). Кромѣ того, открылась особая область для спеціальнаго королевскаго законодательства: въ резолюціяхъ на представленія и жалобы отдѣльныхъ сословій. Эти резолюціи король издавалъ только на основаніи совѣщаній съ подлежащимъ сословіемъ. (Тулинъ).

Въ то же время началось параллельное движеніе и въ другомъ направленіи. Въ эпоху несовершеннолѣтія короля Карла XI, когда во главѣ государства стояли слабые, постоянно враждовавшіе между собою регенты и опекуны короля, государственнымъ чинамъ удалось расширить сферу вліянія въ дѣлахъ законодательныхъ. Они все чаще и чаще начали принимать участіе не только въ вопросахъ „общаго законодательства“, но и въ дѣлахъ законодательства экономическаго (административнаго), хотя въ большинствѣ случаевъ всетаки риксдагъ, въ концѣ концовъ, предоставлялъ окончательное рѣшеніе королю; если бы не обострившаяся сословная рознь, то риксдагъ успѣлъ бы прочно расширить свою законодательную власть. Когда Карлъ XI достигъ совершеннолѣтія и взялъ бразды правленія въ свои руки, совершилось движеніе въ обратную сторону. Государственные чины подчинились всѣмъ властнымъ требованіямъ монарха. Въ 1682 г. риксдагъ постановилъ, что государственные чины почитаютъ нелѣпостью, будто Е. В. обязанъ выслушать мнѣніе риксдага, если онъ желаетъ издать какіе либо уставы, плакаты, регламенты, постановленія (stadga, plakat, reglemente, förordning) или дать инструкціи для какой либо коллегіи, или для какихъ либо должностныхъ лицъ. Несомнѣнно, всѣ таковыя повелѣнія для тѣхъ, кого они касаются, имѣютъ ту же силу, что и законъ, коему всѣ обязаны повиноваться, хотя это не такой общій законъ, который касается всего государства и всѣхъ сословій вообще. И этотъ за-

конъ, законъ Шведскаго государства, король имѣетъ право единолично (ensam), разъ онъ это найдетъ необходимымъ, измѣнить, яснѣе истолковать и исправить (ändra, tydligare förklara och förbättra). „Но государственные чины проникнуты увѣренностью, что Онъ, какъ милостивый король, соизволитъ всемилостивѣйше предоставить своимъ сословіямъ участіе въ томъ, что всѣхъ касается; хотя это не должно быть понято такъ, будто сословія желаютъ или имѣютъ право предписать что либо Е. В., а что они имѣютъ это ожидать отъ его собственной милости, когда онъ то благоразсудитъ".—Слѣдовательно, государственные чины торжественно признали за королемъ то, что онъ искони имѣлъ право издавать регламенты, постановленія въ дѣлахъ экономическихъ. Но что ново — это признаніе за королемъ права измѣнять по своему благовоззрѣнію содержаніе общаго закона, уложенія. Лишь весьма скромно государственные чины упомянули о древнемъ правѣ народа участвовать въ общемъ законодательствѣ. Король оцѣнилъ эту скромность и при измѣненіи и исправленіи общихъ законовъ приглашалъ къ участію риксдагъ. Однако, въ дѣлѣ изданія новыхъ законовъ (даже въ области, по существу относившейся къ отдѣламъ уложенія 1442 г.) онъ выступалъ и дѣйствовалъ самостоятельно. Такъ, въ 1680 г. король издалъ единолично положеніе о завѣщаніи. И въ области церковнаго законодательства онъ дѣйствовалъ столь же самостоятельно. Церковное уложеніе 1686 г. было утверждено королемъ до одобренія риксдагомъ; государственные чины лишь a posteriori дали свое согласіе.

Царствованіе Карла XI богато реформами въ административной области, въ области государственнаго хозяйства, полиціи безопасности и благоустройства. Вся масса регламентовъ, положеній, постановленій, инструкцій и грамотъ, коими реформировался строй собиранія податей, отчетности, контроля, порядокъ управленія государственными имуществами, коими регулированы: лѣсное хозяйство, земледѣліе, рыбныя ловли, горное хозяйство, различные виды промышленности и торговля и т. д., все исходило отъ короля единолично. Въ царствованіе Карла XI весь центръ тяжести перенесенъ былъ изъ области общаго законодательства въ область законодательства экономическаго. Въ то же время (въ 1686 г.) король учредилъ комиссію для пересмотра, дополненія, исправленія и переизданія общаго уложенія 1442 г. Предстояло рѣшать вопросъ, что относится къ области общаго уложенія, какими изъ появившихся въ такомъ

изобиліи новыхъ нормъ оно должно быть дополнено? Что должно быть въ него введено и включено, что такимъ образомъ должно получить характеръ нѣкоторой, такъ сказать, неизмѣнности, охраняемой участіемъ въ строѣ законодательства сословнаго представительства? Вопросъ этотъ былъ не только вопросомъ кодификаціи и технической цѣлесообразности, но и вопросомъ политическимъ, ибо шла рѣчь о разграниченіи на будущее время самостоятельной королевской законодательной функціи отъ законодательной функціи народнаго (сословнаго) представительства. Первоначально комиссія, занимавшаяся пересмотромъ и переизданіемъ Уложенія 1442 г., настаивала, какъ на основномъ положеніи, что древнее уложеніе должно быть сохранено по возможности безъ измѣненій. Такъ какъ уложеніе 1442 г. содержало въ себѣ не только нормы частно-правовыя, но и публично-правовыя, то всѣ были согласны въ томъ отношеніи, что нужно соблюдать большую осторожность при введеніи измѣненій, ибо на изданіе новыхъ административныхъ законовъ смотрѣли довольно спокойно, считая ихъ нормами временными; но опасались ихъ смѣшенія съ нормами унаслѣдованнаго постояннаго права. Еще въ 1664 г., въ заключеніи одной изъ кодификаціонныхъ комиссій было сказано: „Мы признаемъ, что было бы весьма опасно, если бы древніе и фундаментальные законы государства (rikets uråldriga och fundamentala lag), которые въ точности обезпечиваютъ права и верховенство короля, свободу подданныхъ и неприкосновенность ихъ жизни, чести и имущества, — были измѣнены или какимъ либо образомъ ликвидированы и передѣланы“. Но въ царствованіе Карла XI эта точка зрѣнія измѣнилась. Неприкосновенности древняго уложенія перестали придавать особое значеніе, и на очередь всталъ указанный выше вопросъ: что должно быть внесено въ древнее уложеніе. Были высказаны мнѣнія, что уложеніе должно быть настоящимъ corpus legum, что въ него должны быть включены всѣ изданные съ 1442 года законы (какъ напр.: церковное уложеніе, морской уставъ, законы экономическіе, полицейскіе).

Это мнѣніе не одержало верхъ. Въ 1681—1686 гг. было принято слѣдующее основное руководящее начало: законъ долженъ быть общимъ и единымъ для всѣхъ подданныхъ государства, разъ исключеніе не должно быть допущено въ пользу особыхъ привилегій и въ виду особыхъ условій. Все, что касается города и уѣзда, должно быть внесено въ одно цѣлое. Далѣе, слѣдуетъ отдѣлить то, что было настолько общей нормой, что оно могло

бы быть примѣнено ко всѣмъ жителямъ государства и ко всѣмъ областямъ, и чему было присуще качество общности, такъ что оно не подвергалось столь легко и скоро перемѣнамъ,—отъ всего, что касалось лишь какого либо отдѣльнаго округа (уѣзда), или города, или было положеніемъ временнымъ и, по природѣ своей, постановленіемъ измѣнчивымъ. Уложеніе не должно касаться публичнаго права; его матеріальное содержаніе должно быть раздѣлено на 3 отдѣла: negotia civilia, criminalia et judicialia.—Такимъ образомъ упрочено то, что уже фактически начало осуществляться съ XV ст., когда отпалъ отдѣлъ о церкви, а затѣмъ почти потерялъ свое значеніе отдѣлъ о королѣ, въ виду появленія такъ называемыхъ формъ правленія [1]).

Карлу XI не удалось довести до конца начатое дѣло. Воинственная эпоха Карла XII не содѣйствовала успѣхамъ кодификаціонныхъ работъ; однако, не смотря на истощеніе Швеціи, не смотря на полное политическое и хозяйственное ея разстройство, кодификаціонный комитетъ не былъ распущенъ; работа продолжалась, хотя медленно и съ пріостановками. Эпоха „свободы" или „вольностей", въ теченіе которой королевская власть лишена была почти всей силы, перешедшей къ государственному совѣту и риксдагу,—была свидѣтельницей окончанія трудовъ, длившихся

---

1) Такъ, напр., въ уложеніе 1734 г. не были введены и, слѣдовательно, предоставлены т. н. экономическому законодательству: всѣ положенія о повинности по содержанію солдатъ, пѣшихъ и конныхъ, поселенной арміи („ибо эти постановленія тоже т. ск. экономическія, и могутъ быть измѣнены въ виду измѣнившихся условій времени; а поэтому онѣ не должны быть включены въ постоянный законъ"), всѣ постановленія о коронныхъ и милиціонныхъ гейматахъ, постановленія о горныхъ гейматахъ, о гейматахъ церковныхъ и госпитальныхъ, о десятинахъ, о горныхъ рудинкахъ.

Свейскій гофгерихтъ указалъ на то, что желательно было бы ввести въ уложеніе постановленія о банкахъ, объ инвалидномъ домѣ въ Вадстенѣ, объ адмиралтействѣ, но кодификаціонный комитетъ отвѣтилъ, что все это упущено потому, „что Е. К. В. всегда по своему собственному усмотрѣнію измѣнялъ „юрисдикцію" подобнаго рода, таковыя „юрисдикціи", въ качествѣ особыхъ привилегій (beneficier) не касаются общаго процесса". Съ другой стороны, комитетъ ввелъ въ уложеніе многія постановленія, которыя въ сущности также имѣли экономическій, административный характеръ, но касались матерій, стоявшихъ въ ближайшей связи съ гражданско-правовымъ строемъ. Такъ, напр., были внесены многія постановленія, касающіяся охоты, истребленія вредныхъ дикихъ звѣрей, подсѣчнаго хозяйства и лѣсныхъ штрафовъ; постановленія, касающіяся городскихъ и сельскихъ промысловъ, и т. п.

почти 150 лѣтъ. Но точка зрѣнія въ отношеніи двухъ областей законодательства: общаго и экономическаго, и соотношенія органовъ, дѣйствующихъ въ этихъ областяхъ, въ значительной степени измѣнилась... Какъ указано выше,—во время работъ по составленію новаго уложенія постоянно возникали сомнѣнія: должно ли и насколько публичное право быть введено въ уложеніе? Юристы „эпохи свободы“ положили конецъ этимъ сомнѣніямъ. Уже въ XVI ст. „королевскій отдѣлъ“ уложенія 1442 г. пересталъ быть главнымъ источникомъ публичнаго права. Рядомъ съ нимъ дѣйствовалъ рядъ законоположеній публично-правового характера, регулировавшихъ какъ функціи короля, такъ и функціи сословнаго представительства. Таковыя законоположенія были: Конвенція о престолонаслѣдіи (arfförening), 1544 г.; положеніе о риксдагѣ, 1617 г. (riksdagsordning); уставъ о рыцарскомъ домѣ, 1626 г., (riddarhusordning); форма правленія, 1634 г. (regeringsformen) съ приложеніемъ (additament), 1660 г. Послѣ смерти Карла XII, когда единовластіе короля (envåldet) было отмѣнено, другъ за другомъ были установлены двѣ формы правленія: 1719 и 1720 гг. Въ эти формы правленія вошло все то, что входило ранѣе въ отдѣлъ о королѣ уложенія 1442 г., и съ тѣхъ поръ главнѣйшія нормы публичнаго права были исключены изъ уложенія.

Форма правленія 1719 г. открыла новый періодъ въ исторіи шведскаго законодательства. Мы не видимъ возвращенія къ отношеніямъ, имѣвшимъ мѣсто до 1682 г., до провозглашенія королевскаго единовластія; равновѣсіе между королевской властью и правами сословнаго представительства было нарушено. Все законодательство, въ полномъ его объемѣ, какъ законодательство общее, такъ и спеціальное, экономическое, административное, передано въ руки риксдага или, вѣрнѣе, фактически въ руки различныхъ его комитетовъ, въ коихъ наиболѣе вліятельные члены риксдага играли первую роль. Въ § 4 Формы правленія 1719 г. сказано: „безъ согласія и содѣйствія сословій не долженъ быть изданъ новый законъ или имъ навязанъ, и не долженъ быть измѣненъ или отмѣненъ старый законъ, данный съ ихъ добраго согласія. Постановленія (förordningar), кои Е. К. В., по совѣщаніи съ совѣтомъ, признаетъ полезнымъ издать въ промежуточное между риксдагами время, должны быть просмотрѣны ближайшимъ сеймомъ и установленнымъ порядкомъ приняты, дабы имѣть силу постояннаго и общаго закона“. Это положеніе имѣетъ примѣненіе также и въ такихъ случаяхъ, въ коихъ король, въ силу § 2 Ф. пр.,

пользовался своимъ правомъ „постановлять и предписывать въ такихъ особыхъ случаяхъ, для коихъ не имѣется на лицо какой либо законъ“. Слѣдовательно, королю было предоставлено только право издавать временные законы и постановленія. И этого мало. Король, какъ согласно Формѣ пр. 1719 г., такъ и согласно замѣнившей ее Ф. пр. 1720 г., обѣщалъ: „Всегда соглашаться, и теперь и впредь, съ государственными чинами, какъ власть имѣющими, относительно изданія такихъ постановленій, каковыя они признаютъ наиболѣе цѣлесообразными“. Слѣдовательно, законодательныя права и функціи короля сведены были къ нулю.

Ясно, что при такихъ условіяхъ весь характеръ и вся тенденція кодификаціонныхъ работъ должны были измѣниться. Эти работы продолжались безпрерывно, энергично, съ внесеніемъ въ дѣло, несомнѣнно, массы эрудиціи, юридической тонкости и логики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ умѣніемъ излагать юридическія мысли простымъ, яснымъ языкомъ, нагляднымъ образомъ, такъ что нельзя не признать основательности мнѣнія Финляндскаго Ревизіоннаго Комитета 1843 г., что „чувство законности, живущее въ сердцахъ народа, въ значительной степени обусловлено тѣмъ, что дѣйствующее съ 1734 г. уложеніе приспособлено къ народнымъ потребностямъ и, благодаря своей популярной формѣ и своему изложенію, укрѣпилось въ народномъ понятіи“.

Проектъ новаго уложенія былъ предложенъ на обсужденіе риксдага, собравшагося въ 1731 г. Въ 1734 г. риксдагъ принялъ уложеніе въ качествѣ „общаго, постояннаго и незыблемаго закона Швеціи“. Король утвердилъ положеніе 23 Января 1736 г. Послѣ того, какъ вся законодательная власть въ сущности сосредоточилась въ риксдагѣ,—можно было ожидать, что постепенно исчезнетъ различіе между законодательствомъ общимъ и экономическимъ. Однако, это различіе всетаки сохранилось. Строй и порядокъ сеймоваго законодательства былъ слишкомъ тяжеловѣсенъ и сложенъ для изданія нормъ закона, требующихъ быстраго приспособленія къ условіямъ времени и поэтому нуждающихся въ частой перемѣнѣ. Эта точка зрѣнія признана и указана какъ въ предисловіи къ напечатанному проекту уложенія 1734 г., такъ и въ манифестѣ объ утвержденіи уложенія 23 Апрѣля 1736 г. Въ упомянутомъ манифестѣ указано во 1) что въ уложеніи не имѣется отдѣла о королѣ, ибо все то, „что ранѣе въ таковомъ отдѣлѣ было сказано про правомочія короля и тому подобные вопросы, нынѣ, купно съ правами и привилегіями государственныхъ со-

словій, подробно указано и установлено въ избирательной грамотѣ государственныхъ чиновъ, Нашемъ удостовѣреніи, Формѣ правленія и постановленіяхъ риксдага, которые акты должны быть признаваемы и уважаемы, какъ фундаментальный законъ о порядкѣ управленія, принятый Нами и государственными чинами; 2) что все то, что установлено особыми привилегіями, не могло войти въ сіе общее уложеніе; 3) что прежнія уложенія, земскія и городскія, нынѣ слиты воедино, но такъ, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ указано, коль скоро какое либо различіе должно быть сохранено между правами въ селахъ и правами въ городахъ; 4) что сіе уложеніе не содержитъ въ себѣ всего того, что относится къ особо установленному порядку судопроизводства и къ особымъ судамъ и что касается постановленій о полиціи и хозяйствѣ, которыя подвергаются болѣе частымъ измѣненіямъ, сообразно различнымъ обстоятельствамъ; 5) что нѣкоторые особые предметы, съ коими рѣдко имѣешь дѣло, исключены изъ уложенія".—„Впрочемъ, работа произведена тщательнѣйшимъ образомъ, такъ, чтобы въ данномъ уложеніи находились всѣ наиболѣе необходимыя постановленія, которыя относятся къ частной жизни въ благоустроенномъ государствѣ и которыя могли бы служить руководствомъ въ дѣлахъ взысканія и процесса".

Въ Уложеніи встрѣчаются ссылки на спеціальныя постановленія и узаконенія, стоящія внѣ уложенія, какъ бы дополняющія его (ср. напр. отдѣлъ о судопроизводствѣ, глава 10, § 26, гдѣ говорится объ административно-судебныхъ дѣлахъ; отдѣлъ о торговлѣ, глава 14, § 13, о работодателѣ и работникѣ; отдѣлъ о строеніи, глава 29, о постройкѣ домовъ въ городахъ; и т. п.).

Такимъ образомъ съ середины XVIII ст. установлено прочно различіе между 3 группами законоположеній: 1) первую группу составляло „уложеніе 1734 г." и всѣ постановленія, которыя подлежали внесенію въ оное для замѣны или измѣненія содержащихся въ уложеніи нормъ; 2) вторую группу составляли всѣ тѣ законоположенія, которыя опредѣляли порядокъ государственнаго устройства и управленія, т. н. фундаментальные или основные законы: форма правленія, привилегіи и акты о престолонаслѣдіи; 3) третью группу составляли постановленія о полиціи и хозяйствѣ, т. е. все, что касалось государственной экономіи, въ широкомъ смыслѣ слова, должностей и учрежденій. Для изданія и измѣненія привилегій требовалось согласіе всѣхъ сословій, а для отмѣны или измѣненія основныхъ законовъ съ 1766 г. требовалось, кромѣ того, согласіе

двухъ другъ за другомъ слѣдующихъ сеймовъ [1]). Экономическое законодательство ввѣрено правительству (номинально королю и совѣту, фактически—одному совѣту), но правительство не имѣло болѣе права по своему усмотрѣнію измѣнять, давать или отмѣнять привилегіи. Наконецъ, т. н. резолюціи на жалобы отдѣльныхъ сословій также перешли изъ рукъ короля въ сферу сеймоваго законодательства; для нихъ требовалось согласіе всѣхъ сословій. Фактически риксдагъ въ эпоху 1719—1772 гг. не осуществлялъ своей законодательной функціи въ полномъ объемѣ. Экономическое законодательство оставалось въ рукахъ правительства, которое, впрочемъ, было партійнымъ, находившимся въ полной зависимости отъ большинства въ куріяхъ риксдага. На т. н. экономическихъ законахъ „эпохи вольности" лежитъ яркій отпечатокъ попеременнаго господства двухъ враждовавшихъ партій, „колпаковъ" или „шапокъ" и „шляпъ" (первая была партія миролюбивая и не враждебно относившаяся къ Россіи, вторая партія воинственная, враждебная Россіи).

Сословная рознь, раздоры партій, партійная эксплоатація государственнаго хозяйства вожаками партій, развращеніе чиновническаго класса и униженіе королевской власти привели систему „вольностей" къ гибели. Государственный переворотъ 1772 г. положилъ конецъ „эпохѣ свободы". Появилась знаменитая форма правленія 21 Августа 1772 г. (о которой рѣчь будетъ еще впереди). Сія форма правленія объявила объ упраздненіи всѣхъ основныхъ законовъ, изданныхъ въ промежуточное время съ 1680 г. до 1772 г. Королевская власть возстановлена въ своихъ правахъ въ предѣлахъ, существовавшихъ до провозглашенія „единовластія". Что касается законодательныхъ функцій короля, то Ф. правл. 1772 г. въ §§ 40—42 установила, что король, безъ согласія сословій, или государственные чины, безъ согласія короля, не имѣютъ права издавать новый законъ или отмѣнять старый. Это положеніе Ф. правленія формулировано въ такихъ же словахъ, какъ въ древнемъ отдѣлѣ о королѣ въ Уложеніи 1442 г. Подъ словами „старый законъ" (gammal lag) подразумѣвалось, если не исключительно, то преимущественно,—уложеніе 1734 г., подъ словами же „новый законъ" (ny lag)—всякое измѣненіе въ уложеніи. Если возникалъ новый законодательный вопросъ, то государственнымъ

---

[1]) Этотъ законъ изданъ подъ давленіемъ и благодаря вліянію русскаго посланника, по мысли Екатерины II.

чинамъ было гарантировано участіе, т. е. требовалось ихъ согласіе для его рѣшенія (§ 43). Подъ такимъ новымъ законодательнымъ вопросомъ (en ny lagfråga) подразумѣвался законодательный вопросъ такого рода, который, если бы онъ возникъ въ эпоху до изданія уложенія 1734 г., вошелъ бы въ составлявшееся уложеніе.

Форма правленія умалчивала о древнемъ правѣ короля издавать постановленія, уставы, учрежденія. Умолчаніе объ этомъ несомнѣнномъ древнемъ правѣ заключало въ себѣ, такъ сказать, признаніе его въ предѣлахъ, до 1680 г. существовавшихъ. Какъ указано выше, въ то же время было обезпечено согласіе риксдага въ случаѣ изданія новаго закона или при рѣшеніи новыхъ законодательныхъ вопросовъ. Этимъ какъ бы установлено нѣкоторое матеріальное ограниченіе права королевскаго экономическаго законодательства. Что Ф. пр. не содержитъ въ себѣ точныхъ постановленій о королевской законодательной прерогативѣ, это объясняется тѣмъ, что и въ основныхъ законахъ до 1680 г. о ней не говорилось въ точности. Ф. правленія 1772 г. преимущественно имѣла въ виду отграничить права риксдага отъ правъ короля, предоставляя королевское экономическое законодательство его собственному опредѣленію, но въ то же время она (въ § 39) содержитъ въ себѣ постановленіе, имѣющее въ виду охрану сферы королевскихъ правъ отъ посягательства со стороны риксдага. А именно, § 39 гласитъ: „Государственные чины обязаны тщательно и добросовѣстно оставлять въ неприкосновенности всѣ королевскія права, какъ они установлены законами Швеціи, въ полной силѣ и въ полномъ объемѣ, и все, что такимъ образомъ считается къ власти королевской, усердно, заботливо и тщательно защищать, укрѣплять и соблюдать“... Послѣ изданія Ф. пр. 1772 г. риксдагъ, участвуя при рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ, выступаетъ въ двоякой роли: 1) какъ органъ законодательной власти наравнѣ съ королемъ, въ сферѣ „общаго законодательства“, и при изданіи или отмѣнѣ привилегій и основныхъ законовъ, и 2) какъ органъ законо-совѣщательный въ дѣлахъ законодательства экономическаго. Такъ сейму 1778 г. король предложилъ на обсужденіе проектъ устава о прислугѣ, проектъ постановленія о мѣрахъ содѣйствія кредиту путемъ улучшенія порядка взысканій, объявляя, что это проекты законовъ экономическихъ, относительно коихъ король желалъ узнать лишь всеподданнѣйшее мнѣніе сейма и его совѣтъ, предоставляя себѣ затѣмъ объявить свое Высочайшее рѣшеніе.

Въ тронной рѣчи, при открытіи сессіи риксдага 1778 г., король

Густавъ III указалъ на различіе между тѣми законодательными вопросами, которые король не можетъ рѣшать безъ содѣйствія и согласія государственныхъ чиновъ, и тѣми, по поводу которыхъ сеймъ можетъ, по приглашенію короля, высказать лишь свое мнѣніе, не связывая имъ короля. Съ тѣхъ поръ каждому риксдагу въ Швеціи король предлагалъ на *обсужденіе* различные проекты экономическихъ законовъ, подчеркивая, что въ данныхъ дѣлахъ онъ, и выслушавъ заключеніе сейма, остается свободнымъ въ своемъ рѣшеніи. Такъ напр., въ 1800 г. риксдагу предложенъ на заключеніе проектъ закона о наймѣ прислуги, проектъ положенія о городьбѣ и о содержаніи гастгеберскихъ дворовъ. Однако, король расширялъ свою законодательную перерогативу и за предѣлы экономическаго законодательства, вторгаясь въ сферу общаго законодательства. Это имѣло мѣсто въ особенности послѣ изданія акта соединенія и безопасности 1789 г. все чаще и во все возрастающихъ размѣрахъ. Такъ напр., изданъ 28 Іюня 1798 г. законъ о конкурсѣ, о раздѣлѣ брачнаго имущества, объ отказѣ отъ наслѣдства, а въ 1807 г. король (Густавъ IV Адольфъ) издалъ своею властью цѣлое дополненіе къ уложенію, подъ названіемъ „Объясненіе" (förklaring), ссылаясь на свое право толковать и дополнять законъ [1]).

На началахъ, установившихся въ 1772 — 1809 гг., развивалось финляндское законодательство до 1899 г. Но и эту эпоху (1809—1899 г.) можно и должно раздѣлить на 2 періода, съ точки зрѣнія главныхъ чертъ и тенденцій въ законодательствѣ, какъ въ формальномъ, такъ и матеріальномъ отношеніи: съ 1809 — 1863 гг. и съ 1863—1899 гг. Первый періодъ (1809—1863 гг.) характеренъ въ томъ отношеніи, что весь центръ тяжести перешелъ въ область законодательства экономическаго, т. е. общее законодательство не подвигалось впередъ въ виду того, что одинъ изъ органовъ его, сеймъ, не призывался къ труду. Монархъ пользовался своимъ правомъ не созывать его, но какъ Императоръ Александръ I, такъ и Императоръ Николай I, неоднократно торжественно признавали компетенцію сейма и его право участвовать какъ въ изданіи, общихъ законовъ, такъ и при измѣненіи или отмѣнѣ привилегій (ср. напр. Рескриптъ о составленіи новаго церковнаго уложенія, 14 Августа 1817 г., и Манифестъ о предоставленіи служебныхъ правъ подданнымъ грекороссійскаго вѣроисповѣданія, 14 Августа

---

[1]) Это объясненіе напечатано по шведски и съ русскимъ переводомъ въ прибавленіи къ русскому изданію уложенія 1734 г., появившемуся въ 1824—1827 гг.

1827 г.) и признавали содѣйствіе сейма въ такихъ случаяхъ необходимымъ реквизитомъ законодательнаго порядка [1]).

Оживленіе въ сферѣ экономическаго законодательства имѣло естественнымъ послѣдствіемъ расширеніе его границъ (какъ указано выше, искони шаткихъ и неопредѣленныхъ), хотя далеко не въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ оно расширялось въ эпоху 1789—1809 гг. при Густавѣ III и Густавѣ IV Адольфѣ [2]).

Законодательству 1809—1863 гг. присуща еще одна характерная черта. Какъ увидимъ позже,—условія присоединенія Финляндіи къ Имперіи Россійской были ясны и опредѣленны только съ точки

---

1) Мысль созвать сеймъ появлялась неоднократно въ эпоху 1809—1863 гг. и въ правительственныхъ сферахъ: въ 1813—1814 гг. и въ 1819—1823 гг. (при Императорѣ Александрѣ I), и въ 1838—1839 гг., при Императорѣ Николаѣ I.

2) Въ эпоху 1809 — 1863 гг., административнымъ порядкомъ и безъ всякаго содѣйствія земскихъ чиновъ или (въ началѣ, въ 1809—1810) по выслушаніи ихъ необязательнаго для правительства мнѣнія, изданы: 1) постановленія, касающіяся порядка управленія и организаціи учрежденій административныхъ и судебныхъ, какъ-то: учрежденіе Правит. Совѣта 18 Августа 1809 г. и цѣлый рядъ дополнительныхъ къ нему постановленій, Инструкціи Генералъ-Губернатору и Прокурору Сената 1811 и 1812 гг.; постановленія объ устройствѣ тюремной части, лѣсной части, таможеннаго вѣдомства, Финляндскаго банка, объ учрежденіи Гофгерихта въ Выборгѣ, объ упраздненіи мануфактурныхъ судовъ, рядъ узаконеній о печати, о финансахъ края, постановленія объ оброко-положеніи, въ 1839—1840 г., о монетѣ, въ 1840 и въ 1860 гг., о раздѣленіи бюджета, въ 1841 г. 2) постановленія въ измѣненіе, дополненіе или изъясненіе отдѣловъ о наказаніяхъ и о судопроизводствѣ общаго уложенія 1734 г., какъ-то: Выс. Объявл. 15 Февраля 1811 г., Выс. Пост. 6 Сентября 1811 г., Выс. Пост. 28 Сентября 1811 г., Выс. Пост. 14 Ноября 1812 г., 25 Ноября 1812 г., 8 Апрѣля 1815 г., 18 Февраля 1816 г., 9 Октября 1816 г., 4 Іюня 1817 г., Выс. Рескриптъ 22 Іюля 1817 г., 27 Января 1818 г., 6 Апрѣля 1818 г., 17 Октября 1817 г., Высочайшее Объявленіе 21 Апрѣля 1820 г., Выс. Пост. 2 Іюня 1826 г., Выс. Пост. и Объявл. 2 Іюня 1826 г., Выс. Объявл. 25 Ноября 1826 г., Выс. Рескриптъ 6 Марта 1827 г., Выс. Объявл. 2 Іюля 1827 г., Выс. Рескр. 22 Мая 1830 г., Выс. Пост. 15 Іюля 1834 г., Выс. Пост. 11 Сентября 1834 г., Выс. Рескр. 20 Іюня 1837 г., Выс. Рескр. 5 Декабря 1837 г., Выс. Рескр. 30 Октября 1839 г., 2 Марта 1841 г., и 19 Апрѣля 1841 г., Выс. Объявл. 6 Октября 1842 г., Выс. Рескр. 23 Марта 1843 г., Выс. Объявл. 27 Апрѣля 1843 г. Выс. Рескр. 3 Марта 1846 г., Выс. Объявл. 24 Февраля 1848 г., Выс. Пост. 21 Марта 1853 г., Выс. Объявл. 25 Мая 1859 г., Выс. Рескр. 20 Февраля 1860 г. 3) постановленія въ измѣненіе, дополненіе, выясненіе различныхъ нормъ гражданско-правовыхъ или узаконеній, въ коихъ гражданско-правовыя нормы связаны тѣсно съ административно-правовыми, какъ-то: Выс. Ман. 1 Апрѣля 1812 г., 24 Октября 1842 г., Выс. Пост. 6 Ноября 1843 г., Выс. Объявл. 22 Января 1849 г., Выс. Пост. 25 Февраля 1851 г., 29 Марта 1858 г. (Высочайшій Уставъ), Выс. Объявл. 7 Марта 1859 г., Выс. Пост. 12 Декабря 1859 г (о ремеслахъ и мануфактурахъ).

зрѣнія международно-правовой (съ этой точки зрѣнія Финляндія стала инкорпорированной частью Русской Имперіи). Положеніе же Финляндіи въ составѣ Имперіи, съ точки зрѣнія государственно-правовой, было далеко не точно опредѣлено; правительственные акты, говорившіе о положеніи Финляндіи въ составѣ Имперіи, страдали полнымъ отсутствіемъ опредѣленности въ выраженіяхъ и допускали самыя разнообразныя, противорѣчивыя толкованія. Признаніе мѣстной автономіи за областью, состоящей изъ 8 губерній, сохраненіе особаго для нихъ порядка законодательства, суда и управленія,—требовало точнаго опредѣленія отношенія мѣстнаго автономнаго законодательства къ обще-имперскому. Автономная область не можетъ жить вполнѣ отдѣльной жизнью отъ метрополіи; въ противномъ случаѣ мѣстная автономія грозитъ превратиться постепенно въ политическую обособленность и сдѣлаться переходной ступенью къ полной политической самостоятельности. И при самомъ лойяльномъ соблюденіи автономіи, потребность общей политической связи должна была привести къ установленію общихъ органовъ законодательства и управленія — для законодательнаго и административнаго рѣшенія вопросовъ, въ коихъ замѣшаны были интересы центра. Общность личности монарха и общность международнаго представительства не достаточны для удовлетворенія всѣхъ общихъ интересовъ. Нераздѣльность престола требовала большаго, и самая широкая автономія не устраняетъ извѣстнаго минимума общихъ задачъ и средствъ ихъ исполненія. Но не было создано ни общаго органа законодательства, ни общаго органа управленія, что привело къ весьма неблагопріятнымъ послѣдствіямъ, неблагопріятнымъ какъ для Россіи, такъ и для Финдляндіи. Этотъ пробѣлъ давалъ себя чувствовать уже въ эпоху 1809—1863 гг. Онъ далъ поводъ къ нѣкоторымъ палліативнымъ мѣрамъ, установившимъ какъ бы не гласный порядокъ общаго законодательства. Самые важные законодательные вопросы, въ рѣшеніи коихъ Имперское правительство не могло не быть заинтересованнымъ, рѣшались или по обсужденіи ихъ въ комитетахъ, состоявшихъ изъ представителей Россіи и Финляндіи, или по обсужденіи ихъ въ Министерствахъ Имперіи. Такъ напр. таможенные тарифы Финляндія до 1860 г. издавались по обсужденіи ихъ въ Министерствѣ Финансовъ; денежная реформа 1840 г. также обсуждалась въ М-ствѣ Ф-совъ; проектъ Университетскаго Устава 1828 г. обсуждался въ особомъ Комитетѣ при М-ствѣ Нар. Просвѣщенія; проектъ кодификаціи Финляндскихъ

законовъ обсуждался въ II отд. Собств. Его В. Канцеляріи; проектъ монетной реформы 1860 г. обсуждался въ Совѣтѣ Кредитныхъ Установленій.

Послѣ 1863 г., т. е. послѣ созыва сейма, начинается обратное теченіе въ исторіи права законодательства.[1]) По созыву правительства (до сейма 1863 г.) собрался въ 1862 г. комитетъ уполно-

---

[1]) Какъ смотрѣло русское правительство на власть русскаго монарха въ Финляндіи, это явствуетъ изъ слѣдующей передовой статьи въ оффиціальной газетѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ „Сѣверная Почта" № 12, 16 Января 1862 г.

8/20-го Января 1862 года—важнѣйшій день для Финляндіи: въ этотъ день начались засѣданія той комиссіи, которой Высочайше повелѣно приготовить дѣла для второго финляндскаго сейма. Первый, какъ извѣстно, былъ въ Борго въ 1809 году, до заключенія мира съ Швеціей. До тѣхъ поръ финляндскіе представители четырехъ народныхъ сословій ѣздили на сеймы въ Швецію, гдѣ число финляндскихъ представителей всегда составляло рѣшительное меньшинство. Въ 1809 году, по зову Императора Александра Павловича, впервые собрались представители одной Финляндіи.

Этотъ сеймъ замѣчателенъ важностью дѣлъ, на немъ рѣшенныхъ: тутъ объявлено и утверждено, что 1) Финляндія навсегда присоединяется къ Россіи, 2) составляетъ съ тѣхъ поръ Великое Княжество, 3) сохраняетъ свое государсвенное и общественное устройство, свои законы и вѣру, 4) получаетъ отдѣльное управленіе, судебное и финансовое.

Не пускаясь въ подробности по всѣмъ этимъ предметамъ, замѣтимъ только, что государственное устройство въ Финляндіи оставлено неизмѣннымъ, то самое, какое было тогда въ Швеціи, установившись послѣ преобразованія, совершеннаго королемъ Густавомъ III въ 1772 году. Этимъ преобразованіемъ королевская власть въ Швеціи сдѣлалась самодержавною и такою она перешла на Великаго Князя Финляндскаго, достоинство котораго неотдѣльно отъ особы Императора Всероссійскаго. Швеція, по отдѣленіи отъ нея Финляндіи, перемѣнила свое государственное устройство, и съ тѣхъ поръ—въ Швеціи образъ правленія монархическій, ограниченный, но Финляндіи эта перемѣна не коснулась.

По существующему положенію, финляндскій сеймъ сзывается не въ опредѣленные сроки, а когда Государь признаетъ за благо созвать его. На сеймѣ представители четырехъ народныхъ сословій выражаютъ свое мнѣніе только по вопросамъ, какіе правительствомъ отъ имени Государя предлагаются на обсужденіе сейма. Каждое изъ четырехъ народныхъ сословій разсуждаетъ о предложенномъ вопросѣ особо и выражаетъ свое мнѣніе объ немъ; это мнѣніе сословія, утвержденное большинствомъ голосовъ, считается однимъ изъ голосовъ сейма, который, такимъ образомъ, имѣетъ всего — четыре голоса. Рѣшеніе, принятое большинствомъ голосовъ, т. е. не менѣе какъ тремя сословіями, подносится, какъ проектъ закона, на благоусмотрѣніе Государя. Если Государь утвердитъ рѣшеніе сейма, то оно становится положительнымъ закономъ; а безъ того остается только выраженнымъ мнѣніемъ—не болѣе.

Очевидно, финляндскому сейму предоставленъ только совѣщательный голосъ;

моченныхъ отъ сословій для обсужденія важнаго вопроса, какіе вопросы должны быть поставлены на очередь при созывѣ перваго сейма (послѣ 50 лѣтъ), а затѣмъ—какіе вопросы входятъ въ компетенцію сейма, какія дѣла могутъ быть рѣшаемы административнымъ порядкомъ? Подавляющее большинство законодательныхъ вопросовъ, указанныхъ комитетомъ въ качествѣ ожидающихъ рѣшенія въ духѣ требованій новаго времени и подлежащихъ рѣшенію при участіи земскихъ чиновъ, дѣйствительно искони обсуждалось въ риксдагахъ Швеціи и относилось или къ области общаго законодательства, или къ области сословныхъ привилегій. Но среди вопросовъ, поставленныхъ на очередь комитетомъ, находятся и нѣкоторые, коихъ рѣшеніе всецѣло относилось къ прерогативѣ монарха.

рѣшительный же источникъ законодательной власти — Государь, также какъ онъ — верховный правитель Финляндіи. Тѣмъ не менѣе сеймъ чрезвычайно важенъ... Послѣ перваго финляндскаго сейма прошло слишкомъ полвѣка,—50 лѣтъ въ девятнадцатомъ столѣтіи!—Легко себѣ представить, сколько накопилось вопросовъ для разсмотрѣнія ихъ народнымъ сеймомъ и верховною властію! Естественно поэтому, что финляндцы чрезвычайно обрадовались, узнавши Монаршую волю—созвать въ непродолжительномъ времени финляндскій сеймъ.

Изъ огромнаго множества предметовъ, требующихъ разсмотрѣнія на сеймѣ, Императорскій Финляндскій Сенатъ избралъ нужнѣйшіе, и ихъ то разсмотрѣніемъ займется теперь особенная комиссія въ Гельсингфорсѣ. Эта комиссія состоитъ изъ сорока восьми (48) выборныхъ: 12 отъ сословія дворянъ, 11 отъ духовенства и 1 отъ университета, 12 отъ городовъ и 12 отъ сельскихъ землевладѣльцевъ—не дворянъ. Это выборные, а не представители сословій; всѣ вопросы разсматриваются цѣлою комиссіею, а не по сословіямъ; голоса подаются каждымъ изъ выборныхъ отдѣльно, какъ личное мнѣніе каждаго изъ нихъ, а не какъ мнѣніе сословія. Словомъ—назначеніе комиссіи: приготовить дѣла для сейма. Комиссія признана необходимою именно потому, что въ Финляндіи такъ долго не было сейма, и отъ того накопилось слишкомъ много вопросовъ для дѣятельности законодателя.

Соизволеніемъ на созывъ сейма, удовлетворяя одной изъ крайнихъ надобностей Финляндіи, Государь Императоръ этимъ знакомъ заслуженнаго довѣрія къ финляндцамъ пріобрѣлъ новыя права на ихъ любовь къ нему, а тѣмъ самымъ и утвердилъ связь, соединяющую ихъ съ Россіей:—въ этомъ единственное значеніе настоящаго событія для Россіи.

Надѣюсь, что изъ сказаннаго здѣсь ясно: 1) что Государь не далъ и не обѣщалъ финляндцамъ никакихъ новыхъ правъ, никакого новаго учрежденія; и 2) что созваніе сейма въ Финляндіи ничего не перемѣняетъ въ отношеніяхъ къ ней Государя Императора, а только доказываетъ, что онъ равно заботится о благѣ всѣхъ своихъ подданныхъ.

С. Барановскій.

Хотя эта статья и подписана С. Барановскимъ, но изъ тона ея видно, что это оффиціально выраженное мнѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

При рѣшеніи ихъ сеймъ могъ играть лишь роль законосовѣщательнаго органа, и они могли быть рѣшены также и безъ содѣйствія сейма. Таковы были вопросы: объ организаціи общиннаго самоуправленія въ селахъ и городахъ, объ изданіи новаго закона, о законномъ заступленій (laga försvar) и устава о прислугѣ, о свободѣ хлѣбной торговли, объ организаціи банковаго дѣла и т. п. Неясныя границы правъ общаго (сеймоваго) и экономическаго (административнаго) законодательства стали отодвигаться въ ущербъ прерогативѣ монарха, при чемъ начала укореняться точка зрѣнія, которая не можетъ быть оправдана, если не уклоняться отъ историческихъ основъ шведскаго права. А именно: установилось воззрѣніе, будто всякій законодательный вопросъ, разъ рѣшенный при содѣйствіи земскихъ чиновъ, тѣмъ самымъ навсегда вошелъ въ сферу сеймоваго законодательства, даже если онъ по существу принадлежитъ къ области законодательства экономическаго. Т. е. правило: старый законъ не можетъ быть отмѣненъ, новый законъ не можетъ быть изданъ безъ согласія земскихъ чиновъ, — стало примѣняться не только къ нормамъ, входящимъ въ рамки уложенія 1734 г., но и къ нормамъ, кои въ теченіе столѣтій, до 1719 г., а затѣмъ съ 1772 г. снова безспорно были нормами экономическаго законодательства. Такое вторженіе сейма въ сферу монаршихъ прерогативъ никоимъ образомъ не могло быть оправдано положеніями тѣхъ основныхъ законовъ, коими дорожили и дорожатъ финляндцы. Ст. 39 Ф. Пр. 1772 г. строго запрещаетъ сейму посягать на власть и права монарха. Несомнѣнно, что со стороны Высочайшей власти не было своевременно указано на начало незыблемости монаршихъ правъ, но по духу и буквѣ Ф. Пр. 1772 г. сеймъ не долженъ былъ бы пользоваться уступками правительства.

Главная вина падаетъ на Финляндскій сенатъ и прокурора, которые не замѣчали все сильнѣе растущей законодательной власти сейма и сокращенія законодательной власти монарха [1])

---

[1]) Финляндскій юристъ Л. Мехелинъ, въ своемъ сочиненіи „Das Staatsrecht des Grossfürstenthums Finland", видитъ въ этомъ расширеніи законодательнаго права и вліянія сейма естественную эволюцію конституціонныхъ началъ. Эта ссылка на естественную эволюцію звучитъ нѣсколько странно въ устахъ финляндскаго юриста, ибо финляндскіе юристы дорожатъ святостью и незыблемостью положительнаго *писаннаго закона*. Lagens helgd—святость закона, любимое выраженіе финляндскихъ юристовъ и публицистовъ. Святость закона, т. е. святость формально и извѣстнымъ порядкомъ выраженной воли законодательныхъ органовъ не вяжется съ неформальной эволюціей. Кто ссылается на положеніе „fiat justitia, pereat mundus",

Въ 1869 году изданъ сеймовый уставъ. Можно было бы сказать, что нынѣ этимъ основнымъ закономъ законодательная власть сейма въ предѣлахъ, установившихся въ періодъ 1863—1869 гг., утверждена, и указанное выше развитіе санкціонировано Высочайшей властью. Но такое разсужденіе едва ли основательно, ибо нужно имѣть въ виду: 1) что сеймовый уставъ 1869 года—законъ процессуальный, т. е. цѣль его нормировать порядокъ дѣятельности и составъ сейма, а не предѣлы власти монарха и 2) что въ формулѣ санкціи сего основного закона, поставленной передъ подписью Императора Александра II, торжественно заявлено, что монархъ сохраняетъ за собою всѣ права, предоставленныя шведскому королю Формой Правленія 1772 г. и Актомъ соединенія и безопасности 1789 г., т. е. въ томъ числѣ и власть экономическаго законодательства въ полномъ ея объемѣ.

Поэтому и по изданіи сеймоваго устава 1869 года слово „законъ" (lag) должно быть толкуемо въ смыслѣ, въ коемъ оно понималось въ 1772 году.

Результатъ указаннаго движенія (расширеніе сеймоваго законодательства въ ущербъ административнаго, экономическаго) выразился въ томъ, что рядъ законовъ такого рода, которые ранѣе издавались по усмотрѣнію верховной власти, съ 1863 года сталъ издаваться при содѣйствіи сейма, причемъ сеймъ все рѣже выступалъ въ роли просто совѣщательнаго учрежденія, настаивая на томъ, что принятое имъ законоположеніе должно было быть или дословно санкціонировано монархомъ, или цѣликомъ отвергнуто, притомъ не только законоположеніе по вопросамъ, относящимся къ области права уголовнаго и гражданскаго, но и по вопросамъ, относящимся къ области права административнаго. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что содѣйствіе силъ общества при обсужденіи законодательныхъ вопросовъ имѣло во многихъ случаяхъ благотворное вліяніе. Правительственные проекты подвергались тщательной, многосторонней критикѣ (отзывы сеймовыхъ комитетовъ представляютъ собою иногда цѣлыя обширныя монографіи по тому или иному спеціальному вопросу, съ прекрасными историческими обзорами и теоретическими разсужденіями); „общее" законодательство много выиграло въ полнотѣ и отзывчивости, но для рѣшенія административно-законодательныхъ

тотъ долженъ держаться его и въ томъ случаѣ, когда его осуществленіе идетъ въ разрѣзъ съ интересами, которые онъ защищаетъ.

вопросовъ сеймовый процессъ законодательства былъ слишкомъ тяжеловѣснымъ аппаратомъ, и при сліяніи порядка законодательства общаго и экономическаго терялась эластичность административныхъ законовъ, которые должны приспособляться къ измѣняющимся условіямъ времени и мѣста. Такъ, напримѣръ, изданы не административнымъ, а обще-законодательнымъ порядкомъ постановленія объ общинномъ самоуправленіи въ селахъ 1865 и 1898 гг. и въ городахъ 1873 г., между тѣмъ какъ въ Швеціи соотвѣтствующія постановленія изданы въ 1862 г. собственною властью короля. Обще-законодательнымъ путемъ, т. е. при участіи сейма, изданы также законы о промыслахъ 1868 г., 1879 г., о банкахъ, акціонерныхъ компаніяхъ, паевыхъ товариществахъ и т. п. И въ другомъ направленіи замѣчается теченіе, обратное тому, какое было отмѣчено нами въ эпоху 1809—1863 гг. Финляндское законодательство вполнѣ обособляется отъ русскихъ интересовъ и отъ хода русскаго законодательства.

Обще-государственная связь стушевывается, сознаніе ея необходимости и пользы утрачивается настолько, что всякая попытка ея возстановленія почитается правонарушеніемъ. Между тѣмъ законодательство, какъ и управленіе и вся политическая жизнь автономнаго края, поставленнаго въ связь съ охватывающимъ его обще-государственнымъ тѣломъ, при ослабленіи этой связи поневолѣ все сильнѣе поддается обособляющему теченію.

Особое политическое теченіе части государства, такъ сказать, углубляетъ свое русло. Автономія не есть состояніе неподвижности, а переходная ступень къ одному изъ двухъ состояній: или къмѣстному самоуправленію въ составѣ одного общаго государства, или къ политическому обособленію, направляющемуся къ полной самостоятельности черезъ посредствующія ступени реальной и личной уніи [1]).

---

1) Примѣры тому даетъ исторія Австріи и Англіи. Цислейтанскія области Австріи, напр., Тироль, Стирія, постепенно изъ автономныхъ частей государства переходятъ на ступень провинцій, пользующихся широкимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ; Транслейтанскія области, пользуясь событіями 1866 г., поднялись на ступень особаго государства, связаннаго донынѣ, но едва ли на долго, съ Австріей, на началѣ реальной уніи, причемъ составныя части Венгерскаго королевства, въ свою очередь, изъ автономныхъ областей превращаются въ провинціи, какъ, напр., Трансильванія. Тенденція превращенія уніи реальной въ унію личную проявляется, напротивъ, какъ доказываетъ примѣръ Швеціи-Норвеніи все явственнѣе. — Англійскія колоніи, Канада и Австралія также развиваются изъ автономныхъ областей въ самостоятельныя государства. Развитіе самостоятельнаго мѣстнаго законодательства есть одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ факторовъ обособленія.

Такъ какъ политическіе интересы Россійской Имперіи не допускаютъ возможности обособленія Финляндіи, то рано или поздно долженъ былъ наступить моментъ заторможенія полной самостоятельности мѣстнаго финляндскаго законодательства. Законодательные вопросы, затрогивающіе жизненные интересы цѣлаго государства, не могли быть рѣшаемы ad infinitum обособленнымъ дѣйствіемъ органовъ Имперіи и Великаго Княжества, между которыми существовала связь только въ видѣ какъ бы дипломатическихъ сношеній Министерствъ Имперіи съ Министромъ Статсъ-Секретаремъ Финляндіи или Генералъ-Губернаторомъ. Мысль о созданіи обще-государственнаго законодательнаго органа, неясно высказанная въ 1809 году, а затѣмъ забытая, должна была воскреснуть.

Къ сожалѣнію, поворотъ къ объединительной политикѣ начался тогда, когда политическая мысль въ Финляндіи свыклась съ началомъ полнаго самостоятельнаго законодательства, съ самой широкой автономіей, когда событія 1809 г. рисовались въ памяти не въ дѣйствительной ихъ исторической окраскѣ, а въ той, которая соотвѣтствовала политическимъ теоріямъ 1870-хъ и 80-хъ годовъ и вожделѣніямъ политиковъ и публицистовъ, воодушевленныхъ такими теоретическими идеалами и политическими принципами, которые поколѣнію 1809 г. еще не были извѣстны. Что 50 лѣтъ тому назадъ было бы сочтено за результатъ, если и не очень желательнаго для финляндцевъ, то во всякомъ случаѣ естественнаго политическаго процесса,—то же самое въ 90-хъ годахъ было признано за нарушеніе всѣхъ обѣщаній и за посягательство на священное, неприкосновенное право.

Предвѣстники акта 1899 г. появились въ 1889 г., 1890 г. и 1891 г

Уголовное уложеніе Финляндіи, принятое сеймомъ и уже получившее Высочайшую санкцію, найдено было не соотвѣтствующимъ достоинству Россіи, ибо Россія трактовалась въ немъ на положеніи иностранной державы, при томъ державы малокультурной. Оно было подвергнуто обсужденію русскихъ государствен-

---

Наоборотъ, установленіе, упроченіе и расширеніе общаго имперскаго законодательства въ Германскомъ союзномъ государствѣ служитъ лучшимъ факторомъ побѣды надъ партикуляризмомъ. Передовое государство Германской Имперіи—Пруссія образовала свое государственное единство путемъ осторожнаго, но послѣдовательнаго сведенія областной автономіи Восточной Пруссіи, Помераніи, Силезіи и западныхъ владѣній (Клеве, Бергъ, Маркъ) на ступень мѣстнаго самоуправленія, болѣе узкаго, нежели въ Австріи, но достаточно широкаго для защиты и соблюденія мѣстныхъ интересовъ.

ныхъ дѣятелей и теоретиковъ и издано черезъ нѣсколько лѣтъ съ нѣкоторыми измѣненіями.

Въ то же время возникъ вопросъ о сближеніи финляндскихъ системъ монетной, таможенной и почтоваго управленія съ имперскими. Монетная реформа въ Финляндіи 1860—1877 г., таможенная система, установленная въ 1858 г., почтовое управленіе, уже съ 20-хъ годовъ совершенно обособившееся отъ имперскаго, наконецъ, созданіе особаго финскаго войска, дали Финляндіи почти всѣ главные административные атрибуты государства. Между тѣмъ какъ на западѣ Европы вполнѣ суверенныя государства сближались другъ съ другомъ и устанавливали все болѣе прочную экономическую и военную связь (Скандинавская монетная унія, обще-скандинавское вексельное право, обще-скандинавское морское право; обще-германскій вексельный уставъ, обще-германскій гражданскій кодексъ, германскій обще-имперскій высшій судъ, общая таможенная система, общее почтовое управленіе, объединеніе желѣзнодорожной системы, постепенное сліяніе армій путемъ включенія въ Прусскую армію войскъ Бадена, Брауншвейга, Ганзейскихъ городовъ и другихъ мелкихъ государствъ, устройство общаго флота и т. д.), на востокѣ наоборотъ,—присоединенный на основаніи завоеванія край твердо держался своей обособленности въ отношеніи монетъ, мѣръ и вѣсовъ, войска, почтъ, желѣзныхъ дорогъ, таможенной политики.

Въ царствованіе Императора Александра III рѣшено было покончить съ этой обособленностью. Почта была подчинена общеимперскому законодательству и управленію; были учреждены комитеты для обсужденія вопросовъ объединенія монетной и таможенной системъ.

Въ силу Выс. Пост. 1 Августа 1891 г. (п. 1) Министру Статсъ-Секретарю Финляндіи „предварительно всеподданнѣйшаго доклада проектовъ новыхъ законовъ для Великаго Княжества, а также предложеній Финляндскому Сейму предписано запрашивать заключенія Министровъ Имперіи въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло вмѣстѣ съ тѣмъ касается интересовъ Имперіи и ихъ вѣдомства“. Одновременно возникъ болѣе общій вопросъ. Вскорѣ послѣ перваго сейма 1863—64 гг. учреждена была въ Финляндіи комиссія, задачей которой была кодификація основныхъ законовъ края. Работы этой комиссіи (названной Норденстамской комсисіей, ибо предсѣдателемъ былъ извѣстный въ качествѣ вице-канцлера университета и вице-президента Сената, генералъ баронъ Норденстамъ) къ положительному результату не привели. Въ 80-хъ годахъ была учреждена новая

комиссія для кодификаціи основныхъ законовъ (т. к. Вейсенбергская, по имени А. Б. Вейсенберга, предсѣдателя ея и главнаго ея дѣятеля, впослѣдствіи прокурора Сената). Въ трудахъ этой комиссіи выразилось такое воззрѣніе на отношенія Великаго Княжества къ Имперіи, которое ничуть не соотвѣтствовало интересамъ Россійскаго Государства, ибо Финляндія фактически возводилась на степень государства, связаннаго съ Россіей исключительно личностью монарха и общими Министрами Иностранныхъ дѣлъ и Военнаго. Одновременно въ Финляндіи, въ сеймѣ, проявилась тенденція, направленная къ ослабленію связи Великаго Княжества съ Имперіей. Между прочимъ, въ сеймъ 1885 г. было внесено предложеніе о признаніи за Финляндіей особаго флага и о нейтрализаціи ея. Всѣ эти событія, тонъ обсужденія ихъ, проявлявшіяся то глухо, то открыто, политическія вожделѣнія финляндцевъ, произвели на русское правительство весьма невыгодное впечатлѣніе. Мелкія столкновенія между русскими жителями въ Финляндіи и финляндскими властями, газетная полемика, вызванная появленіемъ въ Финляндіи сочиненій Мехелина, въ Россіи—трудовъ Ордина, Таганцева, Коркунова, равно какъ писаній Мессароша, Еленева и Петровскаго, обострили отношенія между обществами финляндскимъ и русскимъ и, несомнѣнно, не могли не произвести также впечатлѣнія въ кружкахъ правительственныхъ. Труды комиссіи Вейсенберга и, въ особенности, вопросъ о законодательной компетенціи сейма обсуждались какъ въ кодификаціонномъ отдѣлѣ Государственнаго Совѣта, такъ и въ спеціальныхъ совѣщаніяхъ. Сохраненіе status quo казалось невозможнымъ; оно грозило вызвать серьезныя осложненія въ будущемъ. Уже въ царствованіе Александра III созрѣло сознаніе необходимости выдѣлить законодательные вопросы, касающіеся обще-государственныхъ интересовъ, изъ исключительной компетенціи финляндскаго сейма и создать особый порядокъ законодательства по дѣламъ обще-государственнымъ. Но смерть Императора Александра III въ 1894 г. на нѣкоторое время пріостановила работы, предпринятыя въ этомъ направленіи. Лишь черезъ нѣсколько лѣтъ работа была возобновлена и, послѣ долгихъ обсужденій и колебаній, въ 1899 г. вопросъ былъ рѣшенъ въ томъ направленіи, которое было предуказано въ царствованіе Александра III. 3 Февраля 1899 г. изданъ Манифестъ и органическія правила о порядкѣ законодательнаго рѣшенія обще-государственныхъ вопросовъ. Продолжительность обсужденій назрѣвшаго вопроса и несомнѣнныя колебанія въ высшихъ сферахъ обусловлены были

сложностью и запутанностью юридическаго вопроса о согласованіи полноты власти Русскаго Самодержавнаго Монарха съ добровольно принятымъ имъ же ограниченіемъ своей власти въ Финляндіи. Верховная власть нисколько не отрицала начала правомѣрности, въ силу котораго измѣненіе закона должно было совершаться въ установленномъ закономъ порядкѣ. Съ 1863 г. Монархъ постоянно привлекалъ къ содѣйствію въ важнѣйшихъ законодательныхъ мѣрахъ, касавшихся Финляндіи, сеймъ. Но могъ ли тотъ vacuum, тотъ пробѣлъ въ порядкѣ законодательства, про который сказано выше, быть восполненъ установившимся съ 1863 г., какъ финляндцы говорятъ, конституціоннымъ порядкомъ, т. е. путемъ соглашенія Монарха и земскихъ чиновъ во всѣхъ 4 куріяхъ? Какъ сказано выше: въ теченіе почти 40 лѣтъ политическое развитіе автономной Финляндіи текло по руслу т. ск. центробѣжному: всякая попытка измѣнить это теченіе и повернуть его въ русло центростремительное должна была, таково было убѣжденіе правительства, вызвать оппозицію въ сеймѣ. Несогласіе одной куріи, одного сословія, могло привести къ крушенію правительственнаго проекта. Такое крушеніе было бы фактически подчиненіемъ воли русской власти волѣ финляндскаго сословнаго представительства.

Распущеніе сейма, назначеніе новыхъ выборовъ, т. ск. апелляція къ новому составу представительства, не дало бы желанныхъ результатовъ, благодаря какъ организаціи финляндскаго сейма, (первое сословіе—рыцарство и дворянство, вообще, не выборное, остальныя куріи представляютъ собою только высшіе слои прочихъ классовъ финляндскаго народа), такъ и настойчивому, твердому характеру финновъ. Русской верховной власти предстоялъ выборъ: или идти на вѣрное пораженіе, или же нарушить финляндскую конституцію. Первое было равнозначуще съ оскорбленіемъ достоинства громаднаго государства, понесшаго не мало жертвъ ради пріобрѣтенія Финляндіи, второе грозило вызвать сильную оппозицію въ привыкшей къ полной автономіи Финляндіи. Пришлось рѣшиться идти по послѣднему пути и октроировать новыя органическія правила. Прецеденты были на лицо въ исторіи всѣхъ державъ Европы [1]).

[1]) Форма Правленія Швеціи 1772 г. и Актъ соединенія и безопасности 1789 г. были изданы съ нарушеніемъ шведскаго законодательнаго порядка. Сеймъ въ Борго въ 1809 г. былъ абсолютно не законнымъ съ точки зрѣнія juris strieti. Прусская конституція 1850 г. октроирована королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV. Исторія Франціи, Австріи, Даніи, Италіи пестритъ государственными переворотами и нарушеніемъ писаннаго права. Публичное право нигдѣ не развивалось безъ конфликтовъ.

Органическія правила 3 Февраля 1899 г. („Основныя положенія о составленіи, разсмотрѣніи и обнародованіи законовъ, издаваемыхъ для Имперіи съ включеніемъ Великаго Княжества Финляндскаго") ввели въ систему законовъ, дѣйствующихъ въ Финляндіи, новую крупную категорію законовъ (къ категоріямъ законовъ: основныхъ, общихъ и экономическихъ):—законы, издаваемые по разсмотрѣніи проекта въ сеймѣ, а затѣмъ въ Государственномъ Совѣтѣ (съ заключеніемъ финляндскаго Сената). Означенный законодательный порядокъ установленъ для изданія 1) законовъ, кои дѣйствуютъ на всемъ пространствѣ Имперіи, со включеніемъ В. К. Финляндскаго, и 2) законовъ, примѣняемыхъ въ предѣлахъ Великаго Княжества, если они касаются обще-государственныхъ потребностей или находятся въ связи съ законодательствомъ Имперіи. Возбужденіе законодательнаго вопроса означеннаго рода зависитъ отъ подлежащаго Министра Имперіи, по соглашенію съ Министромъ Статсъ-Секретаремъ В. К. Ф. или Финляндскаго Генералъ-Губернатора. Проектъ обще-имперскаго закона передается на заключеніе Императорскаго Финляндскаго Сената. Если законодательное предположеніе, согласно порядку внутренняго управленія Вел. Кн. Ф., поступаетъ на уваженіе Финляндскаго Сейма, то требуется его заключеніе (Сейма очереднаго, или, въ случаѣ надобности, Сейма чрезвычайнаго). Затѣмъ, проектъ вмѣстѣ съ заключеніемъ Сейма и Сената вносится въ Государственный Совѣтъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ законопроектъ разсматривается при участіи Финляндскаго Генералъ-Губернатора и Министра Статсъ Секретаря Великаго Княжества Финляндскаго, а также тѣхъ сенаторовъ Императорскаго Финляндскаго Сената, кои, по Высочайшему избранію, будутъ особо къ тому назначены.

Такъ какъ законоположеніе разсматривается въ Государственномъ Совѣтѣ на общемъ основаніи, то ясно, что Государь Императоръ не связанъ ни мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, ни заключеніемъ сейма. Отъ него зависитъ утвердить законопроектъ цѣликомъ или частью, или измѣнить отдѣльную статью. Но несомнѣнно, что по отношенію къ означеннымъ законамъ примѣняются ст. 50, 54, 66 нашихъ основныхъ законовъ (Св. з. Т. I ч. 1), въ силу которыхъ законъ, законодательнымъ порядкомъ и за Высочайшимъ подписаніемъ изданный, не иначе можетъ быть отмѣненъ или измѣненъ, какъ тѣмъ же порядкомъ и законодательнымъ актомъ за подписаніемъ Его Величества. Ни устно объявленный указъ, ни Высочайшее повелѣніе, изданное въ порядкѣ упра-

вленія, не можетъ отмѣнить его силы; тѣмъ менѣе его сила можетъ быть отмѣнена или его дѣйствіе парализовано путемъ изданія какого либо циркуляра, инструкціи или частнаго распоряженія со стороны одного изъ министровъ Имперіи или со стороны Финляндскаго Генералъ-Губернатора. Не только для простыхъ подданныхъ, но, думается намъ, и для высшихъ органовъ власти обязательны наши основные законы, между прочимъ и ст. 63, 64 и 65.

Удостоенное Высочайшаго утвержденія мнѣніе Государственнаго Совѣта по законопроекту обнародуется установленнымъ порядкомъ какъ въ Имперіи, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ [1]).

---

[1]) Обнародованіе Манифеста и Основныхъ Положеній 3 Февраля 1889 г. вызвало, какъ извѣстно, въ Финляндіи всеобщую тревогу. Въ означенномъ актѣ большинство финляндцевъ видѣло посягательство на весь общественный и политическій строй Финляндіи, нарушеніе всѣхъ обѣщаній, нарушеніе всѣхъ законовъ, подрывъ правомѣрности, даже посягательство на начала высшей справедливости. Одни утверждали, что весь актъ совершенно лишній, плодъ націоналистическаго доктринерства, что въ особомъ порядкѣ для обсужденія обще-имперскихъ законовъ нужды нѣтъ, что обсужденіе законопроекта такого рода отдѣльно въ Государственномъ Совѣтѣ и Сеймѣ, послѣ предыдущаго соглашенія властей Имперскихъ и финляндскихъ, заключаетъ въ себѣ совершенно достаточное обезпеченіе интересовъ обще-государственныхъ, что при добромъ желаніи съ обѣихъ сторонъ никакихъ конфликтовъ быть не можетъ. Другіе утверждали, что если признана необходимость измѣненія порядка изданія законовъ, касающихся интересовъ какъ имперскихъ, такъ и финляндскихъ, то такое измѣненіе должно было бы совершиться легальнымъ путемъ и на основаніи единогласнаго постановленія 4 сословій сейма. Въ этихъ разсужденіяхъ кроется добрая доля самообольщенія и наивнаго заблужденія. Опытъ доказалъ, что при разрозненномъ порядкѣ изданія законовъ, касающихся и Имперіи, и Великаго Княжества, интересы цѣлаго, интересы обще-государственные не обезпечены. (Самый наглядный примѣръ: изданіе закона о воинской повинности въ Финляндіи въ 1878 г.). Что касается разсчетовъ на добровольное согласіе сейма на ограниченіе его компетенціи, то всякій, кто знакомъ съ обсужденіемъ на сеймѣ вопросовъ, по коимъ приходилось высказывать чувства по отношенію къ Россіи, кто читалъ in extenso протоколы, рѣчи и пренія на сеймѣ съ 1863—1899 г., не повѣритъ въ возможность такого согласія *). Сеймъ безусловно

---

*) Къ сожалѣнію русское правительство донынѣ не озаботилось напечатаніемъ всѣхъ протоколовъ сейма въ переводахъ на русскій и на нѣмецкій или французскій языки. Такой переводъ, конечно, до педантичности точный и правильный, пролилъ бы много свѣта на многія стороны русско-финляндскихъ отношеній. Вообще нельзя не попенять на то, что слишкомъ скупятся у насъ какъ на опубликованіе уже напечатанныхъ данныхъ, такъ и на печатаніе также архивныхъ матеріаловъ. Они лежатъ подъ спудомъ, а между тѣмъ тысячеустое общественное мнѣніе выступаетъ исторіографомъ и создаетъ цѣлый рядъ fables convenues, замѣняя факты догадками и выдумками.

Источники дѣйствующаго финляндскаго права.

Основные законы [1]).

Къ основнымъ законамъ Финляндіи [2]) — финляндскіе юристы причисляютъ прежде всего—Форму Правленія 21 Августа 1772 г., т. е. шведскую государственную конституціонную хартію, изданную Густавомъ III въ 1772 г. послѣ совершеннаго имъ государственнаго переворота. Въ средѣ практическихъ общественныхъ дѣятелей Финляндіи [3]), а также въ числѣ государственныхъ дѣятелей и

[1]) Изданія основныхъ законовъ Финляндіи, вышедшія въ Финляндіи 1) Palmén. Storfurstendömet Finlands Grundlagar jemte till dem hörande Statshandlingar Hfs. 1861.

2) *Mechelin*. Storfurstendömet Finlands Grundlagar jemte Bihang Hfs. 1877 u. 1897.

Мехелинъ. Очеркъ основныхъ законовъ Финляндіи (Переводъ) 1898 г.

3) Въ 1899 г. вышло популярное изданіе: Storfurstendömet Finlands konstitution eller statsförfattning. De viktigaste af våra grundlagars bestämningar samlade för menige man.—

) Извѣстный временщикъ баронъ Г. М. Армфельдъ въ одномъ изъ писемъ къ Нюландскому губернатору Валлену писалъ (въ 1811 г.) „Многіе изъ нашихъ конституціонныхъ законовъ, кои никакъ не могутъ быть измѣнены безъ согласія и постановленія земскихъ чиновъ, такъ плохо составлены, такъ не либеральны, такъ мало соотвѣтствуютъ просвѣщеннымъ взглядамъ новаго времени, что они должны быть замѣнены иными".

[3]) Въ особенности долголѣтній вице-предсѣдатель хозяйственнаго Д-та Финляндскаго Сената, Баронъ Л. Г. ф. Гартманъ, не признавалъ ее дѣйствующимъ въ Финляндіи закономъ.

отвѣтилъ бы въ 1899 г. твердымъ „non possumus". Исторія не знаетъ примѣра добровольнаго отказа народнаго представительства отъ доли его компетенціи. Несомнѣнно сеймъ согласился бы на значительныя *матеріальныя* пожертвованія, но не на жертвы въ формальной своей компетенціи. Шведскіе риксдаги 1772 г. и 1789 г. приняли Форму Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и безопасности лишь подъ давленіемъ штыковъ королевской гвардіи и благодаря угрозамъ крестьянской массы. Отношеніе сейма къ предложенію новаго закона о воинской повинности въ Финляндіи вполнѣ доказало, что финляндскіе политики и всѣ классы общества, причастные къ общественной дѣятельности, твердо рѣшили не поступаться ни малѣйшей долей своихъ формальныхъ привилегій. Несомнѣнно, что эта твердость, рискующая всѣмъ ради охраны каждаго клочка насиженнаго мѣста, есть своего рода добродѣтель, но эта добродѣтель, предвидѣнная русскимъ правительствомъ, лишила его возможности разсчитывать на

публицистовъ Россіи (Сергѣевскій, Михайловъ, Абовъ, Ординъ, Еленевъ, Петровскій) признаніе формы правленія 1772 г. дѣйствую-

---

содѣйствіе сейма. Положеніе „fiat justitia, pereat mundus" хорошій девизъ для украшенія герба, но плохая норма дѣятельности въ области государственной политики. Если неуклонно держаться этого девиза, то слѣдовало прежде всего подвергнуть ревизіи всѣ унаслѣдованные отъ Швеціи основные законы, съ точки зрѣнія „конституціонности" ихъ составленія и изданія. Ссылка на давность была бы неумѣстна. Старинная германская пословица гласитъ: „Hundert Jahre Unrecht geben noch keine Stunde Recht". Если давность можетъ превратить неконституціонной законъ въ конституціонный, то конституціонность акта 3 Февраля 1899 г. есть лишь вопросъ времени. Да и justitia не вполнѣ на сторонѣ финляндцевъ. Многое изъ того, что они защищали и защищаютъ, какъ непоколебимое положеніе и абсолютное требованіе высшей справедливости, какъ убѣжденіе и правило, унаслѣдованныя отъ предковъ,—оказывается при провѣркѣ плодомъ политической мысли послѣдняго поколѣнія и забывчивости тѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ временъ минувшихъ. Напр.: и въ 1877—78 гг., и въ 1899г. ораторы сейма выставляли, какъ conditio sine qua non процвѣтанія Финляндіи и въ нравственномъ, и въ физическомъ отношеніи, какъ гарантію нормальнаго развитія и страны, и индивидовъ, — обособленіе финскаго войска отъ русской арміи, употребленіе его лишь въ предѣлахъ финляндской родины или, въ крайнемъ случаѣ, на сосѣднемъ балтійскомъ побережьи. Нужно было спасти финляндскихъ рекрутъ отъ якобы грубаго обращенія съ солдатами въ русскихъ полкахъ, отъ плохой ѣды, отъ тоски по родинѣ, отъ деморализаціи на чужбинѣ и т. д. Ссылались на обѣщаніе Императора Александра I употреблять финскія войска лишь для защиты Финляндіи и балтійскаго побережья,—но забыто было или осталось неизвѣстнымъ какъ лойально воспользовались финляндцы первой четверти XIX ст. этимъ обѣщаніемъ. Они просили объ уничтоженіи той статьи рескрипта Императора Александра I, которая содержала сіе обѣщаніе. Въ дѣлахъ архива Статсъ Секретаріата (въ грудѣ не внесенныхъ въ реестръ бумагъ 1810—1826 гг.) мною найдены слѣдующіе документы. (По описи не внесенныхъ въ реестръ дѣлъ № 108, 1822 г.):

1) Копія съ рескрипта Императора Александра I отъ 5 Марта 1822, на имя Финляндскаго генералъ-губернатора Штейнгеля:

„Снисходя на прошеніе Финляндскихъ Войскъ, изъявившихъ похвальное желаніе быть употребленными Нами не только на защиту отечественнаго ихъ края и владѣній Россійской Имперіи по берегамъ Балтійскаго моря, но и раздѣлять съ войсками Россійскими честь и славу военныхъ подвиговъ вездѣ, гдѣ представится къ тому случай, повелѣваю отмѣнить вторую статью рескрипта, даннаго мною Генералу отъ Инфантеріи Графу Армфельду 6 Сентября 1812 г. О семъ нашемъ соизволеніи Вы не оставите объявить финляндскимъ войскамъ и удостовѣрить ихъ, что Я принялъ сей новый опытъ усердія ихъ ко мнѣ и къ *общему отечеству нашему* (sic) съ признательностью.

Пребываю Вамъ благосклонный.—(Александръ)".

2) Копія съ рескрипта Императора Александра I на имя командующаго финскими войсками Генералъ-Маіора Эрнрота, отъ 5 Марта 1822 г.:

„J'ai reçu, Général, le rapport par lequel Vous m'exprimez le voeu des troupes finlandaises. J'ai accueilli leur demande avec une veritable satisfaction. Pleines d'une

щимъ основнымъ закономъ встрѣчало и встрѣчаетъ возраженія, которыя основаны на доводахъ политики и права. Юри-

---

noble ardeur pour la défense *de la patrie commune* (sic) et dignes par conséquent de s'associer aux armes Russes, elles recevront la faculté de combattre partout, oú se présentera l'occasion d'acquérir de la gloire. L'article 2-d du Réglement du 6 Septembre 1812 va être changé; annoncez le aux troupes—qui sont sous Vos ordres, temoignez leur, combien je suis sensible à la preuve de dévouement qu'elles me'donnent, et croyez, Général, que je sais reconnaître tout ce que je vous dois pour l'esprit qui règne dans le corps, à la tête duquel je vous ai placé".

(Signé) Alexandre.

Съ подлинника вѣрно. Генералъ-Адъютантъ Князь Меншиковъ".

Въ эпоху съ 20-хъ гг. по 70-е годы никто изъ финляндцевъ не считалъ службу въ русскихъ войскахъ за опасность, несмотря на то, что дисциплина того времени была сравнительно очень суровая, а питаніе войскъ весьма неудовлетворительно. До 700 финляндцевъ одновременно служили въ русскихъ войскахъ и не теряли своей національности. Теслевъ, Мункъ, Индреніусъ, Норденстамъ, Шанцъ, Уггла, Эренротъ, Грипенбергъ, авъ Форселлесъ и мн. другіе доблестно, въ теченіе десятилѣтій, служили въ русской арміи, на самыхъ отдаленныхъ окраинахъ и, возвращаясь на родину, не страдали ни деморализаціей, ни денаціонализаціей. — И нынѣ десятки тысячъ финновъ живутъ и трудятся въ Россіи, начиная съ Петербурга и кончая Владивостокомъ, сохраняя всѣ хорошія черты своего характера, безъ ущерба для нравственнаго и физическаго своего бытія. Нельзя не признать, что въ торжественныхъ протестахъ финскихъ политиковъ и публицистовъ доктринерство и фраза звучатъ весьма сильно и не находятъ поддержки ни въ актахъ историческихъ, ни въ указаніяхъ опыта. Объявленіе Россіи „общимъ отечествомъ" и русскихъ, и финляндцевъ признано въ Финляндіи почти что оскорбленіемъ финскаго національнаго духа и, во всякомъ случаѣ, посягательствомъ на драгоцѣннѣйшія узы, связывающія человѣка съ его родиной. Между тѣмъ, слово „отечество" именно въ этомъ смыслѣ употребляется нерѣдко въ документахъ 1809—1863 гг. самими финляндцами и никто не видѣлъ въ этомъ что либо откорбительное. Манифестъ 3 Февраля 1899 г. встревожилъ Финляндцевъ не только потому, что установленіе новаго порядка законодательства совершилось безъ содѣйствія земскихъ чиновъ, но и потому, что въ редакціи манифеста они усмотрѣли много неяснаго и неопредѣленнаго, что они, въ свою очередь, приписали желанію скрыть истинныя намѣренія правительства. Въ Манифестѣ сказано: „Вмѣстѣ съ тѣмъ, оставляя въ силѣ существующія правила объ изданіи мѣстныхъ узаконеній, исключительно до нуждъ финляндскаго края относящихся, Мы сочли необходимымъ предоставить Нашему усмотрѣнію ближайшее указаніе предметовъ общеимперскаго законодательства". По мнѣнію финляндцевъ, эта формулировка даетъ возможность, при явной якобы недоброжелательности къ Финляндіи со стороны Россіи,—подвести подъ названіе „общеимперскіе законы", всѣ вообще законы, издаваемые въ Финляндіи. Это подозрѣніе не находитъ себѣ подтвержденія въ исторіи отношеній Россіи и Финляндіи. Въ теченіи 90 лѣтъ Финляндія едва ли имѣла причины и поводъ жаловаться на недоброжелательныя отношенія къ ней Россій. Если же предполагать въ русскомъ правительствѣ mala fides, то едва ли Манифестъ 3 Февраля и основныя положенія усилятъ злонамѣренную по отношенію къ Финляндіи власть

дическіе доводы, на основаніи которыхъ форма правленія 1772 г. не признается дѣйствующимъ основнымъ закономъ, слѣдующіе:

Россіи. При наличности mala fides можно было бы посягнуть на развитіе Финляндіи при помощи систематическаго неутвержденія всѣхъ сеймовыхъ законопроектовъ, затормозивъ всякую законодательную дѣятельность. И административныя правомочія правительства настолько широки, что даютъ полную возможность проявить mala fides по отношенію къ Финляндіи. Между тѣмъ, созывъ очередного сейма 1900 г., послѣ изданія Манифеста 1899 г. предположеніе новаго сейма на 1904 г. и подготовка правительственныхъ предложеній сейму, служатъ явнымъ доказательствомъ, что Верховная Власть Россіи не питаетъ mala fides по отношеніи къ Финляндіи и не имѣетъ намѣренія воспользоваться основными положеніями 3 Февраля 1899 г. для того, чтобы свести на нѣтъ всѣ права финляндскаго народнаго представительства.

Въ средѣ финляндцевъ изданіе манифеста 3 Февраля 1899 г. и основныхъ положеній о порядкѣ обще-имперскаго законодательства вызвали тревогу и опасеніе полнаго упраздненія автономіи, а въ русской мнимо-консервативной публицистикѣ и прессѣ тотъ же правительственный актъ вызвалъ восторженныя выраженія надежды именно на такое упраздненіе.

Между тѣмъ, манифестъ 3 Февраля 1899 г. содержитъ въ себѣ болѣе ясное, чѣмъ когда либо, и торжественное утвержденіе финляндской автономіи. 1) Верховная Власть заявила объ оставленіи въ силѣ существующихъ правилъ объ изданіи мѣстныхъ узаконеній, исключительно до нуждъ Финляндіи относящихся; 2) она признала Финляндію не конгломератомъ 8 губерній, управляемыхъ на особомъ основаніи, подобно губерніямъ дореформеннымъ прибалтійскимъ, а особымъ автономнымъ краемъ въ составѣ Всероссійскаго Государства. По словамъ манифеста, Государство Всероссійское состоитъ изъ 2 частей, неразрывно связанныхъ политически въ единствѣ общегосударственномъ, но отдѣльныхъ въ отношеніи порядка и строя внутренняго управленія и законодательства.—

Въ манифестѣ сказано: „Мы уповаемъ, что основанная на твердыхъ указаніяхъ положительнаго закона *совмѣстная дѣятельность учрежденій Имперіи* и *Великаго Княжества Финляндскаго по тѣмъ законодательнымъ дѣламъ, которыя касаются обоюдныхъ ихъ интересовъ*, послужитъ къ вящшему обезпеченію дѣйствительныхъ *пользъ* и *выгодъ Россійскаго Государства*". Въ виду этихъ ясныхъ словъ манифеста, — всякое отрицаніе внутренной самостоятельности Финляндіи въ составѣ Всероссійскаго Государства есть явное и преднамѣренное противорѣчіе волѣ Верховной Власти, совсѣмъ не умѣстное, въ особенности на столбцахъ якобы консервативныхъ газетъ и журналовъ.

Основныя положенія 3 Февраля 1899 г. являются несомнѣнно актомъ выдающейся важности, но заключаютъ въ себѣ и нѣкоторый пробѣлъ. Главный недостатокъ заключается въ отсутствіи указанія предметовъ обще-имперскаго законодательства. Между тѣмъ, такое указаніе было бы нетрудно. Предметомъ обще-имперскаго законодательства несомнѣнно должно бы быть *все то, что относится къ признакамъ и выраженіямъ государственнаго единства* и *средствамъ защиты государственной цѣлости*. Организація войска, почты и телеграфовъ, таможенной части, желѣзнодорожной системы, системы монетъ, вѣсовъ и мѣръ можетъ и должна быть нормирована обще-государственными законами. Въ этихъ вопросахъ органы авто-

1) Въ оффиціальныхъ актахъ 1809 г., въ коихъ Императоръ Александръ I выразилъ свою волю и обѣщаніе сохранить Финляндіи ея древнія установленія, коренные законы и привилегіи, коими пользовались всѣ сословія вообще и каждый финляндскій гражданинъ въ отдѣльности, — форма правленія нигдѣ не упомянута. Не названа она и въ послѣдующихъ актахъ Верховной власти, коими (въ 1816, 1825, 1855, 1881 и 1894 гг.) утверждалась автономія Финляндіи. Лишь въ царствованіе Императоровъ Александра II и III (въ 1863, 1869, 1886 и 1889 гг.) упоминается и называется сей важный политическій актъ въ качествѣ дѣйствующаго закона. Этимъ же признаніямъ въ свою очередь противостоятъ не опубликованныя собственноручныя замѣтки Императоровъ, въ особенности Александра II, въ коихъ форма правленія 1772 г. отрицается въ качествѣ дѣйствующаго закона [1]). Если бы форма правленія 1772 г. дѣйствительно была признана основнымъ закономъ Финляндіи, то несомнѣнно имѣлся бы на лицо какой либо оффиціальный актъ, въ коемъ она была бы признана за таковой ясными словами, съ указаніемъ тѣхъ статей, коихъ значеніе утеряно, и тѣхъ, кои сохранили свою силу. Основные законы не могутъ быть признаваемы дѣйствующими, такъ сказать, на основаніи одного молчанія, tacito consensu, или на основаніи глухихъ, неточныхъ ссылокъ.

2) Говоря о коренныхъ законахъ Финляндіи, Верховная Власть въ 1809 г. вовсе не имѣла въ виду то, что теперь понимается въ

[1]) Въ 1862 г. Императоръ Александръ II собственноручно начерталъ на поляхъ доклада Финляндскаго Комитета 1862 г. слѣдующее: (Архивъ Ст. Секр. 1862 г. № 425 — 439) „Съ этимъ заключеніемъ я не могу согласиться, ибо постановленіе 21 Августа 1772 г. отмѣнено позднѣйшимъ актомъ отъ 21 Февраля и 3 Апрѣля 1789 г. Слѣдовательно, сей послѣдній законъ одинъ теперь обязателенъ и долженъ непремѣнно служить руководствомъ и впредь".

номнаго края могутъ лишь играть ролъ компетентныхъ экспертовъ; рѣшающее же значеніе можетъ имѣть только воля центральной власти. Если единство въ этихъ областяхъ возможно въ государствахъ федеративныхъ (Германской Имперіи, Швейцаріи, Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки), то оно необходимо въ отношеніи государства единаго и нераздѣльнаго. Съ другой стороны нѣтъ причинъ выходить за предѣлы необходимаго. Стремленіе обрусить Финляндію есть несбыточная мечта. Польша и Прибалтійскія губерніи доказываютъ, что принудительныя мѣры къ духовно-нравственному сліянію ни къ чему не приводятъ. Перемѣна вывѣсокъ и названій еще не признакъ сліянія и не путь къ сближенію. Народъ съ вѣковой исторіей и твердо установившейся культурой, характеромъ и нравами не поддается ассимиляціи съ другимъ народомъ. Законы и административныя мѣры, направленныя на культурную ассимиляцію и на денаціонализацію, скользятъ по поверхности народнаго тѣла, не затрогивая народнаго духа. Результаты всегда отрицательны

наше время подъ словами: „основные законы“, т. е. законы, опредѣляющіе собою главныя черты и начала политической организаціи. Подъ словами „основные законы“ подразумѣвались въ то время лишь, законы особенно важные для данной отрасли управленія, или для даннаго сословія или класса общества. Профессоръ Н. Д. Сергѣевскій въ своей послѣдней книгѣ: „Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ“ Спб. 1902 г. говоритъ (стр. 33—34): „Руководствуясь современной терминологіей, говорятъ, что основные законы суть тѣ законы, кои опредѣляютъ предметы, образующіе содержаніе первой части I тома Свода Законовъ. Однако, такое понятіе основныхъ законовъ впервые создано въ 1832 г., въ первомъ изданіи Свода Законовъ, и никоимъ образомъ не можетъ служить для толкованія актовъ болѣе ранняго времени въ смыслѣ опредѣленія значенія словъ „коренные законы“. Равнымъ образомъ и по той же самой причинѣ, для сей цѣли не можетъ служить и особый признакъ „основныхъ законовъ“ Финляндіи, введенный Сеймовымъ уставомъ 1869 г. Изъ содержанія упомянутыхъ проектовъ 1864—1891 гг. [1]) явствуетъ, что составители ихъ отождествляли выраженія „коренные“ и „основные“ законы, но, за неутвержденіемъ сихъ проектовъ, такое отождествленіе должно считаться произвольнымъ и во всякомъ случаѣ оно не устраняетъ никакихъ недоразумѣній и ничего не разъясняетъ“.

„Дѣйствительное значеніе выраженія „коренные законы“ можетъ быть опредѣлено, очевидно, не на основаніи терминовъ, позднѣе образовавшихся, а единственно на почвѣ того словоупотребленія, которое господствовало во время изданія Манифестовъ Императора Александра I. Обращаясь къ русскому законодательному языку того времени, мы съ несомнѣнностью убѣждаемся, что выраженіе „коренные законы“ не было юридическимъ терминомъ точно опредѣленнаго содержанія, а являлось простымъ житейскимъ оборотомъ рѣчи, обозначавшимъ важность закона, его свойства, какъ общаго правила, въ противоположность изъятіямъ, древность происхожденія закона и т. п. Достаточно указать, напр., Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 24 Іюня 1822 г., въ которомъ говорится: „объявленный Прокуроромъ указъ (такой-то.....) не можетъ отмѣнить кореннаго закона“ — причемъ въ качествѣ коренного закона названы Генеральный Регламентъ

[1]) Кодификаціонно-законодательныхъ.

Петра Великаго (54 глава) и Учрежденіе о Губерніяхъ (глава IV пунктъ 81). Вотъ почему до сихъ поръ никому не удавалось, да и впередъ, вѣроятно, не удастся съ точностью опредѣлить, какіе именно изъ старыхъ шведскихъ законовъ разумѣлись въ Манифестахъ Императора Александра I, подъ названіемъ коренныхъ" [1]).

3) Утверждая „коренные законы" Великаго Княжества Финляндскаго, Императоръ Александръ I не могъ имѣть въ виду формы правленія 1772 г. потому, что въ ней находятся постановленія, подъ которыми не могъ бы подписаться русскій Монархъ, государь самодержавный и царствующій въ государствѣ, въ которомъ православная грекороссійская вѣра признана господствующей и первенствующей. Такія постановленія слѣдующія: (§ 1)... Вслѣдствіи сего король, всѣ особы, при мѣстахъ находящіяся, и всѣ подданные должны слѣдовать впредь, какъ и прежде сего было, слову Божію въ пророческихъ и апостольскихъ преданіяхъ содержащемуся и истолкованному Христіанскими символами, Катехизмомъ Лютера и черезъ Аугсбургское исповѣданіе преданному, и наконецъ, какъ Упсальскимъ Синодомъ утвержденному, также и рѣшеніемъ и обнародованіемъ государственныхъ чиновъ одобренному; и такъ права церкви да сохранятся безъ вреда для присвоенныхъ королю, государству и націи шведской". §§ 3 и 4 опредѣляютъ порядокъ престолонаслѣдія, замѣщенія престола въ Швеціи; § 7, запрещаетъ Монарху выѣздъ изъ государства, изъ королевства, безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ; §§ 34 и 35 касаются содержанія Наслѣдника престола и членовъ династіи; § 48 запрещаетъ монарху объявлять войну безъ вѣдома и согласія государственныхъ чиновъ и, наконецъ, заключительная формула, подписанная ландмаршаломъ и тальманами 3 сословій и подтвержденная собственноручно королемъ, гласитъ: „Мы объявляемъ симъ вновь, что имѣя величайшее отвращеніе къ королевскому самодержавію или такъ называемому неограниченному правленію, почитаемъ за превосходнѣйшее счастье наше, честь и выгоду, что живемъ вольными, независимыми, законодательными, но закону повинующимися чинами подъ управленіемъ власть имѣющаго (maktegandenn), но законами ограниченнаго короля, соединенные оба и защищенные закономъ, освобождающимъ насъ и любезное отечество наше отъ опасностей, сопровождающихъ безпорядокъ, самовольство аристократіи и оли-

---

*) Возраженія противъ положеній профессора Сергѣевскаго ср. ниже.

гархіи во вредъ цѣлаго общества, въ тягость и прискорбіе каждаго согражданина. Мы тѣмъ болѣе увѣрены въ порядочномъ, закономѣрномъ и счастливомъ правленіи, какъ его Королевскимъ Величествомъ уже объявлено, что почитаетъ за величайшую честь быть первымъ согражданиномъ между вольнымъ народомъ, и мы надѣемся, что такое намѣреніе наслѣдникамъ въ королевскомъ домѣ передано будетъ отъ потомка до потомка позднѣйшихъ временъ свѣта. А посему объявляемъ за непріятелей нашихъ и королевства всѣхъ тѣхъ неразумныхъ и зломыслящихъ согражданъ, кои въ тайнѣ или явнымъ образомъ, хитростью, замыслами, или явнымъ насильствіемъ хотѣли бы отвести насъ отъ сего закона и навязать намъ королевское самодержавіе или такъ называемое неограниченное правленіе, или же подъ видомъ вольности уничтожить сіи законы, утверждающіе истинную вольность, отвращающіе своевольствіе и безпорядокъ и предающіе преступленія безъ пощады судебному разбирательству, сужденію и наказанію, по изданному въ Швеціи закону. Мы обязываемся также по присягѣ нашей на вѣрность учиненной по сему образу правленія, повиноваться какъ слѣдуетъ Его Королевскому Величеству и совершать приказанія его, во всѣхъ частяхъ, въ коихъ можно отдавать отчетъ Богу и людямъ, ибо слѣдуетъ повелѣвать ему, а намъ исполнять и всѣмъ оказать правосудіе, какъ ему, такъ и намъ, какъ то подлежитъ вѣрнымъ мужамъ и подданнымъ"...

Король Густавъ III санкціонировалъ Форму Правленія слѣдующими словами: „Все вышеписанное признаемъ мы не только сами за непремѣнный коренной законъ, но и повелѣваемъ всемилостивѣйше, чтобы всѣ тѣ, которые обязаны намъ и наслѣдникамъ нашимъ, а равно и государству, повиновеніемъ и вѣрностью, должны признавать и наблюдать сей образъ правленія и повиноваться оному".

Финляндскіе публицисты основываютъ свое положеніе, что Форма Правленія 1772 г. донынѣ имѣетъ силу дѣйствующаго закона, на слѣдующихъ соображеніяхъ [1]): Съ перваго момента при-

---

[1]) Что Финляндцы уже въ 1808 г., вскорѣ послѣ изданія всемилостивѣйшихъ манифестовъ о сохраненіи за Финляндіей всѣхъ ея древнихъ коренныхъ законовъ, правъ и привилегій,—были убѣждены, что сохранены именно политическіе законы, составлявшіе въ совокупности „конституцію" края, какъ бывшей составной части Шведскаго государства,—это не трудно доказать. Приведемъ примѣръ такого доказательства. Когда Императоръ Александръ I приказалъ отправить въ Петербургъ депу-

соединенія шведской Финляндіи къ Имперіи Всероссійской съ Формой Правленія считались, какъ съ дѣйствующимъ закономъ. Нѣтъ возможности, — говорятъ они,—перечислить всѣ тѣ случаи, въ которыхъ (въ дѣлахъ судебныхъ и административныхъ) органы власти ссылались на положенія Формы Правленія съ вѣдома и безъ протеста со стороны Верховной Власти. Въ цѣломъ рядѣ волеизъявленій Верховной Власти (въ 1810, 1812, 1816, 1826 гг. и т. д.) указывается на нормы, коими опредѣляется компетенція ея. Эти нормы не содержатся ни въ Общемъ Уложеніи 1734 г. [1]), ни въ грамотахъ привиллегій отдѣльныхъ сословій, а лишь въ Формѣ правленія 1772 г. и въ Актѣ Соединенія и Безопасности 1789 г.

Когда депутація, составленная по приказанію Александра I въ 1808 году изъ представителей сословій, собралась въ Петербургѣ и возникъ вопросъ о ея конституціи, то депутаты обсуждали этотъ вопросъ (что извѣстно было русскому правительству) на основаніи уставовъ о риксдагѣ 1617 и 1723 гг. Послѣ пріема депутаціи императоръ Александръ I сообщилъ имъ, черезъ генерала Спренгтпортена, оффиціальный Высочайшій отвѣтъ. Въ этомъ отвѣтѣ сказано: „Посему Его Императорское Величество рѣшилъ собрать общій ландтагъ, коль скоро то можетъ имѣть мѣсто, въ качествѣ *ручательства* Его всемилостивѣйшей заботливости о самостоятельности вашихъ законовъ". Роль ручательства ландтагъ могъ играть лишь тогда, если онъ служилъ выраженіемъ права народа на участіе въ законодательствѣ. Какъ явствуетъ изъ рапорта Спренгтпортена отъ 10 Февраля 1809 г., ему, какъ вновь назначенному генералъ-губернатору, была дана инструкція, составленная Аракчеевымъ, Спренгтпортеномъ и Кноррингомъ. Въ 15 пунктѣ сей инструкціи сказано: „Во вновь завоеванной Финляндіи будетъ созвано общее и *конституціонное*

тацію выборныхъ представителей отъ сословій, то для избранія депутатовъ въ каждомъ губернскомъ городѣ были созваны выборныя собранія, какъ дворянъ, такъ и горожанъ. Въ меморіалѣ, составленномъ въ собраніи Абоскихъ горожанъ сказано между прочимъ: „Основной законъ шведскаго государства и пожалованныя городамъ привилегіи, кои Его Императорскому Величеству всемилостивѣйше угодно было подтвердить для будущаго пользованія населеніемъ Финляндіи"...

[1]) Уложеніе 1734 г. никогда не называлось „основнымъ закономъ Шведскаго государства"—„Sveriges Rikes grundlag". Этимъ терминомъ обозначали только: Отдѣлъ о королѣ и форму прав. 1772 г., Актъ Соединенія и Безопасности, а также нѣсколько другихъ политическихъ законовъ.

собраніе, составленное изъ депутатовъ отъ всѣхъ классовъ". Неужели ни Спренгтпортенъ, ни Кноррингъ, ни Аракчеевъ не знали, что значитъ „конституціонное собраніе"?

Изъ записокъ Маннергейма, главнаго дѣятеля Финляндской депутаціи, явствуетъ, что государственные люди Россіи временъ Александра I не были наивными, легкомысленными школьниками, по командѣ дюжины финляндцевъ повторявшими различные политическіе термины, не понимая ихъ смысла и не стараясь вникнуть въ него. Маннергеймъ подтверждаетъ то, что доказываетъ и изученіе матеріаловъ въ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, а именно, что русскіе министры собирали справки о подробностяхъ шведской конституціи. Маннергеймъ самъ, по приказанію Императора Александра I, сообщалъ русскимъ министрамъ различныя объясненія о положеніи Финляндіи, ея законахъ и учрежденіяхъ. Да и нужно бы предположить крайнее невниманіе или легкомысліе со стороны, напримѣръ, графа Румянцева, государственнаго канцлера, если бы онъ не понялъ, напримѣръ, смысла словъ Спренгтпортена въ его запискахъ отъ 18 и 23 Марта 1808 г.: „Pour donner à cet acte authentique toute la solennité qu'impose à ce sujet *la constitution fondamentale du pays,* chaque fois qu'il y a un nouveau Souverain á reconnaître et un serment de fidélité à prêter", или „Le tout conformément aux *lois fondamentales du pays",* или, наконецъ, въ его запискѣ отъ 31 Мая 1808 г.... „se concilier la confiance des habitants accoutumés par leur *constitution fondamentale* d'être consultés eux mêmes et appelés à délibérer sur leurs interêts".

Манифестъ отъ 1 Февраля 1809 г. созвалъ общій сеймъ (allmän landtdag). Созывъ „ландтага" Александромъ I до заключенія мира съ сувереномъ Финляндіи, королемъ шведскимъ, есть, несомнѣнно, нарушеніе всѣхъ формъ правленія, начиная съ 1634 г., но, тѣмъ не менѣе, и въ этомъ актѣ опять встрѣчается ссылка на основные политическіе законы Швеціи, коими пользовалась и Финляндія Въ этомъ Высочайшемъ повелѣніи отъ $\frac{\text{20 Января}}{\text{1 Февраля}}$ 1809 г. сказано: (во французскомъ оригиналѣ): „... Nous avons résolu conformément *aux constitutions du pays* de les réunir (т. е. сословія) en diète, et en conséquence Nous avons ordonné et ordonnons par ces présentes, qu'une diète générale soit convoquée pour le dix du mois de mars de cette année dans la ville de Borgo. A cet effet les plénipotentiaires de tous les états s'y rendront de la maniére prescrite dans tous les réglements de diète etc..." Здѣсь опять говорится, несомнѣнно,

о привилегіяхъ сословій, объ уставѣ рыцарскаго дома 26 іюня 1626 г.[1]) и о регламентѣ (уставѣ) риксдага 1723 г.

Если, по убѣжденію современниковъ, слова „коренные законы" и „конституція", несомнѣнно, относились къ законамъ, опредѣляющимъ политическую организацію финляндцевъ, то, съ другой стороны, нельзя не признать, что тѣ же современники опять таки колебались относительно признанія юридической силы и практической прнмѣнимости одного изъ этихъ основныхъ законовъ — пресловутой Формы Правленія 1772 г. При составленіи полномочія и довѣрительной грамоты депутатовъ города Або, по требованію большинства довѣрителей, были исключены слѣдующія слова: „Поставляя себѣ въ руководство и правило основной законъ Шведскаго государства, его Форму Правленія, присягою подтвержденную, а также и сеймовый уставъ, не допускать въ особенности какое либо скрытое или открытое предложеніе и совѣтъ для измѣненія установленнаго образа правленія, вопреки королевскому удостовѣренію и Формѣ Правленія, а тѣмъ менѣе соглашаться на что либо, противорѣчащее тому же образу правленія, такъ какъ все таковое будетъ не дѣйствительно и безсильно и нынѣ, и на будущее время". Эти ссылки на Форму Правленія были признаны неподходящими и неумѣстными, въ виду новаго политическаго положенія края. И правительству огульная ссылка на Форму Правленія 1772 г. казалась неудобною до совершенія ревизіи сего акта и приноровленія его къ новымъ политическимъ условіямъ. Маннергеймъ, въ своихъ запискахъ, разсказываетъ слѣдующее: Наканунѣ дня, назначеннаго для принесенія присяги Императору Александру I, Сперанскій обратилъ вниманіе Маннергейма на то, что Государь въ сомнѣніи относительно той конституціи, которую

---

[1]) По открытіи засѣданій, куріи сословій приступили къ чтенію тѣхъ законовъ, которые ими почитались за основные, за нормы, регулировавшія организацію, порядокъ дѣйствій и компетенцію сейма.—Какъ явствуетъ изъ протоколовъ сейма, въ дворянской куріи были прочитаны и приняты въ руководство въ качествѣ дѣйствующихъ узаконеній: 1) Сеймовый уставъ 1617 г. 2) уставъ рыцарскаго дома 1626 г. съ дополненіемъ къ нему 1778 г., 3) §§ 3, 4, 5, 6 постановленій Сейма 1779 г. Въ духовномъ сословіи прочитаны были: нѣкоторыя постановленія Формы Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г. Въ городскомъ сословіи были прочитаны: Форма Правленія 1772 г. и Уставъ рыцарскаго дома 1626 г.; въ крестьянскомъ сословіи: — Форма Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г., грамоты правъ и вольностей крестьянскаго сословія 1789 г. и уставъ Сейма 1617 г.

ему предстоитъ утвердить. Маннергеймъ и его товарищъ, Моріанъ, заявили, что, по ихъ мнѣнію, Форма Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г. составляютъ именно ту конституцію, сохранить которую обѣщалъ Монархъ. На это Сперанскій замѣтилъ, что нѣкоторыя мѣста Формы Правленія болѣе непригодны. Маннергеймъ и Моріанъ должны были согласиться съ нимъ, но не рѣшились предложить измѣненія.

Поздно вечеромъ по городу Борго пронеслись слухи, что Императоръ Александръ I будто бы остался недоволенъ отвѣтомъ Маннергейма и высказалъ угрозу немедленно закрыть и распустить сеймъ, и что Форма Правленія 1772 г. совсѣмъ непримѣнима болѣе въ Финляндіи. Маннергеймъ сейчасъ же поспѣшилъ къ Сперанскому, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, и дѣйствительно ли онъ своею откровенностью вызвалъ гнѣвъ Монарха. Сперанскій высказалъ свое изумленіе по поводу сихъ слуховъ и увѣрилъ Маннергейма, что эти слухи совсѣмъ не основательные и что рѣчи не было о распущеніи сейма. При этомъ Сперанскій показалъ Маннергейму то удостовѣреніе, которое Императоръ рѣшилъ дать народу на слѣдующій день. Въ этой хартіи содержалось валовое, огульное утвержденіе въ общихъ выраженіяхъ, безъ всякихъ подробностей, основныхъ (или коренныхъ) законовъ края и его учрежденій, а также и всѣхъ правъ, привилегій и вольностей сословій.

И такъ, за Финляндіей было обезпечено сохраненіе той политической организаціи, которою она пользовалась въ шведскую эпоху, безъ точнаго опредѣленія, какими нормами права эта организація будетъ впредь регулируема. И въ формулярахъ присяги предсѣдателей отдѣльныхъ сословій ссылки на Форму Правленія были опущены. Однако и здѣсь правительство поступило непослѣдовательно. Исключая ссылку на Форму Правленія 1772 г. изъ торжественныхъ актовъ, оно не препятствовало ссылкамъ на нее же во время обсужденія дѣлъ въ сеймѣ. Непослѣдовательность, являющаяся отличительной чертой всей политики русскаго правительства по отношенію къ Финляндіи не только въ 1809 г., но и въ слѣдующіе годы,—высказалась и въ другихъ отношеніяхъ. Всѣ предложенія правительства были даны сейму только на „заключеніе". Отъ сейма требовались только „simples avis", необязательныя заключенія, а не рѣшенія. Между тѣмъ, далеко не всѣ 4 пропозиціи относились къ сферѣ экономическаго законодательства. Такъ напр., при обсужденіи вопроса о монетной системѣ края, сеймъ по конституціи долженъ былъ бы дать со-

гласіе (samtycke), а не простое мнѣніе. Кстати замѣтимъ, что сеймъ высказался за принятіе „рубля“, въ качествѣ монетной единицы, „дабы Финляндія въ отношеніи монетной системы не отличалась отъ остальныхъ провинцій государства (Rysslands öfriga provinser)“.

И результатъ работъ сейма не былъ облеченъ въ конституціонную форму. Сеймъ не составилъ и не подписалъ никакого формальнаго постановленія (Riksdagsbeslut), какъ то требовалось шведской конституціей. Правительство не сообщало сейму своего рѣшенія. Послѣ всего этого понятно, если среди современниковъ высказывали мнѣніе, что сеймъ въ Борго былъ сеймомъ недоведеннымъ до конца. И на конституцію не всѣ современники смотрѣли какъ на нѣчто прочное. Г. М. Армфельтъ считалъ ее отжившей свой вѣкъ. Въ запискахъ вдовы одного изъ выдающихся сенаторовъ первыхъ десятилѣтій послѣ 1809 г., А. Г. Фалькъ, сказано: „Послѣ русскаго вторженія былъ немедленно собранъ сеймъ въ Борго, и Императоръ далъ намъ нѣчто, что онъ назвалъ конституціей“. Та же нерѣшительность во взглядахъ замѣтна даже у самаго выдающагося изъ финляндскихъ юристовъ начала XIX вѣка, у М. Калоніуса. Въ запискѣ о проектѣ Инструкціи Генералъ-Губернатору Калоніусъ пишетъ: „По прежней конституціи этого края (efter detta Lands förra Constitution) и согласно Акту Безопасности отъ 3 Апрѣля 1789 г.“ А въ 1814 г. онъ высказался съ большою полностью, когда возникъ вопросъ о томъ, связанъ ли Монархъ шведскими законами 1794 и 1800 гг., изданными противъ роскоши? По предложенію Генералъ-Губернатора Графа Штейнгейль, Калоніусъ, въ качествѣ прокурора Правительственнаго Совѣта (или Сената) далъ свое заключеніе. Въ этомъ заключеніи, отъ 11 Мая 1814 г., Калоніусъ высказалъ слѣдующее: „Относительно даннаго на сеймѣ въ Борго 15—27 Марта 1809 г. всемилостивѣйшаго Его Императорскимъ Величествомъ удостовѣренія всѣмъ жителямъ края,—что будутъ сохранены „религія, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные оное населяющіе, отъ мала до велика, по Конституціямъ ихъ доселе пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушенной и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи“—я никогда не могъ имѣть иного мнѣнія и не имѣлъ иного, какъ то, что это драгоцѣнное удостовѣреніе имѣло цѣлью только и исключительно то, что явствуетъ изъ буквальнаго смысла его,—т. е. коренные законы края и его конституціонныя учрежденія, и что оно такимъ образомъ не можетъ быть распространено на такіе законы о потре-

бленіи и иныя постановленія экономическія и полицейскія, которыя, не построенныя на постоянной и незыблемой основѣ вѣчной справедливости, были изданы въ виду случайныхъ обстоятельствъ и имѣвшихъ въ шведскомъ государствѣ мѣсто особыхъ и перемѣнчивыхъ коньюнктуръ, финансовыхъ и коммерческихъ".

Несмотря на эти колебанія современниковъ 1809 г., финляндскіе юристы и публицисты твердо стоятъ на томъ, что только о Формѣ Правленія 1772 г. и объ Актѣ Соединенія и Безопасности 1789 г. и можетъ идти рѣчь, когда говорится о правахъ и преимуществахъ Верховной Власти въ Финляндіи. Но самыя явныя, по ихъ мнѣнію, доказательства юридической силы Формы Правленія имѣются въ оффиціальныхъ актахъ царствованія Императора Александра II. Съ вѣдома или, по крайней мѣрѣ, безъ протеста со стороны Верховной Власти, въ формулярѣ присяги ландмаршала и тальмановъ сословій сейма 1863 г. помѣщены ссылки на Форму Правленія, какъ на дѣйствующій основной законъ. Въ рѣчи, которою Императоръ Александръ II открылъ сеймъ, Царственный ораторъ торжественно и оффиціально заявилъ: „Нѣкоторыя изъ постановленій основныхъ законовъ Великаго Княжества не примѣнимы болѣе къ положенію вещей, установленному послѣ присоединенія его (т. е. Великаго Княжества Финлядскаго) къ Имперіи, — иные страдаютъ недостаткомъ ясности и точности". О какихъ основныхъ законахъ говорилъ Императоръ? Конечно не объ Уложеніи 1734 г., а о законахъ съ содержаніемъ политическимъ, слѣдовательно о Формѣ Правленія и Актѣ Соединенія и Безопасности. Далѣе Императоръ Александръ II въ той же рѣчи замѣтилъ: „Оставляя неприкосновеннымъ принципъ конституціонной монархіи, вошедшій въ нравы Финляндскаго народа и запечатлѣвшій всѣ законы и учрежденія"... Въ какихъ законахъ выразился „принципъ конституціонной монархіи" если не въ Формѣ Правленія 1772 г. и въ Актѣ Соединенія и Безопасности? Въ Высочайше одобренной и утвержденной программѣ 1864 г. для работъ комиссіи по кодификаціи основныхъ законовъ края предписано соединить въ одинъ законъ Форму Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г. съ послѣдующими относящимися къ нимъ дополнительными узаконеніями. Далѣе, въ 1869 г. Императоръ Александръ II утвердилъ Сеймовый Уставъ для Великаго Княжества Финляндскаго слѣдующими словами: „Сохраняя за собою принадлежащее Намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ Формѣ Правленія отъ 21 Августа 1772 г. и въ

Актѣ Соединенія и Охраненія отъ 21 Февраля и 3 Апрѣля 1789 г., и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ Сеймовомъ Уставѣ, Мы Высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей Уставъ, какъ ненарушимый основной законъ". Ссылки на Форму Правленія 1772 г. встрѣчаются также въ рескриптѣ 5 Декабря 1863 г. и въ Уставѣ о воинской повинности 6 Декабря 1878 г. Наконецъ въ царствованіе Императора Александра III также изданы узаконенія, въ коихъ встрѣчаются ссылки какъ на Форму Правленія, такъ и на Актъ Соединенія и Безопасности, а именно: Манифестъ 1886 г. объ измѣненіи редакціи §§ 51 и 52 Сеймоваго Устава Великаго Княжества Финляндскаго отъ 15—3 Апрѣля 1869 г., заключающій въ себѣ дополненіе касательно предоставленія земскимъ чинамъ края права предложенія законопроектовъ [1]).

Сопоставивъ доводы pro et contra признанія Формы Правленія 1772 г. за основной и при томъ дѣйствующій основной законъ Великаго Княжества Финляндскаго, нельзя не признать, что какъ въ доводахъ русскихъ публицистовъ, указанныхъ выше, такъ и въ доводахъ финляндскихъ публицистовъ, только что приведенныхъ, имѣется на лицо извѣстная доля правды, но и многое, что не можетъ быть признано основательнымъ. Ошибка первыхъ заключается въ томъ, что они отрицаютъ безусловно всякое юридическое значеніе Формы Правленія 1772 г. въ настоящее время; ошибка вторыхъ въ томъ, что они признаютъ Форму Правленія цѣльнымъ конституціоннымъ актомъ, сохранившимъ свою силу донынѣ. По нашему мнѣнію, Форма Правленія 1772 г., въ качествѣ цѣльнаго конституціоннаго акта, замѣнена Актомъ Соединенія и Безопасности (или Охраненія) 1789 г., который донынѣ является основнымъ или кореннымъ закономъ Финляндіи. Но такъ какъ въ

---

*) Въ рѣчи Императора Александра III при открытіи сейма 1882 г. сказано объ означенномъ расширеніи правъ сейма слѣдующее: „Въ исполненіе намѣренія, высказаннаго въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ II при открытіи сейма 1863 г., вамъ будетъ нынѣ переданъ законопроектъ о предоставленіи земскимъ чинамъ права предложенія по всѣмъ вообще предметамъ законодательства, *требующимъ* ихъ содѣйствія, за исключеніемъ лишь тѣхъ, по которымъ я считаю необходимымъ сохранить за собою *принадлежащую* мнѣ инициативу". — Весьма сильное впечатлѣніе производитъ то, что еще въ царствованіе Императора Александра III признавалась дѣйствующая сила за 1 статьей Формы Правленія 1772 г. Въ Высочайшемъ Постановленіи отъ 11 Ноября 1889 г. о правѣ финляндскихъ гражданъ, принадлежащихъ къ христіанской вѣрѣ не евангелическо-лютеранскаго исповѣданія, занимать должности и служебныя мѣста въ краѣ, сказано: „*Въ измѣненіе 1 § Формы* Правленія отъ 21 Августа 1772 г., § 1 привилегій духовенства отъ 18 Октября 1723 г. и опредѣленій королевскаго объявленія отъ 14 Января 1781 г."...

§ 9 сего акта сказано, что „образъ (т. е. Форма) правленія 21 Августа 1772 г. остается въ своей силѣ во всемъ томъ, что симъ актомъ не отмѣнено, то нѣкоторыя нормы, входящія въ составъ Формы Правленія, сохранили свою силу донынѣ въ качествѣ основныхъ законовъ. При томъ нужно замѣтить, что и этотъ остатокъ Формы Правленія сократился въ 1809 г. постольку, поскольку политическое положеніе Финляндіи измѣнилось, благодаря включенію ея въ составъ Имперіи Всероссійской.

Соображенія, въ силу коихъ мы приходимъ къ такому заключенію, слѣдующія:

1) Остановимся прежде всего на вопросѣ: что понимала русская Верховная Власть, подчинившая себѣ Финляндію, подъ словами „коренные законы"? Эти слова употреблены въ актахъ, обращенныхъ къ Финляндіи и къ финляндцамъ, слѣдовательно Верховная Власть употребила ихъ въ смыслѣ, понятномъ для финляндцевъ и обычномъ въ Финляндіи того времени. Въ Финляндіи, какъ во всѣхъ составныхъ частяхъ Швеціи (съ 1806 г. и въ Помераніи), Форма Правленія признавалась „фундаментальнымъ закономъ". (Въ русскомъ оффиціальномъ переводѣ — „коренной законъ" или „непремѣнный законъ", какъ сказано въ введеніи къ Формѣ Правленія, или „фундаментальный законъ", какъ сказано въ § 39, или „непремѣнный коренной законъ", какъ сказано въ заключительной формулѣ санкціи; въ нѣмецкомъ оффиціальномъ переводѣ 1806 г. [1]) этимъ терминамъ соотвѣтствуютъ термины: Grundgesetz, Fundamentalgesetz, unerschütterliches Fundamentalgesetz). Подъ основными, коренными, фундаментальными или непремѣнными законами въ Швеціи и во всѣхъ ея составныхъ частяхъ, въ томъ числѣ и въ Финляндіи, понимали не просто законы, особенно важные или особенно древніе, а законы, коими опредѣлялось отношеніе государственной власти къ подданымъ или привилегіи цѣлыхъ сословій и нормы, опредѣлявшія ихъ долю участія въ законодательствѣ и управленіи, однимъ словомъ, всѣ тѣ нормы, коими опредѣлялось устройство государства, его „конституція". Такъ какъ таковые законы устанавливали основы взаимоотношенія власти и подданныхъ, или власти и корпорацій, то есть отношенія, коимъ желали придать характеръ особаго постоянства, твердости, неизмѣнности, и изъять ихъ изъ сферы дѣйствія одностороннихъ волепроявленій

---

[1]) Acta publica zu den Fundamentalgesetzen des schwedischen Reiches gehörig, auf S. Königlichen Majestät Allerhöchsten Befehl ins Deutsche übersetzt. Stralsund. 1806.

власти Монаршей, то, какъ сказано выше, для нихъ и былъ установленъ особый порядокъ изданія, отмѣны или измѣненія (согласіе Монарха и всѣхъ сословій). Вотъ этотъ то элементъ постоянства, неизмѣнности, ненарушимости и былъ подчеркнутъ въ манифестахъ Русскихъ Императоровъ; обращенныхъ къ Финляндіи. Указанія на древность законовъ и основанныхъ на нихъ установленій играли роль мотивовъ, объяснявшихъ милостивое отношеніе Монарховъ къ историческимъ основамъ политической организаціи Финляндіи. Основные законы опредѣляли собою „конституцію", т. е. политическую организацію края, сохраненіе которой было обѣщано въ 1809, 1816, 1825, 1855, 1881 и 1894 гг. Замѣна впослѣдствіи слова „конституція" словомъ „установленія" едва ли играетъ особенно важную роль. Всякая „конституція", всякое устройство политическое слагается изъ ряда установленій и ихъ дѣйствія на основѣ какого либо начала. Каждое правомѣрное государство и всякая составная часть государства, имѣющая свою особенную организацію, имѣетъ свою „конституцію", т. е. свой, на правѣ основанный, прочный порядокъ отношеній и дѣйствій власти, ея органовъ и подданныхъ, въ отдѣльности или въ союзахъ сословій, корпорацій, земства, общинъ. Сперанскій въ своемъ „Руководствѣ къ познанію законовъ", въ §§ 142 и 143 говоритъ: „Нѣтъ государства, въ коемъ бы не было своихъ Основныхъ законовъ. Основные законы, въ общемъ ихъ составѣ, именуются Государственнымъ Уставомъ (constitutio)". Россія имѣетъ свою „конституцію" также, какъ и Соединенные Штаты Сѣверной Америки [1]).

---

1) Профессоръ Сергѣевскій въ цитированной выше книгѣ на стр. 29 говоритъ: „Въ дѣйствительности все недоразумѣніе по вопросу о „конституціи" разъясняется довольно легко: слово „конституція" получило значеніе строгаго термина, обозначающаго парламентарное (какъ будто конституція и парламентарное устройство— синонимы?) устройство, ограничивающее верховную власть волею представителей населенія лишь въ 30-хъ годахъ; ранѣе же этого времени слово „конституція" на всѣхъ языкахъ означало не болѣе, какъ установленіе вообще, и сообразно этому, вполнѣ соотвѣтствовало русскимъ словамъ: „установленіе или учрежденіе", а также „уставъ", „уложеніе". Въ качествѣ примѣра проф. Сергѣевскій приводитъ Constitutio criminalis Carolina, Constitutio Theresiana, Constitutio Academiae Lipsiensis. — Онъ могъ бы привести еще Constitutio Academiae Upsaliensis, Constitutiones comitis Brahe, можно было бы также указать на рескриптъ Императора Александра I отъ 13 Августа 1802 г. объ избраніи новаго генерала іезуитовъ, въ которомъ сказано „suivant les usages et constitutions de votre ordre".—Это объясненіе не вполнѣ удачно. Несомнѣнно, что и уставы, учрежденія, уложенія назывались constitutiones, но не

Но и русская юридическая терминологія временъ Императора Александра I не даетъ основанія видѣть въ словахъ „коренные законы“ простой житейскій оборотъ рѣчи. Если въ приведенномъ проф. Сергѣевскимъ въ качествѣ примѣра актѣ (Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта 24 Іюля 1822 г.) сказано „объявленный Генералъ Прокуроромъ указъ не можетъ отмѣнить кореннаго закона“, причемъ въ качествѣ корен-

---

всякій уставъ, не всякое учрежденіе называлось такимъ именемъ, а лишь такіе, которые или заключали въ себѣ нормы, регулирующія дѣятельность и устройство привилегированныхъ корпорацій, какъ напр., университетовъ, которые еще до начала XIX ст. играли роль маленькихъ status in statu, или такіе уставы, которымъ правительство, въ отличіе отъ другихъ, желало придать характеръ чего то монументальнаго, величественнаго, прочнаго и при томъ предназначеннаго существовать какъ бы на вѣки. Но слово „конституція“ уже въ концѣ XVIII ст., а, во всякомъ случаѣ, въ началѣ XIX ст. означало также и государственное устройство на началѣ конституціонномъ, т. е. ограниченно-монархическомъ, а также и хартію или учрежденіе, въ коихъ сіе устройство было опредѣлено. Во всей Европѣ извѣстна была знаменитая декларація человѣка и гражданина. Въ ст. 16 сей декларации сказано: „Всякое общество, въ которомъ гарантія правъ не установлена и раздѣленіе властей не опредѣлено, не имѣетъ „*конституціи*“. Во всей Европѣ славились конституціи федеральная и отдѣльныхъ штатовъ Сѣверной Америки, Французская конституція 1791 г., польская конституція 3 Мая 1791 г., Испанская и Неаполитанская 1812 г. и Норвежская 1814 г. Мы не въ состояніи перечислить всѣхъ случаевъ, въ коихъ слово „конституція“ употреблялось именно въ современномъ смыслѣ уже въ XVIII ст. Рекомендуемъ читателю взять въ руки хотя бы только французскій „Bulletin des lois“ эпохи первой республики. Употребленіе слова „конституціи“ во множественномъ числѣ нисколько не служитъ подтвержденіемъ мнѣнія почтеннаго профессора. — Это словоупотребленіе означаетъ лишь, что Верховная Власть знала, что политическое устройство, коего сохраненіе обѣщано было Финляндіи, регулировалось не одной какой либо хартіей, а нѣсколькими уставными грамотами. По этой же причинѣ слово „Verfassung“ употреблялось шведскимъ правительствомъ во множественномъ числѣ въ 1806 г. при измѣненіи конституціи Помераніи. Въ рескриптѣ короля Густава IV Адольфа на имя генералъ-губернатора Помераніи, барона ф. Эссена, 26 Іюня 1806 г., сказано (мы цитируемъ нѣмецкій оригиналъ), „Aus allen diesen verschiedenen, wichtigen Gründen und dem zuletzt erfolgten Auftritt, so wie um die Sicherheit des Landes zu befördern, haben Wir uns genöthigt gefunden, hiemittelst zu erklären, dass die dermalige Staatsverfassung in Unseren Deutschen Staaten von diesem Tage an aufgehoben, die Landstände nebst den Landräthen aufgelöset, und alle dazu gehörige Einrichtungen und *Verfassungen* durchaus abgeschafft werden.

Wir wollen also Kraft dieses öffentlich erklären, dass die Regierungsform des Schwedischen Reiches vom 21 August 1772 und die Vereinigungs und Sicherheitsacte vom 21 Februar und 3 April 1789, die jedem der 4 Stände in Schweden vergönnte Privillegien und Gerechtsame, ingleichen das Gesetz des Reiches Schweden, künftig die Fundamentalgesetze und *Grundverfassungen* Unserer Deutschen Staaten ausmachen und danach alle neue Einrichtungen gefügt und ins Werk gesetzt werden sollen“.

ного закона названы Генеральный Регламентъ Петра Великаго и Учрежденіе о губерніяхъ Императрицы Екатерины II, то этимъ доказано, что коренными законами назывались и въ Россіи не просто всякіе, въ матеріальномъ отношеніи важные или древніе законы, а законы, коимъ присущъ былъ характеръ неизмѣнности, непреложности, непремѣнности. Таковыми коренными законами признавались не только Регламентъ Петра Великаго 1721 г. и Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г., но и Жалованныя Грамоты дворянству и городамъ 1785 г., затѣмъ важнѣйшій актъ царствованія Императора Павла I: Законъ о престолонаслѣдіи и Учрежденіе Императорской Фамиліи 1797 г. Наконецъ, и въ царствованіе Александра I изданы были узаконенія, на которыя сама Власть Верховная смотрѣла какъ на законы, измѣненію или отмѣнѣ не подлежащіе. Таковы были: учрежденіе Сената 1802 г. и учрежденіе Государственнаго Совѣта 1810 г. Одному изъ этихъ коренныхъ законовъ былъ присущъ тотъ же самый признакъ, которымъ основные законы въ Швеціи отличались отъ простыхъ: онъ не могъ быть отмѣненъ, ни измѣненъ волею монарха, онъ связывалъ эту волю. То былъ Законъ о престолонаслѣдіи 1797 г., названный Павломъ I „фундаментальнымъ закономъ Россійской Имперіи". Эта его „фундаментальность" признана донынѣ. Въ названіи „коренной законъ" какъ шведскіе, такъ и русскіе государственные дѣятели XVIII и XIX столѣтій только и желали выразить непреложность того или другого закона, объявить его основною нормою всего строя государственнаго управленія и законодательства (учрежденіе Сената 1802 г., учрежденіе Государственнаго Совѣта 1810 г., Форма Правленія 1772 г.) или сословной организаціи того или другого сословія (Жалованная Грамота Дворянству 1785 или Привилегіи дворянства и рыцарства 1723 г.). Впослѣдствіи, при кодификаціи русскихъ законовъ, терминологія стала строже. Коренныя нормы, опредѣляющія собою права и преимущества Верховной Власти, порядокъ престолонаслѣдія, основныя начала законодательства и управленія верховнаго, названы *основными* законами [1]).

---

[1]) Манифестъ 2 Апрѣля 1801 г. П. С. З. № 19810. (О возстановленіи Жалованной дворянству грамоты).

„Положивъ во всемъ слѣдовать по стезямъ Ея (т. е. Императрицы Екатерины II) и бывъ Сами удостовѣрены въ справедливости, святости и неприкосновенности преимуществъ дворянства, Мы первою обязанностью себѣ признали симъ торжественно утвердить ихъ, возстановить и удостовѣрить, утверждая, возстановляя, и Императорскимъ Словомъ Нашимъ, за Насъ и Наслѣдниковъ Нашихъ удостовѣряя всѣ

Обратимся къ тому возраженію, что Императоръ Александръ I, монархъ самодержавный и православный, не могъ признать дѣй-

---

права и преимущества, въ грамотѣ дворянства содержащіяся, и напротивъ, отмѣняя, уничтожая и отлагая все, что противно оной или въ ослабленіе ея силы по стеченію обстоятельствъ и времени допущено или постановлено было, — повелѣваемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ признавать и почитать сіе Наше *постановленіе коренным и непрелагаемымъ закономъ Имперіи Нашей*". Здѣсь рѣчь идетъ не о старинномъ законѣ. Жалованной грамотѣ въ 1801 г. было всего — 16 лѣтъ. Едва ли слова „коренной" или „непрелагаемый" здѣсь только житейскій оборотъ рѣчи. Подчеркнувъ непреложность жалованной грамоты, Императоръ Александръ I какъ бы протестуетъ противъ ослабленія ея силы, допущеннаго въ царствованіе Императора Павла I, старавшагося подорвать авторитетъ законовъ, изданныхъ его великой матерью.

Въ одновременно изданномъ Манифестѣ 2 Апрѣля 1801 г. „О возстановленіи Городоваго Положенія и грамоты, данной городамъ" (П. С. З. № 19811), стремленіе выдѣлить и этотъ законъ изъ числа обыкновенныхъ, измѣненію или отмѣнѣ подлежащихъ, — выразилось въ слѣдующихъ словахъ „..... повелѣвая всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ признавать положеніе сіе однимъ изъ главныхъ, непреложныхъ и неприкосновенныхъ государственныхъ постановленій".

Не только правамъ сословій (правамъ, т. ск. гражданскимъ и корпоративнымъ), ихъ т. ск. „конституціямъ" должно было быть присвоено качество „непреложности"; это же качество должно быть присуще, по мнѣнію Императора Александра I, и законамъ, коими регулировалась денежная и кредитная часть, требовавшая всегда и повсюду стойкости и прочности.

Въ Высочайшемъ указѣ 15 Апрѣля 1801 г. „О подтвержденіи правъ и преимуществъ, Заемному Банку присвоенныхъ" (П. С. З. № 19854)—совокупность этихъ правъ и преимуществъ названа „неподвижнымъ закономъ", говорится о его „силѣ" и „непреложности". Въ манифестѣ 25 Января 1811 г. сказано: „Такимъ образомъ, сохраняя во всей силѣ и неприкосновенности постановленіе о пресѣченіи выпуска ассигнацій, въ манифестѣ 2 февраля (1810 г.) изображенное, яко одинъ изъ *коренныхъ законовъ* Имперіи Нашей". Здѣсь рѣчь идетъ несомнѣнно не о „старинномъ законѣ"! Манифестъ объ образованіи Государственнаго Совѣта 1810 г. (П. С. З. № 24064) содержитъ въ себѣ особую главу подъ названіемъ „коренныхъ законовъ". И здѣсь нѣтъ рѣчи о „старинномъ законѣ". Мнѣніе, что различіе между „основными" или „коренными" законами и законами „обыкновенными" установлено лишь благодаря Своду Законовъ съ 1832 г., едва ли правильно. Составитель свода Сперанскій, уже въ эпоху 1801—1812 гг., проводилъ различіе между этими двумя категоріями законовъ. Въ 1809 г. (т. е. именно въ эпоху изданія манифестовъ о „Финляндской конституціи") онъ представилъ Александру I обширную записку о свойствѣ и предметахъ законовъ Государственныхъ вообще, о раздѣленіи ихъ на *переходящіе* и *коренные* или *неподвижные*.

Эта классификація законовъ въ оффиціальной запискѣ доказываетъ, что эти названія не были простымъ оборотомъ рѣчи, съ коимъ не былъ связанъ какой либо опредѣленный смыслъ.

Возводя извѣстный рядъ законовъ, опредѣлявшихъ организацію важнѣй-

ствующей силы за закономъ, въ которомъ выражается отвращеніе къ самодержавію и евангелическая вѣра Аугсбургскаго исповѣ-

---

шихъ установленій Имперіи, права и привилегіи сословій или принципы финансоваго строя на ступени „коренныхъ" или „непреложныхъ", Александръ I и его первый совѣтникъ преслѣдовали ту же цѣль, которую имѣлъ въ виду Императоръ Павелъ I, когда онъ назвалъ Учрежденіе Императорской Фамиліи 1797 г. „фундаментальнымъ закономъ Россійской Имперіи", и Императоръ Николай I, когда онъ далъ свою Высочайшую санкцію на выдѣленіе въ Сводѣ Законовъ „основныхъ законовъ". Въ названіи „фундаментальный законъ" высказалось стремленіе покончить съ шаткостью и произвольностью правоотношеній въ средѣ династіи, шаткостью, которая Павлу I едва не стоила престола. И обильныя ссылки на начало закономѣрности и названіе важнѣйшихъ законовъ „коренными" въ царствованіе Александра I имѣютъ своимъ источникомъ желаніе покончить съ хаосомъ и произволомъ Павловскаго царствованія, когда все, рѣшительно все, что составляетъ правопорядокъ государства, пришло въ колебаніе, когда даже приказы, данные во время вахтпарада, имѣли силу закона и когда раздраженіе минуты, мимолетная вспышка рѣшала судьбу подданныхъ, и никто не зналъ, будетъ ли завтра признано то, что сегодня повелѣно, и не будетъ ли сегодня караемо то, за что вчера давались награды. Лишь на темномъ фонѣ царствованія, въ которое, по словамъ Карамзина, награда успѣла потерять прелесть, а наказаніе стыдъ,—понятны слова Высочайшаго рескрипта графу Завадовскому 5 Іюня 1801 г. (II. С. З. № 19904): „Поставляя въ *единомъ законѣ* начало и источникъ народнаго блаженства и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ друзья мира могутъ содѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но *одинъ законъ* можетъ утвердить ихъ навѣки..." Установленіе твердаго порядка законодательства должно было служить укорененію начала закономѣрности. Эта мысль съ особенною яркостью выразилась во второмъ изъ коренныхъ законовъ, учрежденіи Государственнаго Совѣта: „Посему всѣ законы, уставы и учрежденія въ первообразныхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ Государственномъ Совѣтѣ и потомъ, дѣйствіемъ Державной Воли, поступаютъ къ предназначенному ихъ совершенію". Эта же мысль проходитъ красною нитью и черезъ знаменитый всеподданнѣйшій отчетъ Государственнаго Совѣта за 1810 г.; въ немъ, между прочимъ, сказано: „Совѣтъ учрежденъ, чтобы власти законодательной дать первый видъ, первое очертаніе правильности, постоянство, твердость и разнообразіе". Какое значеніе эта реформа имѣла съ точки зрѣнія характера Формы Правленія Россіи, это высказано въ смѣлыхъ и глубокомысленныхъ словахъ Сперанскаго въ томъ же отчетѣ: „Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластія къ истиннымъ формамъ монархическнмъ". Въ запискѣ „О силѣ правительства", читанной императору Александру I 3 Декабря 1811 г., М. М. Сперанскій высказалъ слѣдующее: „Первый источникъ силы правительства суть законы. Если они такъ устроены, что оставляютъ правительству довольно власти, чтобы дѣйствовать всегда во благо, а въ случаѣ нужды принимать даже скорыя и сильныя мѣры, то правительство будетъ имѣть въ законахъ истинную силу. Но *власть* должно различать отъ самовластія. Власть даетъ силу правительству, а самовластіе ее разрушаетъ, ибо самовластіе даже и тогда, когда оно поступаетъ справедливо, имѣетъ видъ притѣсненія и, слѣдовательно, дѣйствуетъ безъ довѣрія и всегда принудительно. Изъ сего слѣдуетъ, что правильное законо-

данія признана господствующей вѣрой. На это возраженіе можно отвѣтить слѣдующее: Если бы Александру I пришлось утверждать

дательство даетъ болѣе истинной силы правительству, нежели неограниченное самовластіе. Въ Англіи законъ даетъ правительству власть, и потому оно можетъ быть тамъ сильно; въ Турціи законъ даетъ правительству самовластіе, и потому оно тамъ всегда должно быть слабо. Извѣстно, что въ Россіи власть правительства закономъ не ограничена; а потому истинная сила правительства въ семъ отношеніи всегда весьма слаба и пребудетъ таковою, доколѣ законъ не установитъ ее въ истинныхъ ея отношеніяхъ". Слѣдуетъ помнить, что это писано именно въ ту эпоху, когда опредѣлялось положеніе Финляндіи въ составѣ Россіи. Читая затѣмъ слѣдующія слова отчета: „Слѣдовательно, пользу сего учрежденія должны измѣрять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствію. Тѣ, кто не знаютъ связи и истиннаго мѣста, которое Совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ Вашихъ, не могутъ чувствовать его важности. Они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается только начало, они судятъ объ огромномъ зданіи по одному краеугольному камню".—Невольно спрашиваешь себя, неужели дѣйствительно Александръ I не могъ согласиться съ положеніемъ монарха „могущественнаго, но закономъ ограниченнаго"? Думается намъ, что если бы Александру I пришлось выслушать современныя намъ разсужденія о невозможности утвержденія имъ конституціи и политическихъ законовъ Швеціи для Финляндіи, то онъ оказался бы въ величайшемъ недоумѣніи и не понялъ бы, по какимъ причинамъ онъ не могъ бы утвердить въ Финляндіи то, что имъ же было признано необходимымъ и полезнымъ для всей Россіи? Вѣдь вся суть унаслѣдованныхъ отъ Швеціи политическихъ коренныхъ законовъ заключалась въ сохраненіи древняго законодательнаго порядка, притомъ только въ отношеніи ограниченной сферы общаго законодательства. Финляндцы опасались шаткости, непостоянства, необезпеченности русскихъ законовъ, того необузданнаго и безнаказаннаго административнаго произвола, который не стѣснялся законами, для котораго слова и священная воля Самодержца, непоколебимость престола, святость завѣтовъ церкви были лишь пустыми фразами, не мѣшавшими замѣнять волю самодержавную своими распоряженіями, свергать законныхъ государей и посвящать себя необузданному либертимизму, строго возбраняемому церковью. Не забудемъ, что рѣчь идетъ о началѣ XIX ст., т. е. о времени, которое живо помнило не только ночь 11 Марта 1801 г., предшествовавшую ей четырехлѣтнюю ломку всѣхъ законовъ Екатерины II, но и уваженіе законовъ, коимъ былъ проникнутъ великолѣпный князь Тавриды и равные ему по характеру придворные и дѣятели 1762 г.! Финляндскіе же дѣятели 1809 г. пережили двѣ революціи (1772 и 1789 г.).

Прочность и незыблемость законовъ, о коихъ столь сильно заботились финляндцы, — ни Александръ I, ни его преемникъ Николай I не считали противнымъ природѣ Самодержавной монархіи. Мало того, даже ограниченіе своей власти они не считали невозможностью, разъ это ограниченіе имѣло своимъ источникомъ не постороннюю власть, навязавшую самодержцу свою волю, а волю самого Самодержца, его слово. Николай I одобрилъ какъ планъ и программу преподаванія, составленные Жуковскимъ для наслѣдника престола Вел. Кн. Александра Николаевича, такъ и „Бесѣды о законахъ", составленныя для наслѣдника Сперанскимъ. Въ своей программѣ, какъ бы обращаясь къ своему августѣйшему ученику, Жуковскій говоритъ, между про-

силу одной Формы Правленія 1772 г., то несомнѣнно было бы основаніе усумниться въ фактѣ признанія ея дѣйствующимъ основнымъ закономъ. Но, какъ сказано выше, Форма Правленія 1772 г., какъ конституціонная хартія, была замѣнена Актомъ Соединенія и Безопасности 1789 г. Сохранились лишь второстепенныя положенія ея. Актъ же Соединенія и Безопасности свелъ ограниченіе монархической власти къ минимуму. Всѣ тѣ постановленія Формы Правленія, которыя лишали монарха права объявлять войну, связывали его законодательную иниціативу мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, ограничивали его власть при замѣщеніи должностей, при рѣшеніи вопросовъ въ высшемъ судѣ, благодаря несмѣняемости судей,—были отмѣнены. Въ сущности ограниченіе монаршей власти сводилось къ обязанности короля призывать къ содѣйствію при изданіи, отмѣнѣ или измѣненіи законовъ общихъ и основныхъ,—сеймъ государственныхъ чиновъ, не облагать народъ новыми прямыми налогами, или реальными повинностями, или рекрутскими наборами безъ согласія народнаго представительства. Всѣми другими дѣлами государства монархъ могъ управлять, какъ онъ заблагоразсудитъ. Мы не станемъ говорить о либеральномъ направленіи Императора Александра I въ первую половину его царствованія, когда онъ увлекался не только конституціонными, но даже республиканскими идеалами и желалъ передъ всей Европой играть роль воплощенія прогрессивныхъ идей свободы и закономѣрности! Этотъ фактъ настолько извѣстенъ, что кажется лишнимъ упоминать о немъ. Тѣ, якобы невяжущіяся съ русскимъ самодержавіемъ, начала, на которыхъ основаны Форма Правленія и Актъ Соединенія и Безопасности, были хорошо знакомы и русскимъ монархамъ, и русскому высшему обществу со временъ

чимъ: „Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ; законъ, пренебрегаемый царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ". А въ „Бесѣдахъ о законахъ" Сперанскаго, въ коихъ онъ, по словамъ императора Николая I, постигъ „истинное свойство и духъ нашего законодательства",—содержатся слѣдующія слова: „Слово неограниченная власть означаетъ то, что никакая другая власть на землѣ, власть правильная и законная, ни внѣ, ни внутри Имперіи не можетъ положить предѣловъ верховной власти Россійскаго Самодержца. Но предѣлы власти, имъ самимъ постановленные, извнѣ государственными договорами, внутри словомъ Императорскимъ, суть и должны быть для него непреложны и священны. Всякое право, а слѣдовательно право самодержавное, постольку есть право, поскольку оно основано на правдѣ. Тамъ, гдѣ кончается правда и начинается неправда, кончается право и начинается самовластіе". Въ шведскомъ дословномъ переводѣ слова „самовластіе" было бы передано словомъ „envåldet".

Наказа Императрицы Екатерины II, которая мечтала объ обезпеченіи закономѣрности управленія и о независимости суда. Реформы Александра I имѣли цѣлью установить и упрочить русскую Монархію на началѣ закономѣрности, которому считалъ необходимымъ подчинить себя самъ Монархъ [1]). Намѣренія его шли даже дальше.

Стоитъ ли повторять общеизвѣстный фактъ, что Александръ I мечталъ о дарованіи конституціи для всей Россіи, что новое учрежденіе Государственнаго Совѣта 1810 г. и окончательная замѣна Петровскихъ коллегій министерствами были только обломками громадной задуманной реформы? Извѣстно также изреченіе Императора о томъ, что законъ выше Его, что Онъ самъ подчиненъ закону. Напомнимъ дарованіе конституціи Польшѣ и оффиціальное при семъ случаѣ заявленіе Александра I, что онъ намѣренъ дать конституцію и Россіи. Извѣстенъ тотъ фактъ, что, по настоянію Императора Александра I, король Людовикъ XVIII даровалъ „хартію" Франціи, что онъ же настоялъ на Вѣнскомъ конгрессѣ на томъ, чтобы германскіе государи дали обѣщаніе ввести въ своихъ владѣніяхъ представительный образъ правленія. Вообще до 1818 г. вся либеральная Европа видѣла въ Александрѣ поборника либеральныхъ принциповъ [2]). Что эти либеральныя тенденціи въ по-

---

[1]) См. вышеприведенныя цитаты.

[2]) При открытіи польскаго сейма 1818 г. 15/27 Марта, Императоръ Александръ I, между прочимъ, сказалъ:

„L'organisation, qui était en vigueur dans votre pays (здѣсь идетъ рѣчь объ организаціи управленія и законодательства бывшаго великаго герцогства Варшавскаго) à permis l'etablissement immédiat de celle que je vous ai donné en méttant en pratique les principes de ces institutions libérales qui, n'ont cessé de faire l'objet de ma sollicitude et dont j'éspère, avec l'aide de Dieu, étendre l'influence salutaire sur toutes les contrées, que la Providence a confiées à mes soins.

Vous m'avez ainsi offert les moyens de montrer à ma patrie ce, que je prépare pour elle des longtemps, et ce qu'elle obtiendra, lorsque les élements d'une oeuvre aussi importante auront atteint le développement nécessaire.

Законъ о народномъ представительствѣ 15 Декабря 1815 г. Императоръ назвалъ въ своей рѣчи „la charte constitutionelle" и „loi fondamentale". Далѣе онъ заявилъ, что „Le régime constitutionelle est appliqué succescivement à toutes les parties de l'administration".

Въ заключительной части рѣчи Александръ I указываетъ полякамъ на то, что „Vous êtes appelés à donner un grand exemple à l'Europe, qui fixe sur vous ses égards.

Prouvez à vos contemporains que les institutions libérales dont ou prétend confondre les principes à jamais sacrés avec les doctrines subversives qui ont menacé

слѣднія 7 лѣтъ царствованія Императора Александра I уступили мѣсто реакціоннымъ воззрѣніямъ, мистицизму и Аракчеевщинѣ,— это несомнѣнно, но это не погашаетъ того, что было сдѣлано до этой эпохи, и не лишаетъ смысла того, что было задумано ранѣе. Утвержденіе остатка Формы Правленія 1772 г. и Акта Соединенія и Безопасности 1789 г. въ качествѣ конституціонныхъ хартій не было чѣмъ то страннымъ, невозможнымъ для Александра I. Напротивъ: инкорпорація Финляндіи безъ дарованія привилегій, отрицаніе ея правъ на сохраненіе представительнаго образа правленія, коимъ она пользовалась, какъ составная часть Швеціи, объявленіе финляндскихъ губерній простыми русскими губерніями,—вотъ что было бы ненормальнымъ съ точки зрѣнія характера и воззрѣній Александра въ 1809 г. Если бы Финляндія не пользовалась конституціоннымъ строемъ, то Александръ I даро-

---

de nos jours le système social d'une catastrophe épouvantable, ne sont point un prestige dangereux; mais que, réalisées avec bonne foi, et dirigées surtout avec pureté d'intention vers un but conservateur et utile à l'humanité, elles s'allient parfaitement avec l'ordre et produisent d'un commun accord la prospérité véritable des nations".

Въ рѣчи при закрытіи сейма императоръ сказалъ: „Polonais! Je tiens à l'accomplissement de mes intentions. Elles vous sont connues. Emportez en retournant dans vos foyers, le témoignage d'avoir travailler au bonheur de vos concitoyens, et à la prospérité de votre patrie. Songez que cette même patrie, élévée à la dignité d'un Etat libre et indépendant, vous surveille d'un oeil attentif dans le cercle de vos relations particulières et domestiques. C'est la plus encore, que dans le grand jour des assemblés publiques, qu'elle vous recommande d'êtres citoyens éclaires, amis de vos frères autant, que de vous mêmes, portés envariablement à faire sentir à toutes les classes, et surtout à celle qui supporte l'édifice de l'Etat, les avantages inhérents à *l'ordre constitutionnel*, dont jouit la Pologne".

Сравнивая эти рѣчи Александра I съ его рѣчами, произнесенными въ 1809 г. въ Борго, нельзя не замѣтить, что онѣ по тону и духу своему отчасти напоминаютъ рѣчи, обращенныя къ финляндцамъ, но что съ другой стороны въ нихъ встрѣчаются обороты, недостающіе рѣчамъ финляндскимъ. Польша объявляется „un état libre et independant" и указывается на то, что ея политическая организація гарантирована какъ торжественными трактатами (traités solennels), такъ и конституціонной хартіей въ качествѣ фундаментальнаго закона... Вполнѣ соглашаясь съ Бернгарди (Geschichte Russlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814—1831, т. II, стр. 697), что въ рѣчахъ императора Александра I постоянно встрѣчаются неясность и неопредѣленность выраженій, въ особенности выступающія наружу, если пытаешься перевести ихъ съ оригинала на другой языкъ, — тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что понятія „конституція" и „конституціонный" вполнѣ были ясны для него и нѣтъ особенныхъ основаній предполагать, что онъ употреблялъ эти выраженія въ иномъ смыслѣ, нежели тотъ, который придавался имъ въ 1830-хъ годахъ.

валъ бы ей конституцію наравнѣ съ Польшей. Что касается возраженія, что Александръ I, какъ монархъ православный, не могъ утвердить силы узаконеній, въ которыхъ евангелическо-лютеранская вѣра признавалась господствующей въ Финляндіи, то оно также не выдерживаетъ исторической критики. Конецъ XVIII и начало XIX столѣтій были эпохою самой широкой терпимости, вызванной господствомъ раціонализма и ослабленіемъ вѣроисповѣднаго самосознанія. Въ высшихъ слояхъ русскаго общества господствовала даже мода на увлеченіе католичествомъ и протестантскимъ мистицизмомъ и піистизмомъ. Екатерина II и Павелъ I защищали іезуитовъ; Александръ I покровительствовалъ библейскому обществу. Политика уже давно не считалась съ началомъ религіознаго единства народа. Учредитель Синода и издатель Духовнаго Регламента, Петръ Великій обѣщалъ сохраненіе всѣхъ правъ евангелическо-лютеранской церкви въ Лифляндіи и Эстляндіи въ 1710—1721 гг. Императрица Елизавета Петровна, извѣстная ревнительница православія, согласилась въ 1743 г. (въ мирномъ трактатѣ въ Або) на утвержденіе всѣхъ привилегій прибалтійскихъ губерній и Кюмменогородской провинціи въ Финляндіи. Петръ III и Екатерина II были владѣльцами герцогства Голштинскаго, въ которомъ евангелическо-лютеранская церковь была церковью господствующею. Императоръ Павелъ принялъ на себя званіе Великаго Магистра ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, учрежденнаго для защиты католицизма [1]). Могло ли послѣ всего этого утвержденіе § 1 Формы Правленія и привилегій духовенства 1723 г. встрѣтить какія либо затрудненія въ сферахъ правительственныхъ? Современная точка зрѣнія, согласно которой кажется необходимымъ подчинить всѣ составныя части Россійской Имперіи территоріальному господству первенствующей грекороссійской церкви, въ глазахъ политиковъ начала XIX ст. казалась бы странной и непонятной [2]).

---

[1]) Александръ I объявилъ себя Протекторомъ сего Рыцарскаго ордена.

[2]) Есть еще одно возраженіе противъ допущенія утвержденія Формы Правленія; оно заключается въ томъ, что Александру I и русскому правительству будто бы Форма Правленія была неизвѣстна! Это возраженіе болѣе чѣмъ странное. Прежде всего нужно имѣть въ виду, что какъ Форма Правленія 1772 г., такъ и Акты Соединенія и Безопасности 1789 г. были хорошо извѣстны въ Россіи съ самаго момента ихъ появленія. Русское правительство находилось au courant всѣхъ политическихъ событій въ Швеціи. Замѣна конституціи 1720 г. Формой Правленія 1772 г. была даже предметомъ дипломатическихъ переговоровъ русскаго и шведскаго правительствъ, ибо Россія съ 1743 г. была гарантомъ шведской конституціи 1720 г. Объявленіе

На основаніи всего сказаннаго мы приходимъ къ заключенію, что, утверждая силу коренныхъ законовъ, подъ господствомъ коихъ

1766 г. о томъ, что Форма Правленія 1720 г., какъ основной законъ, можетъ быть измѣнена или отмѣнена лишь на основаніи единогласнаго постановленія всѣхъ сословій, — было издано по настоянію русскаго посла, и по требованію Екатерины II. Уже Екатерина II называла Форму Правленія 1772 г. основнымъ закономъ Швеціи. Въ письмѣ къ Великой Княгинѣ, впослѣдствіи Императрицѣ Маріи Федоровнѣ, по поводу неудавшагося обрученія Великой Княжны Александры Павловны съ шведскимъ королемъ Густавомъ IV Адольфомъ, она писала (въ 1796 г. Августа) „Alors il (т. е. король) commenca á me dire, que les lois fondamentales de la Suêde exigent, que la Reine fût de la religion du Roi, que les choses étaient telles jusqu'ici". Далѣе Императрица извѣщаетъ свою невѣстку, что Густавъ IV, по объявленіи себя совершеннолѣтнимъ, 1 ноября 1796 г. подписалъ собственноручно основные законы Швеціи: Форму Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г. (ср. также приложеніе I къ сей главѣ).

Еще ранѣе, въ 1773 г., вице-канцлеръ Остерманъ, по приказанію Императрицы, составилъ проектъ новой Формы Правленія, которую предполагалось провести въ Швеціи взамѣнъ Формы Правленія 1772 г., при помощи недовольныхъ государственнымъ переворотомъ, совершеннымъ Густавомъ III. Во время пребыванія Густава въ Петербургѣ въ 1777 г. неоднократно заходила рѣчь о Формѣ Правленія 1772 г. и о признаніи ея россійскимъ правительствомъ, принявшимъ на себя гарантію Формы Правленія 1720 г. Далѣе въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (въ картонѣ Affaires Finlandaises) хранится обзоръ основныхъ началъ шведской конституціи, составленный надворнымъ совѣтникомъ Букомъ для Императора Александра I. Въ Архивѣ Статсъ-секретаріата, въ дѣлахъ 1809 г., находятся двѣ записки, оффиціально представленныя Императору Александру I. Изъ нихъ первая содержитъ въ себѣ очень ясно изложенный историческій обзоръ организаціи шведскаго сословнаго представительства и его компетенціи, на основаніи Устава о сеймѣ 1617 г., Формы Правленія 1772 г. и Акта Соединенія и Безопасности 1789 г., съ подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ господскихъ съѣздовъ и риксдаговъ до 1800 г. Вторая записка, представленная Александру I непосредственно, помимо Сперанскаго, составлена извѣстнымъ Аньяльскимъ заговорщикомъ, маіоромъ Егергорномъ. Она содержитъ въ себѣ объясненіе различныхъ условій и факторовъ развитія политической организаціи Финляндіи, какъ составной части Швеціи, при чемъ Форма Правленія играетъ очень выдающуюся роль. Наконецъ, въ Архивѣ графа Закревскаго (бывшаго Генералъ-Губернатора Финляндскаго съ 1823—1831 г.) имѣется тетрадь съ надписью „Конституція Финляндіи". Въ сей тетради сплетены въ одно цѣлое и въ русскомъ переводѣ: Форма Правленія 1772 г., Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г., Привилегіи сословій 1723 г. и 1789 г., Регламентъ Правительственному Совѣту 1809 г. и др. важные государственные акты, касающіеся Финляндіи. Не только въ отношеніи Императора Александра I высказывались предположенія, что онъ не зналъ въ точности, что означаетъ слово „конституція", и что, въ частности, онъ не имѣлъ яснаго понятія о шведской конституціи и объ ея главнѣйшихъ хартіяхъ: Формѣ Правленія 1772 г. и Актѣ Соединенія и Безопасности 1789 г. То же странное мнѣніе высказано было также и по отношенію къ Александру II, ученику Жуковскаго и Сперанскаго. Сомнѣвающимся въ знакомствѣ незабвеннаго Императора Александра II

жила Финляндія, въ качествѣ составной части Швеціи—Императоръ Александръ I утвердилъ и Форму Правленія 1772 г. въ тѣхъ частяхъ, которыя не были замѣнены Актомъ Соединенія и Безопасности 1789 г. и которыя не противорѣчили закону о престолонаслѣдіи 1797 г. и учрежденію Императорской Фамиліи. Далѣе, такъ какъ въ оффиціальныхъ актахъ XIX ст., указанныхъ выше, нѣсколько разъ встрѣчаются ссылки на Форму Правленія, какъ на дѣйствующій законъ, то нужно признать, что Форма Правленія 1772 г. въ тѣхъ частяхъ ея, которыя не были замѣнены или упразднены — почиталась дѣйствующимъ закономъ и въ теченіе всего XIX ст.

съ шведскою конституціонною исторіей мы рекомендуемъ прочитать Т. XXX. Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, въ коемъ напечатаны: „Годы ученія Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора" Спб. 1880 г. Учитель исторіи Императора Александра II, Липманъ, читалъ своему ученику, между прочимъ, „Введеніе въ исторію революціи". Въ составъ этого курса входилъ и очеркъ конституціонной исторіи Швеціи. Въ напечатанной программѣ курса мы читаемъ слѣдующее:

„La Suède jusqu'à l'époque de la Revolution française

Suites désastreuses de la paix de Nystadt, gouvernement turbulent. Diètes factieuses, diverses modifications (restriction de la royauté) dans la diète de 1723. (Initiative, vote des 3 ordres). Le Véto. Diéte orageuse de 1735. Chapeaux et Bonnets (partis français et anglorusse); deux guerres malheureuses, entreprises par les Chapeaux.

Paix d'Abo, l'élection d'Adolphe Fréderic 1751—1771.

Le sénat s'empare du greffe du Roi (estampille, droit de signature) après la guerre de VII ans. Chute des Chapeaux. Triste etat du pays en 1768.

Le prince royal dresse le premier plan d'opposition; abdication, interrègne de 6 jours, les Etats convoqués. Voyage du Prince royal, il est salué roi à Paris, depuis 50 ans, le prémier roi Suédois. Il excelle comme orateur; journée du 19 Août 1772; l'intrigue et l'usurpation succombent à l'enthousiasme. L'Acte d'Assurance; promesse de rétablir l'état des choses de 1680.

Constitution de 1772; le roi ne doit pas faire la guerre offensive sans le consentement de la diète. Les 6 bonnes années de Gustave III; compte rendu publié en 1778. Gustave III pense qu'il faut caractériser un règne; sages conseils du roi de Prusse. Le roi de Suède veut être conquérant. Guerre de Russie de 1788; vrais motifs et pretextes (note de l'ambassadeur de Russie). Conjuration d'Aniala (armement des Danois, en Norvège, le roi á Stockholm), victoires alternatives; aucun succès décisif, point de secours, ni de la Prusse, ni de l'Angletrre. Paix de Wårelä 1790 (peu de semaines après la signature de la convention de Reichenbach 1789). La constitution modifiée. Acte dé union et de sûreté, le roi a seul de droit de paix et de guerre. Le Sénat n'a plus de part au gouvernement, les Etats ne délibérent que sur les propositions royales.

Gustave III va se mettre à la tète de la coalition. Sa mort, 1792; qualités et défauts brillants".

По крайней мѣрѣ въ теченіи 90 лѣтъ (1810—1900 г.), съ оффиціальной стороны не было высказано ни одного протеста (оффиціальнаго) противъ этого положенія. Слѣдовательно, изъ состава Формы Правленія 1772 г. нужно признать дѣйствующими, впредь до оффиціальной отмѣны ихъ, слѣдующія постановленія:

§ 1, въ которомъ евангелическо-лютеранская вѣра и церковь аугсбургскаго исповѣданія признана не только вѣрою терпимою, не иностраннымъ исповѣданіемъ, а главною, привиллегированною церковью края (что соотвѣтствуетъ и положеніямъ привилегій духовнаго сословія 1723 г. и церковнымъ уложеніямъ 1686 и 1869 г.)

§ 2, опредѣляющій права и обязанности монарха въ общихъ чертахъ и устанавливающій важное начало о неприкосновенности жизни, чести и собственности подданныхъ, впредь до лишенія ихъ этихъ благъ на основаніи приговора компетентнаго суда.

§ 5, также трактующій объ обязанностяхъ монарха.

§ 9, предоставляющій одному монарху право помилованія.

§ 11, (первый абзацъ), въ силу котораго одинъ монархъ имѣетъ право жаловать дворянское достоинство.

§ 15, въ коемъ указаны общія начала организаціи и дѣятельности Гофгерихтовъ.

§ 39, возлагающій на земскіе чины обязанность охранять всѣ прерогативы монарха.

§§ 40—41, въ коихъ установлено начало, что ни монархъ безъ вѣдома и согласія земскихъ чиновъ, ни земскіе чины безъ вѣдома и согласія монарха не могутъ издавать новый законъ, ниже отмѣнить старый.

(При этомъ нужно имѣть въ виду сказанное выше, что подъ словомъ lag, законъ, нужно понимать лишь нормы, входящія въ рамку уложенія 1734 г. и относящіяся къ области „общаго“ законодательства).

§§ 44 и 45, опредѣляющіе финансовыя прерогативы монарха въ отношеніи чеканки монетъ и установленія чрезвычайныхъ военныхъ налоговъ (а также рекрутскихъ наборовъ).

§§ 46, 47, 49, 50, 51, 52 имѣли значеніе и силу лишь до изданія Сеймоваго Устава 1869 г.

Наконецъ, дѣйствующимъ закономъ въ теченіе всего XIX ст. признавался также и § 54, установившій твердость правъ и преимуществъ городовъ.

Всѣ остальные §§ Формы Правленія были или отмѣнены Актомъ Соединенія и Безопасности 1789 г., или потеряли силу въ

виду несогласія ихъ съ законами о престолонаслѣдіи и учрежденіемъ Императорской Фамиліи 1797 г. Что касается тѣхъ §§ Формы Правленія, которые опредѣляли организацію и компетенцію шведскихъ государственныхъ коллегій, то ихъ сила и дѣйствіе подверглись погашенію вслѣдствіе новой организаціи управленія въ Финляндіи на основаніи регламента Правительственному Совѣту 1809 г., и инструкцій Генералъ-Губернатору и прокурору 1812 г. [1]).

Актъ Соединенія и Безопасности (или охраненія) отъ 21 Февраля и 3 Апрѣля 1789 г.

Возвратившись изъ неудачнаго похода противъ Россіи 1788 г. во время котораго неудовольствіе дворянства выразилось въ попыткѣ возмутить войско и въ извѣстномъ Аньяльскомъ заговорѣ, Густавъ III совершилъ новый государственный переворотъ. Уже съ 1778 г. король стремился къ расширенію королевскихъ прерогативъ и къ ограниченію компетенціи риксдага. Удачно воспользовавшись негодованіемъ, которое вызвалъ въ народѣ и войскѣ Аньяльскій заговоръ, онъ принудилъ 3 сословія сейма (духовенство, горожанъ и крестьянъ) принять и одобрить предложенный имъ Актъ Соединенія и Безопасности, въ сущности возстановившій королевское единовластіе Карла XI. Дворянство не согласилось на принятіе Акта Соединенія и Безопасности. Ландмаршалъ подписалъ грамоту безъ полномочія сословія. Не былъ утвержденъ сей актъ дворянами и въ 1792 г. и въ 1800 г., когда созванъ былъ сеймъ. На сеймъ 1800 г. большинство дворянъ даже не пріѣхало, опасаясь, что пріѣздъ будетъ сочтенъ за молчаливое признаніе законности акта. Въ особенности въ Финляндіи открыто высказывались протесты противъ Акта 1789 г. Шведское правительство опасалось революціоннаго движенія въ Финляндіи, а Императоръ Павелъ I обѣщалъ королю Густаву IV военную помощь для подавленія мятежа!..

Если единовластіе и не было провозглашено открыто, то смутная, неясная редакція закона дала королю полную возможность толковать постановленія, касающіяся королевскихъ прерогативъ, въ самомъ распространительномъ смыслѣ. Первая статья упомянутаго акта самая главная, и въ ней собственно заключается вся сущность и значеніе его.

---

[1]) Полный текстъ Формы Правленія 1772 г., а также текстъ Акта Соединенія и Безопасности 1789 г. въ русскомъ оффиціальномъ переводѣ напечатаны въ приложеніяхъ къ сочиненію проф. Сергѣевскаго: „Къ вопросу о финляндской автономіи и основныхъ законахъ". Спб. 1902 г.

Она гласитъ въ оффиціальномъ русскомъ переводѣ: „Признаемъ имѣть короля наслѣдственнаго, который совершенно властенъ управлять государствомъ, пещись о его безопасности и защищать оное, начинать войну, заключать миръ и союзы съ чужестранными владѣніями, раздавать милости, даровать жизнь, возвращать честь и имѣніе, по благоусмотрѣнію распоряжаться всѣми государственными должностями, которыя имѣютъ быть замѣщаемы только природными шведами, наблюдать законы, въ судахъ охранять порядокъ и во всѣхъ другихъ народныхъ дѣлахъ употреблять способы, признанные королемъ полезнѣйшими“ [1]).

На счетъ того, что Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г. въ теченіе всего XIX ст. признавался въ Финляндіи дѣйствующимъ основнымъ закономъ, нѣтъ разногласія въ средѣ финляндскихъ ученыхъ, публицистовъ и общественныхъ дѣятелей. И въ Россіи противъ признанія силы дѣйствующаго закона за Актомъ Соединенія и Безопасности возражаютъ рѣже и не столь энергично, какъ противъ Формы Правленія 1772 г. Со стороны правительства также не высказано ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Актъ Соединенія и Безопасности сохранилъ силу дѣйствующаго основного закона. Особенно рельефно это признаніе выразилось въ Манифестѣ Императора Александра III объ измѣненіи редакціи §§ 51 и 52 Сеймоваго Устава Великаго Княжества Финляндскаго, отъ $^{15}/_{3}$ Апрѣля 1869 г., въ силу котораго земскимъ чинамъ даровано право „моціи“, т. е. внесенія законопроектовъ. Это право принадлежало государственнымъ чинамъ Швеціи до 1789 г. Пунктомъ 6-мъ Акта Соединенія и Безопасности это право было упразд-

---

[1]) Этотъ русскій оффиціальный переводъ грѣшитъ неточностью.

Шведскій оригинальный текстъ вѣрно переданъ въ оффиціальномъ нѣмецкомъ переводѣ, напечатанномъ въ 1806 г. въ указанномъ выше сборникѣ „Acta publica“. Онъ гласитъ слѣдующее:

„§ 1. Erkennen wir, dass wir einen Erbkönig haben, welcher völlige Macht hat das Reich zu regieren, zu wahren, zu befreyen und zu beschützen; Krieg anzufangen, Frieden und Bündniss mit auswärtigen Mächten zu schliessen; zu begnadigen, Leben, Ehre, Güter zu schenken; nach Seinem hohen Gutfinden über alle Aemter des Reiches zu disponiren, welche mit eingeborenen schwedischen Männern besetzt werden müssen, *Gesetz und Recht zu pflegen und zu handhaben.*

Die übrigen Reichsangelegenheiten werden verwaltet, wie es dem König am nützlichsten scheinen wird!“ При этомъ нужно имѣть въ виду, что въ Швеціи въ XVI ст. очень сильно было распространено мнѣніе, что „наслѣдственный король“ то же самое, что „самодержавный король“.

нено. Какъ Высочайшая пропозиція сейму 1882 г. о возстановленіе сего права, такъ и упомянутый выше Манифестъ прямо ссылаются на ст. 6. Въ Манифестѣ сказано: ...„Мы признали за благо, съ отмѣною 6-го пункта Акта Соединенія и Охраненія отъ 21 Февраля и 3 Апрѣля 1789 г. . . . . .“

Ясно, что разъ Верховная Власть говоритъ объ *отмѣнѣ* какого-либо § того или другого закона, то она признаетъ сей законъ дѣйствующимъ. Отмѣна недѣйствующаго закона не имѣла бы смысла и была бы юридическимъ абсурдомъ [1]). (Текстъ Акта Соединенія и Безопасности напечатанъ въ указанныхъ выше изданіяхъ. Русскій оффиціальный переводъ, повторяемъ, есть весьма неточная передача шведскаго оригинальнаго текста; нѣмецкій же переводъ вполнѣ точный).

Сеймовый Уставъ. 3-мъ основнымъ закономъ, на этотъ разъ вполнѣ безспорнымъ,—является Сеймовый Уставъ 1869 г. Характеръ основного закона присущъ ему безспорно, ибо Уставъ не только признанъ таковымъ въ § 83, но и въ заключительной формулѣ утвержденія, въ которой сказано: „Одобряемъ и утверждаемъ сей уставъ, какъ ненарушимый и основной законъ“ [2]).

---

[1]) Противники признанія дѣйствующей силы за Формою Правленія 1772 г. и Актомъ Соединенія и Безопасности видятъ въ ссылкахъ на эти узаконенія какія-то клаузульныя оговорки, введенныя mala fide редакторами законовъ. Анализъ malae fideis или bonae fideis редакторовъ не имѣетъ юридическаго значенія. Разъ данное узаконеніе, въ данной редакціи получило санкцію Верховной Власти, оно имѣетъ обязательную юридическую силу въ данной формѣ. Отрицаніе этой силы во имя измѣнчивыхъ политическихъ разсчетовъ едва ли допустимо въ правомѣрномъ государствѣ и является весьма опаснымъ прецедентомъ. Если узаконенія одного царствованія лишаются авторитета на основаніи анализа bonae fideis редакторовъ, то для будущаго времени открывается просторъ для поколебанія авторитета узаконеній, вызванныхъ къ жизни новыми теченіями въ политикѣ.

[2]) Сеймовый уставъ въ § 71 впервые точно и опредѣленно установилъ тотъ порядокъ изданія, отмѣны и измѣненія основныхъ законовъ, который практиковался въ Швеціи съ XVII ст. и который признавался установившимся шведскими и финляндскими юристами. § 71 сеймоваго устава гласитъ: „Изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основного закона можетъ послѣдовать не иначе, какъ по предложенію Государя Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій; предложеніе же по таковому предмету разрѣшается на сеймѣ, на которомъ оно послѣдовало, или же, если по крайней мѣрѣ два сословія того требуютъ, оставляется нерѣшеннымъ до слѣдующаго сейма, когда оно имѣетъ быть принято къ окончательному разсмотрѣнію“.

Иниціатива къ изданію, измѣненію, поясненію или отмѣнѣ основного закона принадлежитъ исключительно монарху.

Сеймовый Уставъ напечатанъ въ Сборникѣ Постановленій Вел. Княж. Ф—го 1869. № 11, стр. 1 и с. [1]).

---

[1]) Къ основнымъ законамъ прежде, до 1901 г., до утвержденія новаго устава о воинской повинности въ Фянляндіи, принадлежали 14 §§ прежняго устава о воинской повинности, 6/18 Декабря 1878 г. Архивными данными доказано, что возведеніе сихъ §§ въ степень основныхъ законовъ не вполнѣ соотвѣтствовало намѣреніямъ Верховной Власти. Притомъ оно оказалось крупной политической ошибкой.

Можно сожалѣть о томъ, что въ сеймовомъ уставѣ не перечислены тѣ законы, которые признаны основными. Этимъ былъ бы положенъ конецъ и предупрежденъ всякій споръ о томъ, какія нормы являются основными законами Финляндіи, какія нѣтъ. Чѣмъ объяснить этотъ пробѣлъ? Проф. Сергѣевскій въ указанномъ выше сочиненіи даетъ (стр. 39 и 40) слѣдующее объясненіе: „Происхожденіе этихъ, столь неопредѣленныхъ указаній Сеймоваго Устава на „основные законы" и „Форму Правленія" разъясняется историческою справкою, которая сама по себѣ не лишена общаго значенія. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: одновременно съ проектомъ Сеймоваго Устава въ 1865 году былъ составленъ финляндскимъ кодификаціоннымъ комитетомъ проектъ Уложенія или Свода Основныхъ законовъ, называвшійся также Формой Правленія. Въ этомъ Уложеніи или Формѣ Правленія проектированы были всѣ тѣ постановленія, коимъ составители предполагали придать значеніе „основныхъ законовъ"; соотвѣтственно этому, въ проектѣ Сеймоваго Устава сдѣланы были ссылки и указанія на основные законы и Форму Правленія, подъ которыми разумѣлись не какіе-либо прежніе „основные" или „коренные" законы, а именно изложенные въ новомъ проектѣ. По содержанію своему этотъ новый проектъ представлялъ собою дѣйствительную конституцію Финляндіи и шелъ въ этомъ направленіи несравненно дальше Формы Правленія 1772 г. и Акта Соединенія 1789 г. въ ихъ совокупности. Онъ опредѣленно ограничивалъ Верховную Власть, рѣшительно устанавливалъ государственную обособленность Финляндіи, многократно давалъ опредѣленія о „столицѣ" Великаго Княжества и т. п. Противъ проекта выступилъ съ сильными возраженіями тогдашній Генералъ-Губернаторъ баронъ Рокасовскій. Послѣ обсужденія въ особомъ совѣщаніи, происходившемъ въ Высочайшемъ присутствіи, Императоръ Александръ II отвергъ проектъ. Между тѣмъ, проектъ Сеймоваго Устава былъ Государемъ одобренъ для внесенія въ Сеймъ. Казалось бы, при такомъ положеніи дѣла всѣ вышеприведенныя ссылки должны были бы быть исключены изъ Сеймоваго Устава. Но тѣ должностныя лица и установленія, на обязанности которыхъ лежало ближайшее наблюденіе за точностью и правильностью текста издаваемыхъ законовъ, повидимому, не сочли нужнымъ этого сдѣлать. Такимъ образомъ, въ Сеймовомъ Уставѣ оказались ссылки на несуществующій законодательный актъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возникъ пробѣлъ, отсутствіе указанія на то, какіе именно законы должны считаться „основными". Въ виду изложеннаго, съ точки зрѣнія научно юридической критики, необходимо считать всѣ правила Сеймоваго Устава объ „основныхъ законахъ" лишенными опредѣленнаго содержанія, и самый Уставъ въ высшей степени дефектнымъ актомъ". — Замѣчанія Проф. Сергѣевскаго заключаютъ въ себѣ много основательнаго. Несомнѣнно можно бы было

На перепутьи т. ск. отъ основныхъ законовъ къ законамъ обыкновеннымъ, какъ общимъ, такъ и экономическимъ, стоятъ законы, опредѣляющіе собою или организацію цѣлаго сословія, его привиллегіи, или порядокъ законодательства и управленія въ цѣлой особой области общественной жизни. Таковы привиллегіи сословій и Церковное Уложеніе.

Уставъ Рыцарскаго Дома (напечатанъ въ Сборникѣ Постановленій Вел. Кн. Ф—го 1869, № 12).

До 1869 г. корпоративная организація сословій рыцарства и дворянства опредѣлялась Уставами Рыцарскаго Дома 6 Іюня 1626 г. (съ прибавленіемъ къ нему отъ 3 Ноября 1778 г. и привиллегіями рыцарства и дворянства 16 Октября 1723 г.). Въ 1860 г. особый комитетъ по Высочайшему повелѣнію составилъ проектъ новаго Уста́ва Рыцарскаго Дома. Проектъ поступилъ черезъ Сенатъ на утвержденіе Императора, причемъ Сенатъ ходатайствовалъ о томъ, чтобы утвержденіе устава было отложено впредь до того времени, когда дворянство и рыцарство на сеймѣ получатъ возможность высказаться по поводу проекта. Государь Императоръ далъ на то свое согласіе. Проектъ Устава Рыцарскаго дома былъ на разсмотрѣніи сейма 2 раза, въ 1863—64 гг. и въ 1867 г. и, наконецъ, подвергнутый нѣкоторымъ измѣненіямъ, получилъ утвержденіе въ 1869 г. Измѣненіе или отмѣна Устава Рыцарскаго Дома зависитъ отъ Монарха; право почина къ измѣненію или отмѣнѣ принадлежитъ какъ Монарху, такъ и сословію рыцарства и дворянства [1]).

требовать отъ составителей Сеймоваго Устава въ окончательной его редакціи (отъ Сената и отъ Сейма, которые подробно разсматривали его) указаній въ подробности всѣхъ тѣхъ нормъ, которыя признавались основными. Возникшіе уже въ то время споры должны бы были побудить къ тому. Но разъ это не сдѣлано, то слѣдовательно сохраненъ status quo ante; подъ основными законами нужно понимать всѣ тѣ законоположенія, которыя признавались основными въ эпоху 1809—1869 гг. Такъ какъ уставъ 1869 г. составленъ упомянутой выше кодификаціонной комиссіей, и такъ какъ сія комиссія дѣйствовала на основаніи Высочайше утвержденной программы, въ коей указаны основные законы, изъ коихъ должна была быть составлена новая форма правленія, то слѣдовательно эта программа и должна служить ключемъ при объясненіи вопроса о томъ, что понимаетъ сеймовый уставъ подъ словами „основной законъ".

[3]) § 41 устава рыцарскаго дома гласитъ:

„Если въ общемъ собраніи возникнетъ вопросъ объ измѣненіи настоящаго устава Рыцарскаго Дома, то дѣло о семъ должно всегда быть передаваемо въ

Что касается привиллегій рыцарства и дворянства 16 Октября 1723 г., то рядъ узаконеній, начиная съ 1789 г., постепенно лишилъ ихъ всякаго значенія. (Постепенно упразднены были: исключительное право дворянства на владѣніе высоко-бѣлопомѣстными имѣніями, т. н. сетереями, forum privillegiatum, преимущества по государственной службѣ и т. д.). Освобожденіе промысловаго и торговаго труда отъ стѣсненій эпохи меркантилизма, реформы въ строѣ землевладѣнія, открывшія юридически доступъ ко всѣмъ категоріямъ землевладѣнія всѣмъ общественнымъ классамъ, организація городскаго и сельскаго общиннаго самоуправленія на новыхъ началахъ (въ 1873, 1865 и 1898 гг.) лишили значенія и привиллегіи городского сословія 26 Февраля 1789 г. и крестьянскаго сословія 4 Апрѣля 1789 г.

Отчасти сохранили свою силу и значеніе привиллегіи духовенства и училищнаго сословія 16 Октября 1723 г.; по крайней мѣрѣ, эти привиллегіи утверждены въ отношеніи преподавателей Императорскаго Александровскаго Университета и ихъ семействъ, какъ Уставомъ 1828 г., такъ и дѣйствующимъ Университетскимъ уставомъ 1 Октября 1852 г.

Церковное уложеніе [1]). Вскорѣ послѣ введенія протестантизма въ Швеціи, въ царствованіе Густава Вазы, въ 1527 г. изданы были нѣкоторыя постановленія о церкви, коими отмѣнялись древніе, католическіе церковные законы, не соотвѣтствовавшіе духу и нача-

---

комиссію Рыцарскаго Дома, которой надлежитъ представить Рыцарству и Дворянству свое объ немъ заключеніе. Буде сословіе, вслѣдствіе этого, рѣшитъ сдѣлать какое либо измѣненіе или дополненіе къ Уставу, то означенное рѣшеніе имѣетъ быть всеподданнѣйше представляемо на Высочайшее утвержденіе Государя Императора и Великаго Князя и немедленно вступаетъ въ силу, если оно удостоится одобренія въ неизмѣненномъ видѣ; но если Государь Императоръ не признаетъ за благо утвердить проектъ, то Рыцарство и Дворянство имѣетъ право войти къ Государю Императору съ новымъ проектомъ. Между тѣмъ прежній уставъ Рыцарскаго Дома долженъ служить къ руководству безъ измѣненія. Если въ продолженіе сейма будетъ принято такое измѣненіе въ основныхъ законахъ, что оно сдѣлаетъ необходимымъ и соотвѣтственную поправку въ уставѣ Рыцарскаго Дома, то коммиссія онаго обязана сама войти къ Рыцарству и Дворянству съ проектомъ подобнаго исправленія".

[1]) Подробный историческій обзоръ источниковъ шведскаго и финляндскаго церковнаго права помѣщенъ въ сочиненіи проф. Шаумана „Руководство къ церковному праву Финляндіи (Handbok i Finlands Kyrkorätt af F. L. Schauman I Hfs. 1853). Хотя сочиненіе появилось уже въ 1853 г., но оно въ своей исторической части сохранило свое значеніе донынѣ.

ламъ евангелическо-лютеранской церкви. То были, т. н. Вестероскія ординаціи (Westerås ordinantia). Съ 1529 до 1554 г. появился рядъ отдѣльныхъ законоположеній въ области церковнаго права; въ 1554 г. изданы „Decreta vel acta ecclesiastica". Уже съ 1531 г., когда шведскимъ архіепископомъ сталъ одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ Густава Вазы, Лаврентій Петри, приступлено было къ составленію Церковнаго Уложенія. Но оно получило утвержденіе короля (Іоганна III) лишь въ 1571 г., и было принято шведскимъ духовенствомъ въ 1572 г. (т. н. Svenska Kyrkordning 1571). Въ 1582 г. церковный уставъ 1571 г. былъ замѣненъ новымъ, проникнутымъ католическимъ духомъ. Но Упсальскій церковный соборъ 1593 г. отказался отъ сего устава и подтвердилъ силу устава 1571—72 гг. Король Сигизмундъ торжественно подтвердилъ силу сего устава въ 1594 г., но въ 1595 г. рѣшено было приступить вновь къ его пересмотру.

Работы по пересмотру Церковнаго Устава 1572 г. (1571) продолжались почти сто лѣтъ. Лишь въ 1686 г. король Карлъ XI утвердилъ и риксдагъ одобрилъ новое церковное уложеніе, дѣйствовавшее до 1869 г. Оно озаглавлено: „Церковный законъ и уставъ, которые приказалъ составить Великомощный Король и Государь Карлъ XI въ 1686 г. и которые изданы въ печати и опубликованы въ 1687 г. (съ принадлежащими къ оному уставами)". Это уложеніе было переведено на финскій языкъ. Къ Уложенію 1686 г. издано добавочное постановленіе отъ 4 Іюля 1689 г. Нѣсколько десятилѣтій спустя, въ 1723 г., вслѣдствіе постановленія сейма, приступлено было къ пересмотру уложенія Карла XI. Пересмотръ продолжался 40 лѣтъ, но къ моменту присоединенія Финляндіи къ Россіи работа эта не привела къ положительному результату. Вопросъ о пересмотрѣ и о новомъ изданіи церковнаго уложенія возникъ въ Финляндіи вновь въ 1817 г. Въ этомъ году, когда Финляндія праздновала 300-лѣтній юбилей реформаціи, архіепископъ Абосскій I. I. Тенгстремъ обратился къ Императору Александру I съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ объ учрежденіи комитета для пересмотра какъ церковнаго уложенія, такъ и пересмотра катехизиса. Высочайшимъ рескриптомъ на имя Абосской соборной консисторіи отъ 17 Августа 1817 г. Императоръ Александръ I разрѣшилъ приступить къ таковому пересмотру. Въ 1818 г. былъ учрежденъ спеціальный комитетъ для пересмотра уложенія. Этимъ комитетомъ были составлены два проекта. Второй проектъ (надъ составленіемъ котораго работалъ преимуще-

ственно извѣстный финляндскій юристъ-историкъ Нордстремъ) былъ въ 1845 г. напечатанъ и подвергнутъ обсужденію Сената, гофгерихтовъ, губернаторовъ, духовныхъ консисторій и консисторіи Императорскаго Александровскаго университета. Въ 1848 г. проектъ вмѣстѣ съ замѣчаніями означенныхъ учрежденій (а также съ отзывами частныхъ лицъ) былъ вновь переданъ на разсмотрѣніе комитета и подвергся новой переработкѣ. Въ 1863 г. онъ переданъ на обсужденіе сейма. Замѣчанія сейма вмѣстѣ съ проектомъ вновь переданы на обсужденіе особаго комитета. Наконецъ, сеймъ 1867 г. окончательно просмотрѣлъ и одобрилъ проектъ церковнаго уложенія, которое утверждено Императоромъ Александромъ II въ 1868 г. и распубликовано 6 Декабря 1869 г. (Церковное уложеніе Евангелическо-Лютеранской церкви въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ напечатано въ Сборникѣ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго 1869 г., № 27).

Общее Уложеніе 1734 г. Выше была вкратцѣ изложена исторія Общаго Уложенія 1734 г. Оно было издано оффиціально въ 1736 г. съ предисловіемъ, предметнымъ и алфавитнымъ указателемъ и съ приложеніемъ судейскихъ правилъ (domare reglor) XVI ст. За этимъ изданіемъ слѣдовалъ рядъ изданій оффиціальныхъ, полуоффиціальныхъ и частныхъ.

Русскій переводъ означеннаго уложенія изданъ въ 1824 г. по Высочайшему повелѣнію (параллельно съ шведскимъ оффиціальнымъ текстомъ) подъ заглавіемъ: „Уложеніе Швеціи, принятое на сеймѣ 1734 г. и Его Императорскимъ Величествомъ утвержденное для Великаго Княжества Финляндіи“.

Черезъ 3 года, въ 1827 г., съ разрѣшенія Императора Николая I, издано (параллельно на шведскомъ и русскомъ языкахъ) прибавленіе къ нему. Это прибавленіе содержитъ въ себѣ нѣкоторыя узаконенія, вышедшія въ шведскую эпоху въ дополненіе къ статьямъ уложенія и, кромѣ того, нѣкоторыя узаконенія, по предмету своему, не входящія въ рамки уложенія 1734 г., какъ-то: Регламентъ Правительственнаго Совѣта 1809 г., Манифестъ 1816 г. о переименованіи Совѣта въ Сенатъ [1]), Инструкція Генералъ-Губернатору 31 Января 1812 г., Инструкція прокурору 31 Января

---

[1]) Сей манифестъ названъ въ адресѣ Сената по поводу его изданія и въ препроводительной бумагѣ генералъ-губернатора графа Штейнгеля—„утвержденіе конституціи Финляндіи“.

1812 г. и др. Русскій переводъ изданія уложенія 1824 г. въ общемъ не плохъ въ стилистическомъ отношеніи, но пользоваться имъ должно съ осторожностью. Юридическая терминологія его далеко не всегда точно передаетъ смыслъ шведскаго оригинальнаго текста и не совпадаетъ съ юридической терминологіей въ оффиціальныхъ переводахъ узаконеній новѣйшаго времени.

Что касается узаконеній, помѣщенныхъ въ прибавленіи, то они переведены весьма неудовлетворительно. Смыслъ шведскаго (или французскаго) оригинальнаго текста переданъ весьма неточно, а юридическая терминологія неясна и неопредѣленна, и при томъ не выдержана. Въ 1891 г. появилось новое русское изданіе общаго уложенія, изготовленное Малышевымъ. Его заглавіе: „Общее Уложеніе и дополнительныя къ нему узаконенія Финляндіи. Новое изданіе на основаніи оффиціальныхъ шведско-финляндскихъ источниковъ. Спб. 1891 г.“. Это изданіе есть въ сущности подражаніе частному изданію шведскаго уложенія 1734 г., составленному двумя финляндскими юристами: Шеросъ и Сулинъ въ 1865 г. Система изданія Малышева, съ ея подведеніемъ самыхъ разнообразныхъ узаконеній изъ области административнаго и финансоваго права подъ статьи уложенія, имѣющія весьма мало связи съ подведеннымн нормами, цѣликомъ заимствована у Сулина—Шероса [1]).

Издатель самъ указываетъ въ предисловіи (стр. XIX) на это свое подражаніе Шеросъ-Сулинскому оригиналу. Онъ говоритъ: „Этотъ сборникъ (Шеросъ—Сулина), весьма распространенный въ Финляндіи и принятый тамъ въ практикѣ судебной и административной, служилъ главнѣйшимъ частнымъ пособіемъ и руководствомъ при составленіи настоящей книги, причемъ, однако, признано нужнымъ не только улучшить систему и порядокъ его изложенія, но и провѣрить каждое приведенное помянутыми финляндскими юристами узаконеніе по оффиціальнымъ источникамъ, которые подъ каждымъ такимъ примѣчаніемъ или дополненіемъ

---

[1]) Такъ напр. въ отдѣлъ о строеніи, главу первую: „Какъ отводить мѣсто подъ селеніе и какъ дѣлить угодья“, вставленъ за § 4 „законъ о сельскомъ общинномъ управленіи“; подъ главу 24 „о пожарѣ въ селеніи“ подведены узаконенія о приготовленіи и продажѣ фосфорныхъ зажигательныхъ спичекъ и о мѣрахъ предосторожности при складкѣ и храненіи летучихъ и легко воспламеняющихся маслъ, и также при ихъ пересылкѣ и обращеніи съ ними“. Подъ главу 29 „о строеніи домовъ въ городахъ“ подведены узаконенія объ общинномъ городскомъ управленіи, объ общественномъ призрѣніи бѣдныхъ, о призрѣніи душевно больныхъ и т. п.

мною въ точности указаны". Переводъ Малышева, конечно, лучше перевода 1824 г., но и у него встрѣчаются неясности и неточности, мѣшающія ясному уразумѣнію шведскаго текста. Но до поры до времени это единственное изданіе шведскаго уложенія 1734 г., коимъ можетъ пользоваться русскій ученый и юристъ.

Обратимся теперь къ шведскимъ изданіямъ уложенія 1734 г. (При обзорѣ ихъ, мы руководствуемся обзоромъ, составленнымъ Р. Монгоммери, въ I томѣ его Руководства по общему гражданскому праву Финляндіи, стр. 216 и слѣд.). Мы приведемъ только важнѣйшія:

Въ 1797—1807 гг. А. Флинтбергъ издалъ „Библіотеку законовѣдѣнія" (Lagfarenhetsbibliotek), въ коей помѣщены всѣ отдѣлы уложенія (кромѣ отдѣловъ о недвижимости и о строеніи) съ прибавленіями, состоящими изъ различныхъ узаконеній, изданныхъ до 1806 г. [1]). Въ 1843 г. I. Г. Карленъ издалъ Руководство по шведскому законовѣдѣнію (Handbok i svenska lagfarenheten). Въ этомъ руководствѣ напечатанъ текстъ уложенія съ относящимися къ нему дополнительными узаконеніями, параллельными мѣстами, объясненіями словъ и преюдикатами. А въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ помѣщены выдержки изъ экзегетическихъ работъ наиболѣе выдающихся авторовъ и мотивы кодификаціонныхъ комитетовъ при изданіи отдѣльныхъ законовъ.

Въ 1835 г. Императоръ Николай I приказалъ приступить къ собранію и сведенію въ одно цѣлое всѣхъ узаконеній, кои имѣли въ то время силу въ Финляндіи. Для этой цѣли была учреждена особая комиссія законовъ (Lag Commission), а обсужденіе ея работъ было возложено (въ 1843 г.) на особый повѣрочный комитетъ. И комиссія, и комитетъ состояли изъ лучшихъ знатоковъ шведскаго права въ Финляндіи. Согласно проекту комиссіи 1835 г., весь Сводъ финляндскихъ законовъ долженъ былъ состоять изъ слѣдующихъ частей:

1) Основные законы и организація края (Grundlagarne och Statsförfattningen).

2) Гражданскіе законы съ относящимся къ нимъ уставомъ гражданскаго судопроизводства (Civil Lagen med dertill hörande Rättegångs Ordning).

---

[1]) Въ первомъ томѣ „библіотеки" Флинтберга напечатанъ извѣстный Наказъ Екатерины II, 1767 г. съ параллельными цитатами изъ шведскихъ узаконеній, соотвѣтствующихъ по содержанію главамъ Наказа.

3) Уголовные законы и уставъ уголовнаго судопроизводства (Brottmäls Lagen jemte Rättegångsordning).

4) Законы о народномъ хозяйствѣ или Экономическое право (Hushållnings Lagarne eller Oeconomie Rätten).

5) Камеральные законы (Kameral Lagarne).

6) Полицейскіе законы (Politie Lagarne).

Работы комиссіи къ положительнымъ результатамъ не привели; ни одна изъ частей предположеннаго свода не была утверждена Высочайшей Властью [1]). Но въ 1856 г. означенная комиссія законовъ издала шведскій текстъ уложенія 1734 г. съ дополненіемъ, „содержащимъ въ себѣ въ сводѣ, въ подстатейныхъ спискахъ, всѣ до конца 1854 г. въ Финляндіи изданные и силу имѣющіе уставы и учрежденія, измѣняющія или объясняющія законъ, или развивающія и ближе опредѣляющія предписанія въ тѣхъ матеріяхъ, кои они обнимаютъ".

Съ 1863—64 г., послѣ созыва и работъ перваго сейма въ Финляндіи, т. н. общее законодательство оживилось, и рядъ узаконеній отчасти дополнилъ, отчасти измѣнилъ и замѣнилъ отдѣльныя части, главы или статьи уложенія 1734 г. Вскорѣ послѣ окончанія работъ сейма, въ 1865 г. появилось новое изданіе уложенія 1734 г., составленное г.г. Шеросъ и Сулинъ (первое изданіе появилось въ Або), съ дополненіями, измѣненіями и объясненіями дѣйствующихъ въ Финляндіи узаконеній. Эта работа г.г. Шеросъ и Сулинъ переиздана еще 6 разъ. Недостатокъ этой работы заключается въ попыткѣ втиснуть новыя узаконенія, относящіяся къ самымъ различнымъ сторонамъ общественной жизни, не регулированнымъ статьями уложенія 1734 г., въ рамки и систему сего уложенія.

Несравненно лучше появившееся въ 1902 г. изданіе бывшаго сенатора *Р. Идестама*. Оно озаглавлено: *„Имѣющія силу въ Великомъ Княжествѣ Финляндіи части Шведскаго общаго Уложенія, одобреннаго и принятаго на сеймѣ 1734 г., съ дополненіями постановленій, изданныхъ до 1902 г., и съ прибавленіемъ. Гельсингфорсъ, 1902 г."* [2]).

---

[1]) Исторія всѣхъ этихъ работъ изложена въ сборникѣ „Юридическій Альбомъ" издававшемся въ 60-хъ годахъ проф. Лагусъ въ Гельсингфорсѣ. (Iuridisk Album utgifven af R. Lagus) 2 серія. Гельсингфорсъ 1862 г.; въ статьѣ I. Ф. Пальмена „Исторія новаго свода законовъ" (Det nya Lagverkets historia).

[2]) „I Storfurstendömet Finland gällande delar af Sveriges Rikes Lag, gillad och

Изданіе Идестама содержитъ: предисловіе королевской шведской канцеляріи-коллегіи къ уложенію 1734 г., манифестъ короля Фридриха I объ утвержденіи уложенія и судейскія правила XVI ст. Затѣмъ слѣдуетъ текстъ уложенія съ подстатейными примѣчаніями, дополненіями и ссылками на отдѣльно изданные законы, съ указаніемъ на параллельныя мѣста; въ приложеніи помѣщены всѣ узаконенія, которыя не могли быть, по вѣрному пониманію автора, втиснуты въ уложеніе. Затѣмъ слѣдуютъ хронологическій указатель и указатель предметный по алфавиту.

На финскомъ языкѣ уложеніе 1734 г. издано въ 1759 г. (издатель Г. Салоніусъ); во второй и третій разъ оно издано извѣстнымъ финляндскимъ юристомъ М. Калоніусъ въ 1808 и въ 1822 гг. Изданіе Шеросъ—Сулина вышло на финскомъ языкѣ въ первый разъ въ 1877 г.

Въ 1807 г., по повелѣнію корола Густава IV Адольфа, вышло нѣмецкое изданіе (съ параллельнымъ шведскимъ текстомъ).

Что касается *административнаго и финансоваго права* Великаго Княжества Финляндскаго, то мы не имѣемъ свода законовъ, относящихся къ этимъ областямъ и утвержденнаго Верховной Властью. Упомянутая выше комиссія законовъ изготовила проектъ такого свода подъ заглавіемъ: „Förslag till Oeconomie och Politie Lag för Storfurstendömet Finland“ (Сводъ экономическихъ и полицейскихъ законовъ), но проектъ этотъ (изданный въ 1857 г.) не былъ утвержденъ. Онъ обнимаетъ собою лишь законы, изданные до 1855 г. и поэтому въ настоящее время не имѣетъ актуальнаго значенія, но онъ можетъ служить съ пользою при обзорѣ исторіи административнаго и финансоваго права Финляндіи. Въ первой части этого свода напечатаны въ систематическомъ порядкѣ узаконенія, относящіяся къ организаціи управленія (Stadgar om statsförvaltningen), какъ главному, такъ и мѣстному, узаконенія о службѣ гражданской, о пенсіяхъ и эмеритальныхъ кассахъ.

Вторая часть содержитъ узаконенія, относящіяся къ государственному хозяйству (Stadgar om statshushållningen), т. е. узаконенія о монетѣ и о финляндскомъ банкѣ, объ общихъ налогахъ и сборахъ, объ отчетности по доходамъ и расходамъ казны, о юридической природѣ гейматовъ и земельныхъ владѣній и объ

---

antagen pa Riksdagen År 1734 med tillägg af Stadganden, som utkommit intill År 1902 jemte Bihang, Hfs 1902.

управленіи ими; объ обоброченіи, о торговлѣ и иныхъ городскихъ промыслахъ, морской уставъ, постановленія о горномъ вѣдомствѣ.

Второй томъ, 2-я часть, содержитъ въ себѣ приложенія къ узаконеніямъ, только что указаннымъ (вѣдомости, таблицы, формуляры и т. п.).

Третья часть обнимаетъ узаконенія, относящіяся къ полиціи благоустройства и безопасности (Stadgar om allmänna välfärds och säkerhets wården), т. е. узаконенія о регистраціи населенія, о мѣрахъ поощренія промысловъ и общественнаго труда, о призрѣніи бѣдныхъ, о санитарной полиціи, о страхованіи имущества, о почтахъ, о строительной полиціи, о квартирной повинности, объ Императорскомъ Александровскомъ университетѣ, о среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, о техническихъ школахъ, о типографіяхъ и книжной торговлѣ, о паспортахъ, объ эмиграціи и иммиграціи, о законномъ заступленіи и о бродяжничествѣ, о мѣстахъ заключенія, рабочихъ заведеніяхъ, перевозкѣ арестантовъ, о депутаціяхъ, общественныхъ собраніяхъ, о полицейскихъ управахъ.

Второй томъ III части содержитъ приложенія къ только что указаннымъ узаконеніямъ.

Что касается сборниковъ, въ коихъ собраны и напечатаны отдѣльныя законоположенія и оффиціальные акты, относящіеся къ области какъ гражданскаго, такъ и публичнаго права Швеціи (со включеніемъ Финляндіи), а затѣмъ одной Финляндіи, то нужно указать слѣдующія:

Старѣйшій изъ такихъ сборниковъ изданъ Хадорпомъ въ 1687 г. подъ заглавіемъ: „Нѣкоторые древніе уставы“ (Några gamla stadgar). Въ немъ напечатаны многія узаконенія, вышедшія съ 1280 до XVI ст.

Болѣе полный сборникъ началъ издаваться съ 1819 г. подъ заглавіемъ: „Svensk Diplomatarium“. Первая серія, въ 2 томахъ, издана I. Г. Лиліегреномъ (съ 1819—1837 г.) и содержитъ въ себѣ юридическіе акты съ 817—1310 г.; вторая серія (въ 3 томахъ) издана съ 1842—1865 г. Б. Э. Гильдебрандомъ и обнимаетъ время съ 1311—1347 г.; третья серія издана въ 1878 г. Э. Гильдебрандомъ и содержитъ въ себѣ акты съ 1347—1350 г., четвертая— издана К. Сильверстольпе (съ 1875—88 г.) и содержитъ (въ 3 выпускахъ) акты 1401—1418 гг.

Въ 1706 г. Г. Шмедеманъ издалъ обширный сборникъ, заключающій въ себѣ узаконенія, относящіяся преимущественно къ области гражданскаго и уголовнаго права съ 1528—1701 г. Онъ озаглавленъ: „Сборникъ королевскихъ грамотъ, уставовъ, поста-

новленій и резолюцій, касающихся дѣлъ судебныхъ и по взысканію (Samling af kongl. Bref, Stadgar, Förordningar och Resolutioner angående justitie och exekutionsärender); обыкновенно этотъ сборникъ называется „Schmedemans Iustitieverk". Съ 1728 г. началось изданіе другого сборника такого же рода, въ которомъ, впрочемъ, собраны нормы не только гражданско-правовыя, но и административно-правовыя. Это сборникъ актовъ шведскаго риксдага, изданный А. А. Шернманомъ (A. A. Stjernman) подъ заглавіемъ: „Постановленія всѣхъ риксдаговъ и съѣздовъ" (Alla Riksdagars och mötens beslut), съ указателемъ. Этотъ сборникъ обнимаетъ время отъ 1521—1731 г. Узаконенія и акты, относящіеся къ болѣе позднему времени, собраны (въ выдержкахъ) въ сборникѣ Р. Г. Модэ (R. G. Modée) [1]).

Онъ изданъ съ 1742—1829 гг. подъ общимъ заглавіемъ: „Выдержки изъ всѣхъ оффиціальныхъ актовъ, плакатовъ, постановленій, резолюцій и публикацій и т. д." (Utdrag utur alla ifrån den 7 December 1718 utkomna publique handlingar, placater, förordningar, resolutioner och publicationer) въ XV т., съ реестромъ. Въ немъ помѣщены акты и узаконенія съ 1718 г. до 1795 г. Въ 1807 г. изданъ, по повелѣнію короля Густава IV Адольфа, сборникъ законовъ (Lagsamling), содержащій постановленія, относящіяся къ области общаго законодательства, изданныя или съ согласія сейма, или административнымъ порядкомъ, причемъ эти узаконенія напечатаны или in extenso, или въ выдержкахъ. Полное заглавіе этого сборника слѣдующее: „Samling, hvarutiäro under allmänne lagens balkar, kapitel och paragrafer upptagne sådane till efterlefnad gällande författningar och stadgar, hvilka antingen ändra eller förklara sjelfva lager i åtskillige rum eller och angå ämnen, som äga med dem ett närmare samnanhang; författad och utgifven på kngl. Majts. nådige befallning, Stockholm 1807". Въ XIX ст. въ Швеціи появились еще два сборника законовъ (отчасти изданныхъ еще до 1809 г. и потому имѣющихъ значеніе и для Финляндіи): 1) т. н „Новый сборникъ законовъ" (Ny Lagsamling), изданный I. X. Бакманомъ въ 9 выпускахъ, въ 1831—1860 гг. и 2) „Сборникъ шведскихъ законовъ" (Svensk Lagsamling), изданный Г. Р. Лиліенбергомъ, въ 1875—80 гг., въ 3 частяхъ.

Въ Финляндіи, въ XIX ст., послѣ присоединенія ея къ Россіи, изданъ, по Высочайшему повелѣнію, сборникъ законовъ (въ хро-

[1]) Оконченномъ и изданномъ другимъ, по почину вдовы Модэ.

нологическомъ порядкѣ составленный), указанной выше комиссіей законовъ (въ 1855 г.), подъ заглавіемъ: „Samling af de i Storfurstendömet gällande och intill närvarandc tid utkomna författningar, hvilka ändra eller förklara landets allmänna lag eller utvidga och närmare bestämma föreskrifterna i de ämnen densamma omfattar“. Онъ состоитъ изъ 2 частей, изъ коихъ первая часть содержитъ узаконенія съ 1538—1799 г., а вторая съ 1800—1854 гг.

Сборники административныхъ и финансовыхъ законовъ Швеціи (и Финляндіи) или одной Финляндіи, имѣющіе значеніе для научныхъ изслѣдованій,—слѣдующіе:

I. P. Höppener. Förteckning uppå alla Kongl. Placater, Förordningar, Påbud, Resolutioner, Privilegier, Manifester, Fredsfördrager, Relationer, domar och andre allmänna Handlingar som från år 1522 til och med år 1750 på Kongl. befallning af trycket sarskiltd utgångne åro. Allmenheten til tjenst framgifven af Johan Pehr Höppener. 1754.

I. II. Геппенеръ. Списокъ всѣмъ королевскимъ плакатамъ, постановленіямъ, повелѣніямъ, резолюціямъ, привилегіямъ, манифестамъ, мирнымъ трактатамъ, реляціямъ, судебнымъ рѣшеніямъ и инымъ публичнымъ актамъ, изданнымъ въ печати съ 1522 до 1750 г. по королевскому повелѣнію и т. д.

C. E. Emagrius. Samling af Landtmäteri Författningar innehållande såväl Kongl. Mai-t Nådiga Förordningar, Resolutioner, Rescripter och Institutioner, samt af Kongl. Maj-t fastställda Delningsgrunder och Skattläggnings Methoder, samt Kongl. Kammare Collegii och Kongl. Landtmäteri-Contoirets Kungörelser och Circulairer, rörande Landtmäteriet och Justeringen i Sverige och Finland, ifrån 1763 års början till 1807 års slut. Stockholm, 1808.

К. Э. Эмагріусъ. Собраніе учрежденій по межеванію земель, содержащихъ какъ королевскія высочайшія постановленія, резолюціи, рескрипты и инструкціи, такъ и утвержденныя Е. К. В. основы разверстанія угодій и методы обоброченія и т. д. (съ 1763 по 1807 г.). Стокгольмъ, 1808 г.

Branting. Handbok innehållande Uppgift af de fläste från äldre tider intill och med år 1825 utkomne Svenska författningar, rörande Ärender, som höra till Sveriges Rikes Styrelse, Försvar, Hushållning, Police, Bergwerks och Bruk's drift, Handel, Slöjder och Handtverkerier, eller angå Personer och Egendomars, Inrättningars eller Låghenheters rättigheter och skyldigheter etc.

(Узаконенія, относящіяся къ области камеральнаго и промысло-

ваго права, напечатанныя въ алфавитномъ порядкѣ) въ 2 частяхъ; Стокгольмъ, 1829 г.

Flintberg. Bruksidkares, Städers och Borgerskaps ömse Förmåner och Skyldigheter i stöd af Författningar. (Привилегіи и обязанности горнозаводчиковъ, городовъ и горожанъ на основаніи узаконеній), въ 2 частяхъ. Стокгольмъ, 1788 г.

Lindequist. Sammandrag af utfärdade äldre och sednare, tryckte och otryckte så wäl kongl. Majestets, som dess och Rikets Collegier, Stadgar, Reglementer, Instructioner, Bref och Resolutioner angående Swea Rikes Kammar Werk. (Узаконенія по камеральной части). Stockholm, 1801.

Danckwardt. Sammandrag af gällande Författningar rörande Handtverkerier och Manufakturer sampt In och Utrikes Handel och Sjöfart, med dertill hörande Tullwerk samt Lots och Båkinrättning etc. (Узаконенія о промышленности, мануфактурахъ, внѣшней торговлѣ мореходствѣ, таможенномъ управленіи и т. п.). Stockholm, 1823.

Ekdahl. Författnings Lexicon eller Alphabetisk Sammandrag om gällande Ecclesiastik Författningar uti Sverige från XVI de århundrade till och med 1831. (Tillika med ett Bihang, innehållande Konung Carl XI Kyrko Lag samt Presterskapets Privillegier af den 16 October 1723). (Узаконенія, относящіяся къ управленію духовнымъ вѣдомствомъ).

F. Ekman. Systematisk Samling af utdrag utur gällande Författningar rörande Ecclesiastik och Skole Staterne uti Storfurstendömet Finland med särskildt hänseende till Abo Erkestift.

Ф. Экманъ. Систематическій сборникъ выдержекъ изъ дѣйствующихъ учрежденій, касающихся духовнаго и училищнаго вѣдомствъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, въ особенности касающихся Абоскаго Архіепископства. Або, 1864.

Fanehjeim-Osaengius. Sammandrag af de på Nådig Befallning utaf Klg. Majts. och Rikets Kammar Rätts Konunga brefsbôcker från 1634 af Vice President Fanehjelm i lifs tiden började och af Kammarräth Rådets Osaengius till den 30 Juni 1831 fortsatta otryckta Samlingar af gällande Förordningar angående säväl ansvar i Uppbörds och dermed gemenskap egande Mål samt Kontrollen, etc. Stockholm, 1831. (Извлеченіе узаконеній по части контрольной и счетоводству)

Saurén. Samling af allmänna författningar, rörande Executions Verket, Handräckningar i tjenste väg, qvarstads och bysättningsfrågor jemte personers häktande i särskilda fall. Hf. 1842. (Узаконенія о порядкѣ взысканія).

Samling af sådana lag.bud och författningar, som angå Kronolänsmäns tjenste åligganden och hvad dermed sammanhänger. Hfs. 1869. (Узаконенія объ обязанностяхъ коронныхъ ленсмановъ). Изд. Сенатской типографіи.

Lilla författnings samlingen. (Маленькое собраніе узаконеній. Изданіе книгопродавца Эдлунда).

Выходитъ періодически, отдѣльными томиками, въ которыхъ печатаются узаконенія и распоряженія правительства по отдѣльнымъ отраслямъ управленія и общественной жизни.

Styffe. Samling af instructioner för tjenstemän vid landtregeringen i Sverige och Finland. Stockholm, 1852. (Собраніе инструкцій чинамъ мѣстнаго управленія).

Gyldén. Samling af Författningar rörande landtmäteriet, Hfs. 1856—1863. (Узаконенія по межевой части).

R. Bergstedt. Medicinalväsendet i Finland. Ordnad sammanställning af författningar, föreskrifter och officiela handlingar, angående Finlands helsa och skjukvård. 1895. (Узаконенія по медицинскому управленію).

Alex. v. Collan. Finlands Medicinal författningar (въ 7 част.). 1897.

G. F. Lönnbeck. Författningar rörande elementarläroverken i Finland 1852—1895. (Узаконенія о народныхъ школахъ. Въ 1902 г. вышло дополненіе, доходящее до 1902 г.).

O. Karsten. Samling af Författningar rörande Finlands sjöfart och tullväsende med anmärkningar och sakregister. (Узаконенія по мореходству и таможенному управленію).

Samling af de emellan Kejsaredömet Ryssland och främmande Makterintill 1849 års utgång afslutade och vid närvarande tid gällande Traktater jemte andra Handlingar, förmedelst hvilka Kejsaredömets äfvensom Storfürstendömets Finlands handels och sjöfarts förhållanden till desse Makter blifvit bestämde.

Utgifven af Finance Expeditioneni Kejserliga Senaten för Finland. Hfs. 1850.

(Сводъ трактатовъ и другихъ актовъ, заключенныхъ между Россійской Имперіей и иностранными державами, дѣйствующихъ до конца 1849 г., которыми опредѣляются торговыя и судоходныя отношенія Россійской Имперіи и Великаго Княжества Финляндскаго къ этимъ державамъ, изданный распоряженіемъ Финансовой экспедиціи Императорскаго Финляндскаго Сената.

А. К. ф. Резонъ. Сборникъ узаконеній Великаго Княжества Финляндскаго, относящихся до мореходства. Спб. 1900 г.

Что касается текущихъ сборниковъ, въ коихъ печатается періодически вновь появляющійся матеріалъ, различнаго рода узаконенія, повелѣнія, распоряженія, то ихъ изданіе сравнительно недавно упрочено. Въ Швеціи уже съ XVI ст. ежегодно выпускались листки, въ коихъ печатались вновь вышедшія узаконенія. Это т. н. „års trycket", издававшіеся до 1833 г.

Въ Финляндіи съ 1821 г. начинаютъ появляться періодически издаваемыя отчасти оффиціальныя, отчасти частныя собранія узаконеній и распоряженій правительства. Съ 1821—1859 г. появились два такихъ текущихъ сборника: 1) „Samling af placater, förordningar, manifester och påbud samt andra allmänna handlingar, hvilka i Storfurstendömet Finland sedan 1808 års början utkommit", въ 17 частяхъ in folio; 2) Samling af de till efterlefnad gällande bref, förklaringar och föreskrifter, hvilka af Hans Kejsarl. Majestäte äfven som från Expeditionerna i dess Senat för Finland blifvit utfärdade uti Justitiae, Oeconomiae och Politiärender", въ 6 томахъ in folio. Первый изъ этихъ сборниковъ содержитъ въ себѣ преимущественно акты, изданные, т. ск., законодательнымъ порядкомъ; второй— преимущественно распоряженія, изданныя въ порядкѣ управленія.

Съ 1860 г., на основаніи Высочайшаго повелѣнія 26 Ноября 1859 г., издается, подъ наблюденіемъ прокурора Финляндскаго Сената, вполнѣ оффиціальный Сборникъ Постановленій Великаго Княжества Финляндскаго на русскомъ, шведскомъ и финскомъ языкахъ (Storfurstendömet Finlands Författningssamling). — Этотъ сборникъ выходитъ послѣдовательными, за каждый годъ, тетрадями и нумерами. Взятые за цѣлый годъ нумера и тетради образуютъ томъ. Хронологическій и алфавитный указатели къ каждому годичному тому составляются въ экспедиціи прокурора финляндскаго Сената. Кромѣ того, составлены и изданы общіе указатели за цѣлые, болѣе обширные періоды (1808—1859, 1860—1869, 1870—1879, 1880—1899 гг.).

Изданіе этого указателя есть несомнѣнно крупный прогрессъ противъ прежняго времени. Но далеко не всѣ недостатки прежнихъ сборниковъ 1808—1859 гг. устранены. „Русскій текстъ этого оффиціальнаго сборника, говоритъ Малышевъ въ предисловіи къ своему вышеупомянутому изданію, къ сожалѣнію, далеко не полонъ, многія узаконенія и распоряженія правительства оставлены въ немъ безъ перевода и, что также не совсѣмъ удобно, русскій переводъ узаконеній помѣщается въ немъ не всегда подъ тѣмъ же нумеромъ тетради, какъ шведскій текстъ, и не имѣетъ алфавит-

ныхъ указателей предметовъ, которые при шведскомъ текстѣ прилагаются за каждый годъ. Самый переводъ, хотя и сдѣланный оффиціально, не всегда отличается исправностью и только въ послѣдніе годы замѣтно въ немъ, по нѣкоторымъ отдѣламъ законодательства,—значительное улучшеніе. Недостатки свода постановленій отчасти объясняются необходимостью изданія сборника на 3 языкахъ, что, конечно, усложняетъ работу. Въ послѣднее время правительство обратило серьезное вниманіе на недостатки сборника постановленій и приняло мѣры къ устраненію крупнѣйшихъ недостатковъ.

Преимущественно обращено вниманіе на точность перевода съ русскаго оригинала. Но новая форма изданія—печатаніе всѣхъ 3 текстовъ: русскаго, финскаго и шведскаго въ одной тетради, едва ли удобно. Годичный томъ сборника получитъ неудобочитаемую толщину, подобно нашему русскому „Сборнику узаконеній и распоряженій правительства“.

Узаконенія и распоряженія правительства печатаются не только въ сборникѣ постановленій, но и въ двухъ оффиціальныхъ газетахъ, издаваемыхъ при Императорскомъ Финляндскомъ Сенатѣ, на основаніи Высочайшаго объявленія отъ 22 мая 1866 г. Шведская газета называется: „Finlands Allmänna Tidning“, а финская— „Suomalainen Virallinen Lehti“. Издаваемая въ Финляндіи на русскомъ языкѣ „Финляндская Газета“ есть полуоффиціальная газета; въ ней, впрочемъ, публикуется большинство узаконеній и распоряженій правительства.

Въ 1899 г., при Государственной канцеляріи въ С.-Петербургѣ была учреждена особая „Комиссія для составленія свѣдѣній по финляндскимъ законамъ и систематизаціи сихъ законовъ“. Эта комиссія принялась очень усердно за приведеніе въ извѣстность узаконеній, вышедшихъ въ Финляндіи съ 1808 г., и приступила къ составленію монументальнаго труда: къ провѣркѣ всѣхъ русскихъ текстовъ финляндскихъ узаконеній по оригиналамъ и составленію новаго собранія всѣхъ оффиціальныхъ русскихъ оригинальныхъ текстовъ или всѣхъ русскихъ переводовъ [1]). Работами комиссіи руководитъ ея предсѣдатель, статсъ-секретарь Государственнаго Совѣта, заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета Н. Д. Сергѣевскій [2]).

---

[1]) Первый томъ этого новаго собранія вышелъ въ 1902 г., второй въ 1903 г.

[2]) Комиссія съ 1899 г. выпустила рядъ оффиціальныхъ справочныхъ изданій

Прил. 1 къ главѣ I, стр.

Приведемъ еще нѣсколько мѣстъ изъ дипломатической переписки 1796 г., воочію доказывающихъ, что русское правительство не только хорошо знало, что понимать подъ словами: «шведская

(къ сожалѣнію не имѣющихся въ продажѣ), которыя съ большою пользою послужатъ всѣмъ занимающимся финляндскимъ правомъ. Эти изданія слѣдующія:

1) Указатель узаконеній, относящихся до Великаго Княжества Финляндскаго. Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи 1808—1809—Спб. 1899 г.

2) Статьи и Своды Законовъ Россійской Имперіи, относящіеся до Великаго Княжества Финляндскаго. Спб. 1900 г.

3) Хронологическій указатель къ Сборнику постановленій Великаго Княжества Финляндскаго 1860—1898 гг. Спб. 1900 г. Продолженіе сего указателя за 1899—1900 г. Спб. 1901 г.

4) Церковное Уложеніе Евангелическо-Лютеранской церкви въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ и дополнительныя къ нему узаконенія Спб. 1900 г.

5) Сеймовый уставъ съ позднѣйшими измѣненіями; уставъ Рыцарскаго Дома и Высочайшее Постановленіе для публики, присутствующей на сеймѣ. Спб. 1900 г.

6) Уголовное Уложеніе Великаго Княжества Финляндскаго и относящіяся къ нему узаконенія. Спб. 1900 г.

7) Сводъ узаконеній о печати Великаго Княжества Финляндскаго. Спб. 1900 г.

8) Высочайшее Постановленіе объ учрежденіи Императорскаго Финляндскаго Сената 13 Сентября 1892 г. и Высочайшее Постановленіе 23 Іюня 1896 г. Спб. 1900 г.

9) Объ изданіяхъ узаконеній Великаго Княжества Финляндскаго Спб. 1900 г.

10) Списки относящихся до Великаго Княжества Финляндскаго статей Сводовъ Военныхъ и Морскихъ постановленій. Спб. 1900 г.

11) Постановленія, относящіяся къ введенію финскаго языка въ дѣлопроизводство присутственныхъ мѣстъ Великаго Княжества Финляндскаго. Спб. 1900 г.

12) Высочайшіе Манифесты 5 Іюня 1808 г. и 11 Декабря 1811 г. и Постановленіе 31 Декабря 1811 г. Спб. 1900 г.

13) Постановленія 1 Февраля 1816 г. и 21 Декабря 1823 г. о судопроизводствѣ, соблюдаемомъ между военными чинами расположенныхъ въ Финляндіи Россійскихъ войскъ и жителями оной. Спб. 1900 г.

14) Обзоръ установленій Финляндіи въ таблицахъ. Спб. 1900 г.

15) Хронологическій указатель къ постановленіямъ Великаго Княжества Финляндскаго 1808—1859 гг. Часть I Författningsamlingoch Samling af Placater. Спб. 1900 г.

16) Указатель узаконеній, относящихся до Великаго Княжества Финляндскаго (Швеціи, Ингерманландіи.—Старая Финляндія). Спб. 1901 г.

17) Хронологическій указатель къ постановленіямъ Великаго Княжества Финляндскаго 1809—1859 гг. Часть II. Samling af Bref. Спб. 1901 г.

18) Хронологическій указатель къ сборнику постановленій Великаго Княжества Финляндскаго 1860—1891 гг. Узаконенія, имѣющіяся въ шведскомъ изданіи сего сборника, но не внесенныя въ изданіе сборника на русскомъ языкѣ. Спб. 1901 г.

19) Судоустройство и судопроизводство Финляндіи. Очеркъ дѣйствующихъ въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ мѣстныхъ законовъ. Спб. 1901 г.

конституція", но и что слово „конституція" употреблялось уже въ XVIII ст. (а не только съ 30-хъ годовъ XIX, какъ утверждаетъ профессоръ Н. Д. Сергѣевскій) именно въ томъ смыслѣ, въ которомъ мы его употребляемъ теперь.

Переписка напечатана въ IX т. Сб. И. Р. И. Общ. стр. 195—399.

Екатерина II знала основные законы Швеціи, но относилась къ нимъ съ пренебреженіемъ. Въ письмѣ къ посланнику генералу Будбергу 18 апрѣля 1796 г. она пишетъ: „Vous rencontrerez sur ce dernier article (пріѣздъ молодого короля Густава IV въ С.-Петербургъ) des objections puisées *dans les prétendues* lois fondamentales de la Suède, qui ne permettent pas à un Roi mineur de sortir de son Royaume". По поводу вопроса о необходимости для королевы исповѣдывать ев.-лютеранскую вѣру, посланникъ генералъ Будбергъ говоритъ о шведскихъ государственныхъ людяхъ: (Письмо къ Екатеринѣ II 29 сентября 1796 г.) „Ces Messieurs ont tant interprété *la constitution du pays* et le testament du feu Roi de glorieuse mémoire, qu'ils n'en savent plus faire observer la lettre claire et nette". Въ письмѣ отъ 25 сентября 1796 г. Будбергъ пишетъ: „La résolution de mêler le clergé dans cette affaire n'est par celle d'un Prince jaloux de son autorité et feu le Roi son père, qui savait tout autrement l'affermir, comme le prouve l'article 1-r de l'acte de sûreté (Актъ Соединенія и Безопасности 1789 г.), ne l'aurait jamais prise". Въ письмѣ отъ 30 сентября 1796 г., упоминая о секретарѣ короля, г. Гохшильдѣ, Будбергъ говоритъ: „le S-r Hochshild, dont la profonde connaissance *des lois, de la constitution et de l'histoire de son pays*"... Крайне интересно письмо Будберга отъ 17 октября 1796 г., въ которомъ онъ доноситъ о проискахъ партіи, желавшей возстановить конституцію 1720 г. „Il (регентъ, герцогъ Зюдерманландскій) continua par me dire que c'était surtout Rosenstein, ancien précepteur du Roi, qui se servait de l'ascendant qu'il avait pris sur l'esprit de ce Prince pour travailler de l'exécution de son projet favori, qui paraissait être celui de renverser la forme de gouvernement établie par Gustave III". Про предполагаемаго будущаго министра иностранныхъ дѣлъ, барона Вахтмейстера, Будбергъ говоритъ: „... mais il est vrai d'un aure côté, qu'il tient à la forme de gouvernement que Gustave III renversa". Во главѣ оппозиціи въ Швеціи стоялъ нѣкій баронъ Вреде, съ которымъ Будбергу пришлось вести продолжительные разговоры. Будбергъ сообщаетъ слѣдующее: „M-r de Wrede ne voulut cependant pas perdre cette occasion de me faire parler et s'évertua dans la suite de

la conversation à me prouver combien le mécontentement du Roi contre la Régence était fondé et que Sa juste méfiance en elle avait causé encore les derniers mésentendus à St. Pétersbourg, où on avait voulu porter Sa Majesté à agir ouvertement contre les *lois fondamentales du pays*. Je réfutai ce général par des arguments puisés dans les éclaircissements que Votre Majesté Impériale a daigné me fournir et en lui remarquant que la conduite récente de la Régence était de nature à faire passer l'èponge sur le passé, je finis par lui dire qu'en étudiant les lois de son pays, il paraissait n'être pas venu encore à celles établies par feu le Roi de glorieuse mémoire, desquelles je ne lui citais que *le § 39 de la constitution de 1772*.

(J'envoie ce § en traduction à M-r le Comte Marcoff, ainsi que celle de l'article 1 de l'acte de sûreté et de l'édit de religion de 1781).

L'ayant lu au général Wrede il m'avoua naïvement qu'il l'avait ignoré, sur quoi je continuais: „Eh bien, M-r le Baron, je me suis mis à étudier la forme de votre gouvernement et pour ne rien avancer que ce qui est fondé sur ma conviction, j'ai fait traduire fidèlemen les pièces qui y ont rapport; j'ai trouvé que tout Roi de Suède, jaloux de son autorité, doit en acquérir une connaissance profonde pour aintenir les droits que Gustave III a obtenus au prix de tant de sacrifices et d'efforts. Je ne vous parle pas comme Ambassadeur de Russie, car comme tel je n'ai rien à vous dire pour le moment, mais je me mets à votre place, à la place d'un serviteur fidèle, attaché à son Souverain et je sens qu'il est du devoir de celui-ci d'inculquer à son Maître cette vérité palpable et d'empêcher par là même que des personnes ambitieuses et perfides surprennent la religion du Monarque pour exécuter d'autant plus facilement leurs desseins criminels. Je suis au reste parfaitement bien instruit de tout ce qui s'est passé à St. Pétersbourg et je n'y trouve en résultat, que par la crainte du Roi de se voir influencé en suivant les sages conseils de ses ministres, il a ouvert la carrière à toutes les intrigues et aux agitations de différents partis, qui ont si souvent déchiré votre pays".

Наконецъ, въ письмѣ отъ 17 октября 1796 г. Будбергъ пишетъ про продѣлки той же партіи: „Il est vraisemblable que leurs projets tendent à renverser *la forme actuelle du gouvernement* et à en établir un, qui leur assurerait plus de part dans les affaires. L'âge du Roi et son animosité contre la Régence qu'on entretient très adroitement, ne Lui permettent pas de pénétrer les dangers qui le menacent. Il est à craindre qu'on le portera à convoquer une piète, où leurs desseins se manifesteront plus à découvert et où ils

tâcheront *de lier Sa Majesté par une constitution,* comme ils le font aprésent par l'illusion en flattant son amour propre et opiniâtreté.

Le Régent et ses ministres ayant agi toujours sans réflexion et avec trop de sécurité, n'ont pas songé à se munir pendant leur séjour à St. Pétersbourg de tous les instruments nécessaires pour convaincre le Roi, qu'en déférant à ce qu'on exigeait de lui, Il ne dérogeait ni à son autorité, ni aux lois du pays. L'édit de religion dont ils paraissent avoir ignoré le contenu renferme la réfutation des tous ses scrupules, et comme il en sera peut-être question à l'avenir, j'en joins ici une traduction, ainsi que celle de l'article 1 de l'Acte de sûreté et du § 39 de la Constitution de 1772, qui assurent si essentiellement le pouvoir Royal"...

Тѣмъ, кого эта переписка не убѣждаетъ въ томъ, что уже въ XVIII ст. слово „конституція" имѣло тотъ же смыслъ и значеніе, какъ и въ наше время, рекомендуемъ еще ознакомиться съ слѣдующими сборниками:

1) Die Constitutionen der europäischen Staaten, seit den letzten 28 Jahren. In III Theilen. Leipzig und Altenburg. Herausgegeben von Brockhaus. 1817.

2) Collection des Chartes, Lois Fondamentales et Actes constitutionnels des Peuples de l'Europe et des deux Amériques etc. par F. A. Dufau, I. B. Duvergier et J. Guadet. Paris. 1821.

О томъ, что въ XVIII ст. понимали подъ словами „lois fondamentales" ср. *Rousseau*, Contrat Social. II, ch. 12. и *Sirey*, Récueil général des Lois et Arrêts I. XX.

Прил. 2 къ главѣ I.

„Сѣверная почта". Газета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 17. 21 января 1862 г.

Историческій взглядъ на политическое устройство Финляндіи.

Въ послѣднее время, по случаю созванія въ Финляндіи коммисіи изъ выборныхъ отъ четырехъ государственныхъ сословій, стали появляться статьи въ газетахъ и сужденія въ обществѣ о политическомъ устройствѣ Финляндіи.

Для болѣе правильнаго и яснаго пониманія этого устройства, кажется, не безполезно будетъ показать исторически его происхожденіе и значеніе.

Существующее въ Финляндіи государственное устройство основывается на актѣ о формѣ правленія 21 августа 1772 года, и на актѣ соединенія и безопасности, 3 апрѣля 1789 года. Эти постановленія, изданныя въ то время, когда Финляндія принадлежала еще шведскому королевству по присоединеніи ея къ россійской имперіи, были ненарушимо сохранены и утверждены сперва Императоромъ Александромъ I, а потомъ преемниками его, Императоромъ Николаемъ I и нынѣ царствующимъ Государемъ Александромъ II.

Правленіе въ Швеціи съ древнихъ временъ всегда было монархическое, но по смерти Карла XII и по принятіи сестрою его королевою Ульрикою Элеонорою, при вступленіи ея на престолъ, новой Формы Правленія, большая и существеннѣйшая часть королевской власти перешла къ сейму или собственно въ руки представителей отъ четырехъ государственныхъ сословій, т. е. дворянства, духовенства, горожанъ и крестьянъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого было то, что существовавшее между сословіями единство вскорѣ рушилось, обнаружились между ними взаимная ненависть и властолюбіе, и образовались партіи, которыя не обращали никакого вниманія на общее благо отечества, а заботились только о пріобрѣтеніи власти и вліянія одна на другую. Затѣмъ нѣкоторымъ европейскимъ державамъ удалось могуществомъ золота пріобрѣсть вліяніе на дѣла управленія и свои выгоды и интересы сдѣлать господствующими на сеймахъ. Подкупы на нихъ, наконецъ, дошли до такой степени, что любовь къ отечеству и самостоятельность не считались болѣе достоинствомъ. Двѣ преимущественно дѣйствовавшія въ то время партіи извѣстны въ исторіи подъ именемъ партій *шляпъ* и *шапокъ:* первая поддерживаема была Франціею, а вторая Россіею и Англіею; королевская власть, въ промежутокъ времени между сеймами, ограничиваемая избираемымъ на это время на сеймѣ государственнымъ совѣтомъ, наконецъ совершенно упала въ своемъ значеніи, и всякое къ ней уваженіе было потеряно до такой степени, что когда случалось королю не соглашаться на подпись поставленныхъ государственнымъ совѣтомъ рѣшеній, то имя его безъ дальнѣйшихъ околичностей было прикладываемо именнымъ штемпелемъ, и затѣмъ рѣшеніе приводилось въ исполненіе. Такое анархическое состояніе должно было повергнуть государство въ безсиліе, какъ относительно внѣшнихъ сношеній, такъ и внутри, и очевидно вести его къ совершенному разрушенію.

Геніальный король Густавъ III, по вступленіи своемъ на престолъ, тотчасъ же увидѣлъ необходимость принять самыя рѣшительныя мѣры для спасенія независимости и самостоятельности государства. Съ помощію нѣкоторыхъ преданныхъ ему и отечеству людей, онъ совершилъ государственный переворотъ, вслѣдствіе котораго актъ о Формѣ Правленія 21 августа 1772 года былъ принятъ государственными чинами и утвержденъ королемъ.

Какъ на самые важные пункты этого акта, слѣдуетъ указать прежде всего на то, что у государственныхъ чиновъ отнято несвойственное имъ право вмѣшательства въ дѣла собственно распорядительныя, что они себѣ до сихъ поръ позволяли, и королю предоставлено, по выслушаніи мнѣнія государственнаго совѣта, разрѣшать всѣ вопросы, касающіеся администраціи и государственнаго управленія. Государственнымъ чинамъ сохранено право участія собственно въ законодательствѣ, а также неограниченное право утвержденія налоговъ и податей.

Въ отношеніи внѣшней политики постановлено было, что король не можетъ начать войны безъ согласія государственныхъ чиновъ, а при заключеніи мира и союзовъ съ другими державами долженъ соображаться съ единогласнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта. Совѣтъ этотъ, принимавшій доселѣ въ управленіи государствомъ самостоятельное участіе, обращенъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ случаевъ, въ совѣщательное собраніе, отвѣтственное только передъ королемъ.

Кромѣ сего, Формою Правленія обезпечены каждому гражданину жизнь, честь и благосостояніе, которыхъ никто не могъ быть лишенъ безъ предварительнаго слѣдствія и законнаго приговора.

Опираясь на этотъ актъ, хотя королю Густаву III и удалось въ началѣ подавить духъ партій и ввести государственные чины опять въ настоящіе предѣлы ихъ дѣятельности, однако вскорѣ не замедлили обнаружиться, въ особенности со стороны дворянства, новыя попытки къ вмѣшательству въ дѣйствія королевской власти. Аньяльскій союзъ и вліяніе его на ходъ войны между Россіею и Швеціею въ 1788 году слишкомъ извѣстны, чтобъ здѣсь о нихъ распространиться, но не менѣе того они служатъ самымъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ, до какой степени партіи, и преимущественно дворянство, домогались снова достигнуть власти и вліянія. Видя это, Густавъ III, на сеймѣ 1789 года, совершилъ новый государственный переворотъ, заставивъ принять такъ называемый Актъ Соединенія и Безопасности, составляющій собственно

дополненіе акта о Формѣ Правленія 1772 года. Этимъ новымъ актомъ еще болѣе стѣсненъ былъ кругъ дѣйствій сейма, и въ особенности точнѣе опредѣлены границы между властію короля и чиновъ.

Главнѣйшія положенія этого акта заключаются въ томъ, что королю предоставлено право самому, по своему усмотрѣнію, объявлять войну и заключать миръ; что все собственно управленіе и завѣдываніе дѣлами государства находится въ его рукахъ и зависитъ единственно отъ короля, почему существовавшій до того времени государственный совѣтъ распущенъ и уничтоженъ; что участіе государственныхъ чиновъ требуется только при изданіи новыхъ органическихъ законовъ или при установленіи новыхъ налоговъ, и въ этихъ случаяхъ согласіе ихъ необходимо; что созваніе и распущеніе сеймовъ зависитъ отъ усмотрѣнія короля, и что, наконецъ, на сеймахъ не можетъ быть разсужденій ни о какихъ другихъ дѣлахъ, кромѣ тѣхъ, которыя будутъ предложены по волѣ короля.

Эти два акта, 1772 и 1789 годовъ, служатъ и теперь въ Финляндіи основными законами, тогда какъ въ Швеціи они уже отмѣнены. Послѣ отдѣленія Финляндіи и торжественнаго на Боргосскомъ сеймѣ, въ 1809 г., провозглашенія Императора Александра I Великимъ Княземъ Финляндскимъ, произошла въ Швеціи революція, вслѣдствіе которой Густавъ Адольфъ IV лишился престола, и за тѣмъ была тамъ составлена и принята новая, нынѣ дѣйствующая конституція, основанная уже на демократическихъ началахъ.

Приложеніе 3 къ главѣ I.

Упрекъ въ незнаніи утверждаемыхъ мѣстныхъ законовъ, правъ и преимуществъ несправедливъ въ отношеніи государственныхъ людей начала XIX ст., но несомнѣнно, что онъ имѣетъ основаніе въ отношеніи къ дѣятелямъ XVIII ст. послѣ смерти Петра I и до Екатерины II. Она рѣшилась порвать съ привычками царствованій Екатерины I, Анны и Елисаветы и критически отнестись къ устройству окраинъ и къ ихъ привилегіямъ, хотя въ началѣ своего царствованія она же не рѣшалась ввести измѣненія.

Весьма характерно для ея точки зрѣнія письмо отъ 19 декабря 1762 г. къ фельдцейхмейстеру Вильбуа, по поводу утвер-

жденія привилегій прибалтійскихъ губерній, Лифляндіи и Эстляндіи.

„Herr Villebois, Ich hoffte Sie gestern zu sehn, da mich aber meine Erwartung getäuscht, werde ich Ihnen sogleich schreiben, wovon ich mit Ihnen sprechen wollte. Freitag kam ich (in Moskau) in den Senat, und erkundigte mich, wie es mit der Bestätigung der Privilegien Livlands stände. Es wurde mir geantwortet, man erwarte die Abschrift der Privilegien, die alle in einem dicken Buch in Petersburg gesammelt wären. — Hierauf nahm ich das Wort, und sprach zu diesen Herren: Wisst. es ist nicht meine Absicht, auch nur ein geringstes an den Privilegien u. s. w. aller derer zu rühren, bei denen ich dergleichen fand; meine Absicht ist es, jeder lebe im Frieden, und wenn die Lifländer ihrer Gesetze und Privilegien froh sind, will ich nicht, noch meine, dass man im geringsten daran rühre. Auf der Stelle befahl ich, die Befehle zu bringen welche man mir morgen vorlegen soll. Ich werde Ihnen noch mehr sagen, ich habe den Grundsatz aufgestellt, dass es unter den Senatoren in Zukunft immer mehrere Lifländer gebe, um uns besser von allem zu unterrichten, was diese Provinz betrifft, über welche eine grössere Unwissenheit herrscht, als über das Übrige, und will das viel sagen. *Unter dessen muss ich Ihnen im Vertrauen gestehen, dass weder ich, noch irgend jemand weiss, was ich bestätige, ob es dem Lande nützlich, ob es Gebräuche sind, oder Gewonheitsrechte, oder Gesetze; allein ich glaubte, die Ruhe einer gesammten Provinz sei allem andern vorzüziehn.*»

Насколько намъ извѣстно, въ XVIII ст. кромѣ Екатерины II только одинъ русскій государственный человѣкъ стоялъ за политическое и административное объединеніе окраинъ. То былъ графъ Я. I. Сиверсъ, бывшій новгородскій намѣстникъ, знаменитый сотрудникъ императрицы при составленіи учрежденія о губерніяхъ 1775 г. и жалованныхъ грамотъ дворянству и городамъ. 1785 г. Онъ называлъ эти акты „конституціей Россіи“.

Въ докладной запискѣ отъ 28 марта 1802 г. онъ писалъ:

„Meiner bescheidenen Meinung noch war die drückendste Reform für das Schicksal der Reichsgrenzen und die beständige Erhaltung und Verschmelzung der Gesammtheit mit den erroberten oder wiedervereigniten Provinzen, der Ukas des seligen Kaisers (Павла I). der jenen unermesslichen Strecken ihre alten, vom übrigen Reich so sehr abstehenden Verfassungen wieder gab. Er gab Esthland und Lifland die drückendste Adelsherrschaft, eine Folge des Feudalsystems und der harten schwedischen Gesetze unter Karl XI zurück, und den

ehemals polnischen Provinzen ausser dem Unglück der Anarchie und des Druckes der Grossen,—das Wiedererwachen der Hoffnung, durch Frankreichs Einfluss die unglückseligste der Republiken, wo die Anarchie nur dem Despotismus der Grossen wich, die gesetzlichen Gewaltthaten dem Übermasse der Käuflichkeit, von Neuem aufleben zu sehn, und sie heruntergebracht Frankreich zu unterwerfen, wie den schönsten Theil von Italien. Holland und der Schweiz. Die unsterbliche Katharina trug keinen Augenblick Bedenken, den einverleibten Provinzen die Verwaltung Russlands zu geben, mit Belassung ihrer Privatrechte, indess sie den Lifländern und Esthländern alle ihre Rechte liess".

Приложеніе 4 къ главѣ I.

Sveriges Krig Aren 1808, och 1809 utgifvet af generalstabens Krigshistoriska Afdelning. I. D. 1890.

Прокламація гр. Буксгевдена 18 февраля 1808 г., изданная въ Фридрихсгамѣ (на шведскомъ языкѣ).

„вопреки Вашей конституціи, шведскій король совершилъ столь же неожиданное, сколь не справедливое нападеніе на Наши границы" (рѣчь идетъ о войнѣ 1788 г.).

Такъ какъ, тѣмъ не менѣе, могутъ быть многія обстоятельства и дѣла, для рѣшенія коихъ доброе сосѣдское согласіе, довѣріе жителей къ обсужденіямъ и единство мысли при рѣшеніи нужны будутъ, то вы симъ приглашаетесь, столь скоро, какъ то окажется необходимымъ, выслать депутатовъ вашихъ отъ каждой провинціи въ законномъ порядкѣ, какъ то принято на обыкновенныхъ вашихъ государственныхъ сеймахъ (Riksmöte), кои могутъ собраться въ городѣ Або для совѣщанія о всемъ томъ, что можетъ быть совершено далѣе для блага края.

Великое Княжество Финляндское такимъ образомъ съ этого момента и впредь до времени (tills vidare) будетъ почитаться наравнѣ съ остальными завоеванными провинціями Русскаго Государства, которыя подъ мягкимъ правленіемъ предшественниковъ Е. И. В., а нынѣ подъ Его Скипетромъ пользуются счастливымъ спокойствіемъ, съ сохраненіемъ всѣхъ привилегій, свободнымъ отправленіемъ Религіи (правъ и преимуществъ), какими они пользовались искони и какими они пользуются нынѣ,—и еще болѣе".

ГЛАВА I.

Развитіе землевладѣльческихъ сословій.

Не подлежитъ сомнѣнію, что самое значительное вліяніе на развитіе соціально-политическаго и экономическаго строя страны имѣетъ форма землевладѣнія. Тотъ классъ, который непосредственно изъ земли черпаетъ результаты своего труда, есть базисъ, основа государственной и общественной пирамиды. Землевладѣльческій и земледѣльческій классы и сельское хозяйство донынѣ представляютъ собою ядро всей соціально-экономической системы Финляндіи. Возьмите въ руки любую статистику Финляндіи; напр. хотя бы: „*Статистическій Ежегодникъ*“ (Statistik årsbok). Вы увидите, что почти 91% всего населенія принадлежитъ къ сельскому классу и всего 9% къ классу городскихъ обывателей, т. е. что Финляндія донынѣ принадлежитъ къ странамъ, въ которыхъ сельское хозяйство и сырье, т. е. добывающая промышленность, имѣютъ преимущественное значеніе, сравнительно съ промышленностью и торговлей. Земля, сельское хозяйство питаетъ Финляндію. Въ настоящее время $^{6}/_{10}$ пахотной земли всего края принадлежитъ крестьянскому сословію, а около 0,3 казнѣ, которая въ свою очередь отдаетъ свои земли въ аренду тѣмъ же крестьянамъ; слѣдовательно $^{9}/_{10}$ всей земли находятся въ фактическомъ пользованіи крестьянскаго класса. Остальная часть, не болѣе $^{1}/_{10}$ земли, принадлежитъ дворянамъ, помѣщикамъ, фабрикамъ, заводамъ и разнымъ другимъ учрежденіямъ. И это теперь, когда Финляндія всетаки имѣетъ 37 городовъ, когда промышленность и торговля развились и когда отъ Выборга и Ганге вплоть почти до пустынной Лапландіи или, по крайней мѣрѣ, до такихъ глухихъ мѣстъ, какъ Метаусъ и Синеттэ, шумятъ лѣсопильные заводы!—

Остановимся сперва на исторіи развитія землевладѣніи и той части финляндскаго народа, которая посвящала и посвящаетъ свой трудъ обработкѣ земли.

Финскій народъ, т. е. туземное населеніе, къ XIV столѣтію еще не успѣлъ выработать опредѣленной прочной формы землевладѣнія. Она внесена была изъ Швеціи. — Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что гэты и свеи, подобно всѣмъ народамъ арійской расы, въ своей соціально экономической жизни прошли черезъ ступень родового быта и черезъ ступень коллективной организаціи землевладѣнія, сперва родовой, а затѣмъ территоріально-общинной. Къ тому времени, когда яркій свѣтъ исторіи падаетъ на ихъ жизнь, родовая связь уже настолько ослабѣла, что ея слѣды остались замѣтными только въ нѣкоторыхъ сторонахъ общественнаго быта и права. Донынѣ эти слѣды замѣтны въ институтахъ родового выкупа и брачнаго опекуна (giftoman); слѣды же общиннаго быта сохранились въ институтѣ сосѣдскаго выкупа и въ общинныхъ земельныхъ угодьяхъ. Дѣленіе Упландіи, т. е. главной области средней Швеціи (Свейской земли, какъ ее называетъ наша лѣтопись, и Свитіодъ, какъ ее называетъ исландская сага), на Tiundaland, Attundaland и Fjedrundaland,—т. е. землю 10, 8 и 4 родовъ, и дѣленіе всего народа на сотни, и всей земли на сотенные участки (hundrad или härad), указываетъ на первоначальное образованіе народа изъ мелкихъ союзовъ, члены которыхъ связаны между собою обязанностью родственной защиты. Всѣ эти округи носили общее названіе народной земли (Folkland), земли господствующаго народа, по объясненію Стрингольма. По моему мнѣнію, это названіе имѣло еще другой смыслъ. Оно означаетъ, что земля, занятая свеями, считалась не землей отдѣльныхъ родовъ и семействъ, поселившихся въ ней, а собственностью всего народа. Еще столѣтія спустя, когда королевская власть въ лицѣ короля Густава Вазы предъявила претензіи на признаніе короля верховнымъ собственникомъ всѣхъ незаселенныхъ и неразмежеванныхъ земель, всѣхъ невыдѣленныхъ лѣсовъ и даже всѣхъ т. н. податныхъ земель (т. н. skattejord),—свободные крестьяне, какъ т. н. коронные, такъ и т. н. податные, не хотѣли мириться съ этимъ новымъ началомъ и противопоставили королевскому воззрѣнію— свой взглядъ, на старыхъ преданіяхъ основанный, что верховный собственникъ всѣхъ земель не король, а народъ. Понадобилась, при королѣ Іоганнѣ III, ссылка на подложный законодательный актъ, якобы XIII столѣтія (т. н. постановленіе на островѣ Святого

Духа, Helgeandsholmsbeslut) для оправданія королевской земельной регаліи. У гэтовъ мы не встрѣчаемъ дѣленія народа на сотни и дѣленія народной земли на сотенные округи. Hard или härad, встрѣчающіеся въ Гаутіодѣ (землѣ гэтовъ), имѣютъ чисто административный характеръ, появляясь послѣ покоренія Гаутіода свеями. Härad здѣсь является округомъ дѣятельности намѣстника, королевскаго тіуна, герадсгевдинга. И герадъ въ Швеціи получилъ впослѣдствіи (въ XIII столѣтіи) этотъ судебно-административный характеръ; такой же характеръ присущъ съ самаго начала „гераду“ въ Финляндіи (см. ниже: Историческій обзоръ административнаго дѣленія Финляндіи). Гэты, какъ доказано археологическими изслѣдованіями, раньше свеевъ поселились въ Скандинавіи, и у нихъ родовое землевладѣніе, благодаря разселенію отдѣльныхъ членовъ родовъ, какъ индивидовъ, такъ и семействъ, распалось быстрѣе, нежели въ средней Швеціи. (Область поселенія Гэтовъ гораздо обширнѣе первоначальной Свейской земли, при томъ Гаутіодъ перерѣзанъ массою мелкихъ и крупныхъ озеръ, рѣкъ и рѣчекъ. Одна изъ областей Гаутіода получила даже названіе Småland—„земля мелкихъ участковъ“, благодаря раздробленію поселившейся тамъ части гэтскаго народа на мелкіе разъединенные поселки). Центръ Гаутіода, т. н. Вестерготландія, представлялъ большую сплоченность, но здѣсь вмѣсто явно военнаго дѣленія народа на сотни, мы встрѣчаемъ дѣленіе народной земли на „бо“, живущіе участки (употребляя выраженіе нашихъ писцовыхъ книгъ). Въ дополненіе къ (первой редакціи) Вестерготландскому земскому Уложенію (Westgötalagen), озаглавленному „Какъ бросать жребій на народныхъ собраніяхъ“ (horo thinglot skal skifta), говорится о дѣленіи Вестерготландіи на 8 живущихъ участковъ. Въ каждомъ изъ нихъ центромъ было помѣстье, отведенное въ пользу короля; здѣсь въ историческое время имѣлъ свою резиденцію тіунъ или намѣстникъ короля „höfding“. Всѣ эти мелкіе участки въ эпоху первоначальной редакціи Вестерготландскаго закона (т. е. въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтій) сохранили тѣсную связь между собою, отбывая повинность солидарной взаимной защиты. По крайней мѣрѣ, этимъ только объяснимо то постановленіе земскаго закона Вестерготландіи, согласно которому опредѣленныя виры распредѣлялись между жителями (мужескаго пола) всей земли по герадамъ или живымъ участкамъ (бо).

Природа Скандинавіи и ея колоніи, Финляндіи, не допускаетъ однообразія въ формахъ поселенія. Даже если бы предположить,

что какъ свеи и гэты, такъ и финны, пришли въ нынѣшнюю ихъ родину уже съ твердо установившимися взглядами на преимущество той или другой формы землевладѣнія, то и тогда бы смѣло можно утверждать, послѣдовательное проведеніе этихъ воззрѣній при организаціи экономическаго быта встрѣтило бы непреодолимыя препятствія въ естественныхъ условіяхъ почвы.

Но вѣдь мнѣніе о прирожденной склонности того или другого народа или расы къ той или другой формѣ общежитія и землевладѣнія не выдерживаетъ исторической критики. Стихійныя особенности территоріи сильнѣе этическихъ взглядовъ поселенца, если бы даже такія опредѣленныя этическія воззрѣнія уже успѣли выработаться въ ту эпоху, о которой мы пока ведемъ рѣчь. Какъ Швеція, такъ и Финляндія, подобно западной части сѣверной Россіи, перерѣзаны рядами кряжей, узкихъ валовъ различной величины. Эти кряжи, спускаясь изъ высокихъ долинъ Норвегіи и Лапландіи въ равнину, образуютъ параллельные другъ другу валы, которые ползутъ съ сѣвера на югъ или юго-востокъ, извиваясь, какъ змѣи или рѣки, справа и слѣва принимая въ себя боковые кряжи. По обѣ ихъ стороны простираются болота и топкія мѣста. Въ Швеціи масса рѣкъ, а въ Финляндіи множество озеръ, рѣкъ и ручейковъ перерѣзываютъ равнину. И теперь еще Швеція и Финляндія богаты лѣсами, и теперь еще густой хвойный и лиственный лѣсъ отдѣляетъ, какъ стѣна, деревни и поселки, хутора и хижины. Въ древнее же время весь сѣверъ представлялъ собою лѣсную чащу съ разбросанными тамъ и сямъ полянами или голыми скалами и песчаниками. То, что изслѣдователи нашего сѣвера, съ г-жей Ефименко во главѣ, разсказываютъ про способы заселенія сѣверныхъ лѣсныхъ губерній, относится большею частью и къ Финляндіи, и къ Швеціи (за исключеніемъ плодоносной, благодатной южной ея оконечности). Удобныя для земледѣльцевъ земли лежали и лежатъ преимущественно на берегахъ рѣкъ; медленно, съ страшными усиліями отвоевывалъ поселенецъ землю для своего хозяйства у своихъ старыхъ враговъ: болота и лѣса. Поневолѣ поселенцы селились небольшими группами, и поселки тянулись длинными линіями вдоль рѣкъ и озеръ и вокругъ болотъ. Тамъ же, гдѣ находилось болѣе обширное отъ лѣса и болота пространство, селились сплоченныя массы поселенцевъ. Наконецъ, находились смѣльчаки, которые съ копьемъ и стрѣлой въ рукахъ, съ топоромъ за поясомъ отправлялись въ темную лѣсную глушь, подобно современнымъ скваттерамъ Сѣверной Америки, и сели-

лись въ страшномъ для многихъ, но привлекательномъ для нихъ одиночествѣ.

Организація землевладѣнія *) на Скандинавскомъ полуостровѣ во многомъ сходна и съ организаціей его у германцевъ континентальной Европы. Всѣ изслѣдователи древне-германской исторіи утверждаютъ, что экономическій и соціальный бытъ германскихъ племенъ до великаго переселенія народовъ сходствуетъ съ бытомъ скандинавовъ до XIII ст. Извѣстный нѣмецкій историкъ права Мауреръ въ своемъ знаменитомъ трудѣ „Geschichte der Markenverfassung in Deutschland“ развиваетъ мысль, что общинное землевладѣніе, въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова, было первоначально самой распространенной формой поземельныхъ отношеній въ Германіи. Во время, предшествовавшее великому переселенію народовъ, въ общемъ владѣніи, по его мнѣнію, состояли не одни только лѣса и луга, но и поля. Общее поле дѣлилось на участки по числу членовъ общины; каждый изъ нихъ получалъ по равному участку; чтобы это первоначальное равенство не нарушалось съ теченіемъ времени, совершались ежегодные передѣлы. Такимъ образомъ общинное устройство обезпечивало каждому германцу постоянное и одинаковое участіе въ пользованіи землей. Этотъ исконный порядокъ подвергся существенному измѣненію въ періодъ великаго переселенія народовъ. Въ новыхъ мѣстахъ поселенія общинный элементъ представляется значительно ослабленнымъ. Поля вступали въ частную собственность, община же удерживаетъ только лѣса и луга. Съ того же времени появилось и неравенство въ распредѣленіи земель. Вмѣстѣ съ тѣмъ и значеніе общины, какъ административнаго, такъ и поземельнаго начала, падаетъ.

Полнаго общиннаго землевладѣнія, въ строгомъ смыслѣ слова, съ періодическимъ передѣломъ полей или съ общественной запашкой общаго поля мы въ историческую эпоху не встрѣчаемъ ни

---

*) О формахъ организаціи землевладѣнія въ Швеціи и Финляндіи ср: *Botin*. Om svenska hemman „(О геймать въ Швеціи). *Florin-Willebrand*„. Om jordlägenheters bildning i Finland. 1853. (Объ образованіи землевладѣнія въ Финляндіи). *Nordstroem* (въ указанномъ выше сочиненіи) Bidrag till Sveriges Samhälletförfattningenshistoria. *Lilienstrand* въ указанномъ выше сочиненіи De nordiska byggninga balkerna. *Lang* Om delningsgrund i by. (Объ основахъ дѣленія деревенской марки) 1901. August *Meitzen*. Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen. Bd. II. 1895.

въ Швеціи, ни въ Финляндіи. Нѣтъ возможности опредѣлить, когда именно шведы и финны вышли изъ строго-общиннаго быта. И въ тѣхъ шведскихъ областяхъ, гдѣ поселенцы селились не одиночными семьями въ хуторахъ и разъединенныхъ поселкахъ, а занимали землю организованными массами, сотнями и ихъ подраздѣленіями, эти коллективныя единицы „hundrad, härad (и ихъ подраздѣленія) были только идеальными владѣльцами пахатной земли, которая распредѣлялась между главами семействъ, по возможности равномѣрно, въ количественно и качественно равныхъ доляхъ, оставаясь наслѣдственнымъ достояніемъ семьи. Съ другой стороны, нужно указать на то, что на югѣ Швеціи, въ областяхъ Шоніи, Галландъ, Блекинге, гдѣ гораздо болѣе обширныхъ ровныхъ полосъ, удобныхъ для поселенія болѣе крупныхъ группъ населенія, общинное начало владѣнія землей сохранилось въ болѣе чистой формѣ и дольше, чѣмъ на сѣверѣ; тамъ, какъ и въ сосѣдней Даніи, еще столѣтія спустя встрѣчались частые передѣлы при т. н. уравненіи (reebning) общинныхъ земель. Переходъ къ реальному, прочному разверстанію угодій и сплоченію ихъ совершился здѣсь гораздо позже. Однимъ словомъ, тамъ, гдѣ жилища могли быть устроены близко другъ къ другу, гдѣ сосѣди поселенцы привыкли къ жизни сообща, гдѣ была возможна организація общаго труда, гдѣ наконецъ количество труда, затрачиваемаго каждымъ изъ поселенцевъ было равно или почти равно, такъ какъ условія его примѣненія были равны, общинное землевладѣніе нашло себѣ естественную почву, въ противоположность болѣе сѣвернымъ, лѣсистымъ и гористымъ мѣстностямъ, гдѣ размѣръ отвоевываемыхъ отъ лѣса и болота новинъ стоялъ въ зависимости отъ размѣра трудовой энергіи отдѣльнаго поселенца, гдѣ слѣдовательно личное трудовое начало въ строѣ собственности вступало въ борьбу съ началомъ общиннымъ. Интересенъ тотъ фактъ, что шведскій юридическій средневѣковой языкъ даже не знаетъ слова, выражающаго понятіе „община“ въ узкомъ, строгомъ смыслѣ слова. Слова: socken, kommunen, menighet, samhället (приходъ, община и общество) появились: первое въ концѣ католическаго періода, а три остальныя въ XVIII ст. Слова же, выражающія понятія „община“, „общее“, употреблявшіяся въ болѣе древнее время „allmänning“, „allmänhet“, „allmogen“, не тождественны съ понятіемъ „сельская община“. Этими словами обозначалось вообще все, что принадлежало не отдѣльному лицу, а группамъ лицъ, обширнымъ и мелкимъ, области, сотнѣ, ея подраздѣленіямъ, даже всему народу; и этотъ смыслъ

сохранился за словомъ „allmänning“ донынѣ (напр.: allmänningsskogar общіе, не выдѣленные лѣса, allmänningsfiskerier, allmänna betesmark и т. д.). Съ другой стороны, юридическій языкъ древней Швеціи имѣетъ слова, передающія понятіе административной общины. Таковыя общины, т. е. группы поселковъ или деревень, или хуторовъ, на жителяхъ которыхъ, подъ условіемъ круговой поруки лежали повинности поставки судовъ или уплаты податей въ пользу короля или храма, носили различныя названія: hamn, ledungslama, skeppslag, skeppsvist, rodslag и т. д.

Всѣ эти различныя общенія были соединеніями не отдѣльныхъ равноправныхъ лицъ. а соединеніемъ семействъ, представителями и властными руководителями коихъ были ихъ главы. Глава семьи былъ вожакомъ при выходѣ семьи въ лѣсъ для отдѣльнаго поселенія внѣ района поселенія сородичей; главы семействъ отдѣляли участки при разверсткѣ земли въ случаѣ заселенія ея цѣлой группой, сотней или ея подраздѣленіями. Весь земледѣльческій трудъ велся подъ надзоромъ главы семьи, подъ его руководствомъ, по его указанію, т. ск. отъ его имени. Но это подчиненіе членовъ семьи главѣ ея не было подчиненіемъ рабскимъ, безусловнымъ. Саги свидѣтельствуютъ не только о подчиненіи и покорности сыновей, но и о уваженіи отца къ сыновьямъ, разъ они храбростью или энергичнымъ трудомъ показали себя достойными уваженія. При этомъ нужно имѣть въ виду, что въ составъ семьи входили не только связанные кровнымъ родствомъ. Зачастую семья скандинавскаго и финскаго сѣвера походила на южно-славянскую задругу. По древнему скандинавскому обычаю допускалось поступленіе въ семью постороннихъ членовъ того же племени; изъ сагъ извѣстно т. н. побратимство, заключеніе братскаго союза или пріемъ чужого въ качествѣ сына, и не только въ случаѣ бездѣтства, но и при наличности родныхъ дѣтей. Для пріема въ сыновья или братья установлены особыя формальности. Принимаемый въ качествѣ сына садился на колѣни отца семьи и получалъ названіе „Knesetning“ (посаженнаго на колѣни); побратавшіеся получали названіе „fosterbroder“. Пріемыши и нареченные братья становились полноправными членами семьи и участвовали во всѣхъ ея трудахъ и въ пользованіи результатами ихъ. Почтеніе же къ главѣ семьи выражалось въ названіяхъ, которыя ему были присвоены. Его звали drott (то же названіе давалось и королю), jorddrott, lavarder, gamblekarl, а самое почетное названіе, присвоенное и ему и всѣмъ полноправнымъ членамъ семьи—было названіе „odalbonde“, огнищанина.

Слово odalbonde означаетъ человѣка, культивировавшаго часть народной земли, очистившаго огнемъ почву подъ посѣвъ („odla jord"), своимъ трудомъ ее покорившаго подъ свою руку и пріобрѣвшаго тѣмъ право на владѣніе очищеннымъ участкомъ и право распоряженія имъ, какъ господинъ земли (jorddrott—князь, господинъ, большакъ). По моему мнѣнію, слово odalbonde вполнѣ соотвѣтствуетъ названію „огнищанинъ" въ древнемъ русскомъ правѣ, какъ его объясняетъ Бѣляевъ (въ Лекціяхъ по исторіи русскаго законодательства), и объясненіе котораго мнѣ кажется наиболѣе близкимъ къ истинѣ. Совокупность обычно-правовыхъ нормъ, опредѣлявшихъ status огнищанъ, какъ въ публично-правовомъ, такъ и въ гражданско-правовомъ отношеніи, т. е. совокупность его правомочій, называлась „odalmannarätt". Odalbonde, огнищанинъ, лично съ помощью членовъ семьи и сподручныхъ (до XIV столѣтія и рабовъ) очищалъ почву подъ пашню въ предѣлахъ общинной марки или руководилъ колонизаціей новинъ за предѣлами марки. Трудовое начало, дѣйствовавшее въ древнемъ скандинавскомъ правѣ, присвоило ему высокій почетъ и первенствующее политическое значеніе, но подъ условіемъ, чтобы культивированное имъ пространство земли было достаточно для обезпеченія независимаго существованія семьи. Полноправными членами сотеннаго или областнаго союза (härad и landskap) были только эти „земскіе бояре" и „огнищане" (odalbönderne), собственники земли, ихъ трудомъ, ихъ энергіей пріобрѣтенной въ борьбѣ съ скудной природой. Odalbonde, въ свободной семьѣ свободнорожденный (ättbörne och fribörne), владѣвшій съ согласія племени и народа своей землей, ему принадлежавшей по праву труженика культиватора, или къ нему перешедшей отъ отца и дѣда, составлявшей его наслѣдственное достояніе (hans gamla byrd), былъ столпомъ всего соціально-политическаго строя и древней Швеціи, и Финляндіи до нашихъ дней. Какъ жизнь и честь, однимъ словомъ весь личный status odalbonde, такъ и его собственность, въ особенности недвижимая, стояли подъ защитой какъ сотни и области, къ которой онъ принадлежалъ, такъ и семьи, въ которой онъ родился. Эта двоякая защита, семейная и земская, налагала на его право собственности ограниченія двоякаго рода. Ограниченія перваго рода касались свободы пользованія результатами труда земледѣльца; ограниченія второго рода—касались свободы распоряженія самой землей.

Землевладѣльцы обязаны были отправлять повинности нату-

ральныя въ пользу короля, въ пользу храма и его служителей, въ пользу выборныхъ судей и законовѣдовъ (доставлять матеріалъ для постройки замковъ, храмовъ, домовъ священно и церковнослужителей, хлѣбъ для королевскаго двора, кормъ для его лошадей, подводы для него и его слугъ, лѣсъ для военныхъ судовъ и т. д.) Въ составѣ области землевладѣльцы одной и той же семьи (въ широкомъ смыслѣ слова) составляли какъ бы болѣе узкій союзъ. Этотъ узкій семейный союзъ ревниво оберегалъ цѣлость и неприкосновенность землевладѣнія членовъ семьи. Одальная земля (odaljord) всѣхъ членовъ семьи считалась какъ бы общимъ семейнымъ фондомъ. Это была своего рода святыня, такъ какъ отъ ея сохраненія зависѣла сила, вліяніе, уваженіе, значеніе семьи въ области и въ глазахъ всего народа. Въ виду этого древнее скандинавское обычное право, кодифицированное впослѣдствіи въ областныхъ земскихъ Уложеніяхъ, содержало постановленіе, что odaljord, земля, выдѣленная или занятая главой семьи, не должна выходить изъ рукъ ея, что она должна переходить какъ путемъ продажи, такъ и путемъ залога и даренья, только къ членамъ семьи въ широкомъ смыслѣ слова. Только въ крайней нуждѣ допускалась продажа чужому. Полное отчужденіе земли было сопряжено съ сложными, установленными обычаемъ, формальностями. Желавшій продать землю долженъ былъ созвать мѣстное вѣче (ting) своей сотни, округа или ея подраздѣленія (четверти, fjerding, осьмины, attung) и предложить покупку земли членамъ рода. И это правило было общеобязательнымъ для короля такъ же, какъ и для мельчайшаго поселянина. Отдѣлъ о продажѣ собственности въ Остготландскомъ земскомъ Уложеніи (въ редакціи конца XIII столѣтія) начинается словами: „Nu will Kunungaer eghn saellia; han skal fraendum sinum ataer bjuda, sua han som bonde“. (Если хочетъ король собственную землю свою продать, то онъ долженъ предложить ее своимъ родичамъ, онъ такъ же, какъ и поселянинъ). Только тогда, когда никто изъ членовъ семьи (въ широкомъ смыслѣ слова) не желалъ или не былъ въ состояніи купить земли, одальный собственникъ имѣлъ право продать ее чужому. Тогда, сказано въ отрывкѣ Уложенія Дальсландскаго, „кошелекъ становится одальманомъ“ (the är sjudr odalsmadr). Однако за членами семьи сохранялось право выкупа (bördsrätt); а въ городахъ (по городскому Уложенію) право выкупа было предоставлено и сосѣдямъ. Это право семейнаго выкупа почиталось столь священнымъ, что даже въ томъ случаѣ, когда земля должна была быть взята въ казну или отдана церкви, или

области, при платежѣ виръ за преступленіе, то и тогда родственники имѣли право выкупа, „дабы одальная земля не оставалась внѣ семьи“. Конфискація одальной земли не допускалась. Даже у убійцы король не имѣлъ права отнимать одальную землю! Право одальной земли (odalsrätt) было правомъ высшаго порядка; одальная (родовая) земля какъ бы поглощала собою землю благопріобрѣтенную, купленную у другихъ (разъ покупка была окончательной, т. е. когда родичи отказались отъ выкупа) или пріобрѣтенную путемъ залога, или даренія, или мѣны. Эти т. ск. добавочныя земли, какъ бы имущества низшаго порядка, ассимилировались имуществомъ высшаго порядка, распространявшимъ свою святость на всякій земельный приростъ. Правовое обособленіе земель родовыхъ отъ земель благопріобрѣтенныхъ, установленіе особыхъ условій владѣнія и распоряженія землями послѣдней категоріи—появляется лишь въ эпоху общихъ Уложеній, т. е. къ концу XIV и срединѣ XV ст., когда новые экономическіе и соціальные факторы, въ особенности появленіе колоновъ—арендаторовъ на земляхъ общественныхъ и частныхъ, потребовало допущенія болѣе подвижнаго элемента въ строй землевладѣнія. Заботою семьи о сохранности одальной земли въ древнее время объясняется и лишеніе дочерей права участія въ наслѣдованіи семейной недвижимости. Это ограниченіе права дочерей устраняется въ эпоху кодификаціи областныхъ Уложеній; но это нововведеніе совершается не по почину народному, а вводится какъ начало, чуждое народному праву, по иниціативѣ короля, который стремился поколебать сплоченность земельныхъ владѣній крупныхъ семействъ.

Каковы же были размѣры землевладѣнія въ древней Скандинавіи и Финляндіи? Не ставили ли общенія какія либо ограниченія и предѣлы землевладѣнію отдѣльныхъ своихъ членовъ? Не имѣютъ ли тѣ законодательныя нормы, которыя въ теченіе вѣковъ въ такомъ изобиліи издавались съ цѣлью регулировать то максимумъ, то минимумъ землевладѣнія,—не имѣли ли они корня въ историческихъ народныхъ воззрѣніяхъ?—Несомнѣнно, что въ древнѣйшее время ограниченій въ отношеніи максимума не существовало. Пока и Геталандія, и Свеаландія, и Финляндія были покрыты громадными густыми лѣсами, тянувшимися на протяженіи нѣсколькихъ сотъ квадратныхъ верстъ (какъ свидѣтельствуютъ источники, такіе лѣса отдѣляли цѣлыя области другъ отъ друга еще въ концѣ среднихъ вѣковъ),—каждому желавшему была дана возможность оккупаціи лѣсныхъ гущъ или голыхъ пустырей постольку, по-

скольку ему то было желательно и выгодно. Земля цѣлой деревни или отдѣльнаго подворнаго владѣльца могла простираться до тѣхъ предѣловъ, куда (говоря словами древней русской поговорки) „топоръ и соха ходили“.—Но въ болѣе позднее время появились ограниченія свободной оккупаціи какъ въ интересахъ обезпеченія формально-правоваго строя, такъ и въ интересахъ твердости строя соціальнаго. Ограниченія перваго рода заключались въ признаніи оккупированнаго участка собственностью лишь подъ условіемъ соблюденія при оккупаціи опредѣленныхъ и юридически обязательныхъ формъ волепроявленія. При оккупаціи какой либо части народной земли совершались опредѣленныя обычаемъ, а затѣмъ и писаннымъ правомъ, освященныя церемоніи, при которыхъ важную роль игралъ огонь. При этомъ издавна оккупаторъ долженъ былъ проявить свое намѣреніе владѣть намѣченнымъ участкомъ при помощи опредѣленныхъ знаковъ: отрѣзаніемъ коры съ деревьевъ, или врѣзаніемъ знаковъ въ деревья, или постановкой шестовъ, межевыхъ камней, или, наконецъ, обведеніемъ участка изгородью. Въ Упландскомъ земскомъ Уложеніи мы читаемъ въ главѣ XX отдѣла о сосѣдскомъ житьѣ (Vidherbobalken): „Если кто либо отправится на пустопорожнія земли и на землю общинную (allmänning) и очиститъ почву, и подготовитъ ее, затѣмъ уйдетъ и послѣ него придетъ другой и подчиститъ почву поблизости отъ перваго, сорветъ кору съ деревьевъ, врѣжетъ знаки въ деревья вокругъ очищенной почвы, поставитъ изгородь и тынъ, а затѣмъ придетъ тотъ, кто раньше очищалъ почву и скажетъ: зачѣмъ ты забрался на мое огнище? Нѣтъ, да отвѣтитъ второй, это мое огнище, а не твое; я снялъ кору съ деревьевъ, я выставилъ на нихъ знаки“.—Да будетъ признано право за тѣмъ, кто тынъ поставилъ и на огнищѣ поселился, а тотъ, кто раньше очищалъ почву, тотъ да лишится своего огнища“.—Требовалось ли свидѣтельство сообщинниковъ и сосѣдей при оккупаціи почвы въ древнѣйшее время,—неизвѣстно; требованіе участія свидѣтелей при опредѣленіи границъ владѣнія выставляется, какъ conditio, sine qua non въ эпоху кодификаціи земскихъ Уложеній и общихъ Уложеній.

Съ возрастаніемъ населенія свобода завладѣнія пустопорожними землями ограничивается. Требуется извѣстный минимумъ при оккупаціи земли и все чаще, хотя не вполнѣ успѣшно, повторяется попытка установить максимумъ допускаемаго въ однѣхъ рукахъ землевладѣнія въ видахъ предупрежденія образованія лати-

фундій. Въ земскомъ Уложеніи Гельзингеландіи, въ уставѣ о сосѣдской жизни (vidherbobalken) говорится, что кто желаетъ поселиться на общинной землѣ (allmänning), долженъ на участкѣ, который предназначается имъ для пашни, очистить 3 диссуръ (приблиз. 3 десятины), построить дворъ четырехугольникомъ и обойти съ двумя свидѣтелями занятую и отмежеванную землю. Ширина участка должна равняться ширинѣ пашни и луговъ, а длина участка опредѣляется временемъ, которое поселянинъ долженъ употребить на проѣздъ съ одного конца до другого въ зимній день отъ восхода солнца до заката, нарубивъ 3 воза шестовъ. Такой участокъ (владѣлецъ котораго сохранялъ право пользованія общиннымъ лѣсомъ и выгономъ) считался какъ бы нормальнымъ крестьянскимъ владѣніемъ. Поземельное пространство (съ жилымъ и хозяйственнымъ строеніемъ), достаточное для обезпеченія самостоятельнаго существованія odalbonde (одальнаго поселянина) и его семьи,—получило впослѣдствіи названіе hemman. (Hufe, mansus). Владѣльцы этихъ самостоятельныхъ единицъ несли подати и повинности, бывшія первоначально личными, но для отбыванія коихъ поселяне были сгруппированы въ коллективныя единицы. Эти единицы носили самыя различныя названія, и первоначально къ числу этихъ названій принадлежало и слово „mantal", нынѣ означающее мѣрило оцѣнки податной силы даннаго участка. Но это современное свое значеніе слово „mantal" *) получило только впослѣдствіи, когда подати и повинности изъ личныхъ превратились въ реальныя. Земля, которая по мантальной оцѣнкѣ (т. е. по оцѣнкѣ ея податной силы) была зачислена въ единицы обложенія, получила названіе i mantalsatt jord. Только владѣльцы гейматовъ (hemmansegare), отбывавшіе съ земли подати и повинности по оцѣнкѣ на манталы (или на соотвѣтствующія манталу по значенію другія единицы мѣръ, какъ то „gård", „bol", „krok"), въ эпоху кодификаціи Уложеній и перехода къ новому времени были полноправными гражданами, odalbonde.—Такимъ образомъ въ понятіе odalbonde входитъ новый элементъ: odalman, одальный владѣлецъ, есть hemmansegare, т. е. владѣлецъ земли, хозяйственно и финансово самостоятельной въ качествѣ источника реальныхъ налоговъ.—Какъ уже сказано выше, слово „hemman" (гейматъ) вошло въ употребленіе лишь при переходѣ къ новому времени,

*) О манталѣ ср. спец. изслѣдованіе Thulin'a „Om mantalet".

когда развилось т. н. камеральное законодательство. Въ болѣе древнее время этому слову соотвѣтствовали слова: bol, bo, by и gård.

Каждое населенное мѣсто въ старину называлось обыкновенно gård (дворъ) или by, поселокъ, деревня. То значеніе, тотъ смыслъ, который слово by имѣетъ нынѣ въ Швеціи и въ Финляндіи, ему не были присущи въ старину. Съ другой стороны, со словомъ by ни въ старину, ни нынѣ, не связано то понятіе, которое мы выражаемъ словомъ „деревня" или „село". Если мы произносимъ слово „деревня", то передъ нашимъ воображеніемъ сразу предстаетъ картина двухъ длинныхъ рядовъ дворовъ, крытыхъ тесомъ или соломой и построенныхъ гнѣздами, тянущихся вдоль грунтовой или проселочной дороги, окруженныхъ въ нѣкоторомъ разстояніи тоже рядомъ стоящими гумнами, овинами, банями. Кто же знакомъ съ Финляндіей или Швеціей, тотъ знаетъ, что картина деревень въ нихъ совершенно другая. Вы видите передъ собой на пригоркѣ церковь съ стоящимъ поблизости отъ нея пасторатомъ и школой, и затѣмъ вокругъ, иногда на разстояніи 2 3 5 верстъ, раздѣленные озерами, рощами, болотами, гранитными кряжами, лежатъ крестьянскіе хутора съ хижинами батраковъ и бобылей. Слово „by" въ настоящее время употребляется для выраженія понятія о соединеніи многихъ или нѣсколькихъ крестьянскихъ хозяйствъ, связанныхъ общностью экономическихъ, а отчасти и общностью административныхъ интересовъ. Въ старину же „by" называлось одинокое поселеніе и крестьянскій дворъ или два, три двора съ принадлежащими къ нимъ землями. Къ опредѣленію понятія „by" (село, деревня) въ древней Скандинавіи и Финляндіи вполнѣ примѣнимы слова г-жи Ефименко въ ея прекрасной работѣ „Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ" (Русская Мысль 1882, книга IV, стр. 201): „Село или деревня есть какая то законченная, довлѣющая самое себя земельная единица: во главѣ ея стоитъ дворъ, къ которому тяготѣетъ пахотная и луговая земля, лѣсныя, водяныя и прочія угодья". Но несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слово „by" и въ старину уже означало также и деревню, въ современномъ смыслѣ слова, именно тамъ, гдѣ поселенцы селились не отдѣльными хуторами, а болѣе или менѣе многочисленными группами. „By" (деревня) въ мѣстахъ, гдѣ это слово означало совокупность нѣсколькихъ поселковъ, связанныхъ семейными узами ихъ владѣльцевъ, или (если родственная связь уже отступила на задній планъ) общими экономи-

ческими интересами, т. е. тамъ, гдѣ установилось или сохранилось общинное землевладѣніе, и ея полевая марка дѣлилась на части, которыя имѣли различныя названія, какъ то „hamna„ (самое древнее дѣленіе, по мнѣнію изслѣдователя шведскихъ земскихъ Уложеній Шлитера и др.) или, въ Гаутіодѣ, на осьмины (attung). Это дѣленіе на осьмины (attung) сохранилось еще въ эпоху кодификаціи земскихъ Уложеній; оно упоминается какъ въ Вестерготландскомъ Уложеніи въ отдѣлѣ о землевладѣніи, такъ и въ Остготландскомъ Уложеніи, гдѣ о немъ говорится въ отдѣлѣ о строеніи (Bygdabalken). Это мѣсто въ особенности интересно, потому что оно даетъ намъ картину первоначальнаго расположенія деревни (by) при поселеніи общинниковъ и разверстаніи занятой земли. Этотъ отдѣлъ озаглавленъ: „Какъ должна быть деревня расположена въ законномъ порядкѣ“ (Um huru by skal i laghe laeghe liggie). Если хотятъ крестьяне деревню построить, то слѣдуетъ вокругъ мѣста, на которомъ должна быть построена деревня,— провести правильную межу (Råmärke), при этомъ должны присутствовать всѣ, кто собственность имѣетъ. („Ta aghu alle ter naer uara, sum eghna aghu“)[1]).

Если пожелаютъ расположить деревню законнымъ образомъ, то въ ней не должно быть менѣе 16 осьминъ (attung). Подъ осьминой понимали часть деревенскихъ усадебныхъ земель и часть пашенъ и луговъ размѣромъ не меньше допущеннаго для данной области геймата.

При дѣлежѣ марки принималась въ разсчетъ и доля участія каждаго поселянина въ общихъ нераздѣленныхъ общинныхъ лѣсахъ, выгонахъ и рыбныхъ ловляхъ. („Nu alla ta skifti, sum man will hana, antuiggia fiskia aella forsa, akra aella aengia, skogha aella tompta. etc.“).

При дѣлежѣ земли соблюдалось точное равенство, но при передѣлахъ и разверстаніи это равенство могло быть нарушено

---

[1]) Не служитъ ли это мѣсто подтвержденіемъ неоднократно высказываемаго историками мнѣнія, что общинное землевладѣніе иногда не предшествуетъ индивидуальному землевладѣнію, а смѣняетъ его, что разъединенные участки складывались въ одно общинное поле и хутора соединялись въ деревни, а затѣмъ уже организованныя общины распредѣляли земельные участки поровну между соединившимися хуторянами? Что именно побуждало хуторянъ отказаться отъ разъединенной жизни и добровольно подчиниться ограничивающему ихъ свободу общинному порядку, на этотъ вопросъ точнаго отвѣта дать нельзя.

вслѣдствіе неравенства въ прилежаніи, трудовой энергіи, посвященной различнымъ участкамъ. Въ случаѣ передѣла и новаго разверстанія, каждый поселянинъ имѣлъ право требовать въ обмѣнъ на свою землю другой участокъ, столь же хорошо обработанный, унавоженный, огороженный или же надбавки земли, въ случаѣ полученія истощеннаго участка. (На это указываютъ слова въ Остготландскомъ Уложеніи: „Nu ae huar sum man will iord skipta, to skal iámt arwte a mote iamnu giwa: taet aer rytia gen rydda, gota gen gudda, traeda mot traeddo“ и т. д.).

Трудовое начало въ скандинавскомъ правѣ не допускало того механическаго передѣла общинно-полевыхъ участковъ, который столь пагубно дѣйствовалъ и отчасти еще дѣйствуетъ на общинный бытъ русской деревни. О какихъ либо установленныхъ закономъ срокахъ при періодическихъ передѣлахъ слѣдовъ въ Уложеніяхъ нѣтъ. Означенныя правила земельныхъ передѣловъ старались обезпечить равенство въ соціально-экономическомъ отношеніи. Законодательная и обычно-правовая регламентація не ограничивалась установленіемъ передѣловъ; она шла дальше. Она опредѣляла весь внѣшній видъ деревни и расположеніе крестьянскаго двора. Даже первыя главы отдѣла о строеніи Уложенія 1734 г. содержатъ въ себѣ еще постановленія, стоящія въ непосредственной связи съ нормами земскихъ областныхъ и общихъ Уложеній. (Означенныя постановленія касаются дворовъ въ предѣлахъ сплоченной деревни).

Въ предѣлахъ общинной земли отводилось мѣсто для деревни, для полей и для луговъ; лѣсъ не выдѣлялся. Каждому самостоятельному хозяину семьянину въ предѣлахъ участка, гдѣ должна была помѣститься деревня, отводилось мѣсто для усадебной осѣдлости (toft или tomt). Здѣсь, на этомъ „томтѣ“, возводились постройки, число которыхъ, какъ мы увидимъ ниже, было также опредѣлено обычнымъ правомъ, а затѣмъ, въ эпоху кодификаціи, и писаннымъ закономъ. Усадебный участокъ огораживался тыномъ или оградой изъ камней. Деревня расположена была почти всегда крестообразно, такъ что 4 конца ея указывали въ четыре стороны свѣта. Обыкновенно деревня пересѣкалась двумя улицами, шедшими въ направленіи отъ востока на западъ и отъ сѣвера на югъ. Такое расположеніе деревни называлось „законнымъ расположеніемъ“. Величина каждаго двора была точно опредѣлена при учрежденіи деревни, но дворы не всегда были равной величины. Въ деревняхъ встрѣчались и крупные, и мелкіе

дворы, но длина двороваго мѣста вдоль улицы должна была быть равна у всѣхъ и выдаваться въ улицу было запрещено.

Тынъ или изгородь окружали дворъ и полевые участки также должны были быть огорожены. Вся деревня окружалась валомъ. Каждый дворъ состоялъ (и состоитъ) изъ двухъ частей: жилища и внѣшнихъ дворовыхъ строеній. Къ первому принадлежали всѣ постройки, предназначенныя для жилья; къ второй части—всѣ хозяйственныя строенія, скотный дворъ и т. д.

Уже земскія Уложенія установили минимумъ построекъ для каждаго самостоятельнаго крестьянскаго двора, т. н. „laghae hus". Каждый дворъ долженъ имѣть по крайней мѣрѣ 6 строеній: 1) строеніе для жилья, 2) домъ, гдѣ помѣщались спальни, (которыя были всегда отдѣлены), 3) кухня, 4) амбаръ и сарай, 5) кладовая и 6) строеніе для скота.—Въ эпоху господства во многихъ областяхъ общиннаго землевладѣнія, когда каждая семья только имѣла право вѣчно-наслѣдственнаго пользованія идеальнымъ участкомъ въ общинной маркѣ, совершались передѣлы болѣе или менѣе частые. Распредѣленіе полевыхъ участковъ между отдѣльными семьями шло тѣмъ же порядкомъ, какъ и вездѣ, гдѣ существовала или сохранялась система общиннаго землевладѣнія. Для того, чтобы сохранить по возможности равенство въ достаткѣ общинниковъ, вся пахатная земля общины дѣлилась на полосы, различныя по своему качеству, полосы на клинья, и каждый глава семьи получалъ въ каждой полосѣ одинъ клинъ или болѣе, соразмѣрно съ объемомъ усадебной осѣдлости. При этомъ положеніе клина въ полосѣ соотвѣтствовало положенію двора въ деревнѣ, и все пахатное поле общины получало по возможности крестообразную форму. Лѣсъ и выгонъ первоначально не раздѣлялись на участки, а оставались въ нераздѣльномъ пользованіи общинниковъ. Кромѣ общинныхъ лѣсовъ, входившихъ въ составъ общинной марки, въ нераздѣльномъ пользованіи общинъ всей сотни или округа (härad) находились сотенныя пустоши и лѣса. (häradsallmänningar). Наконецъ, обширныя пространства, какъ въ Швеціи, такъ и въ Финляндіи въ особенности, были общей собственностью цѣлыхъ областей. Эти областныя нераздѣльныя земли (Landskapsallmänningar), эйрамарки, какъ ихъ звали въ Финляндіи, сохранились въ послѣдней еще до XIX столѣтія, и только проведенное въ теченіе десятковъ лѣтъ генеральное межеваніе, шедшее рука объ руку съ ростомъ культуры, если и не устранило, то, по крайней мѣрѣ, ограничило объемъ этихъ пустынь, образовавъ изъ нераздѣльныхъ пустошей казенный земельный фондъ для обезпеченія быта безземельныхъ.

Однако же въ эпоху кодификаціи земскихъ областныхъ и общихъ Уложеній Магнуса Эриксона и Христофора Баварскаго, т. е. въ эпоху существованія общиннаго поземельнаго строя, проявлялось сознаніе хозяйственныхъ невыгодъ, проистекающихъ отъ частыхъ передѣловъ и отъ передѣловъ вообще. Индивидуальное начало въ землевладѣніи вступаетъ въ борьбу съ началомъ общиннымъ. Община переходитъ къ системѣ разверстанія полей на реальные участки, остающіеся навсегда или, по крайней мѣрѣ, на болѣе продолжительное время въ рукахъ одного и того же хозяина и его семьи.

Этотъ переходъ, однако, что и естественно, совершился не безъ борьбы. Различныя мѣста въ земскихъ Уложеніяхъ указываютъ на то, что въ средѣ общинниковъ шла борьба за и противъ передѣла, и отдѣльные хозяева не хотѣли отдавать своихъ участковъ другимъ, коимъ по жребію при передѣлахъ они достались. Законодателю пришлось охранять старый порядокъ общинныхъ передѣловъ отчасти противъ воли, ибо уже тогда королевская власть сознавала хозяйственныя неудобства общиннаго землевладѣнія, а могущественная феодальная аристократія въ своихъ интересахъ требовала индивидуализаціи земель; законодательная охрана касалась тѣхъ общинъ, въ коихъ большинство поселянъ не желало окончательнаго разверстанія полевой земли

Въ земскомъ Уложеніи короля Магнуса Эриксона (XIV ст.) мы читаемъ въ I главѣ отдѣла о строеніи (Byggningabalk): „Если пожелаютъ крестьяне снова сельскую землю подѣлить и если состоитъ она въ передѣльномъ пользованіи, то каждый долженъ засѣять участокъ, который по порядку жребія къ нему перейдетъ. Если же кто либо изъ нихъ удержитъ старый участокъ, послѣ выдѣла ему новаго, то это насиліе, и да будетъ онъ наказанъ за свой проступокъ“. Система частыхъ передѣловъ, впрочемъ, сохранилась въ нѣкоторыхъ сельскихъ общинахъ до XVIII столѣтія, къ великому неудовольствію правительства. (Ср. отдѣлъ о строеніи Уложенія 1734 г. гл. I. „Какъ отводить мѣсто подъ селенія и какъ дѣлить угодья“, ст. 1—4). Еще въ 1743 г. издано королевское постановленіе, направленное противъ неудобства ежегодныхъ передѣловъ общинныхъ полей. Шведскіе и финскіе крестьяне въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такъ стойко держались общиннаго землевладѣнія, что, напр., на островѣ Руно въ Рижскомъ заливѣ, который былъ заселенъ шведами, еще въ 1847 г. существовало об-

щинное землевладѣніе съ періодическимъ передѣломъ полей. Замѣна чрезполоснаго владѣнія участками въ различныхъ полосахъ и клиньяхъ (въ свою очередь замѣнившаго систему общиннаго землевладѣнія съ періодическими передѣлами) системой сплоченнаго округленнаго землевладѣнія имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ королевское постановленіе 1749 г., регулировавшее сплоченіе участковъ и уничтоженіе чрезполосицы. Система постояннаго пользованія однимъ и тѣмъ же участкомъ въ различныхъ полосахъ и клиньяхъ общиннаго поля называлась „Solskifte", а система пользованія общинной землей съ періодическими передѣлами называлась „by i forne skift och hambre" Разверстка земель общимъ межеваніемъ (storskifte), начавшаяся въ XVIII столѣтіи и регулированная въ Финляндіи въ эпоху русскаго владычества, преимущественно межевымъ уставомъ 1848 г., привела къ господствующему нынѣ въ Финляндіи строю индивидуальнаго землевладѣнія, благодѣтельныя послѣдствія котораго въ экономическомъ отношеніи выразились и проявились въ сравнительно быстромъ возрастаніи благосостоянія земледѣльческаго класса. Но я забѣжалъ впередъ. Вернусь къ вопросу о развитіи соціальнаго строя Финляндіи.

Въ разрѣзъ началу соціальнаго равенства шло другое начало, развившееся въ эпоху паденія родового быта и ослабленія семейныхъ узъ, когда семья переставала зорко слѣдить за неприкосновенностью семейныхъ участковъ (идеальныхъ, при общинномъ землевладѣніи). Этимъ началомъ было право общинника уступать свой участокъ другому лицу возмездно или безвозмездно, съ отказомъ семьи отъ права возвращенія его при передѣлѣ или отъ правъ выкупа. Этимъ правомъ объясняется возникновеніе, еще до выдѣленія сплоченныхъ привилегированныхъ сословій,—крупныхъ землевладѣльцевъ въ средѣ общинниковъ, настоящихъ міроѣдовъ, соединявшихъ въ своихъ рукахъ подчасъ всю деревню съ деревенской маркой. (Такъ напр., на одномъ изъ рунныхъ камней, т. е. памятниковъ съ врѣзанными самовосхваленіями или восхваленіями родственниковъ, могущественный землевладѣлецъ высокаго рожденія, Ярлъ Банке, гордится тѣмъ, что владѣетъ цѣлой деревней (Täby). Конечно, эта разъѣдавшая соціальный строй Скандинавіи неравномѣрность землевладѣнія не обусловливалась исключительно такими добровольными уступками, продажей, дареніемъ и т. д. земли. Кулачное право въ эпоху частыхъ междоусобій съ одной стороны, указанная выше свобода колонизаціи съ другой, открывала возможность появленія класса крупныхъ землевла-

дѣльцевъ, которымъ побѣдоносные походы въ чужія страны доставляли важнѣйшій оборотный земледѣльческій капиталъ того времени—рабовъ. Однако рабство по настоянію церкви было уничтожено уже въ XIV столѣтіи. Оно не было замѣнено формальнымъ крѣпостнымъ правомъ, которое не привилось въ Швеціи и Финляндіи, несмотря на попытки ввести его въ XV столѣтіи. Эти два соціально-правовыхъ института (рабство и крѣпостное право) не играли первенствующей роли въ Швеціи и Финляндіи. Появленіе зависимаго безземельнаго класса въ средѣ земледѣльцевъ обусловлено другими юридическими и экономическими фактами. Первый изъ нихъ это обязательное поступленіе на частную службу т. н. беззащитныхъ „försvarslöse". Безземельные (напр., неудачники колонисты или потерявшіе свое недвижимое состояніе благодаря долгамъ, или стихійнымъ бѣдствіямъ, или военнымъ раззореніямъ), всѣ, кто имѣлъ имущество, оцѣненное ниже чѣмъ въ 3 марки (т. е. 36 туннъ хлѣба по областнымъ земскимъ законамъ, и 18 туннъ по общимъ земскимъ Уложеніямъ), что считалось достаточнымъ для пропитанія въ теченіе года, были обязаны поступать на цѣлый годъ на частную службу, разъ они не жили въ домѣ своихъ родителей или родственниковъ и подъ ихъ законной защитой и на ихъ отвѣтственности. Служилый контрактъ возобновлялся, если экономическое положеніе слуги не улучшалось, или если онъ не пріобрѣталъ земли. Насколько эта кабала содѣйствовала угнетенію безземельныхъ и неимущихъ, и въ какой степени это постановленіе должно было содѣйствовать упроченію такой кабальной зависимости ясно, и можно сказать, что положеніе этихъ обязательныхъ слугъ не далеко было отъ крѣпостного состоянія (о försvarslöse рѣчь будетъ еще ниже).

Эта обязательная служба, по моему мнѣнію, есть коренной источникъ того многочисленнаго класса безземельныхъ, который нынѣ озабочиваетъ правительство, поземельное устройство которыхъ является насущной потребностью.—Былъ исходъ и для безземельныхъ или малоземельныхъ избѣжать погруженія въ кабалу.

То была аренда земельныхъ участковъ, коронныхъ, королевскихъ, общинныхъ, частныхъ. Но эта аренда какъ цѣльныхъ гейматовъ (hemman), при которой арендный оброкъ отбывался натуральными поставками, а также аренда мелкихъ участковъ, называемыхъ впослѣдствіи торпами (torp), и за которую отбывалась барщина,—хотя и ставила арендаторовъ (landbonde и torpare) выше „беззащитныхъ" (батраковъ и бобылей), все-таки не обезпечивала ни ихъ экономическаго существованія, ни ихъ соціальнаго поло-

женія, благодаря тому, что въ смутное время XIV—XVI столѣтія надъ кореннымъ мелкимъ крестьянскимъ сословіемъ, изъ среды котораго выходили эти арендаторы, возвысились крупные могущественные землевладѣльцы родовой и чиновной аристократіи и успѣли лишить ихъ какъ охраны мѣстнаго родного вѣча, такъ и всякой силы при защитѣ договорныхъ, на обычно-правовыхъ нормахъ основанныхъ правъ. Къ XIV столѣтію, къ моменту упроченія шведскаго владычества въ Финляндіи,—древній, на демократическомъ равенствѣ основанный строй скандинавскаго землевладѣнія былъ поколебленъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ пошатнулось и соціальное единство, знавшее классы лучшихъ, зажиточныхъ и младшихъ, худшихъ людей, но не знавшее юридически обособленныхъ сословій

Появляются обширныя помѣстья, въ которыхъ земли обработываются уже не руками хозяина-землевладѣльца и его семьи, а полурабами или лицами полусвободными, отдавшимися подъ защиту могущественнаго „ярла", или уплачивающими ему за оказанную поддержку обязательнымъ по договору личнымъ трудомъ. Зачатки для образованія класса сельскихъ полусвободныхъ батраковъ—рабочихъ и арендаторовъ были даны. Но и кромѣ того, были налицо условія, которыя содѣйствовали образованію бокъ о бокъ съ свободными независимыми, самостоятельными землевладѣльцами, класса лицъ, сидѣвшихъ и работавшихъ на чужой землѣ. Не всѣмъ уходившимъ въ лѣсъ для колонизаціи пустошей удавалось трудное дѣло побѣды надъ скудной почвой; многіе возвращались на родину разочарованными, усталыми, готовыми пріютиться подъ кровлей родственника или односельчанина, нуждающагося въ помощи для обработки обширной пашни. Искреннее спасибо сказывали они достаточному odalbonde, разрѣшавшему имъ селиться на окраинѣ его земли, срубить хижину и обработывать часть его поля съ уловіемъ дѣлежа урожая въ пользу собственника. Наконецъ въ Швеціи замѣчается уже очень рано, въ нѣкоторыхъ областяхъ, процессъ ослабленія экономической силы крестьянскихъ семействъ и сельскихъ общинъ, благодаря раздробленію семейной собственности, и появленіе зависимыхъ, т. ск. второстепенныхъ поселковъ или деревень на общинной маркѣ. По мѣрѣ возрастанія народонаселенія, участки, состоявшіе въ частной собственности (выдѣленные въ пользу членовъ общины) и переходившіе по наслѣдству отъ родителей къ дѣтямъ, должны были все болѣе и болѣе дробиться. Пока деревни не были еще очень велики, можно было избѣгнуть излишняго дробленія посредствомъ занятія для

новыхъ членовъ семействъ пустопорожнихъ земель. Но когда деревни очень увеличились и обложились большимъ пространствомъ распаханныхъ полей, новыя занятія земли не представляли тѣхъ же выгодъ въ хозяйственномъ отношеніи, потому что лежали очень далеко отъ дворовъ.

Тогда оставалось одно только средство—совершенное выселеніе новыхъ членовъ на новыя мѣста. Такимъ образомъ, въ каждой маркѣ подлѣ первоначальной деревни мало по малу возникали новыя, которыя, въ свою очередь, часть земли, сколько было нужно, обращали въ частную собственность, а остальною маркою пользовались безъ раздѣла на ряду съ главной деревней.

Въ Швеціи имѣются доказательства, что уже рано эти т. ск. филіальныя деревни пользовались меньшими правами, сравнительно съ старыми, стояли въ подчиненіи у нихъ, были какъ бы пригородами, населенными младшими, худшими людьми.

Разъ первоначальное равенство въ соціально-экономической жизни членовъ народа нарушено, никакая сила не въ состояніи препятствовать дальнѣйшему развитію экономическихъ и соціальныхъ различій въ народной средѣ. Члены часто смѣнявшихся королевскихъ династій, герои викингскихъ походовъ, поселяне, разбогатѣвшіе благодаря своему счастію, своей энергіи, образовали выдающійся по богатству, могуществу и властолюбію классъ, стремившійся расширить свое землевладѣніе захватомъ ли громадныхъ незанятыхъ пространствъ, или же покупкою у общины и отдѣльныхъ землевладѣльцевъ части или всей ихъ земли.

Это осложненіе нѣкогда простого, на равенствѣ землевладѣльцевъ основаннаго, поземельнаго строя Швеціи относится къ началу христіанскаго періода ея исторіи, когда послѣ нѣсколькихъ неудавшихся попытокъ уничтожить вольность отдѣльныхъ областей и округовъ и окончательно слить федераціи гэтовъ и свеевъ въ одно единое государство, еще разъ съ старой силой вспыхнула борьба между гэтами и свеями, и, при безсиліи власти упсальскаго короля, во всѣхъ областяхъ появились мелкіе властители, потомки ли древнихъ племенныхъ старшинъ или отказавшіе въ повиновеніи королю члены его семейства и рода, или, наконецъ, могущественные его намѣстники. Результатъ борьбы былъ не въ пользу центробѣжныхъ стихій, но эта кровавая эпоха господства кулачнаго права и междоусобій въ значительной степени содѣйствовала паденію значенія стараго независимаго, гордаго крестьянства. Odalbonde, огнищанинъ, пересталъ быть представителемъ

высшаго класса въ государствѣ. Выше его встали вышедшіе изъ его рядовъ господа „jarl'ы", герзы и королевскіе дружинники, thignare, hirdesmän (гридни). Короли, побѣдивъ племенныхъ старшинъ и ихъ сподручниковъ, захватили ихъ родовыя земли и превратили эти земли въ королевскія земли, и для обезпеченія своего верховнаго господства въ отдѣльныхъ областяхъ выдѣлили себѣ королевскія усадьбы, на которыхъ построили крѣпкіе замки. Сторонники враждебныхъ династіи—побѣдительницѣ королевичей и „господъ" потеряли свою независимость и спустились на ступень королевскихъ арендаторовъ. Они перестали владѣть своей землей на правахъ „odalmän" (огнищанъ) и пользовались теперь ею въ качествѣ вѣчно-наслѣдственныхъ или срочныхъ арендаторовъ (landboar), уплачивающихъ въ королевскій дворъ (Kungsgård, Frohnhof) опредѣленную ренту и отбывающихъ опредѣленныя повинности въ пользу короля и поставленныхъ имъ волостелей и намѣстниковъ (кормъ, подводы, постой, доставку строительныхъ матеріаловъ, повинность очистки лѣса, осушки болотъ и т. д.)— Итакъ, древняя Скандинавія знала 1) odaljord, семейную, родовую землю, 2) allmänning, общественную, какъ нераздѣленную, такъ и раздѣленную между общинниками землю, и наконецъ 3) еще одну категорію земель, про которую намъ не пришлось еще говорить,— земли, стоявшія вполнѣ extra commercium, „Upsala öde", совокупность земель, нѣкогда, въ языческое время, отведенныхъ въ пользу храмовъ и жрецовъ, а затѣмъ, послѣ введенія христіанства, отведенныхъ въ пользу короля, на содержаніе его дворца и его служилыхъ людей.

А если вы въ настоящее время возьмете въ руки любой компендіумъ финляндскаго финансоваго, или экономическаго, или административнаго права, то вы увидите предъ собой совершенно другія юридическія категоріи земель. Вы видите, что всѣ земельныя владѣнія по своему юридическому свойству (jordnatur, какъ говорятъ въ Финляндіи) распадаются на 3 категоріи: 1) казенныя или коронныя земли (Kronojord); 2) фрельзовыя, обѣленныя, бѣлопомѣстныя земли (frälsejord); 3) шкатовыя или податныя земли (skattejord).

Эти три категоріи въ свою очередь распадаются на подраздѣленія, какъ то, напримѣръ: коронныя земли—на коронныя гейматы, королевскія мызы и усадьбы, бостели и т. д., а фрельзовыя земли на высоко-бѣлопомѣстныя земли (yppenligt frälse) и обыкновенныя обѣленныя земли (almän frälse jord) и т. д. О всѣхъ этихъ ка-

тегоріяхъ намъ придется говорить подробно при изложеніи финляндскаго финансоваго права. Нынѣ эти подраздѣленія имѣютъ только фискальное значеніе, но эта фискальная сторона выступила на первый планъ только послѣ распаденія сословнаго строя.

Въ эпоху же сословнаго строя именно эта сложная система землевладѣнія имѣла громадное значеніе. А посему я долженъ коснуться ея, хотя бы въ общихъ только чертахъ, и въ настоящую минуту. Остановимся сперва на происхожденіи такъ наз. фрельзовыхъ или обѣленныхъ земель и на развитіи связаннаго съ ихъ исторіею дворянскаго или фрельзоваго сословія.

Въ Скандинавіи, какъ и среди другихъ, какъ германскихъ такъ и славянскихъ народовъ, уже рано образовалась родовая аристократія изъ потомковъ лицъ, выдѣлившихся изъ рядовъ народа своимъ мужествомъ, подвигами, умомъ и т. д. Въ составъ этой родовой аристократіи входили также и потомки нѣкогда самостоятельныхъ мелкихъ королей (fylkiskonungar), носившіе обыкновенно почетный титулъ jarl'a.

Въ теченіе времени бокъ о бокъ съ этой родовой аристократіей образовалась и развилась аристократія, такъ сказать, придворная, служебная, сложившаяся изъ слугъ короля, бывшихъ, какъ и повсюду, вмѣстѣ съ тѣмъ и слугами государственными. Какъ первая, такъ и вторая группа, присвоили себѣ право наслѣдственной передачи своего почетнаго сана, не дававшаго первоначально никакихъ политическихъ привилегій. Экономическое существованіе перваго класса было обезпечено ихъ родовыми землями, а служилые получали отъ короля въ ленъ части Upsala öde, т. е. коронныхъ доменъ. Пожалованія эти первоначально были или временныя, или пожизненныя. Окончательное отчужденіе коронныхъ доменъ было запрещено королевской присягой.

Третья категорія привилегированныхъ (сперва только въ финансовомъ, а затѣмъ и въ политическомъ отношеніи) образовалась слѣдующимъ путемъ. Въ XIII столѣтіи король Магнусъ Ладулосъ, стараясь обезпечить себѣ достаточное количество вооруженной конницы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, дарованіемъ фискальныхъ привилегій, привлечь къ себѣ массу зажиточныхъ одальмановъ, крестьянъ собственниковъ, издалъ постановленіе объ освобожденіи отъ платежа постояннаго поземельнаго налога тѣхъ одальныхъ крестьянъ, которые согласятся отбывать военную службу въ качествѣ вооруженныхъ всадниковъ по призыву короля. Согласно постановленію въ Алснэ, вошедшему впослѣдствіи въ общее земское

Уложеніе Магнуса Эриксона, каждый, кто желалъ освобожденія отъ постояннаго налога, долженъ былъ въ опредѣленный день (Св. Петра и Павла), въ опредѣленныхъ указанныхъ мѣстахъ явиться съ добрымъ конемъ и полнымъ вооруженіемъ. Кромѣ того, одальный крестьянинъ долженъ былъ привести доказательство, что его недвижимая собственность достаточна для подержанія и впредь конной дворянской службы, что называлось способностью поддержать фрельзовое состояніе (frälset upprätthålla). Смотръ этихъ всадниковъ, ихъ лошадей и вооруженія, совершался въ указанный день въ указанныхъ мѣстахъ, во время такъ наз. Vapen-syn (смотръ вооруженія). Доказавшій упомянутую выше военно-конскую служебную способность признавался обѣленнымъ землевладѣльцемъ (frälseman) и получалъ фрельзовую грамоту (frälsebref). Земля, принадлежавшая фрельземану, съ которой онъ отбывалъ службу, получила названіе фрельзовой земли (frälsejord). До XVI столѣтія размѣръ и качество земли не вліяли на размѣры службы; эта раскладка службы по качеству и количеству земли установлена лишь въ царствованіе короля Густава Вазы. Однако уже скоро послѣ установленія фрельзоваго класса дворянъ явилась необходимость принять мѣры къ тому, чтобы фрельземаны не сосредоточивали въ своихъ рукахъ слишкомъ большихъ пространствъ земли, лишая казну одного изъ главныхъ источниковъ податей. Если фрельземанъ становился старымъ, дряхлымъ, негоднымъ къ службѣ, то онъ объявлялъ о томъ на смотру вооруженія (vapen syn) и могъ представить замѣстителя, не теряя привилегій. Дѣти пользовались фрельзовыми привилегіями отца, сынъ до 15 лѣтняго возраста (послѣ чего онъ самъ долженъ былъ отбывать службу съ своего имущества, разъ онъ желалъ пользоваться фрельзовой привилегіей), дочь же пользовалась привилегіями до замужества, а вдова, доколѣ она оставалась вдовой. Фрельземанъ могъ добровольно выйти изъ фрельзоваго состоянія и нести подать и повинность какъ крестьянинъ (göra skatt och skuld som bonde), но онъ былъ обязанъ о томъ заявить во время смотра вооруженія, и когда назначенный королемъ осмотрщикъ признавалъ его доводы убѣдительными,—онъ исключался изъ списковъ фрельземановъ.

Слѣдовательно, фрельзовое право (или какъ оно называлось иногда впослѣдствіи: „adeliga frihet") было не зависимо отъ рожденія, но за то зависимо отъ службы. Благодаря этому новому служебному порядку,—дворянство стало привилегированнымъ воен-

нымъ сословіемъ. Постепенно съ этимъ разрядомъ фрельземановъ сливался классъ королевскихъ (коронныхъ) чиновниковъ и ленниковъ, ибо и для нихъ отбываніе службы было кореннымъ условіемъ пользованія присвоенными имъ правами и привилегіями. Политически неравноправное положеніе, которое въ древнее время занимали королевскіе слуги, какъ лица зависимыя и поэтому противополагаемыя свободнымъ, независимымъ одальнымъ крестьянамъ, постепенно исчезаетъ и фактически всѣ разряды привилегированныхъ, сплотясь въ одно фрельзовое состояніе, превратились въ одно могущественное сословіе, въ которое вошли всѣ состоятельные одальные собственники. Первоначально законъ признавалъ публично-правовую равноправность (за исключеніемъ, конечно, обложенія налогомъ), какъ фрельзовыхъ владѣльцевъ, такъ и тѣхъ землевладѣльцевъ, которые не приняли на себя службы въ качествѣ вооруженныхъ всадниковъ и которые съ этого времени начали называться податными крестьянами (skattebonde), а земля ихъ податною или шкатовой землей (skattejord). Но благодаря политическимъ обстоятельствамъ XIII — XVII стлѣтій, полныхъ кровопролитнѣйшихъ междоусобныхъ войнъ, государственныхъ переворотовъ и разоренія цѣлыхъ областей,—верхніе слои, пользуясь безсиліемъ выборной королевской власти, расширяли свои привилегіи въ ущербъ правамъ массы крестьянскаго сословія. И въ самомъ составѣ фрельзоваго состоянія этой эпохи безправія, безначалія и попытокъ привить на сѣверѣ чуждыя ему начала феодальнаго рыцарскаго права началось расчлененіе, его раздробившее, и впослѣдствіи, въ эпоху борьбы королевской власти съ олигархіей, приведшее къ упадку и политической и экономической силы дворянства.

По примѣру континентальной Chevalerie, всѣ члены фрельзоваго сословія были раздѣлены на 3 класса: рыцарей (Riddare), коимъ исключительно присвоено было званіе господъ (Herre). Затѣмъ слѣдовали „svenare af vapen (нѣмецкое Knappen), отъ слова „sven“, служащій, т. е. фрельземаны, которые еще не получили рыцарскаго званія, но которые часто принадлежали къ числу лучшихъ родовыхъ дворянскихъ семействъ; и наконецъ, общіе или простые фрельземаны (allmännelige frälsemän). — Фрельземаны назывались также и Hofmän, Våre man, riksens män.

И такъ, какъ вы видите, фрельзовое состояніе было основано на началѣ королевской службы, но вліяніе иностранныхъ аристократическихъ понятій дало себя чувствовать и, наконецъ, проявилось въ

томъ, что наиболѣе выдающіеся члены сословія стремились стать не подъ королевской властью, а въ одинъ уровень съ ней, въ качествѣ господской власти, ведущей съ ней борьбу изъ за преобладанія. Рыцарство, въ связи съ церковью, облачилось какъ бы въ одѣяніе религіознаго института, общаго всей средневѣковой Европѣ, считающаго назначеніемъ своимъ борьбу за извѣстныя общія идеи и принципы. Его члены придавали большое значеніе рыцарскому происхожденію, своимъ корпоративнымъ выгодамъ и интересамъ, ставя монарха и родину на задній планъ.

Пріобрѣтенныя вышеуказаннымъ порядкомъ фрельзовыя привилегіи дали поводъ къ весьма значительнымъ и вреднымъ для всего общественнаго строя злоупотребленіямъ, такъ какъ фрельземаны путемъ дѣйствительной, а иногда и призрачной покупки, включали въ составъ своихъ фрельзовыхъ имуществъ—гейматы и участки, не изъятые отъ обложенія. Благодаря этому сокращались доходы казны и, съ другой стороны, въ виду того, что большинство налоговъ того времени взималось съ коллективныхъ единицъ (härad, skeppslag и др.), въ коихъ были сгруппированы податные крестьяне, податная тяжесть, лежавшая на шкатовыхъ податныхъ крестьянахъ, росла все быстрѣе. Угнетенные крестьяне или бросали свои гейматы, или добровольно переходили въ разрядъ арендаторовъ, увеличивая число необезпеченныхъ землевладѣльцевъ. Королевская власть всячески старалась противодѣйствовать этому злу: неоднократно издавались приказанія, въ силу коихъ налагался секвестръ на урожай съ купленныхъ такимъ образомъ шкатовыхъ земель. Исключеніе было допущено только въ пользу лицъ, коимъ фрельзовое состояніе было пожаловано по особой королевской милости. Уже къ концу XIV столѣтія появляется это новое пожалованное, и при томъ наслѣдственно-пожалованное, дворянство, причемъ и связь съ обязательной службой постепенно теряется. Фрельзовое право, ранѣе доступное каждому, превращается такимъ путемъ въ наслѣдственное дворянство, королемъ жалуемое сперва на условіяхъ службы, а затѣмъ и безъ этого условія.

Я уже раньше замѣтилъ, что по мѣрѣ роста значенія и вліянія сплоченнаго дворянскаго землевладѣнія увеличились и его привилегіи. Къ первоначальной привилегіи освобожденія отъ постояннаго налога присоединены привилегіи освобожденія отъ повинности ямской гоньбы, право взимать съ живущихъ на фрельзовыхъ земляхъ часть штрафовъ, поступающихъ въ королевскую казну, право суда надъ чиновниками и слугами въ замкахъ и на дворахъ фрель-

земановъ (согласно такъ наз. Дворцовому праву, gårdsrätt, короля Магнуса Эриксона). Эта дворянская юрисдикція была фактически уже довольно рано (къ концу XIV ст.) распространена на арендаторовъ неказенныхъ земель. Дворяне выговорили себѣ, наконецъ, forum privilegiatum (передъ королемъ и совѣтомъ; впослѣдствіи forum privilegiatum передъ королемъ и совѣтомъ замѣнено привиллегированнымъ forum'омъ передъ Гофгерихтомъ. Въ Финляндіи это forum privilegiatum дворянъ упразднено лишь въ XIX столѣтіи (Выс. Пост. 8 ноября 1864 г.).

Какъ легко усмотрѣть изъ сказаннаго, дворянскія привилегіи быстро разрослись и отъ прежняго демократическаго равенства осталось немного. Естественны враждебныя отношенія къ этимъ привилегіямъ, какъ со стороны королевской власти, такъ и со стороны крестьянскаго населенія. И столь же понятна ревнивая охрана ихъ со стороны дворянъ, которые не стѣснялись въ средствахъ и заключали особыя конфедераціи для охраны привилегій.

Я уже указалъ на то, что монархъ имѣлъ право давать земли въ ленъ, т. е. жаловать казенныя земли служилымъ людямъ въ качествѣ вознагражденія за службу. Но пользованіе этимъ правомъ вышло далеко за предѣлы разумности и того, что допускалось точнымъ смысломъ законовъ (королевскаго отдѣла земскаго Уложенія 1442 г.). Подъ давленіемъ различныхъ политическихъ обстоятельствъ монархи жаловали въ ленъ не только отдѣльныя казенныя имѣнія, но и цѣлые округа, области. И въ особенности Финляндія была жертвой этихъ расточительныхъ милостей. Такіе сильные своимъ вліяніемъ вельможи, какъ Тюргиль Кнутсонъ, Бо Іонсонъ Грипъ, Эрикъ Аксельсонъ Тотъ, и др., состоя комендантами замковъ и начальниками областей, получали въ ленъ по трети, по четверти Финляндіи (лены: Кастельгольмъ, Корсгольмъ, Тавастгусъ, Разеборгъ, Борго, Нишлотъ, Выборгъ, Або), и эти громадныя пожалованія не только жаловались пожизненно, но и наслѣдственно. Съ горечью и грустью финскій историкъ Ирье-Коскиненъ говоритъ: „Финляндію превратили въ арендный участокъ и оброчную статью шведской аристократіи“.

XVI столѣтіе принесло Швеціи ростъ олигархическихъ началъ, не смотря на то, что королевская власть поднялась изъ той бездны униженія, въ которую она была ввергнута въ эпоху Уніи. Возстановитель ея, король Густавъ Ваза, назначивъ старшаго сына Эрика XIV наслѣдникомъ престола королевскаго, за нѣсколько лѣтъ до смерти пожаловалъ своимъ младшимъ сыновьямъ: Маг-

нусу, Іоганну и Карлу, цѣлыя области въ качествѣ герцогствъ, подъ верховенствомъ старшаго брата. Магнусъ и Карлъ получили свои герцогства въ Швеціи, а удѣломъ Іоганна была Финляндія[1]). (Уже въ XIII и XIV ст. совершилось на короткій срокъ такое дѣленіе всего государства, въ эпоху династіи Фолькунгеровъ, причемъ впервые младшій сынъ Ярла Биргера, Бендтъ, былъ назначенъ герцогомъ Финляндскимъ).

Согласно завѣщанію короля Густава, утвержденному сеймомъ 1560 года, публично-правовое положеніе герцогства было опредѣлено слѣдующимъ образомъ.

Герцогство поступаетъ въ наслѣдственное владѣніе въ прямой мужской линіи упомянутыхъ сыновей короля и возвращается въ непосредственное владѣніе короля только въ случаѣ прекращенія мужской линіи. Всѣ регаліи короля, право собирать въ свою пользу подати, пени и всѣ другіе коронные доходы переходятъ вь пользованіе герцоговъ. Затѣмъ въ актѣ слѣдуетъ указазаніе относительно условій инвеституры при переходѣ королевскаго престола въ руки наслѣдниковъ короля, относительно клятвы вѣрности, обязанности военной помощи, правъ войны и мира, заключенія союзовъ, трактатовъ съ иноземными монархами, примиренія могущихъ возникнуть споровъ и т. д. Вслѣдствіе этого страннаго акта короля, весь общественный строй Швеціи и Финляндіи грозилъ превратиться въ порядокъ феодальный. Крупная часть государственныхъ земель сдѣлалась герцогскими доменами; крестьяне, на нихъ жившіе, превратились изъ непосредственныхъ подданныхъ короля въ подданныхъ герцоговъ, мелкіе дворяне сдѣлались ленниками герцоговъ, а король превратился изъ главы государства въ primus inter pares среди крупныхъ магнатовъ.

Преемникъ Густава Вазы, его сынъ Эрикъ XIV (1560—1569), старался ослабить опасную для цѣлости государства власть герцоговъ и создать контрбалансъ этимъ опаснымъ соперникамъ. Въ особенности опаснымъ казалось королю Финляндское герцогство Іоганна. Часть его герцогской территоріи была у него отнята; онъ остался герцогомъ только въ предѣлахъ юго-западной Финляндіи, и, кромѣ того, Эрикъ назначилъ въ Финляндію для надзора за братомъ особаго губернатора. Ограниченія власти герцоговъ касались ихъ права назначать высшее духовенство и лагмановъ; ихъ

---

[1]) Первоначально, въ 1558 г., Іоганнъ получилъ въ ленъ только западную часть Финляндіи.

судебной власти, права пожалованія дворянскаго званія, призыва дворянъ къ исполненію конной службы, охраненія правъ дворянъ, жительствующихъ въ предѣлахъ герцогскихъ владѣній, порядка рѣшенія споровъ, могущихъ возникнуть между королемъ и герцогами и т. п.

Но Эрикъ создалъ и новую категорію полунезависимыхъ владѣній. Въ качествѣ противовѣса герцогамъ, Эрикъ въ день своей коронаціи учредилъ наслѣдственный санъ графовъ и фрейгеровъ, пожаловавъ имъ въ ленъ болѣе или менѣе крупныя владѣнія на слѣдующихъ условіяхъ. Владѣніе леномъ передается по наслѣдству исключительно въ прямой мужской линіи. Младшіе сыновья получали должное вознагражденіе. Ленникъ пользовался правомъ назначенія окружныхъ судей (häradshöfding) въ предѣлахъ своего леннаго владѣнія подобно герцогамъ въ герцогствахъ; онъ же назначалъ лагмановъ (вторую инстанцію), причемъ высшей судебной инстанціей оставался король и его совѣтъ.

Король имѣлъ право помилованія (въ дѣлахъ уголовныхъ), но штрафныя деньги поступали въ казну ленныхъ владѣльцевъ. Ленный владѣлецъ получилъ право взиманія всѣхъ казенныхъ доходовъ въ свою пользу, т. е. постоянныхъ налоговъ, оброковъ, десятинъ, право требовать исполненія различныхъ реальныхъ повинностей. Благодаря этому совершилось смѣшеніе двухъ до того строго различаемыхъ понятій: skatt и afrad (налогъ и оброкъ), imperium'а и dominium'а. При назначеніи чрезвычайныхъ сборовъ въ королевствѣ,—податные крестьяне, жившіе въ предѣлахъ лена, уплачивали половину общаго оклада. Другая половина поступала въ пользу леннаго владѣльца. Взамѣнъ этихъ привилегій ленникъ-вассалъ отбывалъ конную службу королю въ болѣе широкихъ размѣрахъ.— Ленъ жаловался на вѣчныя времена, возобновлялся каждымъ вновь на престолъ вступавшимъ королемъ и отнимался только въ случаѣ государственной измѣны. Эта политическая мѣра короля Эрика XIV имѣла самыя пагубныя послѣдствія для всего общественнаго строя какъ всей Швеціи, такъ и въ особенности Финляндіи, въ который было изпомѣщено большое количество этихъ новыхъ ленниковъ. Введеніе въ служилое дворянство этого новаго, чуждаго историческому соціальному развитію Скандинавскаго сѣвера, слоя,—оскорбило мелкопомѣстныхъ служилыхъ дворянъ и встревожило крестьянъ, видѣвшихъ себя отдѣленными отъ стараго союзника ихъ сословія, короля. Нужно было успокоить тѣхъ и другихъ. Въ 1562 г. (на сеймѣ въ Арбога) при ревизіи общихъ сословныхъ правъ и привилегій, при опредѣленіи размѣровъ конной службы фрельзовыхъ

владѣльцевъ, Эрикъ далъ свое согласіе на то, чтобы каждый простой фрельзе и sven, живущій въ собственной дворянской усадьбѣ (Herregård, Sätesgård), былъ освобожденъ въ отношеніи таковой усадьбы отъ повинности конной службы и уплаты казеннаго оброка. Такимъ образомъ появилась новая категорія привилегированныхъ земель „сетереи" (säterie) и привилегированныхъ землевладѣльцевъ. Баронъ (фрейгеръ) получалъ свободу отъ конной службы для двухъ изъ числа своихъ имѣній, графъ для трехъ. Въ то же время было постановлено, что одинъ конный всадникъ въ латахъ долженъ быть поставленъ съ каждыхъ 300 марокъ оброка, получаемаго съ аллодіальныхъ имѣніи, и съ каждыхъ 200 марокъ оброка съ ленныхъ имѣній. Въ царствованіе Эрика, отчасти какъ послѣдствіе этого расширенія дворянскихъ привилегій, установился обычай, что каждое имѣніе какого бы то ни было земельнаго свойства (frälse jord, Kronojord, skattejord), пріобрѣтенное дворяниномъ, освобождалось отъ уплаты постоянныхъ податей. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ сократнлось число frälsemän въ узкомъ смыслѣ, т. е. мелкопомѣстныхъ дворянъ землевладѣльцевъ, не принадлежавшихъ къ родовой аристократіи, и вмѣсто большого количества среднихъ и мелкихъ владѣній появились латифундіи и крупныя хозяйства. Выше было сказано, что въ особенности Финляндію постигла участь быть почвою для изпомѣщенія дворянъ и для пожалованія крупныхъ леновъ. Іоганнъ (герцогъ, великій князь Финляндскій [1]), впослѣдствіи король, въ особенности раздавалъ свои милости весьма щедро. Въ его царствованіе (1569—1592 г.) и въ царствованіе его преемника и сына Сигизмунда (1592 — 1598 г.) сила и могущество аристократіи быстро возрастали и одновременно падало и значеніе, и благосостояніе вольнаго крестьянства. Іоганну пришлось ласкать дворянъ для того, чтобы получить свободу ограничить вольности другихъ сословій. По его настоянію сеймы 1569 и 1571 г. постановили освободить арендаторовъ дворянскихъ земель (landbonde), живущихъ не далѣе, чѣмъ на одну милю отъ центральной коренной дворянской усадьбы (säterie), отъ всѣхъ обыкновенныхъ коронныхъ оброковъ и повинностей, и уменьшить окладъ поземельнаго оброка

---

[1]) Финляндіи былъ присвоенъ титулъ Великаго княжества въ 1581 г. Король Іоганнъ послѣ 1581 г. употреблялъ слѣдующій титулъ: «Мы, Б. М. король Швеціи, Готовъ и Вендовъ, Великій Князь Финляндскій, Корельскій, Ингерманландскій, владѣтель Шелонской Пятины въ Руссіи, а также Герцогъ Эстонцевъ въ Лифляндіи».

(skatt), платимаго ими, до половиннаго размѣра. Конечно, это облегченіе принесло пользу не столько арендаторамъ крестьянамъ, сколько дворянамъ землевладѣльцамъ, не преминувшимъ возвысить арендную плату. Была понижена и основная норма для отбыванія конной службы. А затѣмъ послѣдовало еще слѣдующее важное постановленіе:

Въ случаѣ, если бы экономическое положеніе поставлявшаго всадника настолько ухудшилось, что онъ не былъ въ состояніи вооружить и содержать въ теченіе закономъ установленнаго времени всадника, то ему предоставлено право уступить свое владѣніе кому либо изъ своихъ состоятельныхъ родственниковъ, сохраняя лично всѣ привилегіи дворянскаго сословія. (До этого постановленія обѣднѣвшій frälseman просто возвращался въ категорію skattbonde, податныхъ крестьянъ). Дарованіе этой привилегіи имѣло немалое значеніе для развитія соціальнаго строя Швеціи и Финляндіи. Безземельные дворяне образовали новый классъ общества, не связанный единствомъ матеріальныхъ интересовъ съ земельной аристократіей и стремившійся ко двору королевскому, въ военную и гражданскую службу, которыя имъ обѣщали и удостовѣреніе честолюбія, и хорошій доходъ. Изъ нихъ главнымъ образомъ образовалась та королевская партія на сеймахъ, которой было суждено столѣтіемъ позже, въ союзѣ съ недворянскими сословіями, разрушить политическое и матеріальное могущество столбового дворянства и затѣмъ, въ XVIII столѣтіи, ограничить власть короля.

Безпрерывныя войны дали дворянамъ возможность обогащенія; они ссужали казну деньгами, и въ вознагражденіе за эти услуги, и въ обезпеченіе ссуды, получали казенныя имѣнія (заселенныя) съ правомъ взиманія казеннаго оброка. На территоріи всей Финляндіи были разсѣяны эти заложенныя казенныя имѣнія. Дворянство всѣхъ классовъ требовало все большихъ привилегій; такъ напр., оно требовало отбыванія крестьянами ямской гоньбы въ пользу землевладѣльцевъ и ихъ арендаторовъ. Помѣщики запрещали своимъ арендаторамъ уплачивать налоги въ казну, уплачивать сборы, установленные въ пользу содержанія судейскаго персонала. Всѣ эти налоги и сборы взыскивались въ пользу помѣщиковъ. Даже десятина въ пользу церкви удерживалась помѣщиками. Жалобамъ не было конца. Крестьянамъ угрожало крѣпостное право въ худшемъ, грубѣйшемъ видѣ. Тщетно король грозилъ, умолялъ, наказывалъ; его воля была безсильна въ полудикой

окраинѣ. Даже свекоманскій историкъ Шюбергсонъ долженъ признать, что „Финляндія была и оставалась обѣтованной страной мучителей крестьянскаго сословія". Начавшіяся послѣ смерти Іоганна III смуты, сопровождавшія борьбу изъ за престола между сыномъ покойнаго, Сигизмундомъ, и братомъ его, Карломъ, были для Финляндіи періодомъ страшныхъ испытаній. Намѣстникъ Финляндіи, маршалъ Класъ Флеммингъ, былъ близокъ къ полной независимости. Его произвольное управленіе страной довело крестьянъ до отчаянія. Въ первый разъ въ Финляндіи выступаетъ партія, думавшая о присоединеніи Финляндіи къ Россіи.

Въ 1596 г. народъ возстаетъ; разгорается ужасная, такъ наз. дубинная война крестьянъ противъ шведскихъ вельможъ и ихъ слугъ. Шведъ одержалъ побѣду цѣною опустошенія Финляндіи.

Донынѣ еще въ памяти финскаго народа живо воспоминаніе объ избіеніи крестьянъ при Hokiä въ страшную ночь на 31-е декабря 1596 г. Послѣдствія этого крестьянскаго возстанія для финляндскаго крестьянства были гибельны и ужасны. Дворяне-помѣщики въ Финляндіи, пользуясь отсутствіемъ всякой прочной и общепризнанной верховной власти, самовольно расширили свои привилегіи, далеко оставивъ за собою даже претензіи односословцевъ въ Швеціи. Уже и безъ того значительное количество пустыхъ дворовъ еще возросло до того, что трудъ столѣтій не могъ возстановить потеряннаго. Народъ, доведенный до отчаянія рядомъ неурожаевъ, моромъ, войною, злоупотребленіями должностыхъ лицъ и притѣсненіемъ помѣщиковъ, массами бѣжалъ въ Россію и Норвегію.

Побѣда Карла надъ Сигизмундомъ и смерть намѣстника Флемминга возвратили Финляндіи покой.

Объ административныхъ реформахъ Карла IX въ области мѣстнаго управленія намъ придется говорить ниже.—Здѣсь я коснусь исключительно тѣхъ событій, которыя имѣли непосредственное вліяніе на общественный строй Финляндіи, на развитіе ея сословій, преимущественно сословій крупныхъ землевладѣльцевъ, дворянъ, и мелкихъ землевладѣльцевъ, крестьянъ.

Пораженіе сторонниковъ католическаго короля Сигизмунда имѣло весьма благотворныя въ соціально-политическомъ отношеніи послѣдствія. Лены и наслѣдственныя имѣнія (вотчины) виновныхъ были конфискованы и присоединены къ землямъ казеннымъ. Особенно въ Финляндіи, гдѣ Сигизмундъ имѣлъ много приверженцевъ, крупное количество конфискованныхъ гейматовъ обогатило казну·

Въ Финляндіи была учреждена особая комиссія для изслѣдованія вопроса о степени виновности ленниковъ, но правительство Карла IX воспользовалось этимъ случаемъ для того, чтобы подвергнуть ревизіи всѣ титулы владѣнія дворянскими землями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, точнѣе опредѣлить повинности, лежащія на этихъ земляхъ. Взяты были въ казну также и имѣнія вдовъ и дочерей дворянъ, которыя осрамили честь дворянскую неблагородными браками или блудною жизнью. Дворянская ленная служба (конная рыцарская повинность), благодаря изгнанію и насильственной смерти многихъ дворянскихъ семействъ, потеряла свое значеніе. Фрельзовое сословіе и фрельзовое землевладѣніе становятся независимыми другъ отъ друга. На мѣсто гордыхъ самовольныхъ столбовыхъ дворянъ, смотрѣвшихъ на королевскій домъ Вазы, какъ на выскочку, возвысившагося надъ главами равныхъ по достоинству и историческому прошлому домовъ Бьельке, Брахе, Бунде, Тоттъ, Шпарре, Куркъ и др., только благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, — выступило теперь патентованное дворянство, состоявшее изъ демократическихъ элементовъ: коронныхъ фохтовъ, окружныхъ писарей, ленсмановъ, королевскихъ офицеровъ и т. д.

Эти „патентованные“ дворяне были связаны съ верховною властью единствомъ политическихъ интересовъ; ихъ политическая и экономическая будущность лежали въ рукахъ короля; они не были связаны мѣстностью, историческими узами и сословными преданіями съ крупными помѣщиками. Вотъ въ руки этихъ разночинцевъ верховная власть и передала конфискованныя имѣнія въ видѣ вознагражденія за службу, но уже на строго опредѣленныхъ условіяхъ, установленныхъ на сеймѣ въ Норчепингъ, въ 1604 г.— Эти вновь пожалованныя имѣнія передавались въ наслѣдственное въ прямой мужской линіи пользованіе съ тѣмъ, чтобы при вступленіи на престолъ новаго короля узуфруктуарій ходатайствовалъ объ утвержденіи своего права. Въ случаѣ прекращенія прямой мужской линіи, гейматы Норчепингскаго постановленія возвращались въ казну на правахъ выморочныхъ имѣній. Узуфруктуарій не имѣлъ права продавать или закладывать пожалованное имѣніе, не предложивъ его (имѣніе) предварительно казнѣ. Дочери послѣдняго узуфруктуарія, не оставившаго прямыхъ мужскихъ наслѣдниковъ, получали приданое отъ короля; ежели же онѣ вступали въ бракъ, пріятный королю, то ему предоставлялось право пожаловать имъ отцовское имѣніе въ наслѣдственное въ мужской

линіи пользованіе. Юрисдикція въ имѣніяхъ и право взимать казенныя судебныя пошлины и штрафы перестаютъ быть составной частью землевладѣльческаго права. Узуфруктуарій не освобождался отъ конной рыцарской службы (frälse rusttjenst), но эта служба теряла свое значеніе, благодаря новымъ условіямъ военнаго быта, который не могъ довольствоваться пестрой толпою дворянскихъ милиціонеровъ и ихъ крестьянъ, а затѣмъ, благодаря тому, что въ XVII ст. начинаетъ складываться система т. н. поселеннаго войска (indelnings system), о которой мы поговоримъ ниже. Такимъ образомъ въ системѣ поземельной собственности Швеціи (и Финляндіи) появились т. н. Norrköpingbeslutgods или bröstarfvingegods. Эти имѣнія являются какъ бы переходной, посредствующей ступенью между средневѣковыми ленными имѣніями, съ одной стороны, и аллодіальными дворянскими имѣніями и вѣчно наслѣдственной арендой казенныхъ земель, съ другой стороны.

Кромѣ того, правительство жаловало иногда не земли, а право взиманія оброка съ коронныхъ земель. И эти пожалованія привели къ удрученію крестьянскаго сословія. Не смотря на увѣреніе верховной власти въ томъ, что податные крестьяне пожалованныхъ имѣній останутся и впредь одальными владѣльцами своихъ участковъ, помѣщикамъ удавалось, благодаря различнымъ ухищреніямъ и притѣсненіямъ, принуждать крестьянъ къ отказу отъ права собственности.

XVII вѣкъ, какъ извѣстно, былъ для шведскаго государства эпохой политическаго могущества и величія. Бѣдная, безлюдная Швеція стала великой державой и близкимъ казалось осуществленіе мечты Густава Адольфа и Карла X о созданіи громаднаго балтійскаго государства. Но это величіе дорого стоило всему шведскому народу, а дороже всего Финляндіи и финнамъ.

Военныя потребности и роскошь двора королевы Христины поглощали громадныя суммы. Податная система была настолько неразвита, что налогами нельзя было удовлетворить финансовыхъ нуждъ. Осталось одно средство: продажа и залогъ казенныхъ имѣній или залогъ и пожалованіе казенныхъ оброковъ. Наконецъ, аристократія и дворянство, вновь въ эпоху малолѣтства Христины и Карла XI захватившія власть въ свои руки, выхлопотали себѣ громадныя пожалованія казенныхъ земель.

Въ 1654 г. $^3/_5$ всей территоріи Финляндіи (независимо отъ древнихъ аллодіальныхъ владѣній дворянства) были отчуждены казною. Въ тогдашней Кексгольмской области казна не имѣла и

кусочка земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ и $^{3}/_{5}$ всѣхъ крестьянъ превратились изъ крестьянъ собственниковъ и обезпеченныхъ наслѣдственныхъ арендаторовъ казны въ помѣщичьихъ мужиковъ. Истиной сдѣлались слова графа Перъ Брахе: „Мы всѣ subditi Regis, крестьяне mediate, а мы immediate". Печально было положеніе крестьянъ, поступившихъ въ категорію помѣщичьихъ: четыре пятыхъ всѣхъ налоговъ лежали на ихъ плечахъ, и землевладѣльцы, получившіе право взимать въ свою пользу постоянные и чрезвычайные оброки, не только не облегчали бремени, но напротивъ, всячески старались выжимать новые доходы съ истощенныхъ рядомъ сборовъ и повинностей крестьянъ.—Въ теченіе 18 лѣтняго участія Швеціи въ 30 лѣтней войнѣ ежегодно болѣе 4000 финскихъ крестьянъ забиралось въ рекруты; оставшіеся дома должны были уплачивать налоги, тяжесть которыхъ возрастала по мѣрѣ расширенія площади свободныхъ и уменьшенія числа податныхъ земель.—Въ среднемъ выводѣ, каждый житель Швеціи въ XVII ст. платилъ 14 кронъ (4.85 р. с. мет.) налоговъ, а въ Финляндіи нѣсколько болѣе; но если принять во вниманіе обширныя привилегіи, которыми пользовались всѣ сословія, кромѣ крестьянскаго, и высокую цѣнность денегъ, то окажется, что крестьянское населеніе уплачивало въ 3 раза больше налоговъ, нежели теперь. Что касается рекрутскаго контингента, который ставила Финляндія, то онъ былъ гораздо значительнѣе, чѣмъ тотъ, который ставила коренная Швеція. Финляндія поставляла въ шведскую армію $^{1}/_{3}$—$^{2}/_{5}$ всего числа рекрутъ, а населеніе Финляндіи равнялось $^{1}/_{5}$ населенія всей Швеціи. Въ эпоху 1631—1647 гг. вся пѣхота Швеціи состояла изъ 34000—37000 ч., въ томъчислѣ 12—13000 финляндцевъ. Въ 1648 г. Финляндія содержала войско въ 17800—18000 ч., при населеніи въ 300—400000 душъ. Эти финны сражались на поляхъ Даніи, Германіи, Польши или состояли въ гарнизонахъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Отъ этой рекрутчины финны бѣжали елико возможно; въ 1648 г. число финскихъ дезертировъ равнялось 1000!

Въ эпоху „величія" Швеціи опредѣлилась формальная организація ея высшаго сословія. Въ 1626 г. учрежденъ шведскій Рыцарскій домъ (Riddarhus). Согласно положенію Рыцарскаго дома (Riddarhusordning), сохранившему свою силу до 1869 г., всѣ дворянскія семьи были раздѣлены на 3 класса: первый или господскій классъ обнималъ всѣ графскія и баронскія фамиліи; во второй классъ входили тѣ рыцарскія семьи, кои въ числѣ своихъ предковъ имѣли одного члена Государственнаго Совѣта; въ тре-

тій классъ (юнкеровъ или svennare) входили всѣ остальныя фамиліи. Въ каждомъ классѣ каждая фамилія имѣла по одному голосу. Въ матрикулъ дворянства могли быть внесены только дворянскія фамиліи Швеціи и Финляндіи. Въ одномъ изъ § устава Рыцарскаго дома было въ точности опредѣлено, кто имѣлъ право почитаться шведскимъ дворяниномъ. Въ уставѣ сказано: „Дворянинъ, рожденный отъ шведскаго или финскаго отца, шведской или финской матери, или коего отецъ шведъ или финнъ, хотя бы мать была иноземкой,—почитается шведскимъ дворяниномъ и пользуется правами и преимуществами шведскаго человѣка, гдѣ бы онъ ни родился, въ государствѣ или внѣ онаго. Если же иноземный дворянинъ прибудетъ въ государство и женится на туземкѣ, то онъ пользуется дворянскими правами въ отношеніи недвижимаго имущества, „но не имѣетъ ни мѣста, ни чина въ рыцарскомъ домѣ". Какъ явствуетъ изъ этихъ словъ, Швеція и Финляндія признаются неразрывными частями одного государства. Швеція съ включеніемъ Финляндіи признается родиной шведскихъ дворянъ. Признается „шведское дворянство", но не говорится про особое финляндское дворянство. Что же касается остальныхъ частей шведскаго государства: Помераніи (съ 1648 г.), Лифляндіи и Эстляндіи съ 1621 и съ 1583 г.г., то онѣ имѣли свою собственную сословную организацію; существовало дворянство Померанское (до 1806 г.), Лифляндское и Эстляндское (до 1721 г.).

Въ срединѣ XVII ст. Швеція (и въ ея составѣ Финляндія) встала лицомъ къ лицу съ вопросомъ: Что далѣе? Олигархія на экономической основѣ крѣпостного права или сильная монархія на основѣ свободнаго крестьянскаго сословія? Сверху и снизу поднялись силы, враждебныя олигархическимъ, феодальнымъ началамъ. Сверху начала дѣйствовать королевская власть въ лицѣ Карла X Густава и его сына Карла XI, который въ эпоху своего несовершеннолѣтія на опытѣ узналъ всю алчность, развратъ и антисоціальный эгоизмъ олигарховъ; снизу зашевелилась та стихійная сѣрая мужицкая сила, которая уже разъ въ XV столѣтіи остановила вторженіе феодализма, которая свергнула датскихъ фохтовъ и ненавистнаго Христіана II, которая пролила кровь свою въ борьбѣ съ Флеммингомъ,—упрямое, гордое крестьянство горныхъ округовъ Швеціи и угрюмой, все еще полудикой Финляндіи, та сила, которую Христина въ шутку назвала „Сторукимъ Бріареемъ, который помогъ Юпитеру свергнуть старыхъ боговъ".—Королевская власть и крестьяне нашли себѣ союзниковъ въ средѣ

мелкаго дворянства, чиновниковъ, духовенства и горожанъ. Рядъ мѣткихъ ударовъ поразилъ олигархію и весь подъ ея вліяніемъ сложившійся строй землевладѣнія. Проведена была т. н. редукція казенныхъ земель.—Въ королевскомъ отдѣлѣ Земскаго Уложенія Христофора Баварскаго 1442 г. было постановленіе, впрочемъ древнее, существовавшее еще до кодификаціи земскихъ законовъ: „Король имѣетъ сохранять въ цѣлости „Упсала Öde“ и т. д.— Ссылаясь на это постановленіе, уже въ XV ст. короли Альбрехтъ и Карлъ VIII пытались провести возвратъ отчужденныхъ казенныхъ земель; Густавъ Ваза отнялъ у католической церкви все почти ея земельное достояніе; Карлъ IX задумалъ широкую редукцію; Христина была принуждена приступить къ ней.

Сеймъ [1]) былъ созванъ въ 1650 г. Недворянскія сословія подали записку, въ которой излагались всѣ вредныя послѣдствія для государства и народа отъ растраты доменъ [2]).

---

[1]) Щедростью королевы пользовались высшіе чиновники, любимцы и знаменитые полководцы, наравнѣ съ мелкими придворными чинами, поставщиками, лакеями, поварами. Госуд. казначей скупилъ за весьма низкую цѣну 98½ гейматовъ коронныхъ, любимецъ королевы Магнусъ Габріель Делягарди въ теченіе 10 лѣтъ получилъ въ подарокъ казенныя имѣнія, приносившія ему 100,000 р. д. ежегоднаго дохода (Archenholtz, Mémoires de Christine II. Appendix XLVII). Извѣстная категорія округовъ и имѣній, казенныхъ промысловъ, изстари считалась запрещенными мѣстами (förbjudna orter), т. е. не подлежащими переходу въ частныя руки; таковыми считались: коронные замки, мызы и скотные дворы, луга, лѣса, рыбныя ловли, пороховыя мельницы, крѣпостныя земли, гейматы, назначенные на содержаніе войска, горные гейматы, участки, отведенные на содержаніе матросовъ и др. И ихъ не щадила Христина; въ 1650 г., напр., крѣпость Benfeld со всѣми орудіями и запасомъ была подарена Делягарди. Въ Финляндіи Христина пожаловала своимъ приближеннымъ 8 графствъ и 17 баронствъ, обнимавшихъ 8 крупныхъ казенныхъ имѣній и 8 городовъ; земли, принадлежавшія донатаріямъ, оцѣнивались въ 123,628 дал. сер. ежегодной ренты. Въ аллодіальную собственность и въ видѣ пожалованія на основаніи Норчепингскаго постановленія королева пожаловала въ южной Финляндіи 10,673 геймата, въ Остерботніи 3.478 и т. д. Въ Абоскомъ ленѣ 67% всѣхъ земель коронныхъ перешли въ руки частныхъ владѣльцевъ, въ ленахъ Нюландъ и Тавастнусъ 61%, въ Выборгскомъ и Нюшлотскомъ ленахъ 44%, въ Остерботніи 93%, въ Кексгольмскомъ ленѣ 98% (ср. Bonsdorff. Om donationerna och förläningerna samt frälseköpei Finland under drottning Kristinas regering 1886).

[2]) Домены продавались и жаловались такимъ безконтрольнымъ образомъ, что даже Каммеръ-коллегія не знала, какія земли остались въ рукахъ казны и какія поступили въ частныя руки. Выдавались жалованныя грамоты съ оговоркою: „если сіе имѣніе не пожаловано кому либо другому“; или „если сіе имѣніе еще находится въ рукахъ казны“. Совершались также дѣйствительные и фиктивные обмѣны казен-

„Можно ли признать, сказано въ сей запискѣ, славными и почетными для государства и ея величества завоеванія чужихъ земель, если эти новыя области поступили во владѣніе немногихъ лицъ, если къ тому вотчина короны (riksens patrimonium) и казенное имущество въ отечествѣ уменьшается? Что мы выиграемъ въ чужихъ странахъ, если мы потеряемъ свободу у себя дома? Королева потеряла непосредственную власть надъ подданными, которымъ она теперь можетъ приказывать не иначе, какъ испросивъ согласіе землевладѣльцевъ; всѣ постоянные доходы казны почти потеряны, экстраординарные же поступаютъ въ уменьшенныхъ размѣрахъ; войско страдаетъ, церковь, школы, гимназіи и госпитали во многихъ мѣстахъ потеряли источникъ своего содержанія. Положеніе крестьянъ ужасное; многіе землевладѣльцы запрещаютъ своимъ крестьянамъ отвозить произведенія ихъ земель въ города для продажи, не предложивъ ихъ предварительно на покупку землевладѣльцу, который уплачиваетъ, что ему угодно, а не то, что крестьянинъ долженъ получить, какъ pretium justum, или что онъ получилъ бы въ городѣ. Съ того времени, когда казенные крестьяне поступили подъ власть землевладѣльцевъ, сіи безсердечные тираны начали обременять ихъ незаконными сборами, невыносимыми повинностями, мучить ихъ заключеніемъ въ темницу, страшить угрозами, лишеніемъ жизни, свободы и имущества, такъ что, наконецъ, земледѣльцы разорились и обѣднѣли до крайности. Утверждаютъ, что земля лучше обрабатывается, находясь въ рукахъ дворянъ, но разумъ и ежедневный опытъ доказываютъ противное, что весьма естественно, такъ какъ народъ обрабатывалъ свою собственную землю лучше чужой. Много честныхъ и прежде состоятельныхъ податныхъ крестьянъ прогнаны изъ дома и съ земли ихъ отцовъ и дѣдовъ; подъ одну усадьбу кладутся 10, 15, 20 крестьянскихъ дворовъ и крупная часть прежнихъ податныхъ участковъ превратилась въ дворянскія мызы, съ которыхъ казна не получаетъ ни гроша“. За изложеніемъ послѣдствій растраты доменъ и уступки права взиманія налоговъ дворянамъ слѣдуетъ перечень требованій 3 недворянскихъ курій: 1) чтобы ни одно казенное имѣніе не передавалось или отчуждалось

ныхъ земель на частныя; въ первомъ случаѣ казна получала большею частью безцѣнный участокъ, а во второмъ—ничего; составлялись подложныя грамоты о пожалованіи земель, возобновлялись долговыя претензіи, давно уже удовлетворенныя! (ср. Nauman; Statsförfattningsrätt I 228).

въ наслѣдственную собственность; только пожалованія на время для вознагражденія за особыя услуги, отечеству оказанныя, должны быть допускаемы; каждый чиновникъ долженъ получать опредѣленное денежное содержаніе; 2) чтобы, согласно древнимъ законамъ, Räfsteting созывался ежегодно въ каждомъ округѣ съ участіемъ выборнныхъ отъ всѣхъ сословій членовъ, для обсужденія всѣхъ дѣлъ по нарушенію законовъ королевства, правъ казны, свободы народа и королевской присяги; 3) чтобы право пріобрѣтенія привилегій frälse, доступное по старымъ законамъ всѣмъ и каждому, было возстановлено; чтобы каждый крестьянинъ, желающій нести конную службу, освобождался отъ ординарныхъ оброковъ, безразлично угодно ли или не угодно было казнѣ продать или уступить свое право взиманія skatt'a; 4) чтобы въ случаѣ чрезвычайной нужды казенныя земли могли быть заложены (но не проданы) у шведскихъ подданныхъ и чтобы податному крестьянину дано было преимущественное право ссужать казнѣ деньги подъ залогъ податей съ земли, состоящей въ его пользованіи; 5) чтобы право выкупа коронныхъ земель подъ условіемъ уплаты оброковъ было предоставлено преимущественно крестьянамъ; 6) чтобы никто не имѣлъ права пользоваться Haradshöfdings и lagmansränta, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, кои лично занимаютъ эти должности, 7) чтобы законы и судъ были равны для всѣхъ; 8) чтобы воспрещено было частнымъ лицамъ заключать крестьянъ и прислугу въ темницу, пытками и побоями мучить ихъ и дѣтей ихъ; 9) чтобы привилегіи дворянскихъ усадебъ не распространялись далѣе предѣловъ, установленныхъ въ 1562 г.; 10) чтобы никто не имѣлъ права, подъ страхомъ строгаго наказанія, забирать имущества несовершеннолѣтнихъ или крестьянъ, находящихся на войнѣ; 11) чтобы податные крестьяне наравнѣ съ помѣщичьими свободно уплачивали пошлину въ пользу членовъ сейма (Herredagspenningar); 12) чтобы всѣ сословія безъ страха и боязни могли подавать свои голоса на сеймахъ общихъ и мѣстныхъ; 13) чтобы отчужденныя незаконнымъ образомъ имѣнія казны были возвращены казнѣ".

Вотъ знаменитая въ шведской внутренней исторіи жалоба 1650 г., прелюдія къ эпохѣ редукціи!

Это представленіе недворянскихъ курій встрѣчено было дворянами и епископами съ гнѣвомъ и неудовольствіемъ. Канцлеръ Оксеншерна потребовалъ строго наказать возмутителей, но королева отвѣтила, что на сеймѣ каждый имѣетъ право свободнаго слова и что правитель государства долженъ быть главою и по-

кровителемъ не только богатыхъ, но и бѣдныхъ. Она явно покровительствовала демократической партіи, но не вслѣдствіе сознанія нераціональности и вреда растраты казенныхъ доменъ, а вслѣдствіе желанія ослабить авторитетъ канцлера. Между тѣмъ, все государство было взволновано слухомъ о предстоящей якобы редукціи и угрозахъ дворянъ воспрепятствовать ея исполненію. Крестьяне призывали другъ друга къ оружію для защиты древнихъ вольностей, отказывали землевладѣльцамъ въ уплатѣ рентъ и исполненіи повинностей, угрожали священникамъ, колеблющимся между противными другъ другу сторонами. Дворяне вооружали замки, собирали войско; гражданская война, внутренняя революція угрожала Швеціи. „Res ad bellum intestinum spectabat, ad quod non rustici tantum, sed et cives valde erant propensi. E nobilitate delissimi qui que collectis pretiosissimis thesauris fugam in tutiora meditabantur“ (сказано въ біографіи одного изъ предводителей демократіи, Іоганна Терзерусъ). По настоянію канцлера королева запретила возбуждать вопросъ о редукціи, но въ прощальной рѣчи къ сейму изъявила благодарность недворянскимъ куріямъ за ихъ патріотическія стремленія. На этотъ разъ попытка демократической партіи свергнуть могущество дворянъ не удалась. Королева продолжала раздавать имѣнія короны и въ тоже время облагала крестьянъ новыми чрезвычайными налогами для уплаты жалованья распущеннымъ наемнымъ войскамъ.

Въ Далекарліи, Смоландѣ и Нерике вспыхнули мятежи, подавленные военною силою; двое изъ замѣчательныхъ сторонниковъ демократіи (профессоръ Messenius и его сынъ) были заключены въ тюрьму, аристократическая партія воспользовалась своею побѣдою для пріобрѣтенія новыхъ привилегій. Къ пожалованнымъ дворянамъ имѣніямъ прибавились новыя: подъ названіемъ „поправокъ“, кондиціональныхъ прибавокъ и провизіонально — кондиціональныхъ прибавокъ, къ старымъ жалованнымъ грамотамъ выдавались новыя. Всѣ домены перешли въ руки аристократовъ. Графы получали новыя привилегіи: юрисдикція въ графскихъ владѣніяхъ была расширена, графы имѣли право основывать новые города, учреждать ярмарки, взимать особые ярмарочные сборы, всѣ ихъ подданные освобождались на десять лѣтъ отъ уплаты оброковъ въ казну, всѣ эти оброки поступали въ пользу землевладѣльца, половина таможенныхъ сборовъ, взимаемая въ графскомъ владѣніи, уступлена графу, онъ имѣлъ право назначать таможенныхъ чиновниковъ, норма отбыванія конной службы

съ графскихъ гейматовъ была понижена. Въ 1651 г. изданы были королевою 58 новыхъ патентовъ о пожалованіи дворянства; 18 дворянъ были произведены въ бароны, 7 бароновъ въ графы, число членовъ совѣта было увеличено съ увеличеніемъ содержанія; единству государства угрожала власть феодаловъ, финансовое верховенство короны превращалось въ призракъ, въ средство обогащенія немногихъ привилегированныхъ семействъ.

Управленіе государствомъ вскорѣ надоѣло Христинѣ, она отреклась отъ престола и передала корону своему двоюродному брату, пфальцграфу Карлу Густаву (6 іюня 1654 г.).

Карлъ X побудилъ сеймъ 1655 г. принять слѣдующую резолюцію: „Въ виду очевидныхъ злоупотребленій при передачѣ коронныхъ земель въ руки частныхъ лицъ, государственные чины подчиняютъ, не смотря на многіе имъ грозящіе убытки и ущербы, свои частные интересы интересамъ общественнымъ, благу отечества и соглашаются на справедливую и разумную редукцію“.

Однако редукція осуществилась лишь въ царствованіе Карла XI, послѣдовательно, съ безпощадной строгостью [1]). Всѣ тѣ опасныя въ соціально-политическомъ отношеніи явленія въ строѣ землевладѣнія, которыя были послѣдствіями феодальныхъ олигархическихъ тенденцій, исчезли. Казна возстановила свое земельное богатство; большинство крестьянъ вновь превратилось въ непосредственныхъ подданныхъ верховной власти.

Для Финляндіи редукція имѣла особенно важное и глубоко вторгнувшееся въ глубь соціальной системы значеніе. Могущественные донатаріи, связанные съ Финляндіей въ большинствѣ случаевъ не узами любви къ родинѣ, видѣвшіе въ своихъ громадныхъ помѣстьяхъ только и исключительно доходную статью, потеряли всѣ свои донаціонныя имѣнія, за исключеніемъ семейства Вреде. Туземныя финляндскія дворянскія семейства (Крейцъ, Стольганске, Куркъ, Горнъ, Флеммингъ и др.), игравшія столь важную политическую роль въ теченіе XVI столѣтія, сохранили лишь небольшое количество рыцарскихъ имѣній, малодоходныхъ. (Только одно семейство бароновъ Вреде, по особой милости короля, сохранило свое земельное богатство, и въ имѣніяхъ Вреде неоднократно происходили возстанія крестьянъ). Крупное поземельное дворянство

---

[1]) См. исторію редакціи въ моемъ сочиненіи „Государственное Хозяйство Швеціи“ Т.

обѣднѣло; его мѣсто въ государственной службѣ и въ общественной жизни заняло новое мелкопомѣстное дворянство, живущее не столько доходами отъ имѣній, сколько жалованьемъ, получаемымъ на гражданской и военной службѣ. Вотъ къ этому служилому дворянству принадлежитъ большинство дворянскихъ семействъ современной Финляндіи. (Впрочемъ, очень значительное число дворянскихъ семействъ получило дворянство въ эпоху послѣ 1809 г.).

Казна стала самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ.—Громадный земельный фондъ, накопившійся въ рукахъ казны, сдѣлался средствомъ для преобразованія военнаго строя и отчасти основою для обезпеченія службы гражданской. Въ финляндскомъ административномъ правѣ вы часто встрѣтитесь съ терминами: поселенный строй, поселенная армія, гейматы, положенные въ окладъ, или приписные, или положенные въ жалованье, или жалованье, получаемое по поселенной системѣ, рустгальтъ, рустгальтеръ, аугментный гейматъ и т. д. Всѣ эти понятія и названія, термины и отношенія стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ т. н. indelning system, поселеннымъ строемъ. На этомъ строѣ мы должны остановиться, ибо онъ играетъ громадную роль въ исторіи общественной системы Финляндіи.

Первые шаги къ замѣнѣ періодическихъ рекрутскихъ наборовъ устройствомъ постоянной арміи на основѣ поселенія полковъ на казенныхъ земляхъ были сдѣланы въ царствованіе Карла IX и Густава Адольфа. Но послѣдовательно эта система проведена при Карлѣ XI, причемъ переходъ отъ рекрутчины къ системѣ поселенныхъ войскъ совершался путемъ заключенія контрактовъ съ населеніемъ отдѣльныхъ областей.

Установленная съ 1682—1689 гг. поселенная система заключалась въ слѣдующемъ. Для содержанія пѣхоты всѣ крестьянскія земли, подчиненныя рекрутской повинности, раздѣлялись на „руты“ (rote), причемъ почти во всѣхъ областяхъ одна рута соотвѣтствовала 2 гейматамъ (цѣльнымъ). Каждая рута должна была содержать 1 солдата и заботиться о доставкѣ ему пищи и мундира, давать ему или опредѣленное содержаніе деньгами и натурой, или отводить домикъ съ огородомъ и, наконецъ, жалованье опредѣленнаго размѣра на содержаніе во время установленныхъ періодическихъ смотровъ и сборныхъ ученій. Остальные предметы обмундированія и вооруженія доставлялись казною и обновлялись черезъ 10—12 лѣтъ, но рута уплачивала за то небольшой дополнитель-

ный сборъ. Въ содержаніи этихъ рутныхъ солдатъ (rotekarlar) не участвовали и не входили въ реестръ рутъ: мызы коронныя и королевскія (kungsgård и kungsladugård), участки, отведенные для содержанія почтовыхъ станцій и постоялыхъ дворовъ на большихъ ямскихъ трактахъ. Указаннымъ выше порядкомъ содержались рядовые и унтеръ-офицеры. Для содержанія же офицеровъ казна отводила казенныя земли опредѣленныхъ размѣровъ, смотря по чину. Величина этихъ офицерскихъ жилищъ (boställen) была исчислена въ опредѣленной пропорціи оброка съ нихъ къ жалованью, установленному казной. Оброки уплачивались въ пользу офицеровъ крестьянами отведенныхъ казенныхъ земель въ натурѣ, или по правительственнной таксѣ деньгами. Но такса была такъ низка, что рыночная цѣна ее далеко превышала. Поэтому офицеры предпочитали получать оброкъ натурою, продавая поставленныя натуральныя статьи по рыночной цѣнѣ на мѣстныхъ рынкахъ. Благодаря разницѣ въ цѣнѣ на хлѣбъ, въ разныхъ областяхъ равная наминально офицерская рента оказывалась de facto далеко не равной.—Въ Финляндіи, напр., полковникъ въ сѣверныхъ, мало населенныхъ областяхъ получалъ столько же, сколько лейтенантъ или маіоръ въ южныхъ.—Кромѣ этихъ оброковъ, крестьяне и военныхъ гейматовъ обязаны были отбывать еще опредѣленныя натуральныя повинности въ пользу офицеровъ, какъ то: поставку строевыхъ матеріаловъ, ремонтъ офицерскихъ домовъ и т. д. О содержаніи жилыхъ помѣщеній въ порядкѣ и цѣлости заботились сами офицеры. Оброки казенныхъ крестьянъ, уплачиваемые въ пользу офицеровъ, наз. indelta ränta, приписными или выдѣленными оброками (наравнѣ съ оброками, удѣленными казною въ пользу содержанія гражданскихъ чиновниковъ, духовныхъ лицъ, гимназій, университетовъ, госпиталей и т. д.) Опредѣленное количество рутныхъ солдатъ (1200—1500) данной области составляло полкъ. Каждый полкъ имѣлъ свою собственную полковую пенсіонную кассу, средства которой употреблялись на содержаніе старыхъ инвалидовъ и на постройку каменныхъ домовъ для офицеровъ.

Источниками доходовъ этой кассы были слѣдующіе: 1) особыя бенефиціальныя земли; 2) т. н. вакантныя деньги, которыя уплачивались рутами, когда одно солдатское мѣсто оставалось незанятымъ въ теченіе болѣе 3 мѣсяцевъ; 3) если въ теченіе года не было произведено генеральнаго полкового сбора, то суммы, выдаваемыя рутами на содержаніе солдатъ во время сбора, отпускались также въ пенсіонную кассу, въ которую, 4) кромѣ того, каж-

дымъ солдатомъ ежегодно уплачивалась опредѣленная сумма.— Руты содержали своихъ солдатъ только въ то время, когда они исполняли службу въ границахъ области; коль скоро же правительство давало приказъ о выступленіи полковъ изъ границъ областей, то за солдатами сохранялся ихъ участокъ, казна же уплачивала имъ полковое содержаніе.

На мѣсто выступившаго въ походъ солдата рута ставила другого, резервнаго, дабы полки были пополнены въ случаѣ убыли или дабы области не оставались безъ защиты. Рута обязалась, въ случаѣ нужды обще-государственной, ставить и содержать двойное число солдатъ, обыкновенныхъ и резервныхъ.

Такимъ образомъ была организована т. н. поселенная пѣхота. Благодаря этой оригинальной организаціи, пѣхотинцы стали т. ск. своеобразнымъ земледѣльческимъ классомъ. То были и мелкіе поселяне, и одновременно представители арміи, носители ея военныхъ традицій. Для своего времени эта система была образцовой, потому что она устраняла антагонизмъ между народомъ и чужимъ, безъ роду безъ племени вербованнымъ рекрутомъ.

Организація поселенной кавалеріи дала основаніе къ образованію также особаго разряда въ составѣ класса мелкихъ и среднихъ землевладѣльцевъ, т. н. рустгальтеровъ.

Подобно пѣхотнымъ полкамъ, и кавалерійскіе были размѣщены по всей странѣ; но они содержались не рутами податныхъ крестьянъ, а арендаторами казенныхъ гейматовъ (kronohemman). Крупная часть редуцированныхъ казенныхъ земель была употреблена на обезпеченіе конницы твердымъ и постояннымъ содержаніемъ. Коронные или коронно-податные гейматы (kronohemman и kronoskattehemman), съ которыхъ сумма обыкновеннаго оброка равнялась 60 д., составляли каждый основную единицу при распредѣленіи кавалерійской постойной повинности. Владѣлецъ или арендаторъ гейматовъ указаннаго поземельнаго свойства, если онъ соглашался взять на себя содержаніе коннаго солдата съ лошадью, освобождался отъ уплаты всѣхъ коронныхъ податей, за исключеніемъ личнаго налога (mantalspenningar). За то онъ обязанъ былъ содержать коннаго солдата съ лошадью, давать ему сбрую, сѣдло, мундиръ, опредѣленное денежное содержаніе, небольшой участокъ для жительства или сумму на наемъ его, наконецъ, особое вознагражденіе во время полкового и эскадроннаго сборовъ. Если расходъ по отбыванію повинности превышалъ оброкъ отъ геймата, то къ доходу его отчислялся доходъ съ добавочнаго аугментнаго

геймата (аугментный оброкъ). Эта повинность называлась рустгальтерской повинностью; гейматъ, на который была наложена таковая повинность—рустголлемъ; его содержатель—рустгальтеромъ. Арендаторъ казеннаго имѣнія, принявшій на себя отбываніе этой повинности, владѣлъ казеннымъ участкомъ на правахъ вѣчно-наслѣдственной аренды, доколѣ онъ или его наслѣдники въ точности исполняли свои обязанности. Онъ имѣлъ также право продать свой участокъ, если покупатель принималъ на себя лежащую на землѣ повинность.

Какъ скоро означенная повинность не исполнялась, имѣніе возвращалось въ казну. Офицеры кавалерійскихъ полковъ получали свое содержаніе такимъ же путемъ, какъ и офицеры пѣхотные; постановленія о пенсіонной и запасной кассѣ, о вакантныхъ деньгахъ, были приблизительно тѣ же. Лошадь, поставленная рустгальтеромъ и признанная способною для кавалерійской службы, не могла быть употреблена для крестьянскихъ надобностей; если рустгальтеръ по истеченіи 3 мѣсяцевъ не ставилъ хорошей лошади взамѣнъ забракованной, то ротмистръ покупалъ таковую на счетъ нерадиваго, не отвѣчая за ея служебную способность [1]).

Такова была система содержанія постояннаго войска, сохранившаяся въ общихъ чертахъ до 1878 г. (съ 1810 г.—только номинально, если не считать непродолжительныхъ перерывовъ).

Военная реформа Карла XI стояла въ связи съ цѣлымъ рядомъ его преобразованій, благодаря коимъ феодально-олигархическое государство временъ Христины превратилось въ сущности въ неограниченную имперію, основанную на обезсиленіи высшей аристократіи, на установленіи непосредственной связи патентованнаго и мелкаго дворянства съ престоломъ и королевской службой,

---

[1]) Означенная система поселеннаго войска была введена и въ Финляндіи. Но не во всѣхъ областяхъ. Населеніе сѣверныхъ областей, Остерботніи и Каянскаго уѣзда, оказало весьма сильное сопротивленіе реформѣ военнаго строя. Пришлось допустить нѣкоторыя отступленія отъ общихъ началъ системы, дабы остановить повальное бѣгство населенія въ лѣса или за русскую границу.

Послѣ введенія поселенной системы Финляндія кромѣ т. н. adelsfana (т. е. милиціи фрельземановъ) и Каянской охотничьей команды, содержала 3000 ч. конницы и 7200 человѣкъ пѣхоты, при населеніи въ 410000 ч., т. е. около $2^1/_2$ до 3% населенія находилось подъ знаменами.

Въ Кексгольмской области населеніе было вполнѣ освобождено отъ воинской повинности. Указанная выше цифра постояннаго войска, по словамъ финляндскаго историка Шюбергсона, нисколько не превышала силъ страны!!

на освобожденномъ отъ помѣщичьей юрисдикціи и вотчинной полиціи сословіи крестьянъ-собственниковъ и вѣчно-наслѣдственныхъ арендаторовъ, и на началахъ полицейско-фискальной опеки всѣхъ сторонъ общественной дѣятельности.—Центръ тяжести въ составѣ землевладѣльческаго класса перешелъ отъ крупнаго къ среднему и мелкому землевладѣнію (ибо какъ я замѣтилъ выше, почти единственнымъ крупнымъ поземельнымъ собственникомъ стага казна). Но нельзя сказать, чтобы освобожденіе землевладѣнія и крестьянства отъ господства феодальныхъ элементовъ привело къ возстановленію древней свободы одальмановъ. Это противорѣчило бы полицейско-фискальнымъ тенденціямъ абсолютной монархіи. Верховная власть не отказалась отъ взгляда Густава Вазы на короля какъ на верховнаго собственника всей не только коронной, но и податной земли. Не только содержатели казенныхъ гейматовъ, но и податные крестьяне имѣли по отношенію къ своимъ землямъ т. ск. dominium utile (до 1789 г.). Ихъ право собственности было очень сильно ограничено; оно подчасъ получало характеръ privilegii odiosi. (Ср. отдѣлъ о строеніи. Гл. VI ст. I и глава XXVII Уложенія 1734).

Это ограниченное полицейско-фискальной опекой право собственности сохранилось до 1789 г., до извѣстнаго критическаго года въ царствованіи Густава III! Желая угодить крестьянскому сословію, союзнику въ борьбѣ съ дворянствомъ изъ-за прерогативъ королевской власти, Густавъ III 21 февраля 1789 г. издалъ постановленіе, въ силу котораго „всѣ шкатовые или податные, оброчные владѣльцы, содержащіе гейматъ, проданный отъ казны въ оброчное владѣніе, или изстари владѣющіе шкатовымъ или оброчнымъ гейматомъ, имѣютъ на этотъ оброчный гейматъ и на его принадлежности, опредѣленныя законнымъ межеваніемъ и разверстаніемъ, какъ въ угодьяхъ, въ чертѣ имѣнія лежащихъ, такъ и внѣ оной (uti inoch utägor), съ лѣсами и лугами, и рыбными ловлями, охотой и звѣриными промыслами, тамъ находящимися, столь же ненарушенное право собственности (ägande rått) и свободнаго распоряженія, какъ дворяне на свои дворянскіе (фрельзовые) гейматы, на основаніи ихъ привилегій, Уложенія и узаконеній. Однако изъемлются отъ сего служащія для потребностей казны дубовыя, буковыя и мачтовыя деревья, относительно коихъ надлежитъ поступать по прежнимъ узаконеніямъ“.—Лѣсные уставы XIX ст. даровали шкатовымъ крестьянамъ и лѣсную свободу, къ сожалѣнію!

Реформы, совершенныя въ царствованіе Карла XI, благодаря тому, что они были связаны съ отношеніемъ содержанія какъ войска, такъ и администраціи, на счетъ доходовъ отъ казенныхъ недвижимыхъ имуществъ,—консолидировали земледѣльческій строй Швеціи (съ Финляндіей). Неизмѣнность землевладѣнія сдѣлалась какъ бы условіемъ прочности административнаго строя. Землевладѣльческій строй получилъ слѣдующую сложную форму: съ точки зрѣнія фискальной: всѣ земельные участки (гейматы) распадались на двѣ совершенно различныя группы: коронные гейматы, уплачивающіе оброкъ непосредственно въ казну и свободные гейматы, оброкъ съ которыхъ поступалъ въ руки частныхъ лицъ. Съ точки зрѣнія права собственности они распадались на 3 группы: 1) коронные въ строгомъ смыслѣ слова (purt Kronohemman); 2) податные (skatte hemman) и 3) совершенно свободные, обѣленные, бѣлопомѣстные (purt Frälse hemman).

Чисто коронными гейматами были тѣ, по отношенію къ которымъ принадлежало коронѣ не только право собственности, но и право взиманія оброка. Если же собственникомъ и получающимъ оброкъ (казенный) являлось частное лицо (первоначально исключительно дворянинъ), то гейматъ пользовался свободою отъ оброка въ пользу казны и (не всегда) частью свободы отъ повинностей реальныхъ; гейматъ, по отношенію къ которому право собственности было отдѣлено отъ права полученія оброка, назывался Krono skatte hemman, если оброкъ поступалъ въ пользу казны. Бѣлопомѣстные гейматы, (frälse hemman) съ точки зрѣнія своихъ привилегій, распадались на: 1) säterie, дворянскія усадьбы, 2) frälse ladugård,—дворянскія мызы, 3) общіе фрельзовые гейматы (allmäntfrälsehemman). Далѣе различались: коренные гейматы (Stammhemman) дворянскихъ семействъ; Rå och rörs hemman, пограничные гейматы; внѣприходскіе гейматы и гейматы, въ приходѣ лежащіе (utsockue och insockne hemman).

Коронные гейматы въ строгомъ смыслѣ слова находились или въ непосредственномъ пользованіи казны (если не были отданы въ аренду), или были отведены въ пользованіе собственниковъ горныхъ рудниковъ и желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ, или выдѣлены на содержаніе арміи, гражданскихъ чиновниковъ, духовенства, назначены на содержаніе благотворительныхъ, учебныхъ, промышленныхъ заведеній.

1) Гейматы, находившіеся въ непосредственномъ пользованіи казны раздѣлялись на: а) королевскія мызы и дворы (Kungsgårdar

och Kungsladugårdar б) коронныя сетерейныя усадьбы (Krono säterier); в) оставленные въ казнѣ гейматы (Kronan immeditate be hållne hemman).

2) Гейматы, выдѣленные на поддержку горной промышленности, раздѣлялись на: 1) горные свободные гейматы (Bergsfrälse hemman) и 2) горнорабочіе гейматы (Bergmans hemman).

3) Гейматы, выдѣленные на содержаніе военнослужащихъ и гражданскихъ чиновниковъ, распадались на цѣлый рядъ категорій: рустгальты, рустгальтерскія сетеріи (berustade säterier), матросскіе гейматы (Botsmanns hemman), добавочные пожалованные, т. н. заказные и выдѣленные конные и резервные гейматы, (Augments, Beneficie, Fordels, Beställnings hemman, Tilldelnnigs hemman, Häste och Reserve hemman), гейматы, оброки съ которыхъ поступали въ пользу офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ въ видѣ жалованья (indelta hemman, boställen), т. н. ротированные гейматы, которые находились въ пользованіи казенныхъ крестьянъ, обязанныхъ содержать солдатъ и матросовъ.

4) Гейматы, стоявшіе въ пользованіи у лицъ духовнаго званія; епископскія усадьбы, гейматы священниковъ, мызы священниковъ; добавочные гейматы, участки капеллановъ, кистеровъ, участки звонарей.

5) Гейматы, назначенные ad pios usus (церковные гейматы, академическіе гейматы, гимназіальные и школьные гейматы, госпитальные, инвалидные и сиротскаго дома гейматы).

6) Гейматы, выдѣленные на опредѣленныя экономическія цѣли, какъ то: почтовые гейматы, лоцманскіе и ямскіе гейматы.

Вотъ въ какую строгую систему различныхъ по своимъ привилегіямъ земель вылился строй землевладѣнія, нѣкогда исходившій отъ столь простого понятія, какъ одальманская земля свободнаго поселянина.—Таковъ былъ результатъ совмѣстнаго дѣйствія отчасти борьбы сословнаго начала обособленности и соціальнаго единства и отчасти государственнаго начала служебнаго тягла, наложеннаго на поземельную собственность, какъ экономическую основу государства преимущественно земледѣльческаго.

Въ началѣ XVIII вѣка, вѣка просвѣщенія, въ который вскорѣ идея общечеловѣческихъ, общегосударственныхъ правъ вступила въ борьбу съ средневѣковыми замкнутыми сословіями, съ патримоніальными взглядами на государство и службу, шведской великой державѣ пришлось вступить въ рѣшительную борьбу съ возраставшимъ могуществомъ восточной сосѣдки, Россіи, кото-

рая, какъ вамъ извѣстно, также обосновала свой внутренній соціально-политическій строй на началѣ служебнаго государева тягла. Сѣверная война въ ея различныхъ стадіяхъ и эпизодахъ вамъ несомнѣнно извѣстна; Финляндія стала однимъ изъ главныхъ театровъ войны. Швеція была разбита и унижена, восточное балтійское побережье перешло къ Россіи; нынѣшняя Выборгская губернія отторгнута отъ остальныхъ финляндскихъ провинцій Швеціи.— Положеніе Финляндіи послѣ заключенія Ништадтскаго мирнаго договора было не только печально, оно было прямо ужасно. Раззореніе и опустошеніе было безпримѣрное. Народонаселеніе съ 450000—500000 ч. сократилось до 275000! Малюковъ въ своемъ капитальномъ трудѣ „Государственное Хозяйство Россіи въ первую четверть XVIII ст. и реформы Петра В.“ указалъ, что стоила Россіи 21 война изъ-за пробитія окна въ Европу; въ главѣ моего X труда „Госуд. Хозяйство Швеціи Т. I я пытался показать, что стоило это пробитое окно Швеціи.—Весь ея общественный строй былъ потрясенъ до глубины. Печальный для Швеціи исходъ Сѣверной войны имѣлъ слѣдующія послѣдствія для соціально-политическаго строя Швеціи и той части Финляндіи, которая еще осталась подъ скипетромъ шведскихъ монарховъ: 1) единовластіе, абсолютная власть (enväldet), короля была устранена; абсолютная монархія замѣнена аристократической республикой, въ которой монархъ былъ только какъ бы наслѣдственнымъ президентомъ безъ всякой серьезной власти. 2) Высшій классъ общества, дворянское сословіе, какъ поземельное дворянство, такъ и безземельное чиновное, воспользовалось безсиліемъ королевской власти и обѣднѣніемъ истощеннаго войной крестьянскаго сословія для того, чтобы вновь возвратить себѣ хотя бы часть сословныхъ привилегій, отнятыхъ въ концѣ XVII в. И крестьяне получили нѣкоторыя права, но это были только крупицы, которыя пали съ богатой трапезы дворянскихъ привилегій.

Не смотря на протесты недворянскихъ сословій, король Фредрикъ 1723 г. 16 октября утвердилъ грамоту дворянскихъ привилегій, въ силу которой дворянство получило: 1) исключительное право на занятіе высшихъ должностей на государственной службѣ; 2) квалифицированную охрану личности (подъ опасеніемъ строгихъ наказаній,—дворянинъ не могъ быть арестованъ безъ особаго предписанія суда); 3) forum privilegiatum какъ по дѣламъ уголовнымъ, такъ и по дѣламъ гражданскимъ; 4) jus patronatus въ отношеніи замѣщенія священническихъ мѣстъ въ дворянскихъ

имѣніяхъ; 5) податныя привилегіи для коренныхъ дворянскихъ усадебъ и дворовъ, лежащихъ въ межахъ дворянскаго имѣнія, для земель ихъ арендаторовъ, для купленныхъ дворянами шкатовыхъ земель, для домовъ дворянъ въ городахъ; 6) привилегіи въ отношеніи занятій промыслами и торговлею; 7) пониженіе нормы фрельзовой конной службы до минимума; 8) изъятіе фрельзовыхъ земель отъ выкупа въ казну; 9) исключительное право на пріобрѣтеніе и владѣніе фрельзовыми имѣніями; 10) jus connubii (за немногими исключеніями) исключительно въ средѣ дворянскаго сословія; 11) право содержанія въ дворянскихъ имѣніяхъ ремесленниковъ; 12) право взимать денежный штрафъ съ дворянскихъ слугъ, арендаторовъ и крестьянъ; 13) право налагать легкія наказанія на помѣщичьихъ крестьянъ и прислугу; 14) право выѣзжать за границу.

Еще разъ дворянство поднялось на свою прежнюю высоту; затѣмъ, во вторую половину XVIII ст. дворянскія привилегіи пошли на убыль. Крестьянское сословіе начало возрастать въ своей силѣ, а главное,—началось развитіе и ростъ вліянія буржуазіи, 3-го сословія, которое воспринимало въ себя какъ состоятельныхъ крестьянъ, такъ и дворянъ, промѣнявшихъ помѣстья, полкъ или канцелярію на торговую контору и промышленное заведеніе. Движимый капиталъ вступаетъ въ конкуренцію съ землею.

„Эпоха свободы“ или такъ ск. олигархической республики, длилась 50 лѣтъ, къ немалому огорченію тѣхъ классовъ населенія, которые не были полновластными господами въ государствѣ. Революція сверху, государственный переворотъ 1772 г., даровавшій новую Форму Правленія 1772 г., столь часто упоминаемую финляндскими публицистами, введенную и установленную вовсе не законнымъ путемъ, а при помощи штыковъ и угрозъ, арестовъ и запугиваній,—возстановила монархическую власть, если не въ размѣрахъ эпохи Карла XI, то во всякомъ случаѣ настолько, что она могла вновь исполнить свою задачу: стоять надъ сословіями и служить интересамъ цѣлаго, а не интересамъ сословнаго эгоизма. Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ въ эпоху свободы, такъ и въ царствованіе Густава III (одного изъ конкурентовъ Екатерины II на поприщѣ широко задуманной дѣятельности просвѣщеннаго абсолютизма, смотрѣвшаго, какъ извѣстно, на все общество и весь народъ съ той точки зрѣнія, съ которой смотритъ учитель на ученика, не имѣющаго ни разумной воли, ни сознанія своихъ истинныхъ интересовъ), было сдѣлано не мало для подъема экономическаго уровня землевладѣльческаго и земледѣльческаго класса.

Вѣдь вторая половина XVIII ст. была временемъ распространенія ученія физіократовъ о производительныхъ и непроизводительныхъ классахъ. Въ Швеціи одновременно съ Франціей (или даже нѣсколько ранѣе) началось вліяніе этой школы, представители которой стояли за идею о томъ, что земледѣліе единственный источникъ цѣнностей, что промышленность и торговыя занятія непроизводительныя въ строгомъ смыслѣ слова. И въ то же время 3 шведскихъ ученыхъ: Чюденіусъ, Шефферъ и Лиліенкранцъ уже дошли до сознанія, что источникомъ благосостоянія народнаго является не одна какая либо отрасль народнаго хозяйства, а народный трудъ, который, какъ необходимое условіе своего благодѣтельнаго проявленія, требуетъ свободы индивидуальнаго самоопредѣленія и свободы соперничества, т. е. высказали тѣ положенія, которыя были провозглашены въ 1776 г. А. Смитомъ въ его знаменитомъ „Wealth of nations".

Въ Швеціи и въ Финляндіи были приняты мѣры къ обезпеченію интересовъ арендаторовъ, была улучшена участь безземельныхъ, пасынковъ землевладѣльческаго строя, батраковъ и бобылей, отчасти путемъ смягченія старыхъ строгихъ законовъ объ обязательной службѣ на крестьянскихъ дворахъ, отчасти путемъ поощренія колонизаціи пустолежащихъ казенныхъ земель на сѣверѣ, въ особенности въ Финляндіи. Крестьянское землевладѣніе и земледѣліе поощрялось благодаря разверстанію угодій, размежеванію общинныхъ марокъ и округленію владѣній, путемъ облегченій выкупа казенныхъ участковъ (Skattekŏp) и введенія новыхъ правилъ о дробленіи гейматовъ. Но все еще оставалось довольно много ограниченій правъ непривилегированныхъ сословій; все еще человѣческая личность съ ея правами не была освобождена отъ лишней опеки въ интересахъ болѣе могущественнаго класса; а пьянство, эта язва общественной жизни сѣверныхъ народовъ, благодаря введенію сперва казенной винной монополіи, а затѣмъ откупа и, наконецъ, благодаря допущенію губительнаго права домашняго винокуренія, предоставленнаго владѣльцамъ имѣній опредѣленной величины,—разъѣдало тѣло народа и, лишая крестьянина трудовой энергіи, усугубляло вліяніе сложной, на неравномѣрности и несправедливости построенной, системы налоговъ и повинностей.

Новый и очень рѣшительный шагъ къ эмансипаціи землевладѣнія и землевладѣльческаго низшаго класса отъ началъ феодальныхъ и фискально-полицейскихъ былъ сдѣланъ въ 1789 г. § 3 Акта о соединеніи и безопасности 1789 г. гласитъ: „Равно свобод-

ный народъ долженъ имѣть и равныя права. Посему всѣ сословія впредь пользуются правомъ пріобрѣтать поземельную собственность во всемъ государствѣ. Но старинныя привилегіи и вольности усадебъ, гейматовъ въ предѣлахъ границъ и приходскихъ гейматовъ и некоренныхъ дворянскихъ гейматовъ остаются неприкосновенными, и вообще, не вводится никакихъ измѣненій относительно юридической природы различныхъ разрядовъ поземельной собственности". Такая консолидація юридическихъ различій землевладѣнія обусловливала въ сущности крайнюю податную несправедливость. Не устраняется эта несправедливость увѣреніемъ, что неизмѣнныя податныя привилегіи земли стали реальною принадлежностью земли и являются факторомъ при опредѣленіи ея цѣны. Замѣтимъ здѣсь же, что подчиненіе и высокобѣлопомѣстныхъ земель общему началу доступности всѣмъ покупщикамъ осуществлено лишь въ эпоху русскую. Въ Высоч. Пост. 2 апрѣля 1864 г. сказано: „Послѣ безусловнаго со стороны финляндскаго рыцарства и дворянства отказа отъ преимущества, предоставленнаго ему по 27 пункту его привилегій отъ 16 октября 1723 г. и по 3 пункту Акта соединенія и безопасности отъ 21 февраля и 3 апрѣля 1789 г., и заключающагося въ правѣ, съ устраненіемъ прочихъ сословій, владѣть аллодіальными сетереями и другою фрельзовою землею съ сетерейными льготами, Высочайше постановлено: что всякій финляндскій гражданинъ, безъ различія сословія и классовъ общества, въ правѣ пріобрѣтать въ краю землю также и упоминаемаго въ выше приведенныхъ основныхъ законахъ рода и по владѣнію ею пользоваться льготами, по существующимъ постановленіямъ присвоенными такой землѣ, съ тѣмъ, чтобы онъ исполнялъ и всѣ обязанности, которыя нынѣ лежатъ на владѣльцѣ подобной земли или впредь могутъ быть на него возложены".

Крестьянамъ въ 1789 г. было подтверждено право пріобрѣтать казенные гейматы въ собственность, принимая на себя обязанность уплаты постояннаго оброка.

И § 4 Акта соединенія и безопасности 1789 г. содержитъ въ себѣ постановленіе, поколебавшее строй сословнаго государства. „Рыцарству и дворянству предоставляются, по старому обычаю, т. н. высокія государственныя и придворныя должности. Всѣ же другія должности и мѣста раздаются исключительно по заслугамъ и способностямъ".

4 апрѣля 1789 г. была дана жалованная грамота крестьянамъ Швеціи и Финляндіи, въ которой ихъ права и вольности значительно расширены.

1) Крестьянскому сословію было торжественно обѣщано, что ни одинъ изъ казенныхъ или податныхъ крестьянъ не будетъ арестованъ безъ законнаго повода и безъ объясненія причины, за исключеніемъ случаевъ поимки на мѣстѣ преступленія или въ случаѣ бѣгства отъ законнаго суда.

2) Всѣ податные крестьяне, какъ тѣ, которые владѣютъ гейматомъ, проданнымъ казною, или которые впредь будутъ проданы, такъ и тѣ, которые владѣютъ землею, изстари признанной крестьянскою, будутъ пользоваться относительно своихъ земель полнымъ правомъ собственности и разъ оконченный кадастръ и раскладка налоговъ (skattläggning) и раскладка десятины (tiondesättning) остаются неизмѣнными на вѣчныя времена (!!).

Крестьяне пользуются полною свободою распоряженія по отношенію къ своимъ пашнямъ, выгонамъ и лѣсамъ, какъ свободные землевладѣльцы надъ свободною почвою (som frälsemän öfver frälsehemman); 3) свои собственныя земледѣльческія произведенія крестьяне имѣютъ право продавать свободно на всемъ пространствѣ государства. 4) Пустоши, на которыя распространяется земледѣльческая культура, на вѣчныя времена освобождаются отъ казенно-поземельнаго оброка. 5) Сельскіе приходскіе ремесленники имѣютъ право безпрепятственно селиться въ селахъ и деревняхъ. 6) Каждому поселянину, владѣльцу геймата (hemmans egare) предоставлено нанимать рабочихъ по своему усмотрѣнію, будь то его собственныя дѣти, будь то наемники; но онъ не долженъ держать лишнихъ рабочихъ выше того числа, которое онъ можетъ содержать и употреблять въ дѣло. Кромѣ того, бремя ямской повинности, лежащее на плечахъ податныхъ и казенныхъ крестьянъ, было по возможности уравнено съ повинностью дворянскихъ арендаторовъ и поселянъ, живущихъ на т. н. внѣ-приходскихъ фрельзовыхъ гейматахъ (utsockne frälsehemman). Что касается повинности содержанія поселенной арміи, то еще въ Ф. Пр. 1772 г. торжественно было провозглашено, что строй поселенной арміи будетъ сохраненъ незыблемо („orubbad“).

21 же февраля 1789 было издано королевское постановленіе о продажѣ казенныхъ гейматовъ въ шкатовое владѣніе. Объ этой продажѣ казенныхъ имѣній въ оброчное или шкатовое владѣніе уже въ постановленіи 19 сентября 1723 г. опредѣлено было, что въ шкатовое владѣніе могутъ быть продаваемы всѣ принадлежащіе казнѣ гейматы, съ нѣкоторыми означенными въ томъ же законѣ изъятіями. Содержателямъ гейматовъ дано преимущество

при выкупѣ гейматовъ въ шкатовое владѣніе по законной казенной оцѣнкѣ (Kronovärde), а если они не желаютъ или не могутъ выкупить, тогда другіе желающіе купить шкатовое право могутъ пріобрѣтать его. Нѣкоторыя категоріи земель были изъяты отъ продажи въ шкатовое владѣніе.—(Кунгсгорды, Кунгсладугорды, бостелли и т. д.).

Что касается рустгальтовъ, то только самъ рустгальтеръ, и никто другой, могъ пріобрѣсти на рустгальтъ шкатовое право по казенной оцѣнкѣ, и было вообще постановлено, что тѣ гейматы, на которые кому либо было пожаловано право постояннаго владѣнія, доколѣ это право продолжалось, не могли и не могутъ быть проданы въ шкатовое владѣніе никому иному, кромѣ того, кому сіе право пожаловано.—Особыя условія были установлены для выкупа гейматовъ различныхъ спеціальныхъ категорій (горныхъ, академическихъ, гимназическихъ, почтовыхъ, и т. д.).

О порядкѣ выкупа я здѣсь говорить не буду, скажу только, что онъ былъ не сложный и что условія были весьма выгодны, въ особенности для поселенцевъ въ Финляндіи.

Еще въ 1741 г. было допущено, чтобы содержатели казенныхъ гейматовъ въ Финляндіи могли выкупить въ шкатовое владѣніе содержимые ими гейматы за 3-лѣтній только оброкъ. Въ 1756 г. та же самая льгота была дарована рустгальтерамъ. Указанное выше постановленіе 21 февраля 1789 г. возобновило постановленіе 1723 г. о томъ, какіе гейматы могутъ быть продаваемы въ шкатовое владѣніе и какіе нѣтъ, и въ какомъ порядкѣ слѣдуетъ просить о продажѣ и производить оную. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подтверждено право собственности и свободнаго распоряженія шкатовыхъ и фрельзошкатовыхъ владѣльцевъ и постановлено, что хоть бы собственникъ шкатоваго геймата, будь то казенно-шкатовый или фрельзошкатовый гейматъ, и не былъ въ состояніи уплатить оброка за 3 года, гейматъ однако же не слѣдуетъ по сей причинѣ считать утратившимъ шкатовое право (skattevrak), но должно при взысканіи оброка поступать такъ какъ вообще установлено относительно продажи имущества задолжавшаго лица. Верховная власть постановила: „Мы желаемъ также симъ всемилостивѣйше увѣрить всѣхъ содержателей (åboer) казенныхъ гейматовъ, что пока занимаемые ими гейматы содержатся хорошо и безукоризненно въ отношеніи построекъ и обработки земли (till hus och jord), то они и ихъ дѣти могутъ ихъ занимать, не подвергаясь выселенію, одинъ за другимъ въ порядкѣ, какой Мы

особо всемилостивѣйше установили, и такой содержатель долженъ имѣть предпочтительно передъ другими право на шкатовый выкупъ занимаемаго имъ геймата". Это постановленіе обезпечило въ извѣстной степени экономическую будущность и соціальное положеніе среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, число коихъ увеличилось, впрочемъ, и по другимъ причинамъ. Но самый низшій слой крестьянскаго сословія: торпари на краткосрочныхъ арендахъ, а еще болѣе батраки и бобыли,—не много выиграли отъ обезпеченія быта крестьянъ собственниковъ. Если XVIII столѣтіе рѣшило вопросъ о судьбѣ крестьянскаго сословія, то вопросъ о бытѣ безземельныхъ перешелъ еще нерѣшеннымъ въ XIX ст. Что принесъ XIX вѣкъ этому низшему классу,—объ этомъ намъ придется говорить въ другомъ мѣстѣ. Надъ низшими слоями земледѣльческаго класса все еще тяготѣли суровыя постановленія о „законномъ заступленіи (laga försvar).

На этомъ понятіи laga försvar (законная защита или законное заступленіе) намъ нужно нѣсколько дольше остановиться, ибо выясненіе его послужитъ къ выясненію хода развитія класса необезпеченныхъ, судьба которыхъ занимаетъ и общество и правительство до нашихъ дней.

Происхожденіе класса лицъ безъ законной защиты (försvars löse) слѣдующее: племенная и родственная связь, объединившая въ древности поселенцевъ въ предѣлахъ одной и той же территоріальной единицы и обусловленная этимъ племеннымъ и родовымъ единствомъ защита мѣстнаго обычнаго права, въ качествѣ личной привилегіи, требовала отъ каждаго, кто желалъ воспользоваться охраною законовъ, чтобы онъ принадлежалъ къ одному изъ этихъ мелкихъ союзовъ. Защита законовъ принципіально не распространялась на лицъ, стоявшихъ внѣ этихъ союзовъ. Членъ союза, кромѣ того долженъ былъ имѣть постоянную осѣдлость въ предѣлахъ территоріи своего союза. Благодаря освобожденію рабовъ въ XIV ст., появился неосѣдлый классъ (lös befolkning), также явилась необходимость ввести его такъ или иначе въ составъ герада (сотни). Его и ввели путемъ наложенія на него обязанности наниматься на годъ на службу къ поселянамъ-собственникамъ. Далѣе, послѣ освобожденія рабовъ проявилась для поземельныхъ собственниковъ все сильнѣе необходимость въ пріобрѣтеніи рабочихъ силъ, и вотъ въ земскихъ уложеніяхъ и вводится правило о томъ, что неосѣдлый безземельный въ приходѣ обязанъ помогать крестьянамъ въ уборкѣ хлѣба подъ страхомъ денежнаго наказанія въ

3 эра. По мнѣнію проф. Росенборга (въ его сочиненіи „О бѣдности и общественномъ призрѣніи бѣдныхъ въ Финляндіи), это постановленіе имѣло цѣль гуманную: доставить работу неосѣдлымъ. Какъ уже выше замѣчено, каждый, кто имѣлъ имущества менѣе чѣмъ на 3 марки, долженъ былъ поступать въ наемную службу. За отказъ грозили строгія наказанія.—Это правило земскихъ уложеній дѣйствовало до XVI ст. Эреброскій уставъ 24 января 1540 г. запретилъ неосѣдлымъ странствовать по странѣ и искать работы то тамъ, то здѣсь; на нихъ возложена обязанность или наниматься по крайней мѣрѣ на годъ, или поступать навсегда на работу въ казенные рудники. Когда наступила эпоха безпрерывныхъ войнъ, когда понадобились рекруты, то правительство рѣшило привлечь неосѣдлыхъ къ военной службѣ, и въ 1577 г. изданъ королевскій плакатъ о томъ, что всѣ странствующіе по странѣ неосѣдлые, не имѣющіе геймата, не уплачивающіе налоговъ, не пріобрѣвшіе гражданства въ городахъ,—должны были быть взяты въ войско. Означенный плакатъ подтвержденъ сеймовымъ постановленіемъ 1635 г.— Эти два законоположенія опредѣлили понятіе „laga försvar“, законная защита,—„какъ освобожденіе отъ военной службы въ виду найма на годовую службу“.

Терминъ „защита“, заступленіе, „försvar“, заимствованъ изъ дворянскихъ привилегій, гдѣ сказано, что дворянство защищаетъ, охраняетъ своихъ слугъ и подчиненныхъ лицъ противъ рекрутской повинности. До XVII столѣтія указанная выше принудительная служба распространялась только на мужчинъ; въ 1664 г. (30 августа) издано Положеніе или Уставъ о наймѣ прислуги (legohjonstadga), распространявшій повинность на женщинъ. Право давать защиту противъ рекрутчины доставляло до конца XVII ст. дворянству массу свободныхъ рабочихъ рукъ; но введеніе поселенной системы содержанія арміи лишало право давать законное заступленіе его важнаго экономическаго значенія. Неосѣдлые мужчины не имѣли болѣе необходимости искать принудительныхъ заработковъ; на сеймѣ 1686 г. дворяне жаловались, что крестьянское сословіе на своихъ дворахъ держитъ больше рабочихъ, нежели необходимо. Жалоба дворянъ привела къ установленію отношеній, которыя не иначе могутъ быть названы, какъ крѣпостнымъ правомъ (такъ, по крайней мѣрѣ, названы они епископомъ Тегнеромъ и предсѣдателемъ комитета по пересмотру законовъ о бѣдныхъ въ Швеціи, графомъ Левенгауптъ).—Не довольно было того, что существовалъ классъ лицъ, нуждавшійся въ такой „законной за-

щитѣ", потребовали опредѣленія того, сколькимъ беззащитнымъ непривнлегированные могли дать защиту, и подъ понятіе беззащитныхъ, при опредѣленіи нормальнаго числа, подводились даже собственныя дѣти крестьянъ. И все это совершено ради обезпеченія достаточнаго числа рабочихъ для помѣщиковъ и крупныхъ кресьянъ! Въ 1723 г. появляется новый уставъ о наймѣ прислуги; этотъ уставъ опредѣляетъ количество женщинъ, которымъ каждый поселянинъ имѣлъ право даровать законную защиту. Наиболѣе удачные, усердные, ловкіе успѣвали въ дѣлѣ, имъ подчасъ удавалось заработать такую сумму, чтобы нанять кусочекъ земли, частной или казенной, или поступить въ число торпарей; ихъ судьба улучшалась, хотя и далеко еще не была обезпечена. Но большая масса оставалась въ категоріи беззащитныхъ батраковъ и бобылей.

Согласно постановленію 1723 г., каждое лицо мужескаго или женскаго пола, которое не пріобрѣло права гражданства въ городѣ, не занимается городскимъ промысломъ или торговлею, не ведетъ самостоятельнаго сельскаго хозяйства на цѣльномъ гейматѣ, его частяхъ или торпѣ, должно поступать на годовую службу въ качествѣ слуги; то же обязательно для всѣхъ солдатскихъ вдовъ, дочерей и иныхъ неосѣдлыхъ женскаго пола лицъ, если таковыя не обязаны содержать недостаточныхъ и престарѣлыхъ родителей. Въ противномъ случаѣ, мужчина забирался въ военную службу или, въ случаѣ ненужности, могъ быть помѣщенъ въ крѣпость для употребленія въ публичныхъ работахъ впредь до того времени, пока онъ найдетъ себѣ хозяина; женщина, не поступившая на службу въ качествѣ работницы, также могла быть принуждена къ публичнымъ работамъ. За вольный не годовой наемъ лицъ, обязанныхъ искать законной защиты, назначенъ былъ денежный штрафъ. Преміи выдавались лицамъ, доносившимъ о нарушеніи постановленій. Донесшій, кромѣ того, получалъ уклонившагося отъ годового найма рабочаго за $^2/_3$ установленной оффиціальной таксы заработной платы.—Съ цѣлью увеличить количество неосѣдлыхъ (!), опредѣлено количество лицъ, которыя могутъ пользоваться законной защитой на каждомъ дворѣ. Въ норму положены были и дѣти крестьянъ. Напр.: крестьянинъ, владѣвшій не болѣе чѣмъ $^1/_4$ геймата, могъ держать не болѣе полувзрослаго слуги (отъ 15—21 г.) и 2 служанокъ.—Слѣдовательно, если у крестьянина было нѣсколько совершеннолѣтнихъ сыновей и болѣе чѣмъ двѣ работоспособныя дочери, то они были обязаны

отказаться отъ отцовскаго крова и искать службы у чужихъ, разъ они не хотѣли подвергнуться принудительной рекрутчинѣ или работать въ крѣпостяхъ. Крестьянинъ, имѣлъ слѣдовательно, право воспитать прислугу для богатыхъ людей и играть ту роль, которую въ Америкѣ играли воспитатели—негровъ рабовъ! Ясно, къ какимъ жалобамъ дало поводъ это притѣсненіе! Въ 1739 г. издается новый уставъ о наймѣ прислуги, который далъ крестьянамъ право держать у себя 2 сыновей сверхъ нормальнаго числа слугъ Въ 1749 году крестьянамъ было разрѣшено оставлять у себя въ домѣ всѣхъ дѣтей и лишь съ 1789 г. (пост. о правахъ крестьянъ 23 февраля 1789 г.) упразднено было ограниченіе числа прислуги на крестьянскихъ дворахъ; полная свобода дарована въ 1805 г. (Уставъ о наймѣ прислуги) всѣмъ вообще нанимателямъ прислуги. Но понятіе о законной защитѣ не исчезло. Въ Финляндіи изданы Высоч. Пост. 14 января 1852 г. и 30 января 1554 г., касающіяся т. н. законной защиты.

Согласно этимъ узаконеніямъ, всѣ жители, не состоящіе на казенной или общественной службѣ, не занимающіеся свободными искусствами и науками, не ведующіе за свой собственный счетъ торговли или не занимающіеся промышленностью, ремеслами, мореходствомъ, земледѣліемъ, горнымъ дѣломъ и не имѣющіе иного источника пропитанія и не могущіе быть признанными осѣдлыми въ иныхъ отношеніяхъ и самостоятельными, обязаны съ 16-лѣтняго возраста обезпечить себѣ законную защиту. Эту законную защиту они пріобрѣтали путемъ найма у осѣдлаго человѣка или припискою въ качествѣ прислуги или рабочаго въ торговыхъ, фабричныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ. Отъ обязанности обезпечить себѣ указаннымъ путемъ законную защиту освобождены: 1) добропорядочные люди старше 60 л.; 2) отставные солдаты старше 50 лѣтъ, прослужившіе безпорочно 18 лѣтъ; 3) хорошаго поведенія моряки того же возраста, по прослуженіи такого же срока; 4) прислуга, состоявшая въ услуженіи въ одномъ и томъ же дворѣ или въ одной и той же семьѣ 20 лѣтъ; 5) лица, содержащіяся на счетъ родителей, родственниковъ и иныхъ осѣдлыхъ лицъ; 6) лица, получающія пособія изъ учрежденій призрѣнія бѣдныхъ; 7) неспособные къ труду вслѣдствіе тѣлесной слабости, болѣзни и т. п.; 8) имѣющіе на своемъ попеченіи недостаточныхъ и болѣзненныхъ родителей и не признанные опасными для общества; 9) женщины, имѣющія болѣзненнаго ребенка или новорожденнаго, если онѣ притомъ хорошаго поведенія. Всѣ лица, нуждаю-

щіяся въ законной защитѣ, живущіе болѣе 10 лѣтъ въ одномъ и томъ же приходѣ (за исключеніемъ торпарей), имѣли право просить о признаніи за ними законной защиты со стороны всей общины. Но и въ этомъ случаѣ осѣдлое лицо должно взять на себя отвѣтственность за правильное отбываніе защитнымъ казенныхъ и общественныхъ налоговъ и повинностей. Лица, обязанныя обезпечить себѣ законную защиту и не сдѣлавшія этого или благодаря своему поведенію встрѣтившія повсюду отказъ въ дарованіи имъ законной защиты — подвергались согласно §§ 7—11 Выс. Объяв. 1852 г., помѣщенію въ рабочіе и смирительные дома, а женщины въ прядильные дома. Наемъ лицъ, нуждающихся въ законной защитѣ, внѣ этихъ правилъ, наказывался штрафомъ въ 20 р. д. с. или 9 р. 60 к.

Законы эти отмѣнены Выс. Пост. 23 января 1865 г. касательно бродягъ и людей, неимѣющихъ законнаго заступленія . . (число лицъ, подлежавшихъ законной защитѣ въ 1854 г., исчислено въ 387,272!) Эти försvarslöse, люди беззащитные или, употребляя русскій терминъ финляндскаго законодательства—не имѣвшія законнаго заступленія,—составляли низшій классъ неосѣдлаго населенія, давшій наибольшую часть контингента фабричныхъ и сельскихъ рабочихъ.

Классъ полуосѣдлыхъ, часто стоявшихъ въ отношеніи юридической беззащитности наравнѣ съ первымъ классомъ, обнималъ слѣдующія категоріи. Сюда принадлежали: т. н. spanmåls karlorna (нахлѣбники), backstugusittare, бобыли и inhysingar, постояльцы. Первые—это сельскіе рабочіе, порядившіеся для работы на хозяина за право жить на землѣ крестьянина, въ маленкихъ домикахъ, получая содержаніе натурой, или частью натурой, частью деньгами. Бобыли нанимаютъ избушку на пригоркѣ у крестьянина и небольшой огородъ, работая какъ на хозяина избы такъ и на окрестныхъ крестьянъ. Наконецъ постояльцы живутъ въ одномъ помѣщеніи съ хозяевами, работая въ ихъ хозяйствѣ, но и занимаясь работою на сторонѣ.

Между этими неосѣдлыми, беззащитными и болѣе или менѣе обезпеченными землевладѣльцами стояли торпари. Къ этому классу принадлежатъ лица осѣдлыя, но не имѣющія обезпеченнаго землевладѣнія и отличающіяся необезпеченностью землевладѣнія отъ крестьянъ собственниковъ (hemmansegare), арендаторовъ цѣльныхъ гейматовъ (фрельзовыхъ и шкатовыхъ т. н. landtbonde) и отъ содержателей казенныхъ гейматовъ и рустгальтеровъ. Я въ данную

минуту говорю лишь про торпарей на частныхъ земляхъ; торпари, арендующіе казенные торпы владѣютъ ими по разъ установленнымъ правиламъ на правахъ срочныхъ контрактовъ (съ XVII ст. а въ особенности съ XVIII ст.).

Исходнымъ пунктомъ торпарскаго класса является также классъ сельскихъ рабочихъ. Сельскій рабочій, успѣвшій скопить небольшую сумму бралъ въ аренду небольшой участокъ на господской или крестьянской землѣ съ условіемъ уплаты аренды частью деньгами, частью натурой и обязывался отбывать барщину въ пользу землевладѣльца. Денежная арендная плата теперь начинаетъ вытѣснять все больше натуральную и барщину, но это результатъ экономическихъ условій новѣйшаго времени. Распространеніе денежной аренды идетъ параллельно съ замѣной устныхъ контрактовъ письменными. (10, 15, 20, 50 лѣтнихъ и пожизненныхъ арендъ).

Въ настоящее время положеніе торпарей въ общемъ не плохое и, какъ мы увидимъ при разсмотрѣніи дѣйствующаго административнаго права, много сдѣлано для обезпеченія ихъ землѣвладѣнія. Но до 60-хъ годовъ XIX ст. торпари были въ незавидномъ положеніи. Шведскіе экономисты первой половины XIX ст. напр. Агардъ, а еще болѣе экономисты XVIII в. какъ Норденкранцъ Берхъ, Чюденіусъ, рисуютъ положеніе торпарей въ самыхъ темныхъ краскахъ. Кто называетъ ихъ крѣпостными, кто кабальными холопами, и всѣ обвиняли высшую власть въ бездѣйствіи относительно улучшенія участи этой все возвраставшей массы висящихъ на волоскѣ произвола и случая земледѣльцевъ. Считаю нужнымъ указать еще на слѣдующее: слово torp въ болѣе древнихъ документахъ и законодательныхъ актахъ не означаетъ то же, что теперь. Подъ словомъ torp до второй половины XVII в. понимали гейматъ небольшого размѣра, т. е. не соотвѣтствующаго по камеральной оцѣнкѣ полному окладу военнаго налога (gärd). Владѣльцы полугеймата, $^1/_3$ геймата, четверти геймата, восьмой части геймата назывались halfvatorpare, tredingstorpare, fjerdingstorpare. Не слѣдуетъ также смѣшивать понятія: kronotorp съ понятіетъ частный torp (или въ камеральной терминологіи oskattlagda torp). Казенный торпъ есть въ сущности казенный гейматъ, но не настолько крупный, чтобы быть оцѣненнымъ въ полный манталъ

Частные торпы, или oskattlagda tord не составляютъ въ камеральномъ отношеніи самостоятельной единицы владѣнія; они являются принадлежностью (adpertinens) частнаго геймата. Част-

ный торпъ не уплачиваетъ налога въ казну; его податная обязанность входила въ составъ податной обязанности геймата. Однако торпари искони уплачивали личные налоги, а посему увеличеніе числа торпарей въ прежнеее время поощрялось. О поощреніи образованія торповъ говоритъ напр. Кор. грамота губернаторамъ 18 февраля 1757 г., и въ особенности Кор. Пост. 8 марта 1770 г.

Политическія событія перваго десятилѣтія 1800—1809 гг. привели къ довершенію дѣла начатаго Петромъ В. Весь морской берегъ отъ Сестрорѣцка до Торнео былъ теперь въ рукахъ Россіи. Какъ выразился Александръ I въ рескриптѣ на имя Московскаго Военнаго Губернатора Тутолмина 9 марта 1808 г.: „покореніе на вѣчныя времена шведской Финляндіи Россіи и расширеніе ея предѣловъ оградило покой и благосостояніе здѣшней столицы".

Съ момента присоединенія Финляндіи къ Россіи, для первой, бывшей почти 1000 лѣтъ ареной войнъ и опустошеній, періодически все снова уничтожавшихъ всѣ результаты труда народа, наступила эра мира и непрерывнаго развитія производительныхъ силъ какъ матеріальныхъ, такъ и умственныхъ. Никто конечно не отрицаетъ, что однимъ изъ главныхъ факторовъ этого прогресса была желѣзная трудовая энергія финновъ, столь поэтично воспѣтая въ извѣстномъ и въ русской литературѣ стихотвореніи Рунеберга „Крестьянинъ Паво". Но нужно отдать справедливость и другому фактору. Съ момента присоединенія Финляндіи къ Россіи до 1880 г. (если не считать вербованныхъ полковъ 1812, содержанія гвар. баталіона и морского экипажа и поселенныхъ баталіоновъ 1854—1856 г.) Финляндія была освобождена отъ той повинности, которая какъ непосильная ноша давитъ всѣ культурные народы, отъ воинской повинности. Вакантная подать, установленная въ 1810 г. взамѣнъ натуральной повинности содержанія поселенной арміи поступала въ казну, составляя преимущественно т. н. милиціонный фондъ, но доходы этого фонда шли большею частью не на военныя надобности, а выдавались въ ссуду частнымъ промышленнымъ предпріятіямъ и земледѣльцамъ. Вѣдь это было благодѣяніемъ, силу и вліяніе котораго едва ли возможно оцѣнить! Представьте, себѣ, чтобы на долю русскаго земледѣльца выпало это счастіе! И когда въ 1878 г. была введена воинская повинность, то % людей призываемыхъ подъ знамена былъ въ 3 раза ниже, чѣмъ въ Россіи и въ 5 разъ меньше, чѣмъ въ шведское время! Согласитесь, что разрывъ Финляндіи съ Швеціей въ 1809 г. принесъ ей богатые плоды.

Широкое развитіе производительныхъ силъ страны требуетъ освобожденія отъ тѣхъ исторически установившихся преградъ и рамокъ, въ кои втиснуты были въ теченіе столѣтій отдѣльныя части населенія. Все большее вытѣсненіе натуральнаго хозяйства денежныхъ и кредитнымъ, все болѣе распространяющееся народное просвѣщеніе, — обусловливало собой ликвидацію сословій, мѣсто которыхъ въ качествѣ расчлененія общественнаго тѣла заняли классы общественные. Эта ликвидація сословій не была произвольнымъ дѣломъ законодателя русской эпохи. Это было естественнымъ процессомъ. — Организація сословій ничто иное, какъ организація общественнаго труда на низшихъ ступеняхъ развитія народа, когда четыре главныя задачи развивающагося общества: защита отъ внѣшнихъ враговъ, пріобрѣтеніе благъ науки и религіи, основаніе промышленности и установленіе торговыхъ связей и наконецъ борьба съ скудною, необработанною, дѣвственною почвою требуютъ наслѣдственнаго прикрѣпленія различныхъ группъ населенія для своего осуществленія. (ср соч. Фальбека „Сословія и классы“ 1892 г.)

Въ вѣковомъ развитіи культурнаго народа мы можемъ различать два различныхъ направленія. Одно направленіе имѣетъ конечною цѣлью развитіе различныхъ элементовъ культуры; цѣль второго: пріобщеніе къ благамъ культуры человѣческихъ массъ.

Въ первой стадіи дерево культуры растетъ вверхъ, во второй оно расширяетъ свои вѣтви. Если мы примѣнимъ это сравненіе къ основнымъ стремленіямъ человѣческой природы, то мы можемъ сказать, что первая стадія соотвѣтствуетъ элементарной потребности познанія, вторая сочувствію къ развитію ближняго. Въ первомъ случаѣ развитіе и прогрессъ сами себѣ цѣль; въ другомъ только средство къ достиженію счастія человѣчества. Оба направленія и стремленія дѣйствуютъ почти всегда единовременно, но сила дѣйствія ихъ не равномѣрна. Въ одномъ періодѣ исторіи человѣчества преобладаетъ первое стремленіе, въ другомъ—второе. Оба стремленія отражаются и на сословномъ строѣ, но ихъ воздѣйствіе не сходно. Стремленіе культуры вверхъ обусловливаетъ организацію и развитіе сословій, а тенденція расширенія и распространенія требуетъ разложенія сословій, игравшихъ роль теплицъ, въ которыхъ каждое растеніе человѣческой культуры пользовалось особенно тщательнымъ уходомъ и тепломъ XIX столѣтіе было и для Финляндіи именно временемъ, когда второе стремленіе должно было замѣнить первое. Финляндія стала

составной частью государства, которое пріобрѣло достаточно силы для того, чтобы обезпечить внѣшнюю политическую безопасность всѣхъ своихъ составныхъ частей; образованность, умственное и религіозное воспитаніе перестали быть достояніемъ одного только класса, духовенства; главныя отрасли въ промышленности и торговлѣ уже успѣли опредѣлить свои границы; а городъ пересталъ быть сосредоточіемъ промышленной и торговой жизни; наконецъ трудъ механической оккупаціи почвенныхъ силъ былъ оконченъ. Не далеко было время когда земледѣліе стало въ тѣсную зависимость отъ торговли, и когда сельское хозяйство благодаря вторженію машинъ стало приближаться къ другимъ отраслямъ народной промышленности.—Совершенно естественнымъ образомъ стали отпадать одна за другой всѣ сословныя перегородки и грани! И когда въ 1860—70 г. верховная власть утвердила разсмотрѣнныя въ сеймѣ законоположенія объ отмѣнѣ сословныхъ привилегій, то она синкціонировала въ сущности только то, что исторія уже совершила безъ законодательной санкціи.

Нынѣ всѣ виды поземельной собственности, всѣ имѣнія, какого бы то ни было свойства, доступны для пріобрѣтенія всѣми.

Къ 1 января 1897 г. по указаніямъ офиціальной статистики числится въ Финляндіи 117.704 землевладѣльца. Въ Финляндіи всего 36.559.000 гектаровъ земли; число манталовъ (т. е. податныхъ оцѣночныхъ единицъ, которыми опредѣляется податная сила земель)=19.464,$^{34}/_{00}$.

Подъ шкатовыми землями состоитъ 16077 мантаговъ; подъ казенными 1478,$_{64}$; подъ фрельзовыми 1907,$_{93}$; — Число имѣній обнимающихъ болѣе 100 гектаровъ обработанной земли=2694; отъ 25—100=22.172; отъ 5—25=60.676; меньше 5=32.162. Число арендаторовъ торпарей—71.577.

Если взять общее число гектаровъ всей финляндской земли то окажется что казнѣ принадлежатъ изъ 36.559.000 гектаровъ= 14.320.149 гект.; дворянамъ=364.337 г., пасторскимъ усадьбамъ— 292.554 гект.; не состоящимъ въ финляндскомъ гражданствѣ= 118.144 г.; другимъ землевладѣльцамъ=21.463.716 г.

Что и теперь землевладѣльческій классъ остается главнымъ элементомъ въ соціальномъ строѣ Финляндіи, это доказывается слѣдующими цифрами, взятыми изъ изданія Финляндскаго географическаго общества Fennia 1899: (Atlas de la Finlande). Въ земледѣліи заняты=74,$_{75}$%/$_{0}$ населенія.

Въ либеральныхъ профессіяхъ и общественныхъ должностяхъ=2,86%

Въ промышленности	8,00 %
Въ торговлѣ	1,23 %
Въ службѣ путей сообщенія	2,11 %
Въ различныхъ профессіяхъ	4,36 %
Безъ занятій	6,69 %
	100 %

ГЛАВА III.

Развитіе духовнаго сословія.

Въ Финляндіи въ настоящее время вы встрѣтите два названія, по существу выражающія одно и то же понятіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ, все-таки не тождественныя: „andliga ståndet“ и „ecklesiastik ståndet“, духовное сословіе и церковное сословіе. Въ составъ andliga ståndet входятъ, строго говоря, только духовныя лица, епископы, пробсты (благочинные), пасторы и ихъ помощники, т. е. лица, получившія духовную ординатуру. А употребляя слова „ecklesiastik ståndet“, мы вовсе не имѣемъ въ виду исключительно духовенство, но и всю совокупность лицъ имѣющіихъ ex officio дѣло съ умственнымъ и нравственнымъ просвѣщеніемъ народа (въ университетѣ, въ гимназіяхъ и т. д.), т. е. лицъ, кои пользовались и отчасти еще пользуются привилегіями духовнаго сословія 1723 г. Это объясняется тѣмъ, что первоначально и не только въ эпоху католическую, но и еще въ эпоху протестантскую, вся образованность, вся научная дѣятельность, вся забота о народномъ просвѣщеніи была въ рукахъ духовенства, богослововъ, которые преобладали въ университетѣ и руководили всѣми малочисленными гимназіями и приходскими школами. Эмансипація университета отъ преобладающаго вліянія духовенства совершается, строго говоря, лишь съ 1821 г. (благодаря упраздненію должности проканилера, которая была всегда въ рукахъ Абоскаго епископа). Секуляризація гимназій совершилась въ 40-хъ годахъ, а освобожденіе народной школы отъ опеки духовенства было послѣдствіемъ великой реформы строя народной школы 1862—1866 гг.

Христіанство утвердилось въ Швеціи и Финляндіи позже, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ, не раньше второй половины XII сто-

лѣтія, а католическая церковь укоренилась твердо въ Финляндіи лишь въ XV ст., т. е. за сто лѣтъ до своего паденія. Обособленнаго сословія священно и церковно-служителей католической церкви въ первое столѣтіе христіанской эры Швеція и Финляндія не имѣли. Священники были выборными органами народа. Не было положенія болѣе ненавистнаго сѣвернымъ народамъ, какъ положеніе „ecclesia vivit jure canonico".—Только съ XIII столѣтія представителямъ папской власти, легатамъ, удалось организовать церковную іерархію, и сейчасъ же начинается борьба изъ за вопроса о подчиненіи церкви и ея служителей законамъ и юридическимъ обычаямъ туземнымъ, мѣстнымъ, объ установленіи въ пользу церкви десятинъ н о допущеніи дѣйствія каноническаго права. Въ смутное время борьбы изъ за королевскаго престола и уніи съ ея послѣдствіемъ: вторженіемъ феодализма,—духовенству удалось, если и не вполнѣ освободится изъ подъ власти государственной, то по крайней мѣрѣ, пріобрѣсти широкія привилегіи, и формальныя, и матеріальныя. Тѣ и другія создали то, что въ Шведскомъ правѣ называется „andliga frälset"—(духовную вольность), „духовно-фрельзовое сословіе". Формальныя привилегіи духовнаго сословія состояли въ изъятіи (съ XIII ст.) духовенства въ уголовныхъ дѣлахъ отъ юрисдикціи свѣтскихъ судовъ и въ подчиненіи мірянъ въ дѣлахъ брачныхъ, и въ дѣлахъ о ростовщичествѣ,—суду церковному, который вершался или консисторіями въ эпархіяхъ, или епископами, или на „церковныхъ вѣчахъ" (biskopsting, prostating) подъ предсѣдательстомъ или епископовъ, или ихъ повѣренныхъ (official, biskups laenspraestaer, provaster). Однако народъ выговорилъ себѣ право апелляціи отъ церковнаго суда къ королевскому суду. Матеріальныя привилегіи духовенства состояли въ освобожденіи церковныхъ земель отъ постоянныхъ (но не отъ чрезвычайныхъ) поземельныхъ налоговъ и въ правѣ взиманія денежныхъ штрафовъ съ церковныхъ арендаторовъ, и, наконецъ, въ правѣ взимать десятину. Какъ повсюду въ католическихъ странахъ, такъ и на сѣверѣ земельное богатство церкви росло какъ путемъ покупки, колонизаціи пустыхъ земель, такъ и путемъ пожалованія земель королями и благодаря отказамъ по завѣщаніямъ частныхъ лицъ и дареніямъ inter vivos. Къ концу среднихъ вѣковъ почти $^1/_3$ всѣхъ земель Швеціи и Финляндіи принадлежала церкви, епископамъ, монастырямъ, богадѣльнямъ и т. д.

Пользуясь своимъ сравнительно высокимъ образованіемъ и своими богатствами, духовенство, въ особенности въ своихъ выс-

шихъ слояхъ, пріобрѣтало все большее и большее вліяніе. Оно участвовало, и притомъ на первомъ мѣстѣ,въ т. н. господскихъ съѣздахъ, епископы были членами совѣта, участвовали въ избраніи лагмановъ, въ судебныхъ вѣчахъ (räfsteting), созываемыхъ королемъ, если самъ король не предсѣдательствовалъ, и т. д.—Главнымъ органомъ церковнаго законодательства было общее шведское церковное синодальное собраніе. Свѣтское право, собранное въ земскихъ областныхъ уложеніяхъ и въ общихъ уложеніяхъ, постепенно въ сферѣ церковнаго управленія уступило свое значеніе праву каноническому. Всѣ формальныя и матеріальныя привилегіи духовнаго сословія были торжественно утверждены въ 1457 г. жалованной грамотой короля Христофора Баварскаго, а наканунѣ, разрыва съ Римомъ и введенія въ Швеціи и Финляндіи протестантизма,—католическое духовенство стало въ отношеніи объема своихъ сословныхъ преимуществъ на одну доску съ дворянствомъ, соперничая съ нимъ въ стремленіи подчинить все государство и весь народъ сословнымъ интересамъ.

Въ Финляндіи въ католическое время во главѣ духовенства стоялъ могущественный епископъ Абоскій. Еще въ настоящее время громадныя развалины бывшаго епископскаго замка Куусто, недалеко отъ Або, свидѣтельствуютъ о блескѣ бывшей епископской резиденціи. Власть епископа надъ финскимъ народомъ покоилась преимущественно на томъ, что отъ него зависѣло въ концѣ концовъ замѣщеніе всѣхъ священническихъ мѣстъ и образованіе новыхъ приходовъ [1]): участіе народа въ замѣщеніи церковныхъ должностей, формально никогда не отрицавшееся, фактически совершенно отступило на задній планъ, а право короля назначать священниковъ въ т. н. регальные пастораты потеряло всякое значеніе. Впрочемъ, нельзя не отдать справедливости епископату и духовенству Финляндіи. Въ дикую, темную эпоху среднихъ вѣковъ они сослужили великую службу. Если лучъ свѣта проникалъ въ непроглядный мракъ невѣжества и суевѣрія, грубости и дикости, то его проводниками были не свѣтскіе феодалы, администраторы и судьи, а именно епископы и нѣкоторые изъ священниковъ и немногочисленные монастыри (въ Раумо, въ Выборгѣ и въ Но-

---

[1]) Католическіе епископы въ Финляндіи имѣли и довольно широкую законодательную власть. Такъ, напр.: епископъ Геммингъ Гаддъ издалъ въ 1352 г. особые „statuta", коими опредѣлялись обязанности сельскихъ священниковъ.

дендалѣ). Церковь, и только она, была учредительницей немногочисленныхъ школъ, т. н. каѳедральныхъ и монастырскихъ школъ.— Такимъ личностямъ, какъ епископъ Ѳома, Кондратій Бицъ, Гемингъ Гаддъ, Магнусъ Шернкорсъ, Магнусъ Тавастъ, Финляндія обязана тѣми, хотя и скудными культурными благами, съ коими она перешла въ новое время.

Богатство духовенства и его политическое вліяніе, отчасти пущенное въ ходъ въ пользу поддержки господства датчанъ въ Швеціи, были, по крайней мѣрѣ, для короля Густава Вазы и дворянской партіи, стоявшей на его сторонѣ, главными поводами къ разрыву съ папскимъ престоломъ и католичествомъ.—Уже въ XV столѣтіи король Карлъ VIII Кнутсонъ-Бонде пытался возвратить казнѣ часть казенныхъ земель, отошедшихъ къ церкви. Секуляризація церковныхъ земель и уничтоженіе политическаго вліянія католическаго духовенства совершились благодаря союзу короля съ дворянствомъ. Въ этомъ отношеніи и королевская власть, и дворянство шли въ параллель съ свѣтскими властями и дворянами континентальной Европы, примкнувшими къ движенію протестантизма.

Вы М. Г. знаете, что то движеніе, которое стремилось освободить Европу отъ религіозной опеки Рима, имѣло и мотивы дѣйствительно релизіозные, и мотивы и причины матеріальнаго характера. Открытіе Америки, распространеніе изученія гуманистическихъ наукъ, замѣнившихъ средневѣковую схоластику, новыя политическія стремленія сплотившихъ свои силы крупныхъ и мелкихъ государствъ, все это подготовило паденіе средневѣкового міровоззрѣнія, идею о царствѣ вѣрующихъ подъ управленіемъ двухъ мечей, духовнаго и свѣтскаго. Проповѣди Лютера, Цвингли и Кальвина довершили этотъ процессъ и были выразителями духовныхъ и умственныхъ стремленій „новаго человѣка". Но мотивами реформаціи были, какъ я уже замѣтилъ, не только сердечное сремленіе къ познанію истины евангельской, не только жажда проникнуть въ святилище христіанства, заслоненное католическимъ священствомъ и папскимъ авторитетомъ, но и честолюбіе, корыстолюбіе и властолюбіе. Современные Густаву Вазѣ властители Европы съ восторгомъ приняли ученіе, требующее отъ духовенства простоты жизни и евангельскую бѣдность, и клеймившее пышность папскаго двора и дворовъ католическихъ мѣстныхъ архипастырей и скрытую роскошь монастырей.

Присоединеніе къ доменамъ короны обширныхъ владѣній

епископовъ, монастырей и церквей сразу обогатило королей и князей, принявшихъ новое ученіе. Густавъ Ваза не былъ правителемъ, который упустилъ бы такой прекрасный случай уничтожить могущество гордаго духовенства, затемнявшаго блескомъ своей жизни скромный обиходъ короля. Густавъ рѣшился секуляризировать всю церковную поземельную собственность и въ пятилѣтіе 1522—1527 гг. совершилъ это дѣло благодаря поддержкѣ сейма. Церковь стала бѣдной, зависимой отъ свѣтской власти, протестантское ученіе епископата короля и отрицаніе ученія объ апостольскомъ преданіи священства, ученіе объ общемъ священствѣ мірянъ вѣрующихъ, подорвало духовную обособленность духовнаго сословія. Священникъ изъ существа высшаго порядка превратился въ простое должностное лицо, исполнявшее „ministerium verbi et sacramenti". Впрочемъ, католическая церковь не уступила безъ боя. Еще цѣлыхъ 70 лѣтъ возобновлялись попытки возвратить Швецію (со всѣми ея составными частями, т. е. и съ Финляндіей) въ лоно католической церкви. Іоганнъ, герцогъ Финляндскій, впослѣдствіи король, женатый на католичкѣ изъ дома Ягеллоновъ, и сынъ его Сигизмундъ были сторонниками католическихъ тенденцій. Побѣдоносная борьба съ грозившимъ вновь католичествомъ подняла авторитетъ реформированной церкви въ Швеціи. Католицизмъ потерпѣлъ пораженіе. Евангелическая лютеранская церковь была признана государственной религіей Швеціи 20 марта 1593 г., на церковномъ соборѣ въ Упсалѣ, послѣ того, какъ въ 1572 г. былъ изданъ церковный уставъ (Kyrkordning). Этотъ церковный уставъ установилъ церковную іерархію шведской протестантской церкви.—Въ Финляндіи реформація была проведена въ особенности благодаря энергичной просвѣтительной дѣятельности Абоскаго епископа Михаила Агриколы, переведшаго священное писаніе на финскій языкъ и давшаго финскому народу первыя начала финской литературы.

Главнымъ органомъ церковнаго управленія, какъ и въ католическое время, остались епископы, затѣмъ соборные капитулы или консисторіи, которыя избирали 3-хъ кандидатовъ на вакантную епископскую должность, изъ коихъ монархъ назначалъ одного, соборные пробсты (domprobst) и пробсты, какъ ближайшіе помощники епископа, настоятели приходскихъ церквей городскихъ и сельскихъ (Kyrkoherde) съ ихъ помощниками, капелланами, комминистрами и, наконецъ, учителя при соборныхъ и бывшихъ монастырскихъ школахъ, (въ виду всецѣлаго подчиненія школьнаго

строя церкви). Организація протестантской церкви въ Финляндіи ничѣмъ не отличалась отъ ея организаціи въ метрополіи, но ступень образованія, на которой стояли органы церкви въ Финляндіи, была настолько ниже, насколько общины и прихожане были въ общемъ грубѣе, чѣмъ въ коренной Швеціи. Здѣсь можно было сказать: „каковъ попъ, таковъ приходъ“ и наоборотъ: „каковъ приходъ, таковъ и попъ!“ Къ счастію для Финляндіи, церковь имѣла рядъ энергичныхъ представителей и ревностныхъ служителей. Мы назвали Агриколу, но бокъ о бокъ съ нимъ, а отчасти и послѣ него, дѣйствовалъ и трудился Павелъ Іустенъ въ Выборгской епархіи, (которая была отдѣлена отъ Абоской въ 1618 г.), Эрикусъ Эрици, а въ XVII столѣтіи на финляндскихъ епископскихъ каѳедрахъ сидѣлъ рядъ лицъ, которыя отличались и ученостью и энергіей, но не уступали бывшимъ католическимъ архипастырямъ ни въ нетерпимости, ни въ религіозномъ фанатизмѣ. То были Ротовіусъ, Эмелэусъ, Бьюггъ, Терзерусъ, Гецеліусъ старшій и Гецеліусъ младшій. Объ этой дѣятельности ихъ въ качествѣ представителей ecclesiae militantis могли бы свидѣтельствовать преслѣдованія какъ православныхъ финовъ и русскихъ въ Ингерманландіи и въ Кексгольмской области, такъ и угнетеніе піетистовъ въ Финляндіи. На этихъ скорбныхъ листахъ исторіи религіозной жизни въ Финляндіи мы не можемъ останавливаться въ данную минуту.

Я уже замѣтилъ выше, что побѣда надъ католической реакціей конца XVI столѣтія укрѣпила положеніе протестантскаго духовенства. Оно сдѣлалось опорой королевскаго престола протестантской линіи дома Вазы, а въ глазахъ народа однимъ изъ оплотовъ противъ опасности возвращенія католика Сигизмунда, а съ нимъ вмѣстѣ и тѣхъ властолюбивыхъ олигарховъ, которые свою программу выставили въ составленной Эрикомъ Спарре прокламаціи: „Postulata nobilium“. Духовенство сохраняло, впрочемъ, корпоративныя традиціи католическаго времени и, чувствуя себя какъ одно цѣлое, наравнѣ съ другими сословіями стало домогаться новыхъ привилегій взамѣнъ утраченныхъ въ эпоху секуляризаціи церковныхъ имуществъ. Его претензіи были удовлетворены.

Уже въ XVI столѣтіи духовнымъ лицамъ была гарантирована привилегія подчиняться въ отношеніи наслѣдства и брака законамъ городскимъ (stadsrätt). Имъ была обезпечена несмѣняемость, за исключеніемъ удаленія отъ должности и снятія сана по суду за преступленіе.

Въ 1647 и 1650 гг. королева Христина даровала жалованную грамоту, въ коей за духовенствомъ были закрѣплены политическія права въ качествѣ равноправной съ другими сословіями части сословнаго представительства въ риксдагѣ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа.

Духовенству было гарантировано безпрепятственное пользованіе гейматами и бостелями (видмами), освобожденными отъ поземельныхъ налоговъ, право на полученіе части десятины и иныя реальныя привилегіи. Всѣ пастораты были раздѣлены на 1) регальные, 2) консисторіальные пастораты, 3) патронатскіе пастораты.

Въ т. н. регальныхъ пасторатахъ назначеніе пасторовъ было сохранено за монархомъ; въ консисторіальныхъ пасторатахъ (т. е. не регальныхъ и не входящихъ въ сферу juris patronatus помѣщиковъ) замѣщеніе пасторскихъ вакансій было предоставлено епископамъ и консисторіи, но по соглашенію съ общинами. За помѣщиками въ большинствѣ случаевъ былъ сохраненъ jus patronatus въ патронатскихъ пасторатахъ, т. е. право назначенія пасторовъ по своему усмотрѣнію.

Какъ всегда, такъ и въ данномъ случаѣ, пожалованіе привилегій было поводомъ какъ къ борьбѣ съ другими сословіями, такъ и къ разногласію и раздору въ составѣ самаго сословія. Между дворянствомъ и духовенствомъ раздоры возникли изъ-за jus patronatus и изъ-за злоупотребленій помѣщиковъ при платежѣ десятины. Въ составѣ самаго сословія самовластіе и властолюбіе епископовъ, тянувшихъ къ аристократіи, огорчало низшее духовенство, ближе стоявшее къ народу и потому сочувствовавшее его требованіямъ устраненія феодальныхъ междустѣнокъ между верховною властью и народной массой. Въ критическую эпоху борьбы изъ-за редукціи государственныхъ земель низшее духовенство стояло за одно съ крестьянами и было ихъ spiritus rector и руководителемъ.

Я говорилъ выше, что въ католическое время законодательнымъ органомъ по дѣламъ церковнымъ былъ синодальный соборъ или „собраніе шведской церковной провинціи“ подъ предсѣдательствомъ Упсальскаго архіепископа.

Въ первую половину XVII столѣтія, въ періодъ, когда формировались и организовались „коллегіи“, въ качествѣ главныхъ органовъ свѣтскаго управленія, правительство задумало учредить духовную консисторію въ качествѣ высшаго органа церковнаго управленія, суда и отчасти законодательства. Эта мысль не была

приведена въ исполненіе. Но духовенство, безъ всякаго законнаго разрѣшенія и полномочія, само создало себѣ центральный органъ соединяясь во время риксдаговъ въ соборъ, называвшійся государственнымъ капитуломъ или государственной консисторіею (Konsistorium regni). Этотъ самозванный органъ не рѣшался присвоить себѣ законодательной функціи, но за то игралъ роль какъ органъ судебный. Онъ въ высшей инстанціи судилъ по дѣламъ бракоразводнымъ, по спорамъ между священниками между собой и съ прихожанами; къ нему апеллировали отъ соборныхъ капитуловъ. Единовластный Карлъ XI положилъ конецъ этому самозванцу. Въ этихъ неузаконенныхъ соборахъ участвовали и депутаты финляндскаго духовенства, поскольку они успѣвали прибывать изъ своей отдаленной и все еще мало культурной родины въ Стокгольмъ и Упсалу. Въ Финляндіи болѣе чѣмъ въ другихъ частяхъ шведскаго государства надъ сельскимъ и городскимъ духовенствомъ тяготѣла епископская власть. Епископы, а эту должность, какъ указано выше, занимали мощныя личности въ родѣ Терзеруса и Гезеліуса, управляли финскими епархіями самовластно и автономно. Они были и законодателями, и судьями, и наставниками пасторовъ, и инспекторами школъ (эфорами), и учредителями школъ, и если въ дебряхъ и весяхъ малонаселенной и бѣдной Финляндіи появились народныя приходскія и воскресныя школы, если простонародіе хотя бы только по катихизису и псалтири училось грамотѣ, то это было дѣломъ и заслугой главъ духовенства, которые не боялись ни тяжелыхъ опасныхъ путешествій, ни ночлеговъ подъ открытомъ небомъ, чтобы добраться для визитаціи въ отдаленнѣйшіе пастораты и отрѣзанные отъ свѣта культуры хутора.

Я сказалъ уже выше, что Карлъ XI замѣнилъ олигархію единовластіемъ. Широкая епископская власть не мирилась и не согласовалась со вторгающейся повсюду государственной регламентаціей. Она должна была подчиниться контролю и руководству свѣтской власти. Въ 1686 г. издано и санкціонировано церковное уложеніе, надъ составленіемъ котораго работалъ рядъ комитетовъ, начиная съ 1650 г., а годъ спустя (1687 г.) изданъ уставъ о судопроизводствѣ въ соборныхъ капитулахъ (консисторіяхъ). Эти два законоположенія лишили церковь и духовенство послѣдняго остатка самостоятельности. Все высшее управленіе церковью сосредоточено въ рукахъ короля; почти всѣ пастораты объявлены регальными; юрисдикція консисторій и епископовъ

ограничена; никакое дѣло не подлежало суду церковному безъ особаго на то разрѣшенія короля; апелляція отъ консисторій шла къ гофгерихтамъ.

Т. н. эпоха свободы или эпоха вольностей, смѣнившая собой королевское единовластіе (1718—1772 гг.), подарила духовенству новое подтвержденіе привилегій и новую жалованную грамоту 1723 г. Она, сія грамота, донынѣ не отмѣнена формальнымъ образомъ, хотя изъ привилегій духовнаго сословія большинство уже утратило всякое значеніе. Жалованная грамота 16 октября 1723 г. содержитъ въ себѣ слѣдующія привилегіи. Евангелическая вѣра аугсбургскаго исповѣданія объявляется господствующей государственной религіей. Академіямъ, гимназіямъ и школамъ (ecclesiae et reipublicae seminaria) обѣщано обезпеченіе способными учителями, обязанными соблюдать церковное уложеніе и уставы о школѣ. За духовенствомъ сохраняется неизмѣнно пользованіе назначеннымъ ему и установленнымъ содержаніемъ; бостели духовныхъ и иныя къ содержанію ихъ и духовныхъ учрежденій приписанныя земли освобождены отъ большинства реальныхъ земскихъ повинностей. Принадлежащіе духовенству въ городахъ дворы и дома, не сданные въ наемъ, освобождены отъ городскихъ повинностей. Духовенству предоставлено право пріобрѣтать недвижимое имущество также и высоко-бѣлопомѣстнаго свойства. Вдовамъ священниковъ и лицъ духовнаго званія обезпечено пользованіе пенсіями и т. н. граціальными годами. Церковная дисциплина и обрядность должны быть сохранены неизмѣнно, какъ указано въ церковномъ уложеніи 1686 г., священническія мѣста замѣщаются въ консисторіальныхъ пасторатахъ (beneficia ecclesiastica) епископомъ и консисторіею по избраніи пастора общинами; сохраняются пасторaты регальные и jus patronatus; члены духовиаго сословія не могутъ быть арестованы иначе, какъ уличенные въ преступленіи en flagrant délit или по распоряженію суда. Студенты и гимназисты подчинены суду академій и гимназій. Духовенство вновь признано особымъ сословіемъ, имѣющимъ свое представительство на сеймѣ и свои органы въ церковныхъ собраніяхъ и конференціяхъ. Членамъ его обѣщаны монаршія милости, награды и производство по службѣ по законамъ; уроженцамъ каждой епархіи обѣщано преимущество при замѣщеніи въ предѣлахъ ея духовныхъ должностей (т. н. право духовнаго индигената, Indigenat-rätt).

Границы церковныхъ приходовъ фиксированы, въ томъ смыслѣ, что запрещено произвольно переводить гейматъ или дворъ изъ

одного прихода въ другой. Наконецъ, приходское собраніе признано органомъ церковнаго управленія.—Приходъ, послѣ распаденія или ослабленія древнихъ территоріальныхъ единицъ (сотни, четверти, осьмины), уже въ первые вѣка католичества сталъ ядромъ развивающагося церковнаго и свѣтскаго общиннаго самоуправленія. Католическая церковь фактически признала уже приходъ единицей мѣстнаго церковнаго управленія. Уже въ XIV и XV столѣтіяхъ прихожане собирались по воскреснымъ днямъ въ приходскія или церковныя собранія (сходы), т. н. sockenstämma или Kyrkostämma, подъ предсѣдательствомъ священника, для рѣшенія дѣлъ мѣстной церкви и для обсужденія ея потребностей (постройка и ремонтъ церкви, дома священника, школы, устройство кладбища, призрѣніе бѣдныхъ, для раскладки повинностей и т. д.).

Свѣтская власть воспользовалась этимъ подъ вліяніемъ потребностей церковно-приходской жизни образовавшимся органомъ для цѣлей общаго свѣтскаго управленія.

Приходу стали поручать раскладку сборовъ и повинностей, въ приходскомъ же собраніи прихожане узнавали и о распоряженіяхъ власти.

Отъ реформаціи можно было ожидать уменьшенія значенія прихода въ мѣстно-церковной жизни, не потому, чтобы реформированная церковь враждебно относилась къ мѣстной самостоятельности (напротивъ!), а потому, что редукція церковныхъ земель въ значительной степени уничтожила, или, по крайней мѣрѣ ослабила экономическую силу общины. Въ самомъ же дѣлѣ реформація не только не умалила значенія прихода и приходскихъ собраній, а даже придала имъ новое, былое высокое положеніе. Въ 1554 г. впервые проведено различіе между церковно-приходскимъ собраніемъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, вѣдавшимъ интересы церковной жизни, и приходскими собраніями, созываемыми по почину свѣтской власти для рѣшенія вопросовъ церковно-административныхъ и хозяйственныхъ.

Церковно-приходское собраніе, въ тѣсномъ смыслѣ слова, въ эту эпоху получило и постоянный распорядительный органъ—комитетъ старшинъ, съ пасторомъ во главѣ, и органъ исполнительный „Kyrkovård“ (церковнаго управляющаго).

И вотъ роль церковно-приходскихъ собраній, руководимыхъ духовенствомъ, стала настолько замѣтной, что духовенство ввело признаніе ихъ верховной властью въ грамоту привилегій духовнаго сословія 1650, 1675 и 1723 гг. Съ развитіемъ культуры развивалось

и значеніе приходскихъ собраній. Церковь и ея учрежденіе была однимъ изъ главныхъ факторовъ культурнаго прогресса. Въ рукахъ церкви сосредоточивалось призрѣніе бѣдныхъ, больныхъ, воспитаніе и образованіе народа. Съ другой стороны удовлетвореніе потребностей въ обезпеченіи условій безопасности и благосостоянія требовало матеріальныхъ средствъ и личныхъ силъ. И вотъ постепенно. шагъ за шагомъ, подъ давленіемъ необходимости слагается строй приходскихъ финансовъ и мѣстной и общественной службы. Но по мѣрѣ роста и осложненія этихъ потребностей и заботъ объ ихъ удовлетвореніи развивается и сознаніе о различіи функцій прихода и его органовъ, какъ представителя нуждъ церкви, съ одной стороны, и представителя нуждъ свѣтскаго управленія—съ другой. Съ XVIII столѣтія свѣтская власть начинаетъ вмѣшиваться во внутренній строй прихода, она регулируетъ порядокъ голосованія, порядокъ раскладки сборовъ и повинностей, порядокъ ихъ взиманія и исполненія. А въ XIX столѣтіи проводится секуляризація большинства дѣлъ, входившихъ ранѣе въ кругъ вѣдомства церкви и духовенства.

Призрѣніе бѣдныхъ становится дѣломъ общины свѣтской; совершается рѣшительная реформа народнаго образованія; духовенство не лишается участія въ дѣлѣ образовательномъ, но оно перестаетъ быть рѣшающимъ и руководящимъ факторомъ; наконецъ, реформа 1865 г. отдѣляетъ окончательно свѣтское общинное самоуправленіе отъ церковнаго приходскаго. Впрочемъ, духовенство не лишилось своихъ почетныхъ личныхъ и матеріальныхъ привилегій, данныхъ жалованной грамотой 1723 г. и подтвержденныхъ манифестами 1809, 1825, 1855, 1881 и 1894 гг. Но эти привилегіи уже . болѣе не преимущества сословія, т. е. сплоченнаго соціальнаго тѣла,—это преимущества корпораціи должностныхъ лицъ, данныя ей не въ интересахъ соціальной обособленности, а въ виду необходимости обезпечить личное и матеріальное положеніе слугъ общества.

ГЛАВА IV.

Развитіе городского сословія.

Выше было замѣчено, что Финляндія есть страна сельская земледѣльческая, что городская жизнь, развившіяся первоначально въ стѣнахъ городовъ торговля и промышленность уступаютъ въ своемъ значеніи передъ селомъ и земледѣліемъ. Число жителей всѣхъ финляндскихъ городовъ въ % къ общей суммѣ населенія равнялось:

въ 1815 г.	4,74
въ 1840 г.	5,85
въ 1860 г.	6,97
въ 1875 г.	7,75
въ 1899 г.	9,8.

Изъ городовъ Финляндіи въ 1899 г. имѣло болѣе 3,000 ж. только 13. Крупными городами и то крупными, говоря относительно, являются только Гельсингфорсъ (85,000 ж.), Або (35,000), Выборгъ (30,000), Таммерфорсъ (30,000), Улеаборгъ (15,045).—Этотъ ростъ городовъ сравнительно недавній. Не далеко отъ насъ то время, когда и лучшіе изъ финляндскихъ городовъ во внѣшнемъ своемъ видѣ, въ складѣ жизни походили на наши уѣздные города, съ той только разницей, что они были почище, лучше вымощены, не заростали лѣтомъ травою, и не превращались весной въ сплошныя лужи.

Въ отношеніи малаго сравнительно развитія своей городской жизни, своего городского сословія, Финляндія раздѣлила участь какъ своей бывшей метрополіи, такъ и судьбу новой,—Россіи до 60-хъ годовъ.

При сравненіи исторіи развитія западно-европейскихъ (континентальныхъ и отчасти англійскихъ) государствъ съ исторіею европейскаго сѣвера бросается въ глаза рѣзкое различіе между важнымъ значеніемъ городскихъ общинъ въ Германіи, Франціи, Италіи, Испаніи, Голландіи и Англіи и ничтожнымъ значеніемъ шведскихъ и финляндскихъ городовъ въ соціально-политической и экономической исторіи до XVIII, отчасти даже до XIX ст. Въ указанныхъ выше государствахъ уже въ XII и XIII вѣкахъ города-общины быстро развились въ города—государства, заняли въ качествѣ независимаго организма видное мѣсто въ феодальномъ строѣ и двоякимъ путемъ повліяли на развитіе всего государственнаго строя и верховной власти: 1) въ качествѣ политической силы, помогая развитію государственной власти, ея усиленію, принимая дѣятельное участіе въ борьбѣ съ враждебными элементами—феодалами и папскою властью, и 2) воздѣйствуя на развитіе государственнаго строя своимъ собственнымъ внутреннимъ развитіемъ, развитіемъ своего устройства и управленія, вырабатывая впервые въ лицѣ городского совѣта понятіе о верховной власти, общей, единой для всѣхъ живущихъ въ районѣ города,—понятіе о законѣ, равно обязательномъ для всѣхъ, на кого простирается компетенція городскихъ властей, облекая функціи верховной власти: законодательную, судебную и административную публичнымъ характеромъ, вырабатывая правильную систему финансоваго управленія и положивъ зародыши постояннаго войска. (Дитятинъ) Въ виду этого многосторонняго значенія средневѣковаго города въ исторіи развитія государственнаго строя, нѣмецкій историкъ и юристъ Отто Гирке вправѣ замѣтить: „Нашъ современный юридическій и политическій строй вышелъ изъ средневѣковаго міросозерцанія лишь черезъ посредство городовъ. Въ городахъ впервые общественное право отдѣлилось отъ частнаго; въ нихъ впервые признано единство и неотчуждаемость перваго, въ нихъ же создалось понятіе о единствѣ власти и управленія, понятіе о равно для всѣхъ обязательномъ законѣ; короче, въ городѣ впервые выработалось понятіе о государствѣ, развиваясь по образцу городскихъ учрежденій.

Понятіе самоуправленія, высшая идея о необходимости связи правъ и обязанностей, идея, которую въ настоящее время стараются осуществить въ государствѣ и возстановить въ общинахъ, была признана въ средневѣковомъ городѣ высшимъ принципомъ общественной жизни“.

Какъ бѣдно и незначительно въ сравненіи съ этой ролью нѣмецкихъ и итальянскихъ городовъ,—значеніе городовъ скандинавскаго сѣвера! Даже у насъ въ Россіи, государствѣ которое подобно нашей шведской сосѣдкѣ, сравнительно поздно развило самостоятельную торговлю и промышленность, городъ до времени завоеванія Руси монголами, игралъ активную и весьма важную руль. А между городами Швеціи, а тѣмъ менѣе Финляндіи, нѣтъ ни одного, который бы въ IX—XIII столѣтіяхъ могъ бы относительно блеска, населѐнности, богатства и могущества сравниться съ Кіевомъ или Новгородомъ Великимъ или Ростовомъ Великимъ. Внутренняя Швеція и Финляндія, наполненныя дремучими лѣсами бурными озерами и быстротечными рѣками, мало содѣйствовали оживленію торговыхъ сношеній. Только на берегахъ Балтійскаго моря образовались торговые пункты, которые играли роль складочныхъ мѣстъ для землевладѣльческихъ произведеній, для добычи рудокоповъ и охотниковъ, которыя обмѣнивались на привозныя иностранныя цѣнности. Такое значеніе имѣли Сигтуна, Бирке, Кальмаръ, Ледезе для Швеціи, двѣ гавани на мѣстѣ нынѣшняго Гельсингфорса и Або, и наконецъ т. н. Березовый Островъ для Финляндіи.

Эти же мѣста играли роль морскихъ крѣпостей, охранявшихъ прибрежное населеніе отъ набѣговъ финскихъ, эстонскихъ, померанскихъ и русскихъ морскихъ разбойниковъ. Внутри страны городскія поселенія сосредоточивались около древнихъ храмовъ и христіанскихъ церквей, къ которымъ стекалось окружное мѣстное населеніе въ дни народныхъ и церковныхъ праздниковъ Послѣ введенія христіанства, послѣ учрежденія монастырей и постройки епископскихъ замковъ, количество такихъ мѣстъ быстро увеличилось. Упсала, Вестеросъ, Стренгнесъ, въ Швеціи; Або, Раумо, Нодендаль; Борго, Кроноборгъ (Тавастгусъ) и Выборгъ были важными церковными центрами и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательными торговыми пунктами. Слово „Stad“ означало вообще мѣсто поселеніе и упомянутыя мѣста въ знакъ того, что главнымъ занятіемъ жителей была торговля,—назывались Köpstad, Kauping, Köping, Kaupunki, торговое мѣсто а жители Köpstadsmän, или, такъ какъ первоначально эти города были ни чѣмъ инымъ какъ большими деревнями, поселками, то коренные жители назывались byamän (отъ слова by, деревня, село). Шведы, отчасти и финны, жившіе на берегахъ Балтійскаго моря, уже издавна занимались торговлей. Въ древнихъ гробницахъ и курганахъ най-

дены монеты иностраннаго, весьма древняго чекана, между прочимъ и арабскія деньги. Но изъ того, что занятіе торговлей было издавна привычно шведамъ и финнамъ, не слѣдуетъ дѣлать заключенія, что тѣ лица, которыя занимались ею, составляли особенный классъ общества, замкнутое сословіе, которое всѣ труды и силы посвящало исключительно торговлѣ и было связано воедино какими либо особыми сословными правами и привилегіями. Городскія права, какъ совокупность правовыхъ постановленій, касающихся только и исключительно городского населенія, выдѣляющія оное въ особый слой общественнаго тѣла, появляется только тогда, какъ шведы, благодаря посредству города Висби, на островѣ Готландъ, быстро достигли ступени важнѣйшаго послѣ Любека, торговаго пункта на Балтійскомъ морѣ, познакомились съ городскими правами ганзейскихъ городовъ. Только во второй половинѣ XIII столѣтія при основаніи Стокгольма знаменитымъ Ярломъ Биргеръ, родоначальникомъ королевскаго дома Фолкунгеровъ, мы встрѣчаемся съ пожалованіемъ особаго писаннаго городского права, согласно которому иностраннымъ торговцамъ, поселявшимся въ новыхъ городахъ даровалась свобода отъ общаго земскаго народнаго права, отъ юрисдикціи окружныхъ судей и право руководствоваться въ гражданскомъ и уголовномъ быту любскимъ торговымъ правомъ. До этого времени въ приморскихъ и внутреннихъ городахъ образовались обычныя правовыя нормы, отличныя отъ древняго земскаго областнаго права, нормы, которыя назывались общимъ именемъ Birckerätt, Byaerkörätt (понятіе это соотвѣтствовало понятію Weichbildrecht въ Германіи), первоначально не имѣвшія правительственной санкціи.

Изъ этихъ то обычноправовыхъ нормъ, подъ вліяніемъ готландскаго и любскаго городского права, развилось въ теченіе XIII и XIV столѣтій, общее городское шведское право (almänna Stadslagen). Если быстрому процвѣтанію и развитію городовъ мѣшали физическія условія страны, скудость почвы, не дававшей богатыхъ плодовъ, немногочисленность населенія, разсѣяннаго по обширному пространству, недостатокъ въ удобныхъ путяхъ сообщенія, то съ другой стороны, пріобрѣтенію сословныхъ привилегій, развитію самостоятельныхъ правовыхъ нормъ, упроченію независимой юрисдикціи не препятствовали тѣ враждебные элементы, съ которыми пришлось бороться нѣмецкимъ, французскимъ и итальянскимъ городамъ. Древнескандинавское народное

право сохранялось долго въ полной своей чистотѣ, феодализмъ сравнительно поздно пытался раздробить государство на мелкія части и владѣльческія единицы, король сохранилъ de jure свое значеніе, какъ глава всего народа и мира и права высшій хранитель. Свободѣ и самостоятельности шведскихъ свободныхъ людей, занимавшихся торговлей и ремеслами въ городскихъ поселеніяхъ, грозилъ только одинъ врагъ, „нѣмецкіе гости" (gäster), поселившіеся во всѣхъ главныхъ пунктахъ, и опираясь на ганзейскій флотъ и ганзейскія богатства стремившіеся превратить всѣ города балтійскаго побережья въ конторы и факторіи ганзы.

Все городское населеніе распадалось на двѣ группы: 1) первую группу составляли т. н. borgare, börghere, или byamän (Baumannschaft), граждане-туземцы, коренные владѣльцы городской марки, 2) вторую группу: gäster, гости, иностранные пріѣзжіе купцы. Тѣ и другіе въ противоположность земледѣльцамъ (т. е. лицамъ, занимающимся исключительно земледѣліемъ) назывались Köpstadsmän.—По закону первоначально не существовало никакого различія между благородными и не благородными (nobiles и cives), извѣстнаго въ исторіи континентальныхъ городовъ. Изъ того, что шведскіе дворяне (столбовые и чиновные) поселялись частью въ городахъ, не слѣдовало первоначально, чтобы они пользовались какими либо привилегіями въ предѣлахъ города. Лишь впослѣдствіи они получили привилегію освобожденія отъ части городскихъ налоговъ и повинностей въ томъ случаѣ, если они не занимались торговлею и промыслами. Основнымъ условіемъ для пользованія правомъ гражданства (burskap) было владѣніе поземельною собственностью въ предѣлахъ городской марки. Городскіе землевладѣльцы въ отличіе отъ пришлаго неосѣдлаго населенія городовъ образовали классъ полноправныхъ гражданъ, имѣвшихъ право носить оружіе, выбирать членовъ городского совѣта и городскихъ судовъ и быть избранными въ городскія должности.—Гости по закону стояли внѣ гражданства (burskap) и пользовались только покровительствомъ гражданъ и городского права для спокойнаго веденія торговаго дѣла. Но вскорѣ они de facto въ приморскихъ городахъ забрали всю власть надъ городомъ въ свои руки и только послѣ упорной борьбы, благодаря вмѣшательству верховной власти, туземцамъ удалось вытѣснить ихъ изъ городского совѣта. Съ точки зрѣнія хозяйственной горожане распадались на двѣ группы. Первую группу составляли byamän — купцы, вторую embetsfolk, embetsmän или

gerningsmän—ремесленники. О купеческихъ гильдіяхъ въ городскихъ положеніяхъ не упоминается, вѣроятно потому, что купцы составляли осиову, корень всего городского населенія, естественнымъ соединеніемъ котораго были органы городского управленія общее собраніе горожанъ, совѣты, большой и малый.

Но довольно рано (въ XIII и XIV ст.) упоминается о торговыхъ компаніяхъ. Коммерческія кумпанства назывались „vedderläggning“ и тотъ кто вступалъ съ какимъ либо купцомъ въ компанейскую сдѣлку назывался „vedderläggningssven“. Такими компаніонами могли быть и иностранцы, которые въ этихъ случаяхъ получали право гражданства и даже были обязаны къ тому, если вкладъ въ компанейскій капиталъ превышалъ 20 марокъ серебромъ.

Ремесленники же въ шведскихъ и финляндскихъ городахъ, слѣдуя примѣру готландскихъ ремесленниковъ, соединились въ цехи (gillen, ämnet, skrå).

Какъ въ Германіи, такъ и въ Швеціи и Финляндіи (въ частности) старѣйшіе цехи и гильдіи образовались изъ общественныхъ собраній и клубовъ, имѣвшихъ религіозный оттѣнокъ, и они появились въ XIII ст. и быстро распространились по всей странѣ, гдѣ вскорѣ ихъ насчитывалось болѣе 100. Первоначально ремесленные цехи были свободными обществами, въ которыя вступать ремесленники вовсе не принуждались. Не смотря на свое быстрое распространеніе и многочисленность, эти цехи никогда не играли такой политической роли, какъ въ Германіи, гдѣ, какъ извѣстно, къ концу среднихъ вѣковъ городское управленіе превратилось фактически въ управленіе цеховое. Первоначально на сѣверѣ какъ торговля, такъ и ремесла не быле централизованы въ городскихъ стѣнахъ. Городскіе жители занимались земледѣліемъ на принадлежащихь имъ участкахъ, составлявшихъ въ совокупности своей городскую марку. Сельскіе жители, съ другой стороны, вели торговлю произведеніями своихъ земель и занимались ремеслами. Но по мѣрѣ распространенія ремесленныхъ цеховъ и когда верховная власть признала торговлю и промышленность дѣломъ общегосударственной важности, появилась попытка сосредоточить всѣхъ ремесленниковъ въ городахъ и сдѣлать торговлю и промышленность монопольнымъ правомъ городскихъ жителей, и то въ различной степени. Въ эпоху меркантилизма (Густавъ Ваза, Карлъ IX, Густавъ Адольфъ и Карлъ XI) всѣ города шведскаго государства раздѣлены на три класса: 1) Stapelstäder, штапель-

ные города, имѣющіе право активной и пасивной иностранной торговли; 2) Sjöstäder, приморскіе города, имѣющіе только право пассивной иностранной торговли и 3) uppstäder, имѣющіе право торговать только съ шведскими городами.

Одновременно съ этой концетраціей торговли и промышленности въ городахъ, шли попытки сплотить и горожанъ все тѣснѣе въ качествѣ особаго замкнутаго сословія. Карлъ IX пытался (въ грамотѣ 1609 г.) вытѣснить дворянъ изъ городовъ, объявляя, что если горожанинъ продастъ свой домъ дворянину, священнику или разночинцу, то половина его недвижимаго имущества обращается въ городскую казну. Въ XVI и XVII ст. организуется правильное участіе городского сословія въ сеймахъ. Окончательно организація его участія опредѣлена и установлена въ 1617 г. (сеймовымъ уставомъ) и въ 1634 г. (формой Правленія). Всѣ эти искусственныя мѣры не вызвали бы роста и процвѣтанія городовъ, если бы не общія естественныя условія новаго времени (оживленіе торговли благодаря открытію Америки, наплывъ звонкаго металла, улучшеніе путей сообщенія, устраненіе безграничнаго кулачнаго права и т. д.) проявили своего дѣйствія и на сѣверѣ. Въ тотъ періодъ исторіи, когда города Германіи, Франціи, Италіи и Англіи спускаются со ступени независимыхъ государствъ на ступень слабыхъ конкурентовъ развивающейся абсолютной власти ландесгерровъ, поборовшихъ феодаловъ, шведскіе города медленно начинаютъ развиваться изъ крупныхъ селъ, окруженныхъ ветхими укрѣпленіями, въ полныя жизни общинныя единицы. Конечно они не могутъ сравниться ни относительно внѣшняго блеска, ни населенности, ни богатства съ тѣми городами континентальной Европы и Англіи, которые являлись центрами всемірной торговли, въ гаваняхъ которыхъ толпились корабли подъ флагомъ различныхъ націй, привозившіе пряности изъ Индіи и золото и серебро изъ Новаго Свѣта, въ которыхъ посреди гордыхъ роскошныхъ домовъ патриціевъ возвышались памятники строительнаго искусства среднихъ вѣковъ: мюнстеры и соборы, ратуши и колодцы, разсказывающіе потомкамъ о славѣ, могуществѣ, богатствѣ и силѣ предковъ. Скроменъ былъ домъ шведскаго гражданина, скромна его жизнь, и торговецъ и ремесленникъ, считавшіеся богатыми въ Швеціи, почитались бы не особенно самостоятельными въ Генуѣ, въ Венеціи, въ Страсбургѣ, Ульмѣ, Магдебургѣ, Любекѣ, Орлеанѣ, Парижѣ и Лондонѣ. А города въФинляндіи? Еще до второй половины XIX столѣтія, за исключеніемъ Або, Выборга

а съ 1622 г. Гельсингфорса, они были деревянными городами. Кто изъ васъ путешествовалъ по Финляндіи, тотъ навѣрное замѣтилъ, что на нихъ всѣхъ лежитъ отпечатокъ новѣйшаго времени; лишь церкви, замки и два три дома въ Або и Выборгѣ являются свидѣтелями старины. Но городу скандинавскому, не достигшему степени независимаго политическаго тѣла, не предстояла горькая участь потерять это значеніе. Извѣстный публицистъ Лоранъ замѣчаетъ, что для образованія государства необходимо было, чтобы пали „города, эти états dans l'état". Они должны были пасть вмѣстѣ съ другимъ явленіемъ средневѣковой Европы независимыми феодалами, съ которыми они представляютъ совершенно однородное явленіе, оказавшееся въ результатѣ феодальнаго строя; они сами не нарушили этого строя, а лишь вошли въ него, занявъ въ феодальной іерархіи мѣсто, совершенно аналогичное съ положеніемъ феодаловъ.

Феодализмъ, какъ я уже неоднократно замѣтилъ, нашелъ себѣ доступъ въ Швецію въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, но привилегіи дворянскія не мало повредили городскимъ интесамъ.

Расширеніе дворянскихъ привилегій въ отношеніи права содержать своихъ ремесленниковъ дало себя чувствовать въ томъ отношеніи, что масса дворянскихъ ремесленниковъ нахлынула въ городъ, и не ограничиваясь работою для своихъ патроновъ, не вступая въ цехъ, уплачивая только ничтожную часть податей лежащихъ на плечахъ городского населенія, выступала конкурентомъ цеховыхъ ремесленниковъ.

Съ этого времени начинаются распри и борьба между этими двумя слоями городского населенія, кончившіяся только въ концѣ XVII ст., когда король Карлъ XI съузилъ привилегіи дворянъ, обострилъ цеховыя постановленія и принудилъ нецеховыхъ уплачивать городскіе сборы и казенныя подати въ болѣе пропорціональномъ ихъ доходамъ размѣрѣ. Но не только дворянскіе ремесленники ограничивали заработокъ цеховыхъ горожанъ и, благодаря этому, доходъ городской казны, — дворяне сами для себя выхлопотали свободу отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ, съ привозимыхъ на ихъ имя и для ихъ домашняго употребленія предметовъ, а также и вывозныхъ пошлинъ на вывозныя произведенія дворянскихъ земель. Только этими привилегіями объясняется вывозъ хлѣба изъ Швеціи въ XVII ст., одновременно съ постоянно повторяющимися голодовками въ Швеціи, и Финляндіи въ особен-

ности, и именно поэтому и являются попытки правительства, въ царствованіе Густава Адольфа, монополизировать вывозную хлѣбную торговлю въ рукахъ казны, которыя не удались: дворяне перестали поставлять хлѣбъ въ торговые города, предпочитая продавать его по вольнымъ цѣнамъ внутри страны.

Таможенныя привилегіи дворянства, сократившія таможенный доходъ казны, сокращали вмѣстѣ съ тѣмъ и доходы городскіе. Дворяне, имѣвшіе большіе дома въ торговыхъ городахъ, не пользовались городскими амбарами; они наполняли свои погреба привозными иностранными товарами, которые продавались ими по низкимъ цѣнамъ, въ ущербъ купцамъ, уплачивавшимъ таможенную пошлину, пошлину за пользованіе городскими, вѣсами за храненіе товаровъ въ амбарахъ и т. д. Убытки, понесенные казною, и жалобы горожанъ побудили наконецъ правительство Карла XI ограничить эту дворянскую привилегію и опредѣлить количество товаровъ, дозволенныхъ къ безпошлинному привозу.

Если такимъ образомъ королевская власть, по мѣрѣ развитія силъ своихъ, старалась защитить интересы городовъ, совпадавшіе съ интересами казенными, то эта же власть, поставивъ себѣ великую задачу: освобожденіе торговли и промышленности отъ опеки иностранцевъ, вторгалась въ хозяйственную свободу горожанъ, оцѣпеняла какъ торговцевъ, такъ и ремесленниковъ, монополіями и ремесленными цеховыми уставами.

На первыхъ порахъ такая регламентація была политическою, соціальною и экономическою необходимостью. Городское сословіе не могло жить безъ привилегій, такъ какъ изъ четырехъ сословій шведскаго тѣла два — дворянство и духовенство — пользовались столь широкими преимуществами, что торговцы и промышленники, предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, превратились бы изъ свободнаго класса въ прислугу дворянъ и духовныхъ лицъ. Но разъ вступивъ на скользкій путь выдачи монополій и привилегій, правительственной регламентаціи и ограниченія хозяйственной свободы, правительство скоро вышло изъ границъ разумнаго покровительства и превратило всю торговлю и промышленность въ правительственное вѣдомство, а купцовъ и ремесленниковъ—въ чиновниковъ, работающихъ по наказамъ и указамъ административнаго начальства. Раздѣленіе городовъ на 3 категоріи: штапельныхъ, морскихъ и внутреннихъ городовъ, содѣйствовало быстрому развитію немногихъ привилегированныхъ пунктовъ, въ ущербъ городамъ мелкимъ и среднимъ, подготовляя ту цен-

трализацію торговли, которая въ XVIII ст. дошла до того, что Стокгольмъ и Готеборгъ въ Швеціи, а Або—въ Финляндіи, забрали въ свои руки $^3/_4$ всей ввозной и вывозной торговли, назначая произвольныя цѣны привознымъ товарамъ, а уплачивая за доставленныя къ вывозу произведенія земли цѣны по своему усмотрѣнію. Искусственная централизація промышленности въ городахъ, насильное изгнаніе ремесленниковъ изъ селъ, поставило крестьянъ въ полную зависимость отъ полноправнаго городского населенія и препятствовало здоровому развитію кустарной промышленности. Промышленность для городовъ, земледѣліе для селъ,—таковъ былъ лозунгъ королей-меркантилистовъ. Если любовь къ регламентаціи по собственному почину не рѣшалась бороться съ „зломъ" кустарной промышленности, то корыстолюбіе и зависть горожанъ такъ долго и усердно наполняли королевскій дворецъ жалобами, что власти исполнили ихъ требованіе. Такъ, напр., въ 1619 г. граждане Готенбурга жаловались на конкуренцію кустарей нѣкоторыхъ округовъ. Король Густавъ Адольфъ приказалъ созвать представителей отъ крестьянъ этихъ мѣстностей. Крестьяне явились, и король потребовалъ отъ нихъ или прекращенія дѣятельности ихъ домашнихъ льнопрядиленъ и разносной торговли полотнами или сооруженія города и уплаты податей наравнѣ съ другими купцами и гражданами. Тщетно крестьяне указывали на то, что ихъ домашнее полотняное производство и разносная торговля вознаграждаютъ ихъ за скудость почвы. Король отвѣчалъ: „Половина всей Ингерманландіи еще пуста и нуждается въ крестьянахъ; идите туда или согласнтесь на мое предложеніе". Пришлось кустарямъ повиноваться; построили они городъ Бореосъ, но въ селахъ не переставали прясть ленъ, и разносчики какъ и прежде являлись въ города и мѣстечки. Въ XVIII столѣтіи, въ эпоху покровительства фабрикамъ и крайней реаламентаціи всей промышленности, ради обезпеченія шведской экономической самостоятельности, правительство опять окончательно старается искоренить кустарей. Въ предписаніи коммерцъ-коллегіи 17 декабря 1748 г. говорится о злоупотребленіи, подъ именемъ домашняго производства совершаемомъ, которое продолжаетъ развиваться въ государствѣ, въ ущербъ городскимъ прядильнымъ фабрикамъ. Такое домашнее производство есть нарушеніе всякаго добраго порядка Tempora mutantur! Въ настоящее время и правительство въ Швеціи и правительство въ Финляндіи принимаетъ всѣ возможныя мѣры для поощренія домашняго ручного труда!

А тогда! Земледѣлецъ не имѣлъ права продавать свои произведенія иначе, какъ въ городѣ; горнозаводчикъ — только въ штапельныхъ городахъ. Крестьяне не имѣли права заводить табачныя плантаціи; для покупки каждаго фунта нюхательнаго табаку крестьянинъ долженъ былъ ѣхать въ городъ. Разносная и развозная продажа была запрещена подъ страхомъ наказанія смертью; всѣ разносчики сгонялись въ города, производилась настоящая облава для поимки разносчиковъ и развозныхъ торговцевъ; конфискованные товары сжигались, виновные отправлялись на каторжныя работы.

Если надъ сельскимъ населеніемъ тяготѣли привилегіи городовъ, то сами города съ ихъ торговцами и промышленниками страдали отъ привилегій привилегированныхъ торговыхъ компаній (мѣдная, для продажи смолы и дегтя и т. д.). Всѣ эти суровыя мѣры, превратившія купечество и ремесленниковъ въ египетскую касту, имѣли и въ Швеціи тѣ же послѣдствія, какъ и въ другихъ странахъ, въ которыхъ, подъ давленіемъ воззрѣній времени, правители и ихъ министры стремились во что бы то ни стало создать національную промышленность и національную независимую торговлю. Трудъ и капиталъ народа были обращены на искусственный путь, и города, въ интересахъ которыхъ принимались всѣ эти мѣры, развивались едва ли быстрѣе, чѣмъ они развивались бы, если бы эти мѣры были менѣе круты. Доходы, получаемые отъ покровительствуемыхъ отраслей промышленности, шли на затраты непроизводительныя; богатые купцы, ремесленники и фабриканты— поскольку они не были иностранцами, которые, наполнивъ карманы, возвращались на родину—вели роскошную жизнь или домогались доступа въ дворянское сословіе, покупали у нуждавшихся въ деньгахъ королей грамоты на чины и дворянство и поступали въ число богатыхъ землевладѣльцевъ, которые праздно жили въ прекрасныхъ усадьбахъ, тратя ренты, уплачиваемыя крестьянами, на роскошныя празднества и не возвращая землѣ, путемъ раціональнаго сельскаго хозяйства, полученныя отъ нея богатства „Какъ бы то ни было,—говоритъ Смитъ,—но капиталы, скопляющіеся въ странѣ благодаря торговли и промышленности, представляютъ собою цѣнность случайную и весьма ненадежную, если нѣкоторая часть ихъ не будетъ употреблена на обработку и на улучшеніе земель. Ни о какой части купеческаго капитала нельзя сказать, чтобы она принадлежала странѣ, пока она не будетъ, такъ сказать, разсѣяна по ея поверхности, въ видѣ построекъ или дру-

гихъ прочныхъ улучшеній". И именно этого производительнаго употребленія капиталовъ недоставало Швеціи въ XVII ст. Ясно, что отъ этого должны были страдать не только интересы крестьянъ, несшихъ $^4/_5$ всѣхъ налоговъ, но и городовъ, владѣвшихъ значительнымъ пространствомъ земли. Благодаря этому искусственному распредѣленію богатствъ, Швеція, которая нынѣ вывозитъ значительное количество земледѣльческихъ продуктовъ, въ XVII и XVIII стол. имѣла столь неразвитое сельское хозяйство, что пропитаніе народа зависѣло отъ привоза хлѣба изъ остзейскихъ провинцій, что когда неурожай постигалъ страну, то населеніе цѣлыхъ областей умирало съ голоду. Эта постоянная потребность шведскаго народнаго хозяйства въ поддержкѣ другихъ странъ отзывалась вреднѣйшимъ образомъ на ея торговомъ балансѣ; недостатокъ въ деньгахъ, колебаніе вексельнаго курса, постоянная задолженность у иностранныхъ экспортеровъ были плодами близорукаго покровительства промышленности и торговлѣ въ ущербъ земледѣлію.

Искусственному процвѣтанію городскихъ промысловъ нанесенъ былъ ужасный ударъ сѣверной войной 1700 — 1721 гг. Новому правительству, выступившему съ намѣреніемъ замѣнить начала единовластія принципами народной свободы, предстояла по отношенію къ городамъ, промышленности и торговлѣ трудная задача: „разсыпанную храмину паки собрать" (выражаясь словами Петровскаго регламента). Но мы сейчасъ увидимъ, что не мѣры правительства, шедшаго по пути полицейскихъ регламентацій, возстановили шведскіе города изъ пепла и обновили ихъ хозяйство, а неусыпная энергія, трудолюбіе и неустрашимая бодрость народнаго духа,—драгоцѣннѣйшіе изъ всѣхъ капиталовъ Швеціи и Финляндіи.

По образцу знаменитаго Акта Мореплаванія Оливера Кромвеля, въ 1724 г. изданъ былъ т. наз. Product-Placat, согласно которому, иностраннымъ судамъ запрещалось ввозить другія произведенія, кромѣ тѣхъ, которыя добываются въ странѣ, подъ флагомъ которой плаваетъ судно. Всѣ суда, построенныя въ Швеціи и командуемыя шведами получили льготу въ уплатѣ податей. Политика привилегій и монополій продолжалась, то усиливаясь, то слабѣя, въ теченіе всего XVIII столѣтія, до 1789 г. Ожесточенная борьба сословій изъ-за власти привела и горожанъ все къ большему сплоченію. При помощи крестьянъ и горожанъ Густавъ III въ 1789 г. побѣдилъ дворянство и принудилъ рикс-

дагъ къ принятію Акта Соединенія и Безопасности. Поддержка горожанъ не была безвозмездная; они выговорили себѣ новую жалованную грамоту. Она дана имъ 26 февраля 1789 г. Въ силу этой грамоты, городскому сословію обѣщано сохраненіе и впредь Продуктъ-Плаката 1724 г., обѣщано упраздненіе вредныхъ монополій и привилегій; право торговли и промысловъ объявлено исключительной привилегіей городского сословія; оговорка сдѣлана лишь въ пользу дворянъ и ихъ старинныхъ привилегій; занятіе ремеслами запрещено лицамъ, не принятымъ въ цехъ, и всѣмъ, т. н. „försvars-karlar". т. е. лицамъ, состоящимъ подъ хозяйственной властью и законнымъ заступленіемъ другихъ. Въ бургомистры, ратманы, городскіе секретари разрѣшено избирать лишь гражданъ, въ строгомъ смыслѣ слова. Монархъ обѣщалъ утверждать въ должности лишь лицъ, избранныхъ большинствомъ въ ратушномъ собраніи и т. д. Но уже во вторую половину XVIII ст. заключаются проблески экономическаго либерализма. Въ Финляндіи поворотъ отъ узкой; стѣсненности торговой и промышленной дѣятельности совершился послѣ горячей борьбы привилегированныхъ городовъ уже въ 1765 г.

Согласно постановленію сейма, западные города Финляндіи: Бьернеборгъ, Ваза, Гамла Карлебю и Улеаборгъ получили стапельное право и одновременно расширено право остальныхъ болѣе мелкихъ городовъ (Христинестадъ, Ньюкарлебю, Якобстадъ, Брахестадъ, Нюстадъ, Раумо, Нодендаль, Экенэсъ). Это постановленіе было основой экономической самостоятельности Эстерботніи. Весь товарообмѣнъ внутренней и сѣверной Финляндіи перешелъ въ руки эстерботнійскихъ городовъ; корабельное дѣло и судоходство съ этого момента сдѣлались для этихъ маленькихъ городовъ источникомъ богатыхъ доходовъ Наконецъ, и для крестьянской торговли началась болѣе свободная эпоха. Послѣ долголѣтнихъ споровъ между городами и прибрежными крестьянами, послѣ взаимныхъ жалобъ и обвиненій правительство разрѣшило крестьянамъ посѣщеніе всѣхъ безъ ислученія портовъ для сбыта произведеній крестьянскаго промысловаго труда и крестьянскаго земледѣлія. Наконецъ, въ 1775—1780 г. послѣдовало объявленіе свободы хлѣбной торговли. Первая брешь была положена въ китайскую стѣну торговыхъ и промысловыхъ привилегій. Дальнѣйшая ликвидація ихъ въ Финляндіи относится уже къ эпохѣ русской.

Въ моментъ присоединенія Финляндіи къ Россіи—финляндскіе

города и финляндское городское сословіе, несмотря на многовѣковую заботливость шведскаго правительства, находились все еще не въ весьма авантажномъ положеніи. Финляндія имѣла въ то время (1809—1810 г.) только 3 крупныхъ города: Або, Гельсингфорсъ и Улеаборгъ. Або имѣлъ 11000 ж., 10 фабрикъ, 2 корабельныя верфи и ввозилъ товаровъ на 200000 р. ежегодно! Гельсингфорсъ—4387 ж., Улеаборгъ—3500 ж. Всѣ остальныя города были мѣстечками съ 350—2000 ж.

Извѣстно, что Александръ I въ 1809 г. манифестомъ отъ 15/27 Марта торжественно утвердилъ „права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные оное населяющіе отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались". Слѣдовательно утвержденіе получила и жалованная въ 1789 грамота привилегій городского сословія. Однако, чѣмъ дальше, тѣмъ больше проявлялась вся несообразность замкнутости городского сословія. Третье сословіе т. ск. не могло больше умѣститься въ рамкахъ городского бюргерства. Привилегированное сословіе горожанъ выражало въ себѣ т. ск. два элемента. Оно должно было въ сущности быть: 1) представителемъ интересовъ торговли и промышленности во всѣхъ ихъ отрасляхъ; 2) представлять собой ту сторону общественной жизни, которая находила свое выраженіе въ городѣ и его учрежденіяхъ. Было время, когда эти двѣ стороны сливались въ одно неразрывное цѣлое, когда городская жизнь, торговля и промышленность были синонимами. Но вотъ наступило XIX столѣтіе съ его техническими успѣхами и освободило промысловый трудъ и предпріимчивость отъ узкихъ стѣнъ городовъ — общинъ съ ихъ гильдіями и цехами. Я указалъ выше, какъ малы были города Финляндіи и что и число ихъ было очень незначительно.

Это были мѣстечки, не города! Въ этихъ мѣстечкахъ фабричная промышленность не могла умѣститься. Да и естественныя условія страны были таковы, что эта промышленность волей неволей должна была слѣдовать не столько по направленію городскихъ улицъ, сколько по направленію водяныхъ силъ. Фабрики т. ск. разсѣялись по всему краю. Ихъ владѣльцы не будучи членами городской общины не могли пользоваться ея привилегіями, съ другой стороны, владѣлецъ горнаго рудника или горнаго завода, разъ онъ не принадлежалъ къ классу frälseman, не былъ и членомъ рыцарской палаты. Эти новые элементы въ общественномъ строѣ требовали или организаціи въ новое сословіе, или же очистки

пути къ соціальному единству въ правахъ, очистки отъ устарѣвшихъ междустѣнокъ.—Законодательство пошло по второму пути, но не сразу.—Непослѣдовательная во многихъ отношеніяхъ политика Александра I установила въ предѣлахъ Финляндіи новую привилегію, но не въ пользу цѣлаго сословія, а въ пользу одного пункта, одного фабричнаго города, искусственно созданнаго, Таммерфореа. (Онъ былъ объявленъ свободнымъ или вольнымъ торговымъ и ремесленнымъ городомъ. Первоначально, 6 апрѣля 1820 г., привилегія, была дана лишь фабриканту Джемсу Финляйсону, а затѣмъ распространена на всѣхъ горожанъ въ силу Выс. Манифеста отъ 1 августа 1821 г. о привилегіяхъ города Таммерфорса. Высоч. объявленіе 18 января 1854 г. о предоставленіи Таммерфорскимъ фабрикамъ таможенныхъ льготъ, до 1859 г., объявило объ упраздненіи привилегій съ 1861 г., но затѣмъ послѣдовало новое подтвержденіе привилегіи Высоч. Манифестомъ 8/20 Декабря 1855 г.).

Эти привилегіи были какъ бы послѣдней вспышкой политики искусственнаго насажденія торговли и промышленности и вторженія въ естественное развитіе третьяго сословія. Съ воцаренія Александра II начинается послѣдовательное упраздненіе всѣхъ преградъ поставленныхъ меркантильной политикой. Главнѣйшія узаконенія, превратившія городское сословіе торговцевъ, промышленниковъ и ремесленниковъ въ свободный общественный классъ—слѣдующія.

Высоч. пост. о ремеслахъ и мануфактурахъ, 12 декабря 1859 г., Высоч. пост. о торговлѣ и промышленности 24 февраля 1868 г., и Высоч. пост. о промыслахъ 31 марта 1879 г.—Пали привилегіи стапельныхъ городовъ, различіе между стапельными и не стапельными городами (1879 г. пост. 31 марта § 47). Законы объ анонимныхъ и акціонерныхъ обществахъ (24 ноября 1864 г.) и о товариществахъ негласныхъ или на вѣрѣ (24 ноября 1864 г.) ввели и упрочили новую форму объединенія личныхъ и экономическихъ силъ для промышленныхъ цѣлей; упразднены суды, основанные на сословномъ началѣ: кемнерскіе суды (27 апрѣля 1868 г.), шлосскіе (14 января 1869 г.), мануфактурные (12 Января 1859 г.); наконецъ, Высоч. пост. 8 декабря 1873 г. объ общинномъ городскомъ управленіи объединило все городское населеніе въ одно безсословное общество, управляемое органами, построенными на началѣ безсословномъ. Городское общество не есть болѣе группа бюргеровъ, пріобрѣвшихъ право „бурскапа“.

Ст. 1 и 3 (въ ред. 1883 г. авг. 15) гласятъ:

„Каждый городъ съ принадлежащею ему территоріей, составляетъ собою отдѣльную общину, члены коей имѣютъ въ предѣлахъ сего закона, завѣдывать своими общими дѣлами, къ порядку и хозяйству относящихся, насколько они по дѣйствующимъ постановленіямъ не зависятъ отъ власти правительственнаго присутственнаго мѣста.

Членамъ городской общины состоитъ всякій, кто въ городѣ или городской чертѣ производитъ промыселъ или ремесло; кто владѣетъ тамъ домомъ, дворовымъ мѣстомъ или землею, или же кто законно имѣетъ или долженъ имѣть тамъ мѣстожительство".

Но переживаніе старыхъ средневѣковыхъ взглядовъ на горожанъ и городъ, какъ на нѣчто сословно обособленное сохранилось въ двухъ отношеніяхъ:

1) въ томъ, что организація городскихъ магистратовъ въ различныхъ городахъ и организація полицейскаго въ нихъ управленія опредѣляются не однимъ общимъ законоположеніемъ, а отдѣльно даруемыми городамъ хартіями;

2) въ томъ, что городское сословіе составляетъ особую курію въ представительствѣ на сеймѣ, причемъ организація этой куріи проникнута не только идеей о какомъ то особомъ представительствѣ городскихъ интересовъ, но и плутократическимъ началомъ неравенства голосовъ, сообразно съ размѣромъ оцѣненныхъ для обложенія доходовъ. Эта странная система обусловливаетъ собой то, что городская курія не есть представительство финляндскихъ промышленниковъ и торговцевъ вообще, а лишь органъ защиты интересовъ одной группы въ средѣ городскихъ жителей.

ГЛАВА V.

Территоріальное дѣленіе В. К. Финляндскаго.

Въ одной изъ предыдущихъ лекцій мнѣ уже пришлось коснуться вопроса о заселеніи Финляндіи финнами съ востока и сѣверо-востока; шведами въ доисторическое время съ юго-востока, затѣмъ съ X и XII столѣтія тоже шведами съ запада. Съ точки зрѣнія этнографіи въ древнѣйшее время Финляндія распадалась на 6 полосъ. Какъ бы тоненькой лентой вдоль сѣвернаго берега Финскаго залива, захватывая Оландскіе острова и огибая юго-западную оконечность, поднимаясь вдоль Ботническаго залива до рѣки Кумо, тянулись поселенія шведовъ. Юго-западную часть материка заняли финны въ узкомъ смыслѣ слова; центръ края около озера Паіэнне и озеръ входящихъ въ систему Паіэнне заняли тавасты; на востокъ отъ рѣки Кюммене, отъ озера Саймы вверхъ до озерной системы Піелисярви поселились Корелы, оставаясь въ неразрывной связи съ своими единоплеменниками на восточномъ берегу Ладожскаго озера и вокругъ Онежскаго озера. Въ сѣверную часть Финляндіи, въ область окружающую озеро Улео, до сѣверо-восточныхъ береговъ Ботническаго залива вторгнулись Квены, которые, впрочемъ, довольно рано слились съ наступавшими съ юга колонистами—тавастами и корелами. Между областями этихъ группъ находились громадныя, пустыя, лѣсами покрытыя, пространства, „эримарки", бывшія въ теченіе столѣтія объектомъ споровъ и битвъ между сосѣдними другъ другу племенами. Наконецъ, въ глухой сѣверъ скрылись остатки аборигеновъ края — лапландцы. Это древнѣйшее этнографическое дѣленіе Финляндіи уже въ XIII столѣтіи начинаетъ уступать новому административному дѣленію, которое только отчасти основано на соблюденіи этнографическихъ различій. Границы были долго не точно опре-

дѣлены. Западная и южная пограничныя черты Финляндіи даны самой природой; ее образуютъ заливы Финскій и Ботническій и рѣки Торнео и Муоніо, но что касается восточной черты, отдѣляющей области, занятыя финнами, отъ нынѣшнихъ коренныхъ русскихъ губерній, то она была долго предметомъ споровъ и поводомъ къ войнамъ. Впервые русско-шведская граница была точнѣе опредѣлена трактатомъ Нотеборгскимъ въ 1323 г. По толкованію новгородцевъ мирный трактатъ въ Нотеборгѣ 1323 г. призналъ за Новгородомъ владѣніе всей сѣверо-восточной и сѣверной Финляндіей до рѣки Питэйоки (на югъ отъ рѣки Улео); по толкованію шведовъ, граница должна была быть проведена до Сѣвернаго океана, съ чѣмъ новгородцы не соглашались. Но къ концу XV ст. появилась какая то новая редакція Нотеборгскаго мира, поддерживавшая претензію шведовъ. Московское правительство признало этотъ трактатъ подложнымъ. Однако, эта подложная интерпретація одержала верхъ при заключеніи Теуссинскаго мирнаго договора 1595 г. Россія была отброшена на востокъ; затѣмъ слѣдовали еще дальнѣйшіе захваты русской территоріи шведскими властями и колонистами. Но и постановленія Теуссинскаго мира толковались въ ущербъ Россіи. Территоріальныя права Россіи въ предѣлахъ нынѣшней Финляндіи таяли какъ то незамѣтно изъ десятилѣтія въ десятилѣтіе. Наконецъ, наступило смутное время заключенъ Столбовскій мирный договоръ 1617 г.; потеряна, какъ извѣстно, Ингерманландія; потеряна русская Корелія съ Кексгольмомъ и подтверждены подложныя толкованія договоровъ 1323 и 1595 гг. Пограничная черта между Швеціей и Россіей проведена въ томъ направленіи, которое и нынѣ еще маркируетъ погра; ничную черту между коренными русскими губерніями и губерніями В. К. Финляндскаго.

По Ништадтскому мирному договору 1721 г. Россія пріобрѣла восточную Корелію, по Абовскому 1743 г. — часть Нюландіи до рѣки Кюммене и часть Саволакса съ Нишлотомъ. Наконецъ, Фридрихсгамскій трактатъ 1809 г. доставилъ Россіи не только всю шведскую Финляндію, но и часть шведской области Вестерботніи. Въ 1812 г. Выборгская губернія (т. н. Старая Финляндія) перечислена къ В. Кн. Финляндскому, а въ 1826 г. конвенція съ Швеціей и Норвегіей опредѣлила гарницу до Ледовитаго океана.

Въ древнѣйшихъ офиціальныхъ письменныхъ памятникахъ названіе „Финляндія“ было присвоено только югозападной части края; весь край, насколько онъ до 1410 г. находился въ рукахъ

шведовъ, назывался Остерландіей. Названіе Финляндіи для всего края входитъ въ употребленіе лишь съ XVI ст.

Съ конца XIII столѣтія Финляндія называется иногда герцогствомъ (сынъ извѣстнаго Биргеръ,—Ярла, Бендтъ,—назывался герцогомъ Остерландскимъ Финляндскимъ; сынъ короля Магнуса Ладулосъ, Вальдемаръ,—назывался. „Dux Finlandiae et Australandiae et magnificus princeps)". Въ 1581 г. появляется титулъ „Великій Князь Финляндіи", и Финляндія въ титулѣ шведскаго короля упоминается въ качествѣ Великаго Княжества. (Замѣтимъ кстати, что послѣ пріобрѣтенія Россіей части Финляндіи по трактатамъ Ништатскому и Абовскому русскіе государи оспаривали право шведскихъ королей называть себя этимъ титуломъ). Финляндія уже въ XVI ст. имѣла свой гербъ, наравнѣ съ другими областями Швеціи. Гербъ фигурировалъ при торжественныхъ похоронахъ Густава Вазы.

Остерландія (Финляндія) въ средніе вѣка раздѣлялась на слѣдующія области: Финляндія въ узкомъ смыслѣ слова (egentliga Finland), Аландъ (Оландскій Архипелагъ), Нюландъ, Тавастландъ Сатакунта, Остработнія, Саволаксъ и Корелія (шведская). Первоначально границы этихъ областей не были точно опредѣлены и въ нихъ не было органовъ, которые бы объединяли ихъ въ отношеніи административномъ или судебномъ.

Единственнымъ органомъ, авторитетъ котораго объединялъ всѣ эти территоріальныя единицы,—былъ Абоскій эпископъ. Въ военно-административномъ отношеніи съ 1368 г. вся Финляндія была раздѣлена на 3 части, которыя назывались „höfdingsdöme" гауптманскіе округа (воеводства). Имъ было присвоено имя резиденцій военачальниковъ: Або, Тавастгусъ (Кроноборгъ) и Выборгъ.

1) Финляндіей, въ узкомъ смыслѣ слова, называлась юго-западная часть края (южная половина современной Або-Бьернеборгской губерніи); центромъ области былъ городъ Або съ его стариннымъ замкомъ; центральнымъ святилищемъ края была гробница св. Генрика. Эта область была опорой шведскаго владычества; здѣсь высадились шведскіе крестоносцы.

Эта „настоящая Финляндія" играла въ теченіе среднихъ вѣковъ роль какъ бы передовой области; населеніе области т. ск. присвоило себѣ право быть представителемъ всей страны (напр., въ 1386 г., въ челобитной о назначеніи лагмана для Финляндіи; въ 1362 г. при избраніи короля Христіана I; въ 1457 г. при избраніи Сванте-Стуре въ намѣстники); въ 1386 г. Настоящая Финляндія раздѣлена на 2 части (на сѣверъ и на югъ отъ рѣки Аура): Norr-

finne и Söderfinne, имѣвшія каждая своего судью, domare, häradshöfding. Съ 1435 г. эти двѣ части были исходнымъ пунктомъ дѣленія Финляндіи на два лагманскіе округа (lagmansdöme, lagsaga).

2) Оландскій архипелагъ въ средніе вѣка, въ XV ст. и въ началѣ новаго времени (XVI ст.), составлялъ особую административную единицу; резиденціей губернатора (höfding) былъ замокъ Кастельгольмъ. Имѣя особаго мѣстнаго судью (häradshöfding), Аландія (Оландія) въ судебномъ отношеніи была подчинена сѣверной финляндской лагманской юрисдикціи.

3) Нюландія. Нынѣ это самая важная губернія, ибо въ ней главный городъ Финляндіи, а прежде она играла роль придатка то Тавастландіи, то Кореліи. Нѣкоторое время Нюландія была раздѣлена на 2 округа: Разеборгскій и Боргоскій, на два судебныхъ округа (domsaga) восточно-нюландскій и западно-нюландскій; Нюландія входила въ составъ южно-финляндскаго лагманскаго округа.

4) Тавастландія съ административнымъ центромъ въ Тавастгусѣ (Кроноборгѣ); раздѣленная на два герадскихъ судебныхъ округа, domsaga: Сээнсэнеки и Хаттула; она входила въ южно-финляндскій лагманскій округъ.

5) Сатакунта, отдѣлена отъ Тавастландіи съ XIV ст., обнимала область по обѣ стороны рѣки Кумо. Центромъ былъ городъ Ульфсби и крѣпостца Кумогордъ (вслѣдствіе чего область называлась иногда Кумогородской провинціей). Сатакунта распадалась на двѣ части: 1) Öfvre och 2) Nedre Satakunta, верхняя и нижняя Сатакунта, составлявшія два судебныхъ округа (domsaga), и входила въ составъ сѣверно-финляндскаго лагманскаго округа.

6) Эстерботнія или Остработнія, составляла первоначально часть области Норрботтенъ, обнимавшей прежде все сѣверное побережье Ботническаго залива. Она называлась и Эстернорландъ и Эстеръ Норрботтенъ. Административнымъ центромъ былъ замокъ Корсгольмъ или Критцеборгъ близъ теперешняго города Вазы Эстерботнія то входила въ составъ юрисдикціи сѣверно-финляндскаго лагмана, то вполнѣ отдѣлялась отъ остальной Финляндіи и присоединялась къ Вестерботніи. Въ административномъ отношеніи къ Эстерботтніи тянула Лапландія, границы которой впрочемъ установлены и опредѣлены лишь въ XIX ст.

7) Саволаксъ и Карелія (или Корелія) которыя назывались также и Восточной и Западной Кореліей, съ границами, постоянно мѣнявшимися благодаря различнымъ политическимъ условіямъ. Центральными пунктами были Выборгъ и Нишлотъ (о чрезвычайныхъ

правомочіяхъ Выборгскаго губернатора мы поговоримъ ниже). Саволаксъ—Карельская провинція распадалась на двѣ части (то самостоятельныя, то подчиненныя административныя единицы): Кюмменогородскій округъ, обнимавшій иногда и восточную Нюландію, и Нишлотскій округъ. Обѣ Кареліи, восточная и западная принадлежали къ южно-финляндской лагманской юрисдикціи.

Что касается русской Кореліи, т. е. области, окружавшей Кексгольмъ, то она первоначально причислялась къ т. н. Вотской пятинѣ. Послѣ Столбовскаго мирнаго трактата 1617 г. Кексгольмская провинція составляла то особую административную единицу, то включалась въ составъ Ингерманландскаго генералъ-губернаторства.

Границы всѣхъ этихъ административныхъ территоріальныхъ единицъ были въ точности опредѣлены и обозначены только въ царствованіе королевы Христины. Въ первой части введенія я указалъ на то, что финляндскія области жаловались въ ленъ сановникамъ иногда на правахъ независимыхъ владѣній. Въ виду неопредѣленности границъ отдѣльныхъ провинцій, объемъ и расположеніе этихъ леновъ были не точно установлены, и одно и то же названіе обозначало подчасъ самыя различныя территоріальныяединицы.

Границы территоріальнаго дѣленія установлены въ 1634 г. при изданіи т. н. Формы Правленія. Согласно ст. 23 Формы Правленія, Финляндія была раздѣлена на слѣдующія губернаторства (Landshöfdingsdöme):

1) Финляндское (въ узкомъ смыслѣ слова), западная часть Финляндіи (современная Абоская губернія), съ резиденціей въ Або. 2) Корельская губернія, обнимавшая бывшій Выборгскій ленъ (воеводство); воеводство Нишлотъ и округъ Кюмменогородскій; резиденція въ Выборгѣ; 3) Тавастландская губернія, обнимавшая Тавастландію, въ узкомъ смыслѣ слова, и часть нынѣшней Нюландской губерніи, съ резиденціей въ Тавастгусѣ; 4) Эстерботническая губернія (вся Эстерботнія съ Каянскимъ округомъ) съ резиденціей въ Улеаборгѣ; 5) губернія Кексгольмская съ резиденціей въ Кексгольмѣ. Часть этихъ губерній соединялась на нѣкоторое время въ генералъ-губернаторства. Такъ знаменитый въ исторіи Финляндіи графъ Перъ Брахе стоялъ два раза во главѣ Финляндскаго генералъ-губернаторства, съ 1637—1640 г. и съ 1648—1654 г.; онъ управлялъ въ первый разъ всѣми финляндскими губерніями, кромѣ Эстерботніи, во второй разъ всѣми финляндскими губерніями, кромѣ Кексгольмской. Въ шведское время генералъ-губернаторство надъ Финляндіей было установлено еще разъ: въ 1615—1674 гг. и съ 1747—1755 гг.

Губернское дѣленіе измѣнялось уже въ XVII столѣтіи нѣсколько разъ. Но эти измѣненія не были постоянными.

Завоеванія Россіи сократили территоріальныя владѣнія Швеціи въ Финляндіи. Послѣ заключенія Ништатдскаго мира часть Выборгской губерніи и Кексгольмская губернія вошли въ составъ Ингерманландской, впослѣдствіи Петербургской губерніи, подъ названіемъ Выборгской и Кексгольмской провинцій, съ воеводами во главѣ (причемъ въ дѣлахъ финансоваго управленія эта часть С.-Петербургской губерніи была подчинена уже съ 1731 г. т. н. Каммеръ-Конторѣ Коллегіи Лифляндскихъ и Эстляндскихъ Дѣлъ). Когда въ 1743 г. на основаніи мирнаго трактата въ Або къ Россіи отошли часть Саволакса и Нюландіи, то въ 1744 г. 3 провинціи: Выборгская, Кексгольмская и Кюмменогородская, объединены въ Выборгскую губернію, раздѣленную на указанныя выше 3 провинціи, съ провинціальными канцеляріями въ каждой (въ Выборгѣ, Кексгольмѣ и Вильманстрандѣ). Въ 1784 г. Выборгская губернія превращена въ Выборгское намѣстничество, съ генералъ-губернаторомъ во главѣ, съ гражданскимъ губернаторомъ, съ раздѣленіемъ на 6 уѣздовъ (Выборгскій, Кексгольмскій, Сердобольскій, Вильманстрандскій, Фредрихсгамскій, Нишлотскій). Какъ извѣстно, Императоръ Павелъ I упразднилъ намѣстничества; Выборгское намѣстничество переименовано въ т. н. Финляндскую губернію, раздѣленную на 6 округовъ (Lands Kommissariat), переименованныхъ послѣ воцаренія Александра I вновь въ уѣзды.

Что касается той части Финляндіи, которая осталась въ рукахъ Швеціи, то въ 1775 г. послѣдовало новое дѣленіе остатка территоріи на 6 губерній (län) 1) Або-Бьернеборгскую, резидеція-Або 2) Нюландо-Тавастгусскую, (Гельсингфорсъ); 3) Кюмменогородскуя (Ловиза); 4) Саволакскую, (Куопіо); 5) Вазаскую (Ваза) и 6) Улеаборгскую (Улеаборгъ). Въ 1811 г., 11 декабря, послѣдовалъ Высочайшій манифестъ о присоединеніи Выборгской губерніи къ Великому Княжеству Финляндіи. Въ п. I сказано: „Финляндская губернія присоединяется къ Великому Княжеству Финляндіи и въ общемъ его составѣ будетъ именоваться губерніей выборгской".

Благодаря этому перечисленію Выборгской губерніи, т. н. „Старой Финляндіи", въ составъ В. Княжества Финляндскаго, административное дѣленіе Финляндіи стало неравномѣрнымъ. Въ виду этого, въ 1831 г. совершена новая разверстка губернскихъ территорій. Нюландо-Тавастгусская губернія раздѣлена на двѣ: Нюландскую и Тавастгусскую, съ губернскими городами: Гельсингфорсъ

и Тавастгусъ. Губернія Кюмменогородская (или, какъ ее также называли, Гейнолаская) отдала часть территоріи Нюландской губерніи, къ ней за то присоединена часть губерніи Саволакской (Куопіоской) съ гор. Нюшлотомъ. Главнымъ городомъ губерніи сталъ С. Михель (вмѣсто Гейнола) и губернія получила названіе С. Михельской.

Нынѣ, слѣдовательно, Финляндія дѣлится на 8 губерній, Нюландскую, Або-Бьернеборгскую, Тавастгускую, Куопіоскую: С. Михельскую, Выборгскую, Вазаскую и Улеаборгскую.

Названіе губерній.	Площадь въ □ килом.	Городовъ.	Мѣстечекъ.	Сельск. общинъ.	Населенія.	% къ общему населенію Финляндіи.
Нюландская	11.872	5	—	39	239.456	10,06
Або-Бьернеборгская	24.171	6	2	120	395.474	16,82
Тавастгусская . . .	21.584	2	1	49	257.851	10,84
Выборгская . . .	43.055	6	—	50	351.600	14,77
С. Михельская . .	22.840	3	1	26	180.920	7,60
Куопіоская	42.730	3	—	37	290.654	12,21
Вазаская	41.711	7	—	84	417.192	17,52
Улеаборгская . . .	165.641	5	—	63	246.993	10,18
	373.604	37	4	468	2380.140	100.—

Что касается подраздѣленій прежнихъ воеводствъ нынѣшнихъ губерній, то оно развилось слѣдующимъ образомъ: главнымъ подраздѣленіемъ уже довольно рано (съ XIV ст.) является герадъ (härad, baillage), называвшійся иногда и фохтерія (fogderi) округъ, или, какъ и теперь, уѣздъ. Онъ былъ первоначально только единицей судебнаго дѣленія, но къ нему какъ бы приноровилось и административное дѣленіе. Härad дѣлился прежде на приходы (socken); это дѣленіе имѣло прежде не только церковно-административное

дѣленіе, но и свѣтско-административное, въ особенности финансовое (кадастровое). Еще болѣе мелкими дѣленіями въ старину были: bol (дворъ, т. е. извѣстное количество дворовъ), fjerding (четверть), а на Аландскихъ островахъ Markland (Маркландъ).

Всѣ эти мелкія подраздѣленія теперь исчезли; уже въ XVIII ст. о нихъ упоминается очень рѣдко. Въ настоящее время губернія дѣлится на уѣзды (герадъ, härad, baillage), теперь уже являющіеся единицами административнаго дѣленія, но которые могутъ совпадать съ дѣленіемъ юрисдикціоннымъ. Уѣздъ (härad) дѣлится нынѣ на ленсманскіе дистрикты (länsmans district).

Указанныя выше губерніи дѣлятся нынѣ на 51 уѣздъ и 269 ленсманскихъ дистриктовъ.

Распредѣленіе ихъ по губерніямъ слѣдующее:

Названіе губерній.	Уѣзды.	Ленсманскіе дистрикты.
Нюландская	4	24
Або-Бьернеборгская	10	47
Тавастгусская	6	27
Выборгская	9	42
С. Михельская	4	21
Куопіоская	6	28
Вазаская	6	42
Улеаборгская	6	38
	51	269

Законъ 6 февраля 1865 г. о сельскомъ общинномъ управленіи выставилъ, какъ общее правило, что каждый сельскій приходъ составляетъ сельскую общину; лишь въ качествѣ исключенія, подъ однимъ общиннымъ управленіемъ могутъ соединяться нѣсколько приходовъ. Объ общинной территоріи законъ не говоритъ.

Законъ же о сельскомъ общинномъ управленіи 15 іюня 1898 г. упомянулъ о территоріальномъ элементѣ въ общинѣ. § 1. (Гл. I) гласитъ: „Каждый сельскій приходъ съ своей территоріей составляетъ отдѣльную общину и т. д.“.

Такимъ образомъ бокъ о бокъ стоятъ двѣ низшія административныя территоріальныя единицы: 1) ленсманскій дистриктъ и 2) община. Ленсманскій дистриктъ есть преимущественно дѣленіе полицейское; община—дѣленіе хозяйственно-административное. Но эти два дѣленія отнюдь не совпадаютъ: ленсманскихъ дистриктовъ—269, а общинъ 473, такъ что только крупныя общины составляютъ одновременно и ленсманскій дистриктъ, а мелкія общины по двѣ входятъ въ дистриктъ.

Что касается спеціальнаго территоріальнаго дѣленія, то я остановлюсь пока лишь на двухъ, на судебномъ и на церковномъ. На первомъ потому, что въ виду не проведеннаго еще до конца отдѣленія суда отъ управленія—дѣятельность органовъ административная и судебная часто переплетаются; на церковномъ дѣленіи я остановлюсь потому, что органы церкви исполняютъ и нѣкоторыя обще-административныя функціи.

Судебное дѣленіе.

Уже въ 1332 г. вскорѣ послѣ Нотеборгскаго трактата, для судоговоренія въ Финляндіи назначенъ: „Legifer finlandesium“. Во второй половинѣ XIV столѣтія упоминается въ грамотахъ королей Вицелагманъ Остроландскій, и, наконецъ, говорится о „лагманѣ“ Финляндіи, имѣвшемъ такія же функціи, какъ и въ Швеціи.

Королевская грамота 29 октября 1435 г. раздѣлила территоріальное вѣдомство Финляндскаго лагмана (Lagsaga) на двѣ части: Söderfinne и Norrfinne; первая обнимала собою южно-финляндскую область, Нюландію, восточную и западную Корелію и Тавастландію; сѣверно-финляндскій лагманскій округъ обнималъ Сѣверно-финляндскую область, Сатакунта, Остработнію и Аландскій Архипелагъ.—Нѣсколько разъ повторялись попытки подвести эти два лагманскихъ округа какъ составныя части подъ одну общую территоріальную единицу; высшей аппеляціонной инстанціей являлся иногда rättare или rätstcting.

Въ 1407 г. учрежденъ финляндскій общій земскій судъ (Finlands landsrätt), въ 1560 г. учреждена финляндская королевская судебная комиссія. Наконецъ, въ 1623 г. учрежденъ Гофгерихтъ въ Або, простиравшій свою компетенцію на всю Финляндію. Въ 1775 г. шведская часть Финляндіи раздѣлена въ судебномъ отно-

шеніи на двѣ части, въ виду учрежденія Вазаскаго гофгерихта. Русская Финляндія съ момента окончательнаго устройства судебной части въ Россіи имѣла дѣленіе, сходное съ дѣленіемъ всѣхъ русскихъ губерній. Въ 1776 г. вся шведская Финляндія раздѣлена на 4 лагманскихъ округа (Або-Бьернеборгскій, Остработническій, Кюмменогородскій, Нюландъ-Тавастгусскій). Въ 1812 г. организованъ Выборгскій лагманскій округъ, а Остработническій округъ раздѣленъ на два округа: Вазаскій и Улеоборгскій. Высочайшее Постановленіе 27 апрѣля 1868 г. упразднило лагманскіе суды.

Подраздѣленіемъ лагманскихъ судовъ (въ дѣлахъ гражданскихъ) были округи герадскихъ судовъ (domsaga), которые въ свою очередь раздѣлялись и раздѣляются на судебные участки (tingslag). Послѣ упраздненія лагманскихъ судовъ—герадскія судебные округи (domsaga), стали непосредственнымъ подраздѣленіемъ гофгерихтскихъ юрисдикціонныхъ областей. Въ настоящее время Финляндія въ судебномъ отношеніи раздѣлена между 3 Гофгерихтами. Въ вѣдѣніи Абовскаго гофгерихта находится 12 городскихъ судовъ (rådstufvarätt) 23 domsaga и 82 судебныхъ участка; въ вѣдѣніи Вазаскаго гофгерихта—11 городскихъ судовъ, 16 domsaga и 66 судебныхъ участковъ; въ вѣдѣніи Выборгскаго гофгерихта 12 городскихъ судовъ, 23 domsaga и 86 судебныхъ участковъ.

Церковное дѣленіе.

До 1554 г. вся Финляндія составляла одну епископскую епархію, съ резиденціей въ Або (раннѣе въ Куустэ). Въ 1554 г. учреждена вторая, Выборгская епархія, въ которую вошла вся восточная Финляндія. Послѣ Ништадскаго мирнаго трактата и уступки Выборга Россіи,—шведское правительство перенесло епископскую каѳедру изъ Выборга въ Борго.—Послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи была учреждена (въ 1850 г.) третья епархія въ Куопіо (резиденція коей переведена впослѣдствіи въ Улеаборгъ), а въ 1895 г.—четвертая въ Нишлотѣ. Епархіи дѣлятся на пробсткіе округи (ихъ всего 64). Въ каждый пробстскій округъ входитъ нѣсколько общинъ церковныхъ или приходовъ (вообще въ Финляндіи 550 церковныхъ протестантскихъ приходовъ), главныхъ пасторатствъ въ Финляндіи всего 427.

Кромѣ главныхъ пасторатствъ имѣется 59 капелланствъ и 64 временныхъ пасторатовъ.

Вся Финляндія съ 1895 г. составляетъ одну православную епархію, съ резиденціей въ Выборгѣ.

Во главѣ стоитъ Архіепископъ Финляндскій и Выборгскій,

при которомъ состоитъ Выборгская духовная Консисторія. Въ составъ православной епархіи входятъ 30 приходовъ (14 городскихъ и 16 сельскихъ).

Въ силу ст. 78, ч. I, т. XI, Св. З. всѣ католическіе приходы въ Финляндіи принадлежатъ къ Могилевской Архіепархіи.—Въ Финляндіи всего 2 католическихъ прихода.

ГЛАВА VI.

Обзоръ исторіи развитія административныхъ установленій Финляндіи.

Вамъ несомнѣнно знакома знаменитая нѣкогда теорія раздѣленія властей, результатъ философскаго размышленія Локка, Свифта, Монтескье, Канта и Бенжамена Констана, теорія, въ которой долго видѣли философскій камень политики, считавшаяся панацеею противъ нарушенія общественной свободы, послужившая основою для созданія нѣкоторыхъ образцовыхъ конституцій (французской 1791 г., испанской 1812 г., португальской, бразильской, отчасти бельгійской, норвежской).—Она нынѣ признается неосновательной. Наука выставила принципъ нераздѣльности и единства государственной власти и говоритъ только о распредѣленіи функцій нераздѣльной власти между органами ея.

Но распредѣленіе функцій государственной власти между отдѣльными органами, въ смыслѣ порученія функцій законодательной, судебной и административной—исполнительной опредѣленнымъ органамъ, составляющимъ 3 отдѣльныя группы съ строго отграниченной компетенціей, осуществилось и то непослѣдовательно лишь въ недавнее сравнительно время. И теперь еще законодательные органы имѣютъ долю власти административной и власти судебной; судебные органы не лишены окончательно административныхъ функцій; административные органы не чужды дѣятельности судебной.

Невѣрно то воззрѣніе, согласно которому смѣшеніе или отсутствіе точнаго и строгаго разграниченія трехъ функцій: законодательной, судебной и административной, есть признакъ отстало-

сти и политической несвободы. Въ Англіи судъ отъ администраціи не отдѣленъ, но кто рѣшится сказать, что въ Англіи нѣтъ свободы политической и гражданской? Франція старалась обосновать весь свой политическій строй на строгомъ проведеніи начала раздѣленія властей, но кто, будучи знакомъ съ французской административной практикой, скажетъ, что французскій гражданинъ не только временъ Имперіи, но и временъ III республики обезпеченъ болѣе, нежели англичанинъ, вслѣдствіе строгаго запрещенія суду вмѣшиваться въ дѣла администраціи? Шведское право не знаетъ строгаго раздѣленія властей. Не знала и не знаетъ его и административная система Финляндіи.—Это отсутствіе точныхъ граней между законодательствомъ, судомъ и управленіемъ есть результатъ такого же продолжительнаго историческаго процесса, какъ тотъ, который создалъ и ликвидировалъ общественный строй Финляндіи. Я указалъ въ первой части моего историческаго обзора, что установившееся послѣ 1323 г. въ Финляндіи шведское управленіе не есть то демократическое, первичное управленіе Швеціи, которое существовало до проникновенія на сѣверъ патримоніальныхъ и отчасти феодальныхъ началъ въ XIII ст. Первоначально въ рукахъ Упсала-Конунга сосредоточивались только: высшій судъ, предводительство на войнѣ и, т. ск. представительство духовнаго единства народа передъ богами въ Упсальскомъ храмѣ. Низшій судъ и управленіе хозяйственными дѣлами всецѣло принадлежали мѣстнымъ территоріальнымъ единицамъ: области (landskap), округу (härad), четверти (fjerding), осьминѣ (attung) и т. д.

Послѣ паденія мелкихъ племенныхъ князей, представителей древнѣйшей племенной родовой аристократіи (т. н. fylkis Konungar), во главѣ области стояли два органа власти: höfding, назначаемый Упсальскимъ королемъ и lagman, избранникъ народа.—Первый представитель, т. ск. монархическаго начала въ управленіи, второй—представитель начала демократическаго (подобно князю и посаднику въ Новгородѣ). Должность höfding'а—должность относительно новая; она результатъ усиленія королевской власти. Должность lagman'а столь же древняя, какъ и область и герадъ. Лагманъ избирался народомъ; онъ былъ столбомъ древнѣйшаго правового строя; онъ былъ народнымъ трибуномъ.

Какъ я замѣтилъ въ первой моей лекціи,—каждая область имѣла свое право, образовавшееся постепенно, развившееся, возраставшее изъ обычаевъ и нравовъ, составленное первоначально изъ самыхъ простыхъ, несложныхъ правоположеній, передавав-

шихся устно изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ нормъ направленныхъ болѣе на примиреніе враждующихъ, нежели на судъ надъ ними; болѣе направленныхъ на регулированіе дозволеннаго самосуда, нежели на отмѣну его. Эти правоположенія развивались, росли въ числѣ, расчленялись качественно, и уходъ за ихъ ростомъ поручался лагманамъ. Лагманъ былъ живымъ кодексомъ народнаго права. Въ древнѣйшее время лагманъ былъ органомъ и законодательства, и суда, и управленія.

Лагману надлежало: 1) на областныхъ вѣчахъ (landskapsting) періодично оглашать во всеобщее свѣдѣніе юридическіе обычаи и законы, предлагать новыя постановленія на утвержденіе вѣча и заносить ихъ на доски закона (какъ сказано въ предисловіи къ уложенію 1734 г.—собранные лагманами законы заносились на деревянныя доски рунами, а впослѣдствіи буквами; доски хранились въ церквахъ, прикрѣпленныя цѣпями къ алтарю); 2) быть высшимъ судьей области по дѣламъ аппеляціоннымъ на рѣшеніе низшихъ судовъ, если дѣло переносилось на разсмотрѣніе лагмановъ или вслѣдствіе спора судей о истинномъ разумѣ законовъ, или если одна изъ сторонъ подавала жалобу на пристрастіе судей. По мѣрѣ усложненія условій общественной жизни народъ призналъ удобнымъ передать опытнымъ законникамъ-лагманамъ то право суда, которое осуществлялось ранѣе народнымъ вѣчевымъ собраніемъ. Лагманъ судилъ при помощи 12 присяжныхъ (Tolfmannanämnd), которые оцѣнивали доказательства, приводимыя сторонами; 3) Лагманъ руководилъ административными дѣлами области и былъ представителемъ ея интересовъ передъ королемъ. Власть и вліяніе лагмана были настолько сильны, что даже самые высшіе изъ сановниковъ не рѣшались показываться на вѣчахъ безъ его согласія.—Въ подчиненныхъ области мѣстныхъ территоріальныхъ единицахъ (герадахъ) роль лагмана (въ Свейскихъ областяхъ) исполняли domare (земскіе судьи). Судья этотъ избирался коллегіей 12 мужей, по вызову королевскаго уполномоченнаго. Король же черезъ своего уполномоченнаго давалъ избраннику „судъ въ руки". („Konungen satte honom dom i händer"). Лагманъ и domare, слѣдовательно, были органами т. ск. „земщины". Имъ противостояли органы короля. Какъ вы видите, дуализмъ земскаго и государева (княжьяго) дѣла, проходящій красною нитью черезъ всю исторію Россіи до XVII вѣка включительно, не чуждъ и исторіи нашей сосѣдки Швеціи.—Высшимъ представителемъ короля въ области былъ Höfding, въ дословномъ переводѣ—дворянинъ.

Подъ нимъ стояли (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ) laenshaerre, надъ нѣсколькими герадами, а повсюду—ленсманъ, начальникъ härad'a. Титулъ häradshöfding, заимствованный изъ готскихъ областей, появляется въ свейскихъ областяхъ и въ Финляндіи не раньше XIII ст. Эти должностныя лица были органами королевскаго надзора въ мѣстности; они передавали королевскія приказанія народу, охраняли его права въ отношеніи сбора податей, наблюдали за порядкомъ въ судахъ, въ иныхъ случаяхъ выступали обвинителями, были начальниками ополченія. Они по приказанію короля могли созывать народъ на вѣче, областное и окружное. Высшимъ органомъ управленія былъ король, при которомъ уже въ древнѣйшее время состоялъ совѣтъ изъ 12 мужей. Въ совѣтъ призывались и лагманы, но они занимали въ совѣтѣ совершенно своеобразное положеніе. Должности лагмана и королевскаго совѣтника не могли быть соединены. Королевскій дворянинъ (hofman) не могъ быть лагманомъ; лагманъ долженъ былъ быть изъ одальныхъ крестьянъ („Lagman skall bondeson vara").

Такова первичная организація шведскаго управленія въ историческое время.—Организація управленія въ Финляндіи была сложнѣе. Въ ней демократическія начала отступили на задній планъ. Органы управленія въ этой первоначально неравноправной покоренной странѣ распадались на 4 группы: *первую* группу составляли: епископъ и его слуги, духовные и свѣтскіе, колонизаторы съ мечомъ и съ крестомъ въ рукахъ; *вторую* группу составляли земскіе органы управленія въ округахъ, населенныхъ болѣе густыми массами шведскихъ колонистовъ: земскіе судьи и вѣчевыя собранія; *третью* королевскіе ленники, воеводы, начальники крѣпостей съ ихъ тіунами (фохтами). Служебныя отношенія послѣднихъ и личные status ихъ регулировались особымъ, т. ск., дворовымъ правомъ (gårdsrätt); *четвертую* группу—компанія откупщиковъ (birkarlar), о которой мы уже говорили выше, съ ихъ агентами и фохтами въ сѣверной Финляндіи.

Лагманская должность появляется въ Финляндіи въ XIV столѣтіи, вскорѣ послѣ Нотеборгскаго мирнаго трактата, и, какъ указано выше, Финляндія первоначально образовала одинъ общій лагманскій округъ. И должность лагмана и должность судейская (domare, härads-höfding) оставалась и въ Финляндіи выборной, но характеръ ея все-таки измѣнился. Лагманъ пересталъ быть народнымъ трибуномъ. Онъ сближается вскорѣ съ королевскими должностными лицами, благодаря сословной связи, которая по мѣрѣ

вторженія феодальныхъ началъ, начала объединять вышедшихъ изъ среды крестьянъ вліятельныхъ одальмановъ съ придворной аристократіей.

Измѣнился и порядокъ избранія лагмана. Судебный отдѣлъ земскаго уложенія Магнуса Эриксона (XIV ст.) предписываетъ слѣдующій порядокъ выборовъ лагмана. Епископъ обязанъ былъ созвать ландстингъ (областное вѣче) не позже 8 недѣль до дня выборовъ. На это вѣче собирались всѣ полноправные жители области. На вѣче являлся епископъ въ сопровожденіи двухъ духовныхъ лицъ, т. ск. представителей духовнаго сословія. Народъ (allmogen), какъ фрельзовые, такъ и нефрельзовые мужи, избирали изъ своей среды 12 электоровъ (6 фрельзовыхъ и 6 нефрельзовыхъ); эти 12 выборщиковъ, къ коимъ присоединялись 2 духовныхъ, избирали 3 лицъ, по ихъ убѣжденію наиболѣе способныхъ къ должности лагмана. Изъ этихъ трехъ кандидатовъ король назначалъ „одного какъ Богъ ему на душу положитъ, и коего онъ считаетъ способнымъ принести пользу народу". Окружный судья (domare, härads-höfding) избирался герадскимъ, окружнымъ вѣчемъ, созваннымъ лагманомъ. Герадъ назначалъ 12 повѣренныхъ; эта коллегія избирала въ свою очередь 3 кандидатовъ; изъ нихъ король избиралъ, кого хотѣлъ.—Но это выборное начало фактически скоро стало призракомъ. Въ очеркѣ развитія сословій я указалъ, какъ съ XIV ст. крупные поземельные собственники успѣли возвыситься надъ народомъ, какъ ленная система пожалованія земель и должностей ввела въ общественный строй начала феодальныя и патримоніальныя. Лагманская должность сдѣлалась почетнымъ титуломъ, который присвоили себѣ, прикрываясь призрачнымъ избраніемъ,— члены королевскаго или государственнаго совѣта, магнаты, воеводы въ замкахъ, правители областей. Ratio legis предполагало невозможность соединенія въ однѣхъ рукахъ должности лагмана и герадсгевдинга, ни соединенія двухъ лагманскикъ должностей. Законъ нарушался безнаказанно! Властныя лица были лагманами въ нѣсколькихъ областяхъ, герадсгевдингами въ нѣсколькихъ герадахъ. Къ тому склоняла ихъ причина матеріальная. Лагманы получали въ свою пользу различные сборы и пошлины. Судъ превратился въ способъ наживы. Не даромъ еще въ XVI ст. судейскія правила (domarereglor) считали необходимымъ подчеркнуть, что „судъ творится не изъ-за пошлинъ и пеней, что народъ не для суда созданъ, а судьи для народа!" Лагманы и герадсгевдинги сами даже не отправляли своихъ судейскихъ обязанностей. Ихъ

исправленіе поручалось викарнымъ судьямъ (underlagmän, underhäradshöfdingar), лицамъ должностнымъ, закону неизвѣстнымъ, подчиненнымъ своимъ патронамъ или, т. н. чтецамъ законовъ, нанятымъ изъ мужиковъ. Но самое важное то, что должность лагмана соединялась все чаще съ должностью чисто административной, съ должностью höfvidsman'a, воеводы. Народное значеніе должности лагмановъ и герадсгевдинговъ блѣднѣетъ, а въ то же время и должностное значеніе королевской службы отступаетъ на задній планъ. Какъ территоріальная компетенція, такъ и матеріальная, превращаются въ частное право, которое жалуется пожизненно, а затѣмъ и наслѣдственно.

Тѣ территоріальныя единицы, про которыя я говорилъ въ предыдущихъ лекціяхъ,—становятся раіономъ дѣятельности лицъ, компетенція которыхъ зависитъ не столько отъ закона, сколько отъ личнаго сословнаго положенія. Воеводы Абоскій, Выборгскій, Тавастгусскій, дѣйствовали вполнѣ самостоятельно не только въ границахъ областей, но и въ отношеніи иностранныхъ державъ. Изъ нихъ въ особенности Абовской воевода сыгралъ выдающуюся политическую роль (онъ носилъ титулъ advocatus, praefectus Ostralandiae, Finlandiae). Мы имѣемъ договоры, заключенные этими воеводами съ Ревелемъ, Новгородомъ, Любекомъ! Сборъ податей, назначеніе должностныхъ лицъ, все было въ рукахъ воеводъ.

Подчиненными органами воеводъ были: фохты, ленсманы, затѣмъ въ низшихъ подраздѣленіяхъ härad'a—больмены, фьердингсмены. Компетенція этихъ должностныхъ лицъ зависѣла всецѣло отъ воеводъ. Управленіе Финляндіей въ средніе вѣка было вполнѣ произвольнымъ, и жалобамъ простонародья не было конца. Тщетно королевская власть старалась сохранять народъ отъ притѣсненій должностныхъ лицъ при помощи особыхъ судилищъ, которыя учреждались или въ качествѣ постоянныхъ учрежденій (landsrätt въ Финляндіи, – въ XIV ст.), или созывались періодически (raeffsteting, rättareting). Въ этихъ raeffsteting проявляется какъ бы проблескъ сознанія необходимости обезпечить права частныхъ лицъ и прочно организованныхъ группъ лицъ общины, области, сотни, округа отъ вторженія государственной администраціи и опредѣлить порядокъ разрѣшенія спора о правѣ гражданъ и границахъ правъ органовъ управленія. Raeffsteting судилъ преступленія противъ отдѣла о королѣ (konungsbalk) Этотъ судъ повидимому пользовался довѣріемъ простонародья. Еще въ 1650 г. куріи гражданъ и крестьянъ подали прошеніе королевѣ Христинѣ, и въ числѣ 12 петицій находи-

лась слѣдующая: „чтобы, согласно древнимъ законамъ, созывался ежегодно въ каждомъ округѣ т. наз. Raeffsteting съ участіемъ выборныхъ лицъ отъ всѣхъ сословій, для обсужденія всѣхъ дѣлъ по нарушенію законовъ королевства, правъ казны, свободы народа и королевской присяги". Точныхъ свѣдѣній (за исключеніемъ свѣдѣній о nämnd, т. е. коллегіи присяжныхъ) объ организаціи этихъ Raeffsteting мы не имѣемъ. Судя по намекамъ крестьянской куріи, это было періодично созываемое присутствіе, состоявшее изъ представителей мѣстныхъ жителей и коронныхъ должностныхъ лицъ. Какова была его компетенція,—въ точности мы тоже сказать не можемъ. Да и едва ли она была строго опредѣлена. Не имѣемъ мы свѣдѣній о томъ, когда прекратилось созваніе этого присутствія. По всей вѣроятности, существованіе этого административно судебнаго органа прекратилось еще въ эпоху уніи, когда пало значеніе должности лагмана, какъ должности народной; когда иноземные властители, короли уніи, стремились ввести въ Швеціи феодальные порядки и когда между свободными крестьянами и королемъ встали крупные землевладѣльцы, стѣсняя вольности первыхъ и ограничивая власть вторыхъ.

Отдѣльно отъ управленія областного, округами и сельскихъ приходовъ стояло управленіе въ городахъ. Во главѣ городского управленія уже съ XIII ст. стояли: 1) фохтъ, какъ представитель короля, и 2) совѣтъ, какъ органъ городского самоуправленія. Первоначально, до развитія власти крупныхъ феодаловъ-землевладѣльцевъ, до развитія ленной системы и результатовъ ея: герцогствъ, графствъ, баронствъ, всѣ города считались королевскими, стоящими подъ его непосредственнымъ высшимъ надзоромъ и охраною. Но когда впослѣдствіи ленники, а затѣмъ герцоги, графы, бароны, сдѣлались властями посредствующими между королемъ и народомъ, когда въ ихъ руки были переданы цѣлыя области на правахъ полу-независимыхъ владѣній, то и многіе города перешли подъ руку этихъ могущественныхъ вассаловъ, подчинились имъ, и органы городского управленія сдѣлались de facto мандатаріями вассальныхъ государей, которые часто основывали новые города, назначали бургомистровъ и членовъ совѣта и считали себя господами города. Только въ концѣ XVII ст. Карлъ XI, уничтоживъ эти промежуточныя власти и оставивъ только титулъ графа и барона безъ содержанія,—возвратилъ и владѣльческіе города подъ королевскій скипетръ.—Фохтъ въ городѣ наблюдалъ за тѣмъ, чтобы интересы короля не нарушались; чтобы законы государ-

ственные соблюдались и подати, уплачиваемыя горожанами въ королевскую казну, взимались установленнымъ законнымъ образомъ. Что касается Совѣта, то онъ состоялъ изъ 24 совѣтниковъ и 4 бургомистровъ (borgmästare или consules). Въ малыхъ городахъ число совѣтниковъ и бургомистровъ было гораздо менѣе значительно (6—8). Совѣтники (radmän) избирались подъ контролемъ фохта на 1 годъ, на 2 и 3. Право быть избранными имѣли только лица осѣдлыя, безпорочныя, и шведы, но не нѣмцы.

Это запрещеніе избирать нѣмцевъ имѣло очень вѣское основаніе: къ концу среднихъ вѣковъ, въ особенности въ концѣ XIV и началѣ XV ст. вліяніе нѣмецкихъ купцовъ было до того велико въ шведскихъ городахъ, что половина совѣтниковъ и 2 изъ бургомистровъ были нѣмцы, которые всячески старались вытѣснить туземцевъ. Борьба между этими двумя партіями кончилась въ концѣ XV ст., когда государственный намѣстникъ Стенъ-Стуре Старшій издалъ законъ, согласно которому иностранцы не имѣли права быть членами совѣта (1470 г.). Не могли быть избранными далѣе: ремесленники и всѣ подчиненныя должностныя лица, какъ то: таможенные смотрители, писаря, городскіе писаря, смотрители подъ городскими вѣсами и амбарами и т. д., такъ какъ таковыя должностныя лица стояли подъ надзоромъ и контролемъ совѣта. Совѣтъ имѣлъ власть законодательную (относительно вопросовъ, касающихся исключительно города), судебную и административную, и засѣдалъ in pleno или дѣйствовалъ въ видѣ болѣе узкаго собранія (комитета). Далѣе по составу различался старый совѣтъ и молодой совѣтъ (какъ въ Магдебургѣ). Мы уже упоминали о томъ, что совѣтники избирались на 1 и 3 года. Старый совѣтъ составляли совѣтники, выбранные въ теченіе перваго года, молодой—состоялъ изъ совѣтниковъ избранныхъ въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ. Члены совѣта избирались всѣмъ совѣтомъ in pleno въ присутствіи фохта и только съ XVII ст. (на основаніи устава о городскомъ управленіи 1619 г. 26 декабря) общее собраніе гражданъ получило право учавствовать въ выборахъ. Съ того времени и ремесленники получили активное и пассивное избирательное право.

Въ сущности уставъ (ordinantia) 26 декабря 1619 г. никогда не былъ цѣликомъ формально санкціонированъ, но его положенія легли въ основу городскихъ хартій, изданныхъ для старыхъ и для новыхъ городовъ до царствованія Карла XI (напр. привилегія и хартія города Гельсингфорса 20 октября 1639 г.). Въ силу

этого устава въ городахъ появился новый органъ: городскіе старшины или совѣтъ старшинъ (Stadensäldste), состоявшій на половину изъ купцовъ, на половину изъ ремесленниковъ. Совѣтъ городской (stadsråd) съ этого времени начинаетъ все чаще называться магистратомъ. Однако новая эпоха приноситъ и ограниченія свободы и самостоятельности городского управленія. Не смотря на то, что въ городскомъ уложеніи и въ I главѣ королевскаго отдѣла уложенія 1442 г. было предписано избирать бургомистровъ, и что это правило было подтверждено, какъ въ Уставѣ 1616 г., такъ и въ грамотахъ отдѣльныхъ городовъ,—верховная власть все чаще стала назначать бургомистровъ и выборы бургомистровъ вышли изъ употребленія. Затѣмъ право фохта, бургомистра и магистрата издавать уставы и обязательныя постановленія ограничено сферою дѣлъ чисто общинныхъ, хозяйственныхъ. г. Съ начала XVII ст. (на основаніи устава о судопроизводствѣ 1619 г. т. н. råttegångs ordinantia) въ болѣе крупныхъ городахъ появляются особые городскіе суды, ратушный (Rådhusrätt и низшій городской или кемнерскій судъ (Kämnersrätt), въ качествѣ низшей судебной инстанціи [1]). (Впрочемъ въ болѣе крупныхъ городахъ уже въ средніе вѣка различались двѣ судебныя инстанціи „rätt i rädstuga“ и „ratt i torgeno“ судъ въ ратушѣ, въ качествѣ высшей инстанціи и судъ на рынкѣ, въ качествѣ т. ск. полицейскаго суда. Также въ болѣе крупныхъ городахъ былъ назначенъ особый синдикъ (syndicus), содѣйствовавшій въ судебныхъ дѣлахъ бургомистру и совѣту. Что касается общаго собранія гражданъ, то оно до XVII ст. собиралось для рѣшенія вопросовъ объ изданіи общихъ, касающихся всего городского населенія законовъ, и для назначенія общихъ налоговъ для городскихъ потребностей. Послѣ изданія Устава 1619 г. это общее городское собраніе не созывается болѣе. Для цѣлей административныхъ уже къ концу среднихъ вѣковъ городъ дѣлился на участки и главнымъ органомъ управленія былъ конечно тотъ же городской совѣтъ. Онъ и послѣ 1619 г. издавалъ распоряженія о публичной безопасности, о мѣрахъ и вѣсахъ, уставы пожарные и строительные, торговые и ремесленные. Но со средины XVII ст. эта компетенція совѣта переходитъ почти цѣликомъ къ правительству.

---

[1]) Ратушные суды существуютъ донынѣ, а кемнерскіе суды упразднены въ силу Выс. Пост. 27 апрѣля 1868 г.

Для содѣйствія совѣту при наблюденіи за исполненіемъ этихъ правилъ, совѣтъ избиралъ ежегодно опредѣленное количество осѣдлыхъ гражданъ и никто не имѣлъ права отказываться отъ исполненія совѣтскихъ постановленій. До 1614—1619 гг. сами члены совѣта дѣлили между собою дѣла судебныя и административныя. Для исполненія совѣтскихъ предписаній и для наблюденія за отдѣльными отраслями полиціи безопасности и благоустройства, существовали особые органы: сторожа, рыночные смотрители, смотрители за амбарами, смотрители вѣсовъ и мѣръ, уличные и мостовые смотрители, объѣздчики—и т. д.

Послѣ 1619 г. администрація города стояла подъ надзоромъ фохта, а въ крупныхъ городахъ губернатора (landshöfding'a). Губернаторъ и фохтъ въ случаѣ разногласія ратмановъ,—имѣли рѣшающій голосъ. Въ первую половину XVII ст. появляются новые органы городского управленія: казначейская камера (drätselkammare) и городской камериръ или кассиръ.

Замѣтимъ, что городское сословіе считалось „несвободнымъ", т. е. подчинялось уплатѣ общегосударственныхъ налоговъ и повинностей, и что только въ томъ случаѣ, если горожанинъ принималъ на себя конную службу (rusttjenst) онъ освобождался отъ уплаты ординарныхъ рентъ, причислялся къ категоріи frälse män' и пользовался привилегіями дарованными лицамъ этого состоянія. Государственные сборы, реальные и личные, обыкновенные и чрезвычайные, взимались или фохтами или особыми выборными отъ горожанъ сборщиками и отправлялись къ областному начальнику той области, въ которой лежалъ городъ. Что же касается средствъ для покрытія городскихъ потребностей, то они были слѣдующія: 1) города владѣли недвижимою собственностью, лугами, пашнями и лѣсами, а въ горныхъ округахъ и горными рудниками. Эти земли были или остаткомъ старой общественной марки или пожалованы королями, которые всячески старались содѣйствовать развитію городовъ, не только выдачею различныхъ привилегій (торговыхъ и промышленныхъ), но и выдѣломъ въ пользу городовъ части доменъ или незанятыхъ пустошей и общественныхъ лѣсовъ (allmännings skogar). Слѣдуя примѣру королей и крупные магнаты-землевладѣльцы: герцоги, графы и бароны, жаловали подчиненнымъ имъ городамъ часть своихъ доменъ или предоставляли земли въ льготное, долговременное пользованіе. Эти земли состояли или въ непосредственномъ хозяйственномъ пользованіи членовъ городской общины (на городскихъ лугахъ пасли

скотъ городской, лѣса доставляли дрова и строительные матеріалы для общественныхъ построекъ и зданій), или отдавались въ аренду краткосрочную и долгосрочную (1 годъ, 6 лѣтъ и 15 лѣтъ). Что касается общественныхъ горныхъ рудниковъ, то города, слѣдуя примѣру короны, крупныхъ землевладѣльцевъ и горныхъ промышленниковъ, обработку предоставляли арендаторомъ, за условленную, единовременную или ежегодную плату, состоявшую обыкновенно въ извѣстной пропорціи въ добычѣ металловъ. За пользованіе рудниками, непосредственное и посредственное, города уплачивали казенную горную десятину королю, какъ верховному собственнику и субъекту горной регаліи. Не малымъ подспорьемъ городской казнѣ были и городскія рыбныя ловли, которыя отдавались въ аренду сосѣднимъ рыболовамъ, съ условіемъ уплаты въ городскую казну части добычи. Кромѣ земель принадлежавшихъ городамъ на правахъ полной городской собственности, городскія общины нерѣдко брали въ аренду недвижимости, принадлежащіе казнѣ. Такъ, напр., въ городѣ Упсалѣ, послѣ секуляризаціи церковныхъ земель, значительное количество луговъ, пашенъ, домовъ, лавокъ и мельницъ перешло въ руки казны, которая отдала ихъ въ пользованіе городской общины за извѣстную арендную плату, на половину натуральную, на половину денежную. То же самое встрѣчается и въ другихъ бывшихъ епископскихъ городахъ, какъ то: Скара, Стренгнесъ, Вексіе, Або и др. Во время редукціи съ цѣлію отомстить горожанамъ за энергичное содѣйствіе королю при редукціи дворянскихъ земель, дворянская курія потребовала редукцію городскихъ земель, нѣкогда пожалованныхъ короною, но король не согласился на эту мѣру, желая сохранить благосклонность сословія, которое въ XVII стол. начинало пріобрѣтать политическую силу. Города сохранили свои городскія домены до нашего времени. Старѣйшими доходами городской казны были виры за преступленія и проступки (sakören och dulgadråpsböter), которыя дѣлились между общиною, въ предѣлахъ которой было совершенно преступленіе, и королемъ; пошлины за пользованіе городскими вѣсами, амбарами, за право выставлять товары на городскихъ рынкахъ, наконецъ городскіе, общинные налоги (åläggning, skuth) общіе и особенные, уплачиваемые при вступленіи въ число полноправныхъ горожанъ (burskap).

Burskapsaffgft былъ налогомъ, окладъ котораго былъ навсегда опредѣленъ и неизмѣняемъ. Фохтъ и бургомистръ уплачивали 5 эръ деньгами при вступленіи въ должность, ратманы

менѣе ихъ, но нѣсколько болѣе обыкновенныхъ, полноправныхъ гражданъ. Что касается ремесленниковъ, то до пріобрѣтенія ими права участвовать въ общемъ городскомъ управленіи, съ нихъ едва ли требовалась уплата гражданской подати, но они уплачивали особые сборы въ общественную казну города (gerningsöre).

Что же касается общаго городского налога (åläggning, skuth, Schutzgeld), то по общему городскому праву всѣ лица, жившія въ городѣ и имѣвшія болѣе трехъ марокъ серебра имущества и не состоявшія у кого либо въ услуженіи, были обязаны уплачивать эту подать. Каждый городской житель былъ обязанъ объявить раскладчикамъ подати, которые избирались горожанами (af allmoganum), о размѣрѣ своего имущества, движимаго и недвижимаго, находящагося въ городѣ или внѣ города, и если хозяинъ дома былъ въ отсутствіи, то его сынъ, или жена, или компаньонъ (если хозяинъ былъ членомъ кумпанства) обязаны были давать объясненія объ экономическомъ положеніи семейства. Размѣръ skuth'а опредѣлялся собраніемъ городскихъ старшинъ, по предложенію совѣта и подъ надзоромъ фохта, сообразно съ предстоявшими расходами, но община могла прибавить и добавочный налогъ (förskuth), для удовлетворенія ожидаемыхъ потребностей.

Этотъ добавочный налогъ требовался только отъ лицъ, имѣвшихъ болѣе трехъ марокъ серебра имущества, и отъ кумпановъ (vederlaggningsvenner), участвовавшихъ въ кумпанствѣ 40 марками серебра. Кумпаны же, вкладъ которыхъ былъ менѣе 40 марокъ, уплачивали половину добавочнаго налога. Свободою отъ прямыхъ городскихъ налоговъ пользовались, согласно общему городскому праву (allmäna Stadslagen): 1) всѣ королевскіе чиновники, какъ то: монетные мастера, врачи, придворная прислуга и другія лица, признанныя королемъ принадлежащими ко двору; 2) на основаніи старинныхъ привилегій церкви, церковно-служители; 3) согласно привилегіямъ 1594 г., дворяне были освобождены отъ уплаты всѣхъ реальныхъ сборовъ за дома, находящіеся въ городахъ, но эта привилегія не распространялась на ихъ домочадцевъ, занимавшихся торговлею или ремеслами. Слѣдовательно, не смотря на выраженіе грамоты 1594 г. „Adelns hus och gärder i stâderne skola vara frije för stadzens tunga“ *), привилегія имѣла характеръ личный,

*) Дома и дворы дворянъ въ городахъ должны быть свободны отъ городскихъ налоговъ.

а не реальный. Городское положеніе 1619 г. опредѣлило, что a) дворяне, имѣющіе дома въ городахъ, или королевскіе слуги свободны только тогда отъ податей, если они не занимаются какими либо гражданскими промыслами (borgerlig näring); въ послѣднемъ случаѣ они обязаны уплачивать городскіе налоги наравнѣ съ другими горожанами; b) всѣ священники, профессора и школьные учителя и другія, въ школахъ служащія лица, свободны отъ податей съ доходовъ, получаемыхъ отъ земель или движимаго имущества, внѣ городовъ лежащихъ, но уплачиваютъ оныя за всякое имущество, лежащее въ предѣлахъ юрисдикціи городского совѣта; c) всѣ лица, состоящія на службѣ городской, если весь ихъ доходъ состоитъ изъ содержанія, получаемаго отъ города, свободны отъ податей, но подчиняются уплатѣ налога за всякое движимое и недвижимое имущество, не на службѣ пріобрѣтенное; d) никто изъ сельчанъ не имѣетъ права поселиться въ городѣ и заниматься торговлею и ремеслами, не вступая въ составъ городского сословія; „затѣмъ, если они поселяются въ одномъ изъ домовъ города, то уплачиваютъ подати и сборы и исполняютъ повинности пропорціонально своимъ способностямъ и силамъ“ (efter sin förmåga). Это постановленіе было послѣдствіемъ неоднократныхъ жалобъ горожанъ на то, что сельскіе жители, не имѣвшіе права гражданства, поселялись въ городахъ, вели торговлю, занимались ремеслами, не принимая на себя соотвѣтствующей доли въ общинныхъ податяхъ и повинностяхъ. Вслѣдствіе настоятельныхъ требованій горожанъ, эти иногородные торговцы и ремесленники согласились уплачивать skuth; они получили названіе skottmän. Но, вѣроятно, они и теперь отклонялись отъ уплаты налоговъ и отбыванія повинностей, такъ какъ въ теченіе XVII столѣтія правительство принимало мѣры для принужденія этихъ skottmän къ поступленію въ число полныхъ гражданъ и переселенію въ города на постоянное жительство. Въ 1664 г. магистратамъ было предоставлено право принимать такихъ не полныхъ гражданъ въ города, съ условіемъ вноса опредѣленной платы въ городскую кассу.

Эта старинная городская подать, какъ видно, была подоходнымъ налогомъ, который взимался съ каждаго жителя города, занимавшагося торговлею и промышленностью, пропорціонально его доходу отъ движимаго и недвижимаго имущества, причемъ податное лицо должно было само объявлять раскладчикамъ налога о величинѣ своего дохода. Этотъ налогъ взимался въ городахъ особыми должностными лицами, назначаемыми изъ числа городскихъ

совѣтниковъ, но которыя назывались: Kämmenär или Cämnäres. Отчетъ о сборѣ податей эти камериры давали фохту и члену совѣта, и въ 1619 г. было постановлено, что въ каждомъ городѣ должна быть учреждена особая комиссія, состоящая изъ 7 членовъ (1 бургомистра, 2 членовъ совѣта и 4 горожанъ), которая подъ высшимъ контролемъ совѣта наблюдала за сборомъ податей и правильнымъ расходованіемъ ихъ на городскія потребности. Весьма вѣроятно, что эта комиссія или камера была также и органомъ, рѣшающимъ споры между раскладчиками податей и податными лицами. Эти подати (Burskapsafgift и skuth) были старѣйшими прямыми налогами, встрѣчающимися во всѣхъ городахъ. Къ нимъ можно присоединить сборъ пожарный (brandstod), уплачиваемый горожанами въ пользу пострадавшаго отъ пожара члена городской общины. Кромѣ этихъ общихъ налоговъ, въ городахъ Швеціи существовали еще весьма разнообразные сборы въ пользу городской казны, которые были введены общиною съ разрѣшенія правительства или уступлены городамъ правительствомъ взамѣнъ отказа города отъ какихъ либо привилегій въ уплатѣ другихъ казенныхъ податей.

Ихъ можно раздѣлить на слѣдующія группы:

1) Сборы съ недвижимой собственности; 2) сборы торговые, судоходные, съ извѣстныхъ отраслей промышленности и ремеслъ, 3) различныя спеціальныя пошлины, наконецъ 4) платежи со стороны казны за уступку городскихъ доходовъ и привилегій, и вознагражденіе за чрезвычайный постой постояннаго войска.

Названія этихъ различныхъ сборовъ и доходовъ въ различныхъ городахъ Швеціи, а также и способъ взиманія и оклады сборовъ, до того разнообразны, что перечисленіе ихъ заняло бы слишкомъ много времени. Мы остановимся для примѣра только на доходахъ Гельсингфорса въ 1639 г.

Городъ Гельсингфорсъ имѣлъ слѣдующіе источники доходовъ и доходы:

1) Земли (stads hemman).

2) Таможенная и складочная привилегія (tull och källarefrihet), т. е. право выписыватъ безпошлинно опредѣленное количество вина. Привилегія ограничена въ 1681 г. (Кор. постановленіе 29 октября 1681 г.).

3) Sakören (коронная часть въ денежныхъ штрафахъ) употреблялись на поддержку церквей, школъ и иныхъ общественныхъ строеній (привил. 1639 г.).

4) Право безпошлинной торговли дровами (Kastved, Выс. рез. 8 октября 1668 г. и 22 іюля 1670 г.). Доходъ отъ этой привилегіи назывался Vedhandling-inkomster.

5) Толажный сборъ (tolag), накладной сборъ на таможенныя пошлины, на улучшеніе публичныхъ зданій. (Кор. резолюція 8 ноября 1650 г.; привилегія упразднена въ 1681 г.,—а затѣмъ вновь возстановлена).

6) Портовые, мостовые сборы и ластовый сборъ, на содержаніе мостовъ. (К. рез. 21 сентября 1660 г., 24 ноября 1660 г. и 8 октября 1668 г.).

7) Часть акциза и печного сбора (aksisen och bakugns penningar).

8) Jus detractus, т. е. сборы съ выселяющихся изъ города, (Прив. 1639 г.), на улучшеніе общественныхъ сооруженій.

9) Сборъ съ винокуренія въ городской чертѣ (Brännwärksjärn inkomst).

10) Различные мелкіе сборы: съ мельницъ (mjölkvarn penningar), tomtören (плата за пользованіе участка и земли въ стѣнахъ города), täppe penningar (огородныя деньги), mulbete penningar, плата за пользованіе городскимъ выгономъ; плата за морскія пристани и пользованіе городскими баржами (sjöbåds penningar).

Изъ указаннаго очерка развитія управленія въ городахъ явствуетъ, что городское управленіе далеко опередило въ своей организаціи управленіе внѣ городскихъ стѣнъ, что оно въ XVII ст. уже успѣло подняться до ступени самостоятельности, даже уже перешло за высшую точку развитія и начало склоняться къ болѣе низкому уровню. Что же касается управленія въ селахъ, въ уѣздѣ (какъ говорится теперь), то оно остается шаткимъ до начала XVII ст. Развитію его препятствовали все тѣ же феодальныя и патримоніальныя начала, которыя еще усилились вслѣдствіе учрежденія Густавомъ Вазою и Эрикомъ XIV герцогствъ, графствъ и баронствъ. Густавъ Ваза пытался усилить правительственный элементъ въ мѣстной администраціи, но это удалось далеко не въ степени желательной. Сословное начало оказалось не первый разъ непоборимымъ. Было даже признано, что должность лагмана и герадсгевдинга должна быть преимущественно замѣщаема дворянами; выборное начало фактически совершенно отстранено, но и право назначенія на эти должности, предоставленное королю, въ виду олигархическихъ преимуществъ, стало пустымъ звукомъ. Король назначалъ лагмановъ изъ сравнительно незначительной

группы родовитыхъ дворянъ. Въ жалованныхъ грамотахъ на должность лагмана, герадсгевдинга, воеводы, въ царствованіе Густава I дается также обѣщаніе не смѣщать должностныхъ лицъ безъ суда и слѣдствія [1]). Несмѣняемость должностныхъ лицъ, какъ легко убѣдиться, есть начало, идущее въ разрѣзъ съ демократическимъ началомъ избранія и монархическимъ началомъ назначенія по личному довѣрію. Да и гарантія несмѣняемости вводится не въ общіе административные законы, а въ грамоты сословныхъ привилегій. Но, пожертвовавъ должностями лагмана и герадсгевдинга, король старался усилить правительственное начало въ мѣстномъ управленіи инымъ путемъ. Онъ жалуетъ т. н. лены съ отчетностью („län på räkenskap"), т. е. жалуетъ управленіе тѣмъ или другимъ округомъ или областью съ условіемъ отчета передъ королемъ за веденіе дѣлъ, съ правомъ короля назначать подчиненныхъ органовъ управленія, фохтовъ, ленсмановъ и т. д.

Въ XVI же столѣтіи королевская власть привлекаетъ къ участію въ мѣстномъ управленіи и членовъ государственнаго совѣта, назначая ихъ намѣстниками и губернаторами въ области. Была сдѣлана также попытка коренной реформы всего мѣстнаго управленія. Въ 1540 г. ближайшій совѣтникъ короля К. Пюхи выработалъ инструкцію для управленія Вестерготландіей, инструкцію, которая должна была быть распространена впослѣдствіи и на все государство. По идеѣ Густава, провинціальное управленіе должно было быть организовано на коллегіальномъ началѣ и въ то же время на началѣ приказномъ. Въ каждой области должна была быть организована коллегія по дѣламъ судебнымъ и административнымъ, состоящая подъ предсѣдательствомъ Landshöfding'а (губернатора) и епископа (какъ вице-президента), изъ 4 членовъ, по назначенію короля, и секретаря.

Полицейско-исполнительная власть поручалась особой королевской жандармеріи. Но попытка осуществить начало централизаціи въ мѣстномъ управленіи, провозглашенное въ этой инструкціи, не удалась. Введенная въ Вестерготландіи въ дѣйствіе, система эта должна была уступить передъ протестомъ дворянства, бояв-

---

[1]) О несмѣняемости должностныхъ лицъ говорится, впрочемъ, уже въ XV ст. Но въ эпоху безсилія верховной власти вообще могла быть только рѣчь о смѣняемости слабыхъ. Вліятельнымъ и сильнымъ родственными узами должностнымъ лицамъ увольненіе не угрожало.

шагося потерять все политическое вліяніе въ случаѣ передачи власти административной и судебной въ руки чиновниковъ, не связанныхъ съ областью единствомъ мѣстныхъ интересовъ и сановныхъ привилегій и знающихъ только одинъ законъ, волю короля.

Къ концу царствованія Густава Вазы Финляндія въ цѣломъ составляла одну общую административную единицу, причемъ намѣстнику, герцогу Іоганну, была ввѣрена обширная, почти королевская власть надъ всѣмъ краемъ, однако съ условіемъ, чтобы Финлянляндія никоимъ образомъ не отдѣлялась отъ Швеціи и оставалась на вѣчныя времена инкорпорированной ея частью. Это провинціальное обособленіе Финляндіи въ королевской грамотѣ 1556 г. (29 іюня) мотивировано слѣдующимъ образомъ: во время пребыванія своего въ Финляндіи король замѣтилъ, что бѣдные финляндскіе подданные Е. В. часто терпятъ обиды и притѣсненія по той причинѣ, что Финляндія слишкомъ отдалена отъ Стокгольма и король не имѣетъ возможности постоянно наблюдать за порядкомъ. Дабы на мѣстѣ имѣлось лицо, къ которому народъ могъ бы обращаться за помощью, защитой и совѣтомъ, назначается въ Финляндію сынъ короля Іоганнъ, дабы онъ именемъ короля могъ повелѣвать, распоряжаться, разрѣшать и оберегать. Герцогу Іоганну ввѣрено было все управленіе Финляндіей, какъ по гражданской, такъ и по военной части.

Въ одной изъ предыдущихъ лекцій я указалъ на тѣ послѣдствія, которыя имѣло учрежденіе крупныхъ феодальныхъ леновъ въ Финляндіи для дворянскаго и крестьянскаго сословій. На мѣстную администрацію эта феодальная система повліяла разлагающимъ образомъ.

Мѣстное управленіе Финляндіи, благодаря безпрерывнымъ волненіямъ, неурядицамъ въ королевскомъ домѣ, благодаря опустошительнымъ войнамъ съ Россіей и Польшей, а въ особенности вслѣдствіе страшнаго произвола мѣстныхъ аристократовъ, отстаивавшихъ свои феодальныя права и расплодившихъ своихъ фохтовъ, ундерфохтовъ, сборщиковъ податей и т. д. до неслыханнаго въ Финляндіи количества,—приведено въ полный хаосъ. Всѣ скромные зачатки порядка, введенные Густавомъ I, исчезли. Финляндія къ концу XVI ст. сдѣлалась обѣтованной страной мучителей простонародья, подражавшихъ своимъ братьямъ въ Лифляндіи и Эстляндіи. При шаткости высшей власти, не помогали никакія чрезвычайныя средства. Тщетно назначались новые чрезвы-

чайные губернаторы, смѣнялись, казнились фохты, назначались къ нимъ впервые уѣздные бухгалтеры, въ качествѣ контролеровъ. Все напрасно. Годы, слѣдовавшіе за смертью Іоганна III, и время смутъ, сопровождавшихъ борьбу изъ за престола между его сыномъ, польскимъ королемъ Сигизмундомъ, и братомъ покойнаго короля, Карломъ IX,—были для Финляндіи періодомъ страшныхъ испытаній.

Во второй главѣ намъ пришлось говорить объ этомъ смутномъ времени въ Финляндіи, о деспотизмѣ намѣстника маршала Класъ Флемминга, о „дубинной войнѣ", о рѣзнѣ крестьянъ.

Шведско-польскій намѣстникъ, защитникъ феодальныхъ вольностей, одержалъ побѣду цѣною опустошенія Финляндіи. Но вскорѣ затѣмъ послѣдовавшая смерть его облегчила подчиненіе Финляндіи новому властителю Карлу IX и дала возможность введенія администраціи въ болѣе нормальную колею.—Но партія олигарховъ съ ея претензіями на превращеніе административныхъ функцій въ вотчинныя права и вольности, не умолкала, не смотря на то, что главы ея пали во время казней въ Швеціи и Финляндіи. Черезъ нѣсколько десятилѣтій она снова воспрянула и одержала даже верхъ, но на время, по крайней мѣрѣ, могло быть установлено что то подобное прочному управленію. Реформы Карла IX, утвердившія королевскую власть и давшія его преемникамъ возможность упрочить и мѣстную администрацію, проведены въ союзѣ съ низшимъ и среднимъ классами. Всѣ боялись Карла, многіе его ненавидѣли, но масса народа стояла за своего короля, и прекрасный титулъ „добрый король", данный ему несчастными крестьянами Финляндіи, сохранился за нимъ навсегда, какъ памятникъ народной благодарности. Побѣдивъ послѣднихъ сторонниковъ Сигизмунда, Карлъ приступилъ къ рѣшительнымъ реформамъ во всѣхъ областяхъ государственнаго устройства и управленія. Не вдаваясь въ подробности, скажу только, что значеніе Государственнаго Совѣта, какъ политическаго органа, было въ сущности уничтожено (въ 1602 г.); составъ сейма измѣнился. Совѣтъ и дворянскіе съѣзды пали,—на мѣсто совѣта фактически вступилъ кабинетъ и министерское бюро, состоявшее изъ „королевскихъ секретарей", произведенныхъ въ дворянскій санъ королевскими патентами. На мѣсто господскаго съѣзда (herrmöte) выступило сословное собраніе, состоявшее большею частью изъ крестьянъ и коронныхъ фохтовъ, сельскихъ духовныхъ лицъ и горожанъ, къ которымъ Карлъ присоединялъ офицеровъ и солдатъ своего по-

стояннаго войска, по его мнѣнію, представлявшихъ истинную на ціональную силу. Благодаря конфискаціямъ, казнямъ, изгнанію,— контингентъ дворянъ, занимавшихъ мѣстныя . административныя должности, въ особенности въ Финляндіи, успѣлъ уже сократиться, и на нѣкоторое время, хотя не вполнѣ, мѣстное управленіе изъ рукъ помѣстнаго дворянства перешло въ руки королевскихъ чиновниковъ, окружныхъ фохтовъ, ленсмановъ и волостныхъ начальниковъ (fjerdingsmän). Въ 1602 г. появляется и первый регламентъ фохтамъ, исходный пунктъ законодательства объ управленіи губерніями и округами (уѣздами). Функціи фохта уже по инструкціи 1602 г. сводились къ 4 группамъ: 1) онъ былъ органомъ исполнительной полиціи, осуществляя полицейскій надзоръ въ селахъ; фохтъ (окружный) не распространяетъ своей власти на городъ; 2) онъ былъ т. ск. мѣстнымъ воинскимъ начальникомъ надъ расположеннымъ въ его округѣ гарнизономъ. Эта функція его исчезла уже въ 1635 г., когда военное управленіе было отдѣлено отъ гражданскаго; 3) онъ былъ вспомогательнымъ органомъ суда, приводя въ исполненіе приговоры суда уголовнаго, и органомъ взысканія (executor) въ дѣлахъ гражданскихъ, — 4) и, это его главная задача, онъ былъ органомъ управленія финансоваго, главнымъ распорядителемъ при сборѣ податей и раскладкѣ повинностей.

По всей вѣроятности, уже въ XVI ст. или съ начала XVII ст. появляются должности облавныхъ и мостовыхъ фохтовъ (Bro och Skallfogdar). По крайней мѣрѣ, въ правилахъ о Нюландскомъ методѣ оброченія 1690 г. говорится объ этихъ должностныхъ лицахъ, какъ о существующихъ въ теченіе продолжительнаго времени.—Вообще нужно замѣтить, что съ XVI ст. центромъ тяжести всего мѣстнаго управленія были функціи финансово-административныя; къ нимъ пріурочены были остальныя функціи. Въ царствованіе Густава Адольфа организація мѣстнаго управленія, послѣ непродолжительнаго поворота въ сторону феодальныхъ стремленій, дѣлаетъ еще значительный шагъ впередъ. Прочная организація камеръ-коллегіи въ 1618 г., стоявшей во главѣ почти всего внутренняго и финансоваго управленія, повлекла за собой и созданіе болѣе точныхъ правилъ дѣятельности для органовъ мѣстнаго управленія. Въ то же самое время появляются и спеціальные органы администраціи: торговые комиссары, оберъ - бергмейстеръ, горные фохты, правительственные почтальоны и т. д.

Но мѣстное управленіе имѣло отчасти все еще оттѣнокъ

феодальный. Областные начальники и фохты все еще получали извѣстныхъ размѣровъ земли въ ленъ, обязуясь собирать въ пользу короны доходы частно-правовые (рента, afrad) и публично-правовые (разнаго родаskatt) и вмѣстѣ съ тѣмъ получали часть сбора съ подчиненныхъ ленникамъ крестьянъ и городовъ въ свою пользу въ видѣ жалованья. Такой порядокъ мѣстнаго управленія весьма нравился богатымъ землевладѣльцамъ, которые въ большинствѣ случаевъ занимали высшія мѣстныя должности (Landshöfding, Lagmann, Häradshöfding), и фохтамъ, умѣвшимъ выжимать изъ народа лишніе сборы для собственнаго кармана. Но эти злоупотребленія и жалобы народа побудили короля въ 1613 г. постановить, что всѣ ленныя пожалованія областей и округовъ должны быть редуцированы, и всѣ чиновники мѣстнаго управленія, высшіе и низшіе, должны получать опредѣленное денежное содержаніе, обязуясь всѣ собранные доходы (за исключеніемъ закономъ установленныхъ и въ размѣрѣ опредѣленныхъ Landshöfdings - häradshöfdings и Lagmansränta) отправлять въ казну государственную. Но приведеніе этой мѣры встрѣчало затрудненія отчасти въ энергичномъ сопротивленіи чиновниковъ, не желавшихъ потерять источникъ обильнаго кормленія, отчасти въ недостаткѣ наличныхъ денегъ на содержаніе большого штата чиновниковъ. Съ цѣлью ограничить, по крайней мѣрѣ, учащеніе случаевъ пожалованій, король приказалъ канцлеру не иначе выдавать грамоты о пожалованіи, какъ по предварительному одобренію оныхъ камеръ-коллегіею, дабы сія могла указать, не нужны ли пожалованныя имѣнія для поддержанія горныхъ рудниковъ или крѣпостей и войска. Но одно было достигнуто королемъ: намѣстники, Landshöfding'и, губернаторы и коменданты (начальники областей назывались весьма различно, но большею частью носили эти названія) должны были признать себя не вассалами, а чиновниками короля. Инструкціи 1616, 1620 и 1624 г.г. опредѣляли ихъ обязанности въ области финансоваго управленія. Такъ какъ король въ то же время приказалъ въ точности разграничить мѣстный раіонъ дѣйствій какъ Landshöfding'а, такъ и фохтовъ, то была поставлена преграда неурядицамъ, царствовавшимъ въ прежнія времена, когда неоднократно случалось, что одинъ и тотъ же округъ подчинялся двумъ начальникамъ, требовавшимъ каждый уплаты установленныхъ сборовъ и несенія повинностей по его приказаніямъ. Со времени Густава Адольфа терминъ „Län“ и „fogderie“ начинаетъ обозначать точно опредѣленныя административныя раздѣленія госуд. терри-

торіи [1]). Въ 1623 г. всѣ лены Финляндіи были подчинены общему высшему управленію генералъ-губернатора, и первый президентъ Абоскаго гофгерихта былъ вмѣстѣ съ тѣмъ назначенъ Финляндскимъ генералъ-губернаторомъ (въ 1623 г.).

Въ инструкціи 1624 г. Landshöfding'у былъ порученъ высшій надзоръ на мѣстѣ за поступленіемъ всѣхъ казенныхъ рентъ и за соблюденіемъ казенныхъ правъ, контроль надъ всѣми финансовыми чиновниками: фохтами, таможенными смотрителями, писарями, арендаторами казенныхъ земель и доходовъ, и ленсманами.

Если, что иногда встрѣчалось, сборъ казенныхъ доходовъ давался на откупъ, то Landshöfding обязанъ былъ наблюдать за исполненіемъ откупныхъ условій, онъ же наблюдалъ за тѣмъ, чтобы собранныя суммы сборщиками казенныхъ доходовъ или выборными отъ härad'овъ и приходовъ отсылались въ камеръ-коллегію въ Стокгольмъ или, если то предписано послѣднею, расходовались на мѣстныя казенныя надобности.

Кассиръ и бухгалтеръ не имѣли права самовольно расходовать суммы, но были обязаны вносить всѣ сборы ихъ въ то мѣсто, которое будетъ назначено Landshöfding'омъ для храненія. Здѣсь казенная сумма клалась въ особый сундукъ подъ печатью Landshöfding'а и бухгалтера и выдавалась только по предписанію перваго. Въ помощь Landshöfding'у, по дѣламъ финансовымъ, были назначены въ 1624 г. Landsekreterare и bokhållare, обязанности которыхъ были опредѣлены въ полности инструкціями 1628 и 1631 гг. Бухгалтеръ велъ журналъ входящимъ суммамъ и hufvudbok, главную книгу доходовъ и расходовъ, которая къ 1-му февраля представлялась для контроля въ камеръ-коллегію. Въ фохтскихъ округахъ финансовое управленіе лежало въ рукахъ коронныхъ фохтовъ и ихъ помощниковъ, häradsskrifvare, которые, согласно инструкціямъ 1615, 1618 и 1624 гг., должны были ежегодно, къ Иванову дню, представлять отчетъ въ сборахъ податей съ квитанціями, составленными на имя каждаго плательщика. Бухгалтеръ

---

[1]) Не смотря на всѣ эти реформы, организація мѣстнаго управленія, въ особенности въ Финляндіи, страдала крупными недостатками и не удовлетворяла народъ. Мѣстная администрація въ Финляндіи и мѣстные администраторы изъ туземцевъ были настолько тяжки для финновъ, что Эстерботнійцы представили сейму 1600 г. ходатайство о томъ, чтобы впредь правительство на должности фохтовъ и чтецовъ законовъ (т. е. мѣстныхъ низшихъ судей) назначало „шведскихъ людей", т. е. людей изъ Швеціи, не привыкшихъ къ финской административной практикѣ.

провѣрялъ эти отчеты и, если находилъ ихъ вѣрными, то выдавалъ фохту удостовѣреніе въ исполненіи обязанности по законамъ.

Если фохтамъ и häradsskrifvare было поручено исполненіе какихъ либо расходовъ, то они представляли счетъ израсходованнымъ суммамъ. Въ случаѣ неисправности ихъ счетовъ, они привлекались камеръ-коллегіей къ отвѣтственности и суду. Имъ же было поручено составлять перечень ожидаемыхъ доходовъ и расходовъ въ фохтскихъ округахъ, изъ которыхъ Landshöfding составлялъ общую вѣдомость для пересылки въ камеръ-коллегію. Если камеръ-коллегія усматривала незаконность или упущеніе, и если Landshöfding и фохтъ жаловались на нарушеніе закона или фискальнаго права, то дѣло, согласно камеральному уставу 1618 г., разсматривалось въ особомъ присутствіи камеръ-коллегіи, состоявшемъ изъ 7 камерировъ, которые имѣли такое же право суда, какъ общіе суды, и присуждали къ смерти, потерѣ чести и имущества; если же обвиняемый считалъ приговоръ несправедливымъ, то жаловался на коллегію, согласно общимъ шведскимъ законамъ, т. е. апеллировалъ къ королю, и дѣло разсматривалось въ Стокгольмскомъ надворномъ судѣ, учрежденномъ въ 1614 г. и засѣдавшемъ подъ предсѣдательствомъ дроста.

Landshöfding имѣлъ право самовластно облагать своихъ подчиненныхъ болѣе легкимъ наказаніемъ: налагать штрафы, заключать въ темницу, увольнять отъ службы. (Въ Финляндіи Landshöfding назначалъ даже фохтовъ по своему усмотрѣнію, въ другихъ областяхъ они назначались камеръ-коллегіею).

Въ царствованіе королевы Христины (1632—1654) административный строй развивался на началахъ, положенныхъ въ предшествующія царствованія. Центромъ всей системы были государственныя коллегіи въ Стокгольмѣ, между которыми раздѣлялись всѣ главныя отрасли администраціи, и которымъ были подчинены всѣ мѣстныя должностныя лица.

Предсѣдатели и члены коллегій (по крайней мѣрѣ большинство) были вмѣстѣ съ тѣмъ и членами государственнаго совѣта; поэтому госуд. совѣтъ, который de jure долженъ былъ играть роль преимущественно совѣщательнаго органа, de facto превращался въ министерскій кабинетъ, рѣшавшій всѣ вопросы политическіе и административные, и требовалъ и получалъ черезъ посредство своихъ членовъ отчеты отъ генералъ-губернаторовъ, оберъ-штатгальтеровъ, областныхъ начальниковъ, лагмановъ и окружныхъ судей и проводилъ начало централизаціи въ государствѣ, привык-

шемъ въ теченіе долгихъ вѣковъ къ полунезависимымъ мѣстнымъ органамъ управленія. Каждая коллегія имѣла тройственный характеръ: отчасти она была подчиненнымъ, административнымъ учрежденіемъ, отчасти самостоятельнымъ министерствомъ, отчасти учрежденіемъ судебнымъ; то первый характеръ, то второй, то третій былъ преобладающимъ въ отдѣльныхъ коллегіяхъ. Въ Svea Hoträtt, судебной коллегіи, во главѣ которой стоялъ Drost (высшій судья), судебная функція играла первую роль; канцелярія, особенно въ рукахъ такого вліятельнаго лица, какъ Оксеншерна, играла роль канцеляріи перваго министра; камеръ-коллегія, военная и адмиралтействъ-коллегія занимались рѣшеніемъ чисто административныхъ вопросовъ, хотя каждая въ извѣстныхъ границахъ имѣла власть судебную. Медленно, весьма медленно обособлялись сферы дѣятельности, масса споровъ, пререканій, противорѣчій, ошибокъ, промаховъ и недосмотровъ смущали спокойное теченіе управленія, и еще полстолѣтія прошло, пока наконецъ создалось строго систематическое тѣло администраціи. Коллегіальное же начало было проведено съ большею послѣдовательностью.

Высшее финансовое управленіе сосредоточено было окончательно въ камеръ-коллегіи (съ этого времени упрочилось названіе камеръ-коллегія, замѣнившее названіе Räkning Kammaren)! Она же вѣдала преимущественно и общее мѣстное управленіе. Эта коллегія, по выраженію канцлера, была „та золотая жила, которая давала кровь и силу всему тѣлу государства и всѣмъ его членамъ (är den gyllene ädren som riksens kropp och ledamöter gifva blod och kraft).

Въ послѣдніе годы царствованія Густава Адольфа это учрежденіе сдѣлалось почти независимымъ отъ всѣхъ другихъ органовъ управленія и благодаря личному вліянію президента, зятя короля, пфальцъ-графа Цвейбрюкенскаго, самовластно расширяло свою компетенцію и безъ утвержденія со стороны намѣстниковъ и госуд. совѣта выдавало жалованныя грамоты и ленныя письма, разрѣшало обмѣны и заклады госуд. земель, допускало освобожденіе отъ уплаты податей или уменьшало оклады.

Канцлеръ призналъ необходимымъ съузить эту компетенцію и хотя медленно, но достигъ своей цѣли. Согласно постановленію 1633 г., камеръ-коллегія состояла изъ 1 предсѣдателя и 6 совѣтниковъ, и 2 изъ числа старѣйшихъ камериров.

Согласно уставу 1633 г., всѣ работы коллегіи были распре-

дѣлены между 4 совѣтниками: первому было поручено завѣдывать дѣлами, касающимися расходовъ на военныя силы, сухопутныя и морскія, второму—всѣми вопросами, касающимися горнаго, монетнаго дѣла и торговыхъ факторій и долгами государственными, третьему и четвертому — камеральнымъ дѣломъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. управленіемъ государственными землями, населенными и не населенными, какъ въ Швеціи, такъ и въ балтійскихъ провинціяхъ. Были назначены дни для собранія всѣхъ членовъ коллегій и для рѣшенія жалобъ и исковъ судебнымъ порядкомъ.

Уже при Густавѣ-Адольфѣ въ 1618 г. было постановлено, что по повѣркѣ отчетовъ подвѣдомственныхъ лицъ мѣстнаго управленія, долженъ быть сдѣланъ нѣкоторыми совѣтниками особый спеціальный разборъ всѣхъ замѣченныхъ ошибокъ, неточностей, упущеній и незаконныхъ распоряженій, но если упущеніе было таково, что за то угрожало виновнику уголовное наказаніе, или если возникало разногласіе между разбирающими дѣло членами коллегіи, то дѣло передавалось въ общее собраніе коллегіи. Уже тогда появилось въ средѣ камеръ-коллегіи особое отдѣленіе „Besvär Kammären", состоящее подъ надзоромъ и управленіемъ Besvär Kammeraren.

Въ 1635 г. это отдѣленіе было переименовано въ Revisions Kammare, а начальникъ его получилъ названіе ревизіоннаго комиссара, къ нему были причислены 2 ассесора, названные ревизорами. Имъ было поручено ревизовать всѣ счетныя книги мѣстныхъ органовъ и привлеченіе виновныхъ въ упущеніи къ отвѣтственности. Впослѣдствіи (въ 1642 г.) составъ должностныхъ лицъ ревизіонной камеры былъ увеличенъ; всѣ казенные отчеты должны были быть передаваемы въ эту камеру, затѣмъ распредѣлены между отдѣльными ассесорами и по повѣркѣ ихъ обсуждены въ общемъ собраніи. Въ важныхъ случаяхъ приглашались для совмѣстнаго обсужденія ассесоры изъ надворнаго суда.

Въ 1638 г. была учреждена новая должность съ характеромъ надзора: генералъ-гевалдигеръ.

Согласно инструкціи 28 апрѣля 1638 г., это должностное лицо обязано было слѣдить за всѣми „измѣнническими продѣлками и интригами", за оскорбленіемъ рѣчами чести короля, затѣмъ наблюдать, чтобы виновные привлекались къ суду и всѣ судебные органы исполняли свои обязанности (т. е. онъ контролировалъ и оберъ-фискала и его помощниковъ фискаловъ, предупреждалъ насиліе и злоупотребленія со стороны войска, заботился о дорогахъ, ямщи-

кахъ и почтахъ и о доброй полиціи, наконецъ, игралъ роль цензора по отношенію къ лицамъ, подозрѣваемымъ въ безнравственной и расточительной жизни). Онъ состоялъ въ штатѣ военной коллегіи и былъ окруженъ штабомъ изъ 23 чел.; скоро онъ вступилъ въ пререканія съ военною коллегіею, которая жаловалась, что онъ никакого отчета въ дѣйствіяхъ своихъ не отдаетъ и пользы никакой не приноситъ.

Для Финляндіи былъ учрежденъ особый камеральный судъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора изъ нѣкоторыхъ членовъ гофгерихта въ Або. Предполагалось учредить такія административныя судилища въ каждой главной провинціи королевства.

Въ то же время была организована правильная бухгалтерія. (Въ царствованіе Густава-Адольфа бухгалтерія въ камеръ-коллегіи была поручена голландцу Аврааму Кабелю, который ввелъ правильныя счетныя книги и составилъ „главную государственную книгу" (rickshufvudbok). Теперь бухгалтерская часть въ камеръ-коллегіи была поручена особому чиновнику, получившему названіе генеральнаго бухгалтера. Составленіе государственной росписи было поручено первоначально тому же генералъ-бухгалтеру, но въ 1642 году оно было отдѣлено и передано особому генеральному камериру.

Особому отдѣленію было поручено завѣдывать дѣлами межевыми; во главѣ отдѣленія стоялъ особый инспекторъ, который наблюдалъ за исполненіемъ межевыхъ работъ мѣстными чиновниками и составлялъ отчетъ объ ихъ дѣятельности [1]).

Составъ камеръ-коллегіи въ 1644 г., въ моментъ объявленія Христины совершеннолѣтнею, былъ слѣдующій: подъ предсѣда-

---

[1]) Первая инструкція для межеванія была дана Карломъ IX въ 1603 г., когда нѣкто Anders Bureus назначенъ былъ государственнымъ архитекторомъ и генералъ-математикомъ; онъ же управлялъ всѣми межевыми работами. Въ каждый округъ былъ назначенъ особый межевой чиновникъ, которому было поручено составить сперва географическую карту мѣстности, а затѣмъ „геометрическую", съ обозначеніемъ всѣхъ пашенъ, луговъ, лѣсовъ и т. д. Впослѣдствіи Буреусу было поручено снять планъ и со всѣхъ городовъ, гаваней и горныхъ рудниковъ; всѣ „геометрическія" карты округовъ должны были быть передаваеъы въ камеръ-коллегію. Обязанности государственнаго архитектора и математика перешли на инспектора и его помощниковъ, и межевое дѣло находилось въ ихъ рукахъ до Карла XI, когда въ связи съ организаціей редукціонныхъ работъ была организована особая генеральная дирекція межеванія.

тельствомъ государственнаго казначея засѣдали и работали въ ней: 2 государственныхъ камеральныхъ совѣтника, 2 другихъ простыхъ совѣтника (не бывшихъ членами государственнаго совѣта), 1 комиссаръ или директоръ ревизіонныхъ работъ съ 3 ассесорами, 1 генералъ-камериръ для составленія государственной росписи съ 2 камеръ-фервандтерами, 2 писаря, 8 бухгалтеровъ и 8 журналистовъ, 1 военный и 3 гражданскихъ камерира съ 4 писарями.

Военный камериръ управлялъ также дѣлами, касающимися мануфактуръ, придворныхъ дворцовыхъ и конюшенныхъ штатовъ; тремъ другимъ гражданскимъ камерирамъ было поручено завѣдываніе хозяйственными вопросами въ горныхъ округахъ и монетномъ дворѣ въ Швеціи и въ балтійскихъ провинціяхъ; наконецъ, въ камеръ-коллегіи числилось 9 канцеляристовъ, 2 камеръ-фискала, библіотекарь, архиваріусъ, межевой инспекторъ и межевые чиновники. Не смотря на этотъ обширный штатъ чиновниковъ, камеръ-коллегія не завѣдывала всѣми отраслями госуд. хозяйства и полиціи благоустройства. Т. н. госуд. канцелярія, состоящая подъ управленіемъ госуд. канцлера, завѣдывала всѣми дѣлами, касающимися торговли, ремесленныхъ цеховъ и ихъ уставовъ, госпиталями, попечительствомъ надъ бѣдными, опекунскими дѣлами, почтовыми и ямскими учрежденіями. Но „канцелярія“ не только управляла этими отраслями вполнѣ независимо отъ камеръ-коллегіи, не давая ей отчета въ сборѣ суммъ съ почтовыхъ учрежденій или ремесленниковъ и купцовъ, иностранныхъ и туземныхъ, но даже во время управленія Оксеншерна съумѣла подчинить себѣ и камеръ-коллегію наравнѣ съ другими центральными учрежденіями. Рикскацлеръ былъ хранителемъ великой государственной печати, и всѣ „публичные акты“, какъ-то регламенты, инструкціи, приказы, уставы, всѣ грамоты и пожалованія земель, привилегій, монополій должны были быть разсмотрѣны и подписаны канцлеромъ и только съ его подписью представлялись на утвержденіе регентства или короля (или королевы). Всѣ отчеты губернаторовъ, въ томъ числѣ касающіеся финансовыхъ вопросовъ, поступали сперва въ „канцелярію“, а затѣмъ передавались соотвѣтствующей коллегіи для обсужденія и исполненія.

Оксеншерна требовалъ также, чтобы ему было предоставлено исключительное право доклада по всѣмъ важнымъ дѣламъ, хотя бы и относящимся къ вѣдомству другихъ коллегій. Такимъ образомъ канцлеръ de facto сдѣлался первымъ министромъ, а другіе президенты—его помощниками, хотя по смыслу Формы правленія

они всѣ должны были быть равноправными совѣтниками высшей власти. Тщетно другія коллегіи старались отстранить опеку канцлера; государственный адмиралъ предложилъ предоставить право доклада по очереди каждому президенту, но его предложенія не приняли, благодаря громадному вліянію Оксеншерна; только послѣ его смерти, благодаря слабости его преемниковъ, коллегіи освободились отъ зависимости канцлера.

Военная и адмиралтействъ-коллегія также въ свою очередь завѣдывали нѣкоторыми хозяйственными учрежденіями, какъ-то: селитроварницами, оружейнымъ и пушечными заводами, пороховыми мельницами, о доходахъ и расходахъ которыхъ только весьма поверхностные и неправильные отчеты поступали въ камеръ-коллегію; большіе безпорядки царствовали и при составленіи списковъ солдатъ, матросовъ, военныхъ чиновниковъ, запасовъ, которые оказывались не полными, не поступали во время для своевременнаго занесенія въ отчетныя книги.

Первоначально и согласно постановленію Формы правленія, все центральное управленіе во всѣхъ своихъ отрасляхъ должно было быть сосредоточено въ этихъ 5 коллегіяхъ (только церковь и ея администрація стояли особнякомъ; попытка Густава-Адольфа учредить генеральную консисторію встрѣтила сильное сопротивленіе со стороны высшаго духовенства). Эти 5 „consilia“ государства должны были разъ въ годъ, въ общемъ собраніи президентовъ и членовъ государственнаго совѣта, обсуждать дѣятельность мѣстныхъ органовъ управленія. Оберъ-маршалъ двора, оберъ-штатгальтеръ Стокгольма, оберъ-егермейстеръ, всѣ губернаторы, лагманы, окружные начальники и фохты, полковые командиры Швеціи обязаны были ежегодно къ 6 января являться въ Стокгольмъ для отчета; если кто-либо по законнымъ причинамъ не могъ явиться лично, то онъ обязанъ былъ послать уполномоченнаго съ подробнымъ отчетомъ и выпискою изъ счетныхъ книгъ и журналовъ. Мѣстные органы въ заморскихъ провинціяхъ посылали къ 1 сентября своихъ уполномоченныхъ для отчета. Коллегіи разсматривали отчеты въ періодъ времени съ 6 января до 2 февраля; по разсмотрѣніи ихъ, они отдавали отчетъ королю, а въ его отсутствіе или несовершеннолѣтіе—5 регентамъ; такъ что по очереди каждый президентъ коллегіи давалъ отчетъ передъ своими товарищами; его мѣсто на время занималъ оберъ-штатгальтеръ Стокгольма. Если возникали при провѣркѣ отчетовъ какіе либо важные государственные вопросы, рѣшить кото-

рые невозможно въ указанные сроки, то должна была быть назначена особая ревизіонная коллегія, которая должна была покончить съ дѣломъ въ теченіе года, дабы ничего не отлагалось на слѣдующій годъ. Если кто либо изъ членовъ коллегіи оказывался въ чемъ либо виновнымъ — въ нарушеніи законовъ и инструкцій, въ подлогѣ, недочетѣ, кражѣ или обманѣ, то пять президентовъ съ двумя членами изъ каждой коллегіи составляли особый судъ, который имѣлъ право увольнять виновнаго и наказывать его „cum infamia et remotione", смотря по важности дѣла, испрашивая утвержденіе короля. Если же цѣлая коллегія или одинъ изъ 5 сановниковъ совершалъ какое либо преступленіе или проступокъ, то отъ короля зависѣло наказать виновнаго или ограничиться выговоромъ. Всѣ таковыя ревизіи, суды и процессы совершались въ замкѣ королевскомъ; обвинителемъ выступалъ одинъ изъ статсъ-секретарей короля, а другой статсъ-секретарь исполнялъ обязанность протоколиста. Вотъ въ общихъ чертахъ организація центральнаго управленія, согласно формѣ правленія 1634 года, съ тѣми измѣненіями, которыя внесены въ ближайшее за изданіемъ и признаніемъ ея время.

Меркантильные взгляды и принципы побудили правительство позаботиться особенно усердно о развитіи и усовершенствованіи горнаго дѣла. Канцлеръ Оксеншерна считалъ желѣзные и мѣдные рудники однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ сокровищъ шведской короны. Между тѣмъ, не смотря на то, что природа дѣйствительно одарила Швецію громадными минеральными богатствами и что горная промышленность появилась въ Швеціи уже въ XII и XIII ст. добыча металловъ была сравнительно скудная, способъ обработки ихъ въ рудникахъ и въ желѣзо и мѣдно-плавильныхъ заводахъ весьма несовершенный, и ни заботы Густава I, ни регламенты Карла IX и Густава-Адольфа не имѣли рѣшительныхъ успѣховъ. Напротивъ, правительственная регламентація, вторгавшаяся въ технику горнаго дѣла, чрезмѣрно съузила свободу и предпріимчивость, какъ частныхъ рудовладѣльцевъ, такъ и арендаторовъ казенныхъ рудниковъ, монополизація мѣдной и желѣзной торговли усугубила тяжкое положеніе этой отрасли промышленности и ни казна, ни народное хозяйство не получили отъ нея тѣхъ выгодъ, какихъ они ожидали. Регенты - опекуны малолѣтней Христины не дали свободы горной промышленности, напротивъ, учрежденіе новыхъ надзирающихъ органовъ, центральныхъ и мѣстныхъ, строгій контроль надъ дѣятельностью руководителей и работниковъ

въ рудникахъ считали лучшимъ средствомъ для достиженія въ своей отрасли народнаго хозяйства блестящихъ результатовъ. Центральнаго административнаго органа по дѣламъ горнымъ до сихъ поръ не существовало; камеръ-коллегія должна была заботиться и о рудникахъ, и о заводахъ, и о землѣ, и лѣсахъ, приписанныхъ къ нимъ и отведенныхъ въ ихъ пользованіе, возмездное и безвозмездное. Въ 1630 г. былъ данъ регламентъ Бергамту, состоявшему подъ управленіемъ особаго берггауптмана, подчиненнаго камеръ-коллегіи, съ причисленными къ нему бергмейстерами надъ различными серебряными, мѣдными, желѣзными и оловянными рудниками.

Форма правленія, установивъ 5 коллегій, не имѣла въ виду учредить новое спеціальное, самостоятельное учрежденіе по дѣламъ горнымъ. Одинъ изъ членовъ камеръ-коллегіи (баронъ Карлъ Бонде) и нѣмецкій бергмейстеръ Grissbach подали записку о необходимости отдѣленія управленія горными рудниками отъ камеръ-коллегіи. По ихъ проекту, новая коллегія должна была сосостоять изъ 5 членовъ: одного генералъ-губернатора, одного совѣтника изъ камеръ-коллегіи для счетоводства, одного члена изъ дворянской куріи, для надзора за новыми рудниками, одного генералъ-бургмейстера для надзора за мѣдными и серебряными рудниками и одного генеральнаго горнаго писаря или секретаря, обязанности которыхъ состояли бы въ отысканіи новыхъ рудъ и приведеніи въ порядокъ старыхъ, разрушившихся, въ предупрежденіи хищническаго обращенія съ казенными лѣсами, составленіи регламентовъ и введеніи новыхъ техническихъ пріемовъ по заграничнымъ примѣрамъ. Но этотъ проектъ не былъ принятъ, и правительство ограничилось утвержденіемъ регламента Густава Адольфа. Горный „Амтъ“ остался въ вѣдѣніи камеръ-коллегіи (1634 г.). Но уже три года спустя (1637 г.), по возвращеніи канцлера изъ Германіи, былъ утвержденъ бергамтъ, который хотя и не окончательно отдѣлился отъ камеръ-коллегіи, но, по крайней мѣрѣ, сдѣлался самостоятельнымъ въ большинствѣ своихъ функцій. Онъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ горнаго губернатора, изъ одного камеральнаго совѣтника, одного генеральнаго берггауптмана и одного главнаго бергмейстера, съ опредѣленнымъ числомъ подчиненныхъ горныхъ инспекторовъ. (Въ 1649 году составъ былъ нѣсколько измѣненъ). Два раза въ годъ всѣ члены собирались на сеймъ въ Стокгольмѣ и къ нимъ присоединялись Landshöfding'и изъ горныхъ областей для совѣщанія по дѣламъ горнымъ. Всѣ

горные рудники были распредѣлены по 9 горнымъ округамъ: каждый изъ членовъ коллегіи, съ причисленными впослѣдствіи 4 ассесорами, завѣдывалъ однимъ изъ этихъ округовъ и въ общемъ засѣданіи докладывалъ о дѣлахъ, касающихся своего округа. Спорныя дѣла рѣшались коллегіально, т. е. большинствомъ голосовъ. Въ вѣдомствѣ бергколлегіи состояли: пробирная камера, съ главнымъ пробиреромъ во главѣ (т. н. riksguardien), пробиреръ и монетные инспекторы, маркшейдеры, 1 фискалъ по дѣламъ судебнымъ и нѣсколько канцеляристовъ.

Новая горная коллегія дѣйствовала весьма энергично и успѣшно, правительство было ею весьма довольно и увеличило суммы, назначенныя на ея содержаніе. Въ 1644 г. ея штатъ достигъ цифры — 50.000 д. с. ежегодно. Но строгій контроль надъ обработкой металловъ и пользованіемъ лѣсами и землями, къ рудникамъ приписанными,—контроль, который благодаря воззрѣнію, что всѣ горные рудники, строго говоря, собственность казны и что частные горнопромышленники только узуфруктуаріи,— распространенный и на всѣ частновладѣльческіе рудники и заводы, не былъ по вкусу богатымъ землевладѣльцамъ и купцамъ, владѣвшимъ ими; съ другой стороны—страсть къ энергичной регламентаціи побуждала коллегію часто вторгаться въ мелочныя распоряженія промышленниковъ и ихъ уполномоченныхъ, горныхъ мастеровъ. Поэтому на сеймѣ 1644 года дворянская курія предложила упразднить самостоятельную горную коллегію и снова подчинить ее камеръ-коллегіи, такъ какъ форма правленія допускала существованіе только 5 коллегій. Но эта попытка ослабить авторитетъ нежеланнаго контролера не удалась, правительство поддержало коллегію и въ 1649 году въ новомъ регламентѣ были подтверждены ея права и она окончательно отдѣлилась отъ камеръ-коллегіи. Въ регламентѣ сказано, что сія коллегія имѣетъ: „särskildt och för sig sjelft samma anctoritet, myndighet, ära och respect som andra våre collegia“ (самостоятельна и сама по себѣ пользуется тѣмъ же самымъ авторитетомъ, властью, почестью и респектомъ, какъ и всѣ другія наши коллегіи).

Медленное развитіе торговли, не смотря на различные уставы, учрежденіе компаній, монополій, выдачу привилегій, основаніе новыхъ городовъ съ штапельнымъ правомъ, побудило регентовъ учредить самостоятельный органъ для завѣдыванія всѣми дѣлами: „som touchera commercien“. Первоначально предполагалось изъять торговлю изъ предметовъ вѣдомства камеръ-коллегіи и поручить

ее заботѣ новой бергколлегіи и только съ 1644 г. рѣшено было организовать особую коммерцъ-коллегію. Канцлеръ самъ составилъ инструкцію (1651 года), согласно которой она должна была состоять изъ 3 отдѣленій: первое отдѣленіе завѣдывало торговыми дѣлами въ Швеціи и Финляндіи, второе—Лифляндіею, Эстляндіею и Ингерманландіею (это отдѣленіе должно имѣть мѣстомъ пребыванія поочередно: Ригу, Ревель и Нарву); наконецъ, третье—завѣдывало дѣлами торговли въ Помераніи, подъ управленіемъ генералъ-губернатора въ Висмарѣ. Но этотъ планъ не осуществился: учреждена была генеральная торговая коллегія въ Стокгольмѣ, завѣдывавшая всею торговлею во всемъ государствѣ; она состояла изъ одного президента, одного вице-президента и двухъ ассесоровъ съ канцеляріей. Ей было поручено заботиться о процвѣтаніи торговли, рѣшать вопросы о дарованіи штапельнаго права, торговыхъ монополій, надзоръ за сборомъ таможенныхъ пошлинъ, торговыми вѣсами и мѣрами и т. д. Въ 1636 году была учреждена должность особаго надзирателя надъ всѣми таможнями: generaltullförvaltare; ему же былъ порученъ надзоръ за судоходствомъ. Вскорѣ онъ былъ причисленъ къ коммерцъ-коллегіи и состоялъ ея членомъ до присоединенія этой коллегіи къ камеръ-коллегіи (при Карлѣ XI, въ 1676 году).

Что же касается перевозки писемъ и пакетовъ, то въ вѣдомствѣ „канцеляръ-коллегіи“ былъ назначенъ особый генеральный почтмейстеръ (нѣмецъ изъ Лейпцига, Andreas Weschel), который въ то же время былъ городскимъ почтмейстеромъ въ Стокгольмѣ; наконецъ, въ 1643 г. Христина назначила для „большаго респекта“ „государственнаго генеральнаго почтмейстера“, изъ числа членовъ государственнаго совѣта. Въ городахъ появились мѣстныя почтовыя конторы: такъ въ 1636 г. въ почтовомъ уставѣ для Стокгольма, было предписано принимать для пересылки, какъ казенную, такъ и частную корреспонденцію. Частные корреспонденты уплачивали 2 эра доброй монеты за каждую милю, пройденную почтальономъ, переносившимъ письма изъ одного города въ другой. Первый общій почтовый уставъ появился въ 1643 г., измѣнившій нѣсколько уставъ 1645 г.; перевозились какъ письма, такъ и мелкія вещи; въ то время появилась также первая газета; генералъ-почтмейстеръ обязанъ былъ усердно собирать политическія важныя новости и печатать ихъ еженедѣльно въ особыхъ листкахъ, которые посылались по почтѣ лицамъ, желавшимъ купить ихъ. Почтовый сборъ исчислялся не только по длинѣ пути, но и по

вѣсу письма или пакета; единицей вѣса былъ сперва 1 лотъ, а затѣмъ $1^1/_2$. За каждый лотъ—милю уплачивались 2 эръ. Деньги вносились въ извѣстныхъ случаяхъ отправителемъ, а въ другомъ случаѣ и получателемъ; послѣдній способъ уплаты былъ общимъ правиломъ для писемъ, которыя отсылались изъ мѣстъ, гдѣ не было особыхъ почтовыхъ конторъ и гдѣ наемные крестьяне разъ въ недѣлю собирали письма въ мѣшкахъ для доставленія ихъ въ ближайшій почтовый городъ.

По всему государству были распредѣлены „почтовые носильщики" (postbåden), которые содержались крестьянами на разстояніи 2—3 миль другъ отъ друга. Эти почтальоны были снабжены гербомъ на груди, почтовымъ рожкомъ, въ который они трубили, проходя по деревнямъ, и копьемъ или алебардою. Они шли первоначально пѣшкомъ и были обязаны проходить одну милю въ 2 часа; крестьяне, содержавшіе ихъ, пользовались извѣстными привилегіями и льготами. Мало-по-малу появились и конные почтальоны для писемъ большой скорости. На пути между Стокгольмомъ и Галльмштадтомъ (на датской границѣ) почтовыя лошади содержались казенными крестьянами.

Къ числу высшихъ членовъ государственнаго управленія принадлежали и вновь учрежденныя должности riksstallmästare и riksjagdmästare съ ихъ подчиненными. Первому былъ порученъ надзоръ за королевскими конюшнями, а второму контроль надъ цѣльностью королевскихъ лѣсовъ и соблюденіемъ королевской охотничьей регаліи. Крестьяне не имѣли права охотиться на своихъ земляхъ (даже число собакъ, содержимыхъ на крестьянскихъ дворахъ, было ограничено постановленіемъ короля Іоганна 1572 г.), за убіеніе благородныхъ звѣрей, какъ-то: оленей, зайца или бобра, крестьяне наказывались въ первый разъ конфискаціей земли, а во второй разъ — смертью. Регламентъ объ охотѣ и поимкѣ звѣрей 1647 г. подтвердилъ правило Іоганна. Оберъ-егермейстеру были подчинены 10 егермейстеровъ и значительное количество объѣздчиковъ, въ каждый округъ были назначены лѣсные стражники, для наблюденія за королевскими лѣсами и для поимки незаконно охотившихся.

Эпоха королевы Христины не менѣе замѣчательна и съ точки зрѣнія организаціи мѣстнаго управленія.

Она была рѣшительнымъ шагомъ къ окончателному вытѣсненію феодально-ленной системы управленія областями. Но не упраздненныя (и въ послѣдніе годы царствованія Христины расширенныя)

привилегіи графовъ и фригерровъ въ графствахъ и баронствахъ мѣшали единству этой организаціи и являлись все еще средостѣніемъ между подданными и правительствомъ.

Однако, по крайней мѣрѣ, въ непосредственныхъ владѣніяхъ короны, администрація и мѣстный судъ получили болѣе стройную организацію и отдѣльные органы опредѣленную компетенцію. Впрочемъ, судебная власть не отдѣлилась окончательно отъ исполнительной. Что касается мѣстнаго финансоваго управленія, то оно лежало въ рукахъ тѣхъ же органовъ, которымъ была поручена и забота о внутреннемъ управленіи. Вообще и въ областяхъ существовало только нѣсколько чиновниковъ, которыхъ функціи ограничились исключительно финансовыми вопросами. Въ областяхъ, не составлявшихъ центральную, коренную Швецію, высшая административная власть вообще и высшее финансовое управленіе были поручены генералъ-губернаторамъ или Öfverlandshöfding'амъ. Таковые генералъ-губернаторы имѣлись въ Лифляндіи съ Ингерманландіей, въ Пруссіи (во время оккупаціи), въ Финляндіи и Вестерготландіи и Смоландіи, какъ важныхъ пограничныхъ областяхъ.

Для дѣлъ финансовыхъ къ этимъ генералъ-губернаторамъ были прикомандированы секретарь, камериръ и комиссаръ; а въ Финляндіи (въ Або) существовала особая провинціальная счетная контора (räkningskammaren för Finland) для ревизіи всѣхъ счетовъ и контроля надъ сборами податей въ этой области. Вообще, генералъ-губернаторъ Финляндіи, особенно въ то время, когда эту должность занималъ вліятельный и энергичный Перъ Браэ, пользовался большою самостоятельностью, и Финляндія обязана этому даровитому и неутомимому администратору многими полезными учрежденіями, а податные крестьяне въ особенности многими облегченіями въ порядкѣ взиманія сборовъ *).

Все государство было раздѣлено на лены. Намъ уже извѣстно, что раздѣленіе на лены обязано своимъ происхожденіемъ феодальнымъ порядкамъ среднихъ вѣковъ, пожалованіямъ королевскихъ замковъ и окружныхъ мѣстностей вліятельнымъ землевладѣльцамъ и временщикамъ. Въ то время должность леннаго начальника главнымъ образомъ имѣла военный характеръ и была весьма самостоятельна. Но съ расширеніемъ королевскихъ пре-

---

*) Генералъ-губернаторская канцелярія при графѣ Перъ Браэ состояла изъ камерира, секретаря, канцелярскаго комиссара и бухгалтера съ канцелярскими писцами. При генералъ-губернаторѣ состояла особая охранная стража: 12 драбантовъ.

рогативъ и ограниченіемъ самовластія этихъ мѣстныхъ властителей, административная сторона выступила на первый планъ, и инструкціи, намѣченныя и данныя Густавомъ Адольфомъ, положили основу строгому разграниченію военныхъ и гражданскихъ функцій органовъ мѣстнаго управленія. Форма правленія 1634 г. и инструкція Landshöfding'амъ 1635 года окончательно раздѣлили эти функціи и должность губернатора (Landshöfding) сдѣлалась исключительно гражданскою. Швеція была раздѣлена на 12 земскихъ воеводствъ (Landshöfdingdömen), а Финляндія на 5, число ихъ впослѣдствіи увеличилось, такъ что въ 1644 году ихъ насчитывалось въ Швеціи 17, а въ Финляндіи 6.

Начальникъ лена, Landshöfding, назначался первоначально только на 3 года; по истеченіи этого срока онъ былъ обязанъ являться въ столицу для отчета. Но вскорѣ оказалось, что такое ограниченіе вредно въ интересахъ службы, и впослѣдствіи губернаторы назначались на неопредѣленный срокъ. На эту должность назначались предпочтительно дворяне, только въ крайней нуждѣ принимались лица недворянскаго происхожденія. Landshöfding выбирался обыкновенно изъ числа военныхъ или изъ среды членовъ камеръ-коллегіи, дабы онъ былъ знакомъ съ финансовыми и хозяйственными вопросами и дѣлами. Но на первыхъ порахъ, пока постепенно составился кадръ свѣдущихъ администраторовъ, правительство было весьма недовольно своими мѣстными органами: то ихъ нравственныя, то умственныя качества не удовлетворяли требованіямъ правительственнымъ *).

Обязанности областного начальника были весьма разнообразны; въ инструкціи 1635 года сказано: „Подобно тому какъ король помимо вопросовъ, касающихся духовнаго штата, управляетъ всѣми свѣтскими дѣлами посредствомъ 5 коллегій, такъ и Landshöfding, какъ vicarius короля и исполнитель предписаній 5 коллегій, долженъ заботиться не только о религіи и богослуженіи, но обязанъ имѣть надзоръ за 5 главными пунктами, а именно: за юстиціей, военнымъ строемъ, морскимъ дѣломъ, полиціей и финансами". Не вдаваясь въ разсмотрѣніе его функцій по первымъ тремъ пунктамъ, займемся его полицейскими и финансовыми обязанностями. Надзоръ за „Landsens politia och regering"

*) Въ инструкціи 1644 года сказано: „Landshöfding'омъ долженъ быть человѣкъ положительный, серьезный, но любезный, знающій дѣло и не вмѣшивающійся во всѣ мелочи".

(полиція и управленіе мѣстности) состоялъ въ наблюденіи за ненарушеніемъ jura majestatis и jura publica, за соблюденіемъ правъ королевскихъ и коронныхъ туземцами и иностранцами, за соблюденіемъ всѣхъ законовъ и привилегій, за путями сообщенія, за добротою монеты, вѣсовъ и мѣръ, за почтами, ямскими повозками и лошадьми, за гостиницами, за безопасностью проѣзжихъ, за межеваніемъ земель, за городами, ихъ благоустройствомъ и хозяйствомъ, за нищимъ и гуляющимъ народомъ, за больными, бездѣльными и блудницами, за вдовами и сиротами и всѣми бѣдными и несчастными.

Что же касается функціи финансовой, то Ландсгевдингъ обязанъ былъ наблюдать, чтобы всѣ подчиненные органы и имѣющіе дѣло съ раскладкою и взиманіемъ податей, какъ правительственные, такъ и выборные, не угнетали народъ незаконными сборами и повинностями, не обманывали казну, своевременно доставляли собранныя суммы и продукты въ мѣстныя казначейства и казенные амбары, а отчеты въ руки бухгалтеровъ и камерировъ. Landshöfding былъ подчиненъ двоякому контролю: ежегодно онъ являлся въ столицу для рапорта о положеніи его провинціи и о суммахъ, поступившихъ въ казну, а по истеченіи каждаго трехлѣтія, онъ давалъ подробный отчетъ въ общемъ засѣданіи всѣхъ 5 коллегій; кромѣ того, онъ обязанъ былъ доставлять періодическіе отчеты и вѣдомости въ камеръ-коллегію о поступленіи доходовъ и о произведенныхъ расходахъ.

По разсмотрѣніи ихъ въ камеръ-коллегіи, онъ получилъ меморіалъ съ отмѣткою замѣченныхъ ошибокъ и неточностей. Landshöfding'и въ Финляндіи, и намѣстники и губернаторы въ заморскихъ провинціяхъ, взамѣнъ личныхъ ежегодныхъ явокъ, къ 1 сентября доставляли подробный отчетъ.

Landshöfding былъ окруженъ обширнымъ штатомъ подчиненныхъ органовъ по разнымъ отраслямъ администраціи. На содержаніе его штата въ каждой области расходовалось ежегодно 10.000 р. д. с. По идеѣ Оксеншерна, мѣстная администрація должна была состоять „in triumviratu", а именно: изъ Landshöfding'а, областного или земскаго секретаря и земскаго камерира. Два послѣдніе чиновника не должны были быть подчинены первому, а по его плану стояли въ непосредственной зависимости отъ центральнаго правительства, но такъ, чтобы они: „ceteris paribus den Landeshauptmann für einen Vice Rex in der Provinz zu ästimiren hätten".

Но такая коллегіальная организація мѣстнаго управленія не удалась уже потому, что общественное положеніе Landshöfding'a было несравненно выше земскаго секретаря и земскаго бухгалтера. Земскій секретарь или, какъ его чаще звали, „handskrifvare", „häradskrifvare", былъ въ полной зависимости отъ Landshöfding'a. Его обязанность состояла въ составленіи общаго отчета о доходахъ и расходахъ въ мѣстности, на основаніи отчетовъ фохтовъ, для представленія этого отчета въ камеръ-коллегію. Земскій бухгалтеръ соединялъ въ себѣ обязанности современныхъ земскихъ камерировъ, земскихъ казначеевъ и бухгалтеровъ; первоначально онъ стоялъ непосредственно подъ надзоромъ камеръ-коллегіи для лучшаго контроля (на нѣкоторое время всѣ земскіе бухгалтеры были устранены изъ мѣстности и переведены въ камеръ-коллегію). Онъ назначался иногда на нѣсколько леновъ и только въ 1638 г. эта должность сдѣлалась постоянною мѣстною должностью. Его обязанности были слѣдующія: онъ завѣдывалъ главными казенными магазинами, хранилъ суммы казенныя, всѣ книги отчетныя и поземельныя, и обязанъ былъ въ концѣ мая или началѣ іюня являться лично въ камеръ-коллегію съ отчетами. Органами финансоваго управленія въ округахъ были фохты, съ причисленными къ нимъ писарями. Обыкновенно ихъ насчитывалось въ каждомъ ленѣ 3—5 человѣкъ; они наблюдали за сборомъ и раскладкой податей и отвозили собранныя суммы съ вѣдомостями къ бухгалтеру лена. Назначеніе ихъ зависѣло отъ камеръ-коллегіи по представленіи со стороны Landshöfding'a. Каждый фохтъ получалъ опредѣленное содержаніе: 30 далеровъ ежегодно деньгами, 48 тоннъ хлѣба, 12 аршинъ сукна. (Точные размѣры жалованья Landshöfding'a, секретаря и бухгалтера намъ не извѣстны; въ пользу перваго поступала т. н. Landshöfdings ränta, натуральный сборъ съ крестьянъ коронныхъ и податныхъ). Въ Финляндіи въ 1641 году былъ назначенъ особенный земскій фискалъ, landsfiskal, для надзора за правильнымъ поступленіемъ казенныхъ сборовъ и ненарушеніемъ финансоваго верховенства короля. Онъ былъ ближайшимъ помощникомъ Landshöfding'овъ. Въ другія же области коренной Швеціи камеръ-коллегія часто откомандировывала своихъ фискаловъ; для провѣрки счетовъ назначались иногда и особенные чрезвычайные комиссары, которые контролировали дѣятельность Landshöfding'a.

Въ одной изъ предыдущихъ лекцій я указалъ на то рѣшающее значеніе, которое имѣли финансовыя реформы Карла XI (ре-

дукція казенныхъ земель) на весь строй шведскаго государства, и въ особенности для Финляндіи, гдѣ $^4/_5$ всей площади находились въ рукахъ крупныхъ поземельныхъ собственниковъ. Эта реформа спасла массу населенія отъ крѣпостного права, но вмѣстѣ съ тѣмъ, выставивъ на первый планъ фискальные интересы, реформа не ввела въ мѣстную администрацію болѣе свободныя начала. Финансовыя повинности, денежныя и натуральныя, и далѣе лежали на плечахъ низшихъ классовъ тяжелымъ бременемъ. Правда, онѣ доставляли казнѣ обильныя средства, но вмѣстѣ съ тѣмъ тормозили положительную дѣятельность управленія, ибо бѣдность народная есть факторъ развитія администраціи въ направленіи отрицательномъ. Блестящее на первый видъ управленіе Карла XI, столь плѣнившее Петра Великаго, служитъ доказательствомъ истины, и донынѣ часто упускаемой изъ виду, что государственное хозяйство можетъ давать временно удовлетворительные результаты при одновременномъ застоѣ хозяйства народнаго, но что это несоотвѣтствіе въ концѣ концовъ приводитъ къ результатамъ плачевнымъ.

Въ данную минуту я считаю небезполезнымъ хотя бы и только бѣгло очертить податную систему, господствовавшую въ XVII и XVIII ст. во всей Швеціи; а потому и въ Финляндіи, чтобы выяснить въ чемъ заключались тѣ финансовыя тяготы, на которыя жаловались въ народѣ, тяготы, которыя и донынѣ не распредѣлены равномѣрно.

По общему правилу древнѣйшаго шведскаго права, король долженъ былъ содержать свое управленіе и его органы — доходами отъ королевскихъ земель (Upsala öde). Въ случаѣ недостатка и при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, — недочетъ въ доходахъ пополнялся чрезвычайными сборами (первоначально, конечно, натуральными). Уже въ самомъ началѣ исторической эпохи,—доходы отъ королевскихъ земель оказались недостаточными для удовлетворенія всѣхъ потребностей, а посему уже на зарѣ исторіи Швеціи и Финляндіи мы встрѣчаемся съ чрезвычайными налогами (преимущественно раскладочными) и съ натуральными повинностями. Они распадались на 3 группы: 1) т. н. „gärder“, военные налоги (ledung, ledungslama), 2) сборы и повинности въ пользу короля и его двора во время путешествій по краю (ättargäld, vådhslo, gengård, foderhåstar) и 3) сборы и повинности на содержаніе замковъ, крѣпостей, дорогъ, строеній (dagsverken, väghållnirg, byggnadshjelp).

Король Густавъ I приступилъ къ упорядоченію податной системы, и въ силу сеймоваго постановленія 1524 г. онъ установилъ поземельно-податныя книги для всего государства; въ эти книги вносились всѣ податные гейматы, съ указаніемъ размѣра платимыхъ ими податей. Эти подати объединены въ одинъ общій поземельный налогъ, названный постояннымъ гейматнымъ налогомъ, поземельно-книжнымъ оброкомъ или ординарнымъ оброкомъ (hemmanets ständiga ränta, jordeboks ränta, ordinarie ränta). Въ то же время совершилась, какъ указано выше, секуляризація духовно-фрельзовыхъ земель и обращены въ казну $^2/_3$ церковной десятины. На первыхъ порахъ этотъ приростъ въ доходахъ казны казался достаточнымъ для покрытія увеличивавшихся потребностей. Но потребности и расходы росли безпрерывно и появилась новая серія налоговъ, впослѣдствіи сведенныхъ въ одно цѣлое подъ названіемъ extraordinarie ränta или „мантальнаго оброка". Въ составъ этого общаго оброка входили: 1) årliga hjelpen или byggningshjelpen (строительная помощь); 2) landtågs gärden или stora gärden (большой военный налогъ,— налогъ раскладочный); 3) salpeterhjelpen, селитряная помощь (фрельзовые гейматы освобождены отъ нея); 4) boskaps penningar och åkerskatt (налогъ на скотъ, общіе фрельзовые гейматы были освобождены на половину оклада); 5) skjutsfärd penningar (ямскія деньги,—общіе фрельзовые гейматы освобождены на половину); 6) dagsverks penningar (поденныя деньги, общіе фрельзовые гейматы освобождены совсѣмъ). Эти 6 сборовъ, сперва временные, впослѣдствіи превращенные въ постоянные, подведены Карломъ XI подъ одинъ титулъ и названы: mantals или hemmantals räntorna. Съ XVIII столѣтія какъ jordeboks такъ и hemmantals räntorna называются часто общимъ именемъ ordinarie ränta. Налоги эти уплачивались отчасти деньгами, отчасти натурой (хлѣбъ, уплачиваемый въ счетъ оброка, называется — afradsspannmål). Натуральныя статьи, коими допускалось и допускается уплачивать подати, съ XVII в. получила названіе „persedlar". Казенная ихъ оцѣнка на деньги, установленная въ 1621 г., названа Kronovärde или Kronovärdie. Она сохранилась въ силѣ до XIX столѣтія.

Какъ извѣстно уже изъ вышесказаннаго, — съ 1526 года $^2/_3$ церковной десятины обращены въ доходъ казны. Эта часть церковной десятины получила названіе казенной десятины (Kronotionde). Эти $^2/_3$ десятины въ католическое время шли на содержаніе церкви и бѣдныхъ. Съ XVI ст. и церковно-приходскія

потребности должны были быть удовлетворяемы изъ средствъ приходовъ, что и дало поводъ къ появленію двухъ важнѣйшихъ до 1865 г. общинныхъ налоговъ: сбора на содержаніе церкви и сбора на содержаніе бѣдныхъ. Отъ коронной десятины, превратившейся съ XVI ст. въ окладной поземельный сборъ (притомъ одинъ изъ самыхъ обременительныхъ), были освобождены: 1) высокообѣленныя помѣстья (upperligt frälse), 2) королевскія усадьбы и мызы (Kungsgårdar и Kungsladugårdar), 3) съ XVII ст.,—сетерейные бостелли (boställs säterier, berustade krono och skattesäterier), 4) дворы священниковъ и т. н. пребендные гейматы (prestegärdar и prebende hemman).

Въ 1625 году появился подушный сборъ (mantalspenningar), развившійся изъ налога, положеннаго на помолъ хлѣба. Отъ подушнаго сбора были освобождены дворяне (frälsemän) и духовенство. Къ личнымъ налогамъ нужно также причислить и 1) лагманскій и герадсгевдингскій оброкъ (Lagmans och häradshöfdings ränta), на содержаніе лагманскаго и герадскихъ судей. Время происхожденія этого налога неизвѣстно; онъ взимался ранѣе съ каждаго двора (за исключеніемъ сетерей, фрельзовыхъ гейматовъ, если на нихъ живетъ фрельзовый владѣлецъ, и дворовъ священниковъ); 2) сборъ на содержаніе судовъ (tingsgästnings penningar), также первоначально подворный налогъ, превращенный затѣмъ въ личный налогъ; 3) гимназическій сборъ (djeknepenningar), установленный въ 1624 году на содержаніе бѣдныхъ учениковъ и отчасти на содержаніе школьныхъ учителей. Онъ взимался первоначально съ каждаго самостоятельнаго хозяйства. Къ этимъ налогамъ реальнымъ и личнымъ, взиманіе и раскладка коихъ, благодаря чрезвычайно сложнымъ пріемамъ оцѣнки и раскладки, стала главнѣйшей обязанностью органовъ мѣстнаго управленія, присоединились еще натуральныя земскія повинности, отбывавшіяся прихожанами отчасти по прочно установленнымъ масштабамъ, отчасти по періодически измѣнявшейся раскладкѣ. Изъ нихъ наиболѣе обременительными были до реформъ XIX столѣтія 1) повинность строительная (постройка церкви, приходской избы, двора и пасторскаго дома, амбара для склада десятиннаго хлѣба и избы для суда, и 2) повинность подвозная и подводная, развившаяся въ сложную ямскую повинность. На тяжесть этой повинности низшіе классы жаловались безпрерывно; можно сказать, что не было почти ни одного сейма, ни общаго, ни мѣстнаго, провинціальнаго, на которомъ бы не подавались челобитныя объ облегченіи, о

преобразованіи и болѣе равномѣрной раскладкѣ этой повинности. О другой важнѣйшей повинности, воинской,—я уже говорилъ подробнѣе; позволю себѣ остановиться и на повинности ямской.

Содержаніе дорогъ и мостовъ было одной изъ самыхъ важныхъ общественныхъ повинностей въ Швеціи уже во времена языческія. На почвѣ этой древней повинности развился и строй ямскихъ учрежденій. Не мало писано о русскихъ ямахъ, писано и говорено и о ямахъ татарскихъ, послужившихъ якобы прототипомъ для устройства ямовъ на Руси, — никто донынѣ не обратилъ вниманія на близкое сходство русской ямской гоньбы съ шведскимъ ямскимъ устройствомъ.

Я, конечно, далекъ отъ мысли о томъ, что ямскія учрежденія позаимствованы у шведовъ! Я хотя по убѣжденію приверженецъ т. н. норрманнистической теоріи происхожденія варяго-руссовъ, но эта, если можно такъ выразиться, „научная вѣра“ нисколько не склоняетъ меня къ дальнѣйшимъ, всегда очень шаткимъ, выводамъ относительно воздѣйствій скандинавскаго общественно-государственнаго быта на соціальный и государственный строй древней, домонгольской Россіи. Тщательно изучая параллельно древнія русскія и скандинавскія учрежденія и порядки, я находилъ много сходства, но мало слѣдовъ прямого позаимствованія. Часто сходство такъ и бросается въ глаза; часто такъ и напрашивается выводъ, что вотъ это учрежденіе взято изъ Швеціи, что вотъ эта черта жизни занесена изъ Скандинавіи. Но тутъ то именно объективный изслѣдователь и долженъ вооружиться хладнокровіемъ и спросить себя, не объясняется ли сходство чисто естественнымъ путемъ, общностью условій жизни первобытнаго общества, русскаго и скандинавскаго, сходствомъ тѣхъ природныхъ условій, въ которыхъ жилъ и дѣйствовалъ и шведъ, и славянинъ: обширнымъ пространствомъ, занятымъ племенами, обусловливавшимъ одинаковые пріемы заселенія и поселенія, движеніемъ поселянъ на новины, починки и въ дѣвственные лѣса, требовавшимъ то сплоченнаго селенія группами, то выдѣленія выселокъ при одновременномъ стремленіи сохранить связь съ родственными поселенцами въ лѣсныхъ чащахъ, на берегу пустынныхъ и наполненныхъ порогами рѣкъ и т. д.

Ямскія учрежденія въ Швеціи развились, какъ сказано выше, на основѣ древней дорожной, подвозной и подводной повинности, обусловленной въ свою очередь стремленіемъ поддержать и облегчить связь между разрозненными поселками племени, для цѣлей

взаимной защиты, торговыхъ сношеній, наконецъ для религіозныхъ нуждъ. И ямскія учрежденія Россіи, мнѣ кажется, независимо отъ татарскаго вліянія и не смотря на татарское происхожденія слова „ямъ“, вѣроятно тоже имѣли свой корень въ древней подвозной и подводной повинности одноплеменниковъ, которыми князья воспользовались и для своихъ военно-административныхъ цѣлей,— которыми, наконецъ, воспользовались и татары.

Въ скандинавскихъ сагахъ славятся не только герои, знаменитые великими военными подвигами; саги хвалятъ память и тѣхъ королей и властителей, которые устраивали дороги и мосты, осушали болота и строили плотины. Одна изъ норвежскихъ сагъ разсказываетъ про двухъ королевичей. Одинъ изъ нихъ послѣ долголѣтняго отсутствія возвратился на родину и сталъ хвастаться передъ братомъ числомъ одержанныхъ побѣдъ, разбитыхъ и убитыхъ враговъ и геройскихъ подвиговъ. — „А ты что сдѣлалъ, ты домосѣдъ?“ — спросилъ онъ надменно брата, оставшагося дома. „Я, отвѣтилъ спокойно братъ, больше тебя сдѣлалъ! Я проложилъ дорогу черезъ горный хребетъ и черезъ густой лѣсъ, я мостъ построилъ черезъ бурную рѣку и нашу гавань защитилъ твердой стѣной отъ хищнаго моря“. И весь народъ рѣшилъ, что второй братъ сдѣлалъ больше для славы народа! Одинъ изъ сказочныхъ королей Швеціи, Анундъ, получилъ прозвище Бретъ или Браутъ (отъ слова брита, убрать, очистить, Браутъ отъ Бретъ, дорога и отъ Бро, мостъ), потому что повелѣлъ повсюду дѣлать мосты и дороги, „ради чего, замѣчаетъ историкъ Далинъ, заслужилъ себѣ наименованіе Бретъ-Анунда, строителя дорогъ“.

Въ языческое время постройка моста или сооруженіе дороги считалось дѣломъ, съ помощью котораго можно было не только себя прославить, но и увѣковѣчить память родственниковъ, во имя которыхъ совершалось сооруженіе. На древнихъ рунныхъ камняхъ отмѣчается неоднократно, какъ нѣчто славное, достохвальное, что „онъ велѣлъ расчищать пути и строить мосты“. На рунномъ камнѣ въ мѣстечкѣ Тибелэ въ Упландіи находится надпись, гласящая: „Фрустенъ сдѣлалъ мостъ во имя сына своего Айнульфа“, а на рунномъ камнѣ Ридэ: „Рульфъ и Одлурдъ построили мостъ въ память сына своего Анунда“.

Послѣ введенія христіанства постройка мостовъ и сооруженіе дорогъ считались дѣломъ душеспасительнымъ, подвигомъ благочестія!—Такъ въ Даннеморскомъ округѣ на одномъ рунномъ камнѣ мы читаемъ: „Торстенъ и Вига построили мостъ ради спа-

сенія души затя ихъ Одура", а въ другомъ мѣстѣ, также на рунномъ камнѣ: „Кеттиль завѣщалъ построить мостъ послѣ своей смерти, себѣ во славу и ради спасенія души въ загробной жизни!" (Тщетно я искалъ слѣдовъ позаимствованія этого прекраснаго обычая какъ въ памятникахъ удѣльно-вѣчевой эпохи, такъ и въ памятникахъ царскаго и императорскаго періодовъ нашей исторіи!).

И въ областныхъ земскихъ уложеніяхъ мы видимъ еще слѣды этого обычая (т. е. въ XIII и XIV стол.). Въ земскомъ уложеніи Остготландіи, въ отдѣлѣ о строеніи (Byggninga balken, глава IV, § 1) мы читаемъ: „Ежели кто построитъ мостъ для спасенія своей души, то строителю и смотрѣть за нимъ, пока ему самому то угодно будетъ; но землевладѣльцы всего селенія должны его содержать въ исправности, а особливо гдѣ уже былъ прежде мостъ; но гдѣ онаго не было, тамъ они не обязаны его содержать, ежели сами не согласились принять его подъ свое смотрѣніе". Въ другихъ случаяхъ эта обязанность возлагается не на всѣхъ общинниковъ, а на одну только часть, на осьмину, самую близкую къ мосту.

Конецъ XII и начало XIII столѣтія въ Швеціи были эпохою, въ которую государственное начало одержало верхъ надъ племенной и родовой разрозненностью. — Въ это же время появляются первые слѣды повинности содержать пристанища для путешественниковъ и перевозить ихъ изъ одного селенія въ другое. Появляются выборные изъ среды общинниковъ: raettare или skjutsbonde, т. е. по нашему — ямскіе старосты и ямщики.

Первоначально правомъ на пристанище въ одномъ изъ домовъ селенія или на хуторѣ и правомъ на содѣйствіе при продолженіи пути пользовались исключительно члены одной и той же общины, сотни или области. Но уже въ XII столѣтіи это право предоставлено вообще всѣмъ должностнымъ лицамъ и имъ уже злоупотребляютъ, такъ что короли издаютъ рядъ постановленій (по желанію областныхъ вѣчъ), регулирующихъ повинность давать убѣжище и ставить лошадей и повозки путешественникамъ. Король Магнусъ-Эриксонъ (т. е. Эриховичъ) Ладулосъ въ 1285 году издаетъ общій законъ, запрещающій частнымъ лицамъ пользоваться даромъ крестьянскими подводами или требовать отвода помѣщенія даромъ. Устанавливается денежный штрафъ въ 40 мар. сер. за такое злоупотребленіе.

Но за то земскія уложенія XIII и XIV столѣтій, а за ними и общія земскія уложенія Магнуса Эриксона (XIV столѣтія) и Хри-

стофора (XV ст.) предписываютъ, чтобы въ каждомъ селеніи на большихъ дорогахъ общинники выбирали изъ своей среды особое лицо или нѣсколькихъ, которыя назывались raettare, дабы эти лица, получая опредѣленную подмогу отъ общины (натуральными запасами, землей, деньгами, или въ видѣ освобожденія отъ другихъ податей и повинностей) содержали помѣщеніе для путешественниковъ и для ихъ лошадей, давая имъ пищу и кормъ. Если же raettare не имѣлъ возможности помѣстить всѣхъ путешественниковъ, то онъ имѣлъ право отвести ихъ къ сообщинникамъ въ селеніи, но каждый общинникъ имѣлъ право отказаться принять болѣе двухъ путешественниковъ и двухъ лошадей. — Нѣсколько позже (судя по второй редакціи Вестерготландскаго земскаго уложенія) было установлено, что въ болѣе крупныхъ селеніяхъ на большихъ дорогахъ должны быть устроены постоянные дворы на счетъ общины. Надзоръ за правильнымъ отбываніемъ общинами этой повинности былъ порученъ королевскому окружному начальнику и окружному присяжному суду (nämnd). Городскія общины должны были содержать не менѣе 2 постоялыхъ дворовъ, которые каждому путешественнику должны были доставлять ѣду, питье и кормъ для лошадей. Повинность участвовать въ содержаніи постоялыхъ дворовъ была обще-сословная (единственная); ее отбывали какъ священники, такъ и граждане, помѣщики и ихъ крестьяне (такъ называемые frälse, т. е. сидящіе на бѣлыхъ земляхъ, ofrälse, т. е. податные, государственные крестьяне (по нашему, черные), поселяне собственники, новые поселенцы, наконецъ и крестьяне церковные и монастырскіе. Всѣ они должны были отпускать проѣзжающимъ провіантъ (гдѣ не было постоялыхъ дворовъ) по опредѣленной таксѣ, подъ страхомъ наказанія (3 марки серебра). Если кто либо отказывалъ въ продажѣ пищи и корма проѣзжему, то сей послѣдній имѣлъ право, положивъ деньги въ руки свидѣтелей, взять кормъ и пищу насильно „безъ вины и наказанія“ (какъ сказано въ земскихъ уложеніяхъ).

(Upl. L. Kpm. B. IX, Sud. L. Kpm. B. X, V. L. Kpm. B. XII, VGL. Addit. VI, M. E. L. L. Kg. B. XXIII, K. K. L. L. Kg. B. XXV) и особо въ уставѣ Алснескомъ 1280 г.

Члены королевскаго семейства и ѣдущіе съ королевской подорожной пользовались правомъ безплатнаго помѣщенія на постоялыхъ дворахъ, безплатной поставкой лошадей, но болѣе двухъ лошадей у одного крестьянина нельзя было помѣстить, ни взять у него.

Въ XV столѣтіи на всѣхъ крестьянъ, какъ церковныхъ, такъ и помѣщичьихъ и государственныхъ возлагается повинность доставлять строительные матеріалы для постройки корчемъ.

Такъ какъ попытки пользоваться даромъ и не въ установленномъ размѣрѣ услугами содержателей постоялыхъ дворовъ не прекращались и народъ постоянно жаловался на притѣсненія со стороны проѣзжающихъ должностныхъ лицъ и частныхъ путешественниковъ, то цѣлый рядъ законовъ въ XV и XVI столѣтіи стремится оградить общины отъ насилій. Останавливаться на всѣхъ этихъ законоположеніяхъ я не буду. Укажу только на то, что съ цѣлію пріохотить членовъ общины принять на себя должность ямщиковъ и содержателей постоялыхъ дворовъ, съ XVI столѣтія: 1) устанавливается такса за провозъ и прогонъ на ямскихъ лошадяхъ, 2) ямщикамъ жалуются различныя привилегіи, какъ-то: освобожденіе отъ поземельнаго налога, отъ постоя; 3) жалуются земельные участки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ проявляется стремленіе крестьянскихъ общинъ вытѣснить ямщиковъ изъ общинной земли, препятствовать имъ заводить и строить новые постоялые дворы, то устанавливается обязательный отводъ земель подъ ямскіе дворы и станціи.

Въ XVI же столѣтіи дѣлается попытка замѣнить натуральную повинность содержать постоялые дворы и поставлять для казенныхъ путешественниковъ на ямской дворъ—даровыхъ лошадей—денежною податью (taverne penningar). Но эта замѣна оказалась слишкомъ тяжкой при полномъ господствѣ натуральнаго хозяйства,—и вскорѣ подать была отмѣнена. Еще два раза (въ 1584 и въ 1604 году) повторилась эта попытка, и каждый разъ безуспѣшно. Наконецъ въ 1642 году риксдагъ окончательно установилъ подать, называемую „skjutspenningar“ (ямскія деньги) для покрытія издержекъ по путешествіямъ должностныхъ лицъ. Подать имѣла характеръ реальнаго налога, взимаемаго въ размѣрѣ 3 далеровъ мѣдью съ каждаго цѣльнаго геймата государственныхъ и крестьянскихъ земель, и въ половинномъ размѣрѣ съ земель дворянскихъ и церковныхъ. При этомъ была сохранена и натуральная ямская повинность. Только ямщики, содержавшіе постоянные постоялые дворы и при нихъ лошадей, были освобождены отъ подати.

Въ XVIII стол. (законъ 1766 г.) ямская повинность окончательно опредѣлилась въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала повсемѣстно въ Швеціи и Финляндіи, и какъ она существуетъ от-

части и теперь еще въ болѣе отдаленныхъ областяхъ. Организація повинности въ общихъ чертахъ была слѣдующая:

На постоялыхъ дворахъ должны быть наготовѣ средства къ содержанію и перевозкѣ путешественниковъ. Повинность доставлять и содержать эти средства въ исправности, а также и всѣ средства передвиженія называются—skjuts.

Къ таковымъ средствамъ передвиженія причисляются: лошади, сѣдла, кареты, кибитки, телѣги, одноколки, сани и лодки со всѣми принадлежностями.

Порядокъ доставки этихъ предметовъ устанавливается слѣдующимъ образомъ. По приказанію губернатора, въ его присутствіи или въ присутствіи его представителя и наконецъ въ присутствіи представителей всего округа и отдѣльныхъ общинъ, — окружный шеффенскій судъ (häradsnämnd) опредѣляетъ, сколько лошадей понадобится для безостановочнаго отправленія ямской гоньбы и сколько лошадей и повозокъ можетъ содержать и поставлять ямщикъ, содержащій постоялый дворъ—взамѣнъ податныхъ привилегій и различныхъ правъ, которыя ему предоставлены. Если окажется, что ямщикъ самъ можетъ справиться съ дѣломъ, то на него и падаетъ вся повинность ямской гоньбы въ данномъ округѣ. Въ противномъ случаѣ (а это конечно встрѣчается несравненно чаще!) опредѣляется количество крестьянъ ближайшихъ селеній и хуторовъ, которые должны доставлять недостающіе матеріалы и лошадей по очереди, являясь на постоялый дворъ по первому требованію ямщика. Эта ямская повинность называется reserve-skjuts (дополнительная или запасная ямская повинность). Если и это количество запасныхъ ямщиковъ и лошадей оказывается недостаточнымъ, то на всѣхъ крестьянъ въ округѣ возлагается обязанность ставить поочередно на постоялый дворъ, безъ спеціальнаго призыва ямщика, лошадей и повозки, предоставляя ихъ въ распоряженіе путешественниковъ. Эта общая ямская повинность отбывается только на большихъ трактахъ. Все число обязанныхъ отбывать ямскую повинность крестьянъ распредѣляется по постоялымъ дворамъ округа, и количество дней службы на постояломъ дворѣ и число лошадей, выпадающихъ на каждаго крестьянина, называется skjutslag (ямской окладъ). Тамъ, гдѣ отбывается общая ямская повинность, установлено правило, что крестьяне отдаленныхъ селеній пользуются преимуществомъ въ очереди перевозки пассажировъ; вторая очередь за запасными ямщиками, третья за ямщикомъ, содержащимъ постоялый дворъ. На него возложенъ

надзоръ за прочностью и удовлетворительнымъ содержаніемъ лошадей и повозокъ. Жалобы на неисправное отбываніе повинности подаются въ герадскій судъ.

Въ XIX столѣтіи ямская повинность перестала быть общесословной, личной повинностью и превратилась въ реальную повинность, лежащую на поземельной собственности, и вмѣстѣ съ тѣмъ установленъ цѣлый рядъ изъятій. Останавливаться на разсмотрѣніи всѣхъ этихъ податныхъ привилегій я не буду.

И горожане, т. е. входящіе въ составъ такъ сказать регулярнаго гражданства, несутъ ямскую повинность, но такъ какъ эта повинность признается для нихъ слишкомъ обременительной, благодаря условіямъ городской жизни, то 1) губернатору предоставлено право назначать сельскихъ ямщиковъ въ подмогу городскимъ; и 2) городское общество имѣетъ право нанимать лицъ для исправленія обязанностей ямщиковъ.

Ямская повинность, гдѣ она сохранилась, признается, что и понятно, весьма крупнымъ отягощеніемъ населенія и поэтому во многихъ мѣстностяхъ она все чаще и чаще замѣняется системой т. н. ямскихъ подрядовъ. (Высоч. пост. 1883 г. ноября 12. Высоч. об. 20 декабря 1888 г.).

Содержаніе постоялыхъ дворовъ и ямской гоньбы сдается (съ публичныхъ торговъ) на подрядъ, причемъ подрядчикъ получаетъ право взимать съ проѣзжающихъ болѣе высокую плату, нежели установлено таксой обыкновенныхъ ямщиковъ.

Если на этихъ условіяхъ никто на себя подряда не беретъ, а требуетъ кромѣ повышенной таксы еще пособія со стороны отбывающихъ повинность поселянъ и горожанъ, то созывается сходъ всѣхъ несущихъ повинность. Если по крайней мѣрѣ половина согласна назначить пособіе, то подрядъ утверждается губернаторомъ и въ данной мѣстности вступаетъ въ силу повышенная ямская такса.

Если же на установленіе подрядной системы соглашается менѣе половины поселянъ, то отъ губернатора зависитъ ввести подрядную систему или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, всѣ несогласившіеся на замѣну обыкновенной ямской гоньбы—подрядной,—продолжаютъ отбывать натуральную повинность въ установленномъ размѣрѣ, получая въ свою пользу лишь обыкновенную ямскую плату за прогонъ, излишекъ же, уплачиваемый проѣзжающими по повышенной таксѣ, идетъ въ пользу подрядчика.

Послѣ этого отступленія, увлекшаго меня далеко впередъ, вернемся опять къ дѣламъ давно минувшихъ дней.

XVII столѣтіе, развившее мѣстныя гражданскія власти, отдѣлившее гражданскіе органы управленія отъ военныхъ, видѣло также и послѣдній разцвѣтъ органа общаго народнаго управленія: провинціальныхъ и окружныхъ сеймовъ. Этотъ расцвѣтъ былъ какъ бы заключительнымъ актомъ древняго скандинавскаго самоуправленія мѣстности, самоуправленія, которое въ Финляндій впрочемъ не успѣло развиться на прочныхъ основахъ. Съ конца XVII стол. послѣ распущенія послѣдняго провинціальнаго (Выборгскаго сейма) органы управленія приказнаго получаютъ снова рѣшительное преобладаніе; самоуправленіе находитъ убѣжище въ церковномъ приходѣ, объ управленіи котораго я говорилъ выше.

И до XVII стол., уже въ эпоху уніи, мѣстные провинціальные и окружные сеймы имѣли вліяніе, какъ на мѣстное управленіе, такъ и на общегосударственное управленіе. Густавъ Ваза часто созывалъ народныя собранія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ (то крестьянъ съ купцами, то крестьянъ и дворянъ). Въ сборникѣ дѣловыхъ бумагъ (Konungs Gustafs I registratur) часто встрѣчаются письменныя свидѣтельства его сношеній съ мѣстными жителями и ихъ вѣчами. Сеймы въ „Финляндіи въ узкомъ смыслѣ слова“ (egenteliga Finland), играли роль какъ бы представителей всей Финляндіи. Предметами обсужденій были: избраніе королей, присяга вѣрности, назначеніе военныхъ налоговъ и соглашеніе относительно поставки ополченцевъ. Уже къ концу среднихъ вѣковъ выработалось на практикѣ положеніе, что вотированіе налоговъ, назначенныхъ общими сеймами, нуждается въ утвержденіи мѣстныхъ сеймовъ, и что только мѣстные сеймы могутъ назначать налоги въ натурѣ и устанавливать новыя повинности. Это правило укоренилось въ XVI стол. Но компетенція провинціальныхъ сеймовъ была вполнѣ неопредѣленная. Столь же неопредѣленнымъ былъ и составъ сеймовъ. Составъ опредѣлялся призывными грамотами королей или ихъ мѣстныхъ уполномоченныхъ. Далеко не всегда призывались представители всѣхъ сословій.

Такъ въ 1602 году Карлъ IX пригласилъ на провинціальное собраніе въ Або 58 дворянъ и горожанъ. По порученію короля Густава-Адольфа въ 1614 г. земскіе чины Финляндіи были созваны частью въ Гельсингфорсъ, частью въ Борго для утвержденія постановленія шведскихъ государственныхъ чиновъ о назначеніи новаго налога. Земскіе чины остальныхъ финляндскихъ областей дали

свою подпись и согласіе по окончаніи собранія, приглашенные къ тому уполномоченными. Два года спустя, въ 1616 г., во время войны съ Россіей, Густавъ-Адольфъ вновь созвалъ земскіе чины Финляндіи въ Гельсингфорсѣ. Организація провинціальнаго сейма 1616 г. напоминаетъ нѣсколько организацію сейма новаго времени до изданія устава о сеймѣ 1869 г. *). Изъ дворянъ были приглашены лично всѣ, кто достигъ совершеннолѣтія, и на сеймъ явились представители знаменитыхъ семействъ, нынѣ уже не существующихъ болѣе въ Финляндіи (какъ-то: Оксеншернъ, де-ла Гарди, Куркъ, Финке, Флемингъ, Столармъ, Горнъ и др.). Духовенство было представлено епископомъ Эрикомъ-Эрица и 20 пасторами (по два отъ каждаго капитула и по 1 отъ каждаго округа, härad); войско послало десять ротмистровъ, 10 капитановъ, нѣсколько низшихъ офицеровъ и два представителя отъ рядовыхъ каждаго полка. Отъ каждаго города было послано по одному бургомистру, ратману и горожанину; наконецъ по два крестьянина отъ каждаго герада. (О сеймѣ въ Гельсингфорсѣ = ср. сочиненіе Вараненъ. „Сеймъ въ Гельсингфорсѣ 1616 г. и тогдашнее положеніе Финляндіи“) 22 января 1616 г. король открылъ сеймъ рѣчью, въ которой онъ прежде всего указалъ на то, что онъ уже давно искалъ случая ознакомиться съ состояніемъ Финляндіи, что онъ ожидаетъ отъ сеймовыхъ представителей откровенныхъ указаній на недостатки въ управленіи Финляндіей. Послѣ рѣчи короля сейму были предложены на обсужденіе пропозиціи короля. Онѣ обсуждались сеймомъ въ теченіе 10 дней. Отвѣтъ сейма касается какъ пропозицій короля, такъ и нѣкоторыхъ вопросовъ, имъ не предложенныхъ (какъ-то: вопроса о ямской повинности). Земскіе чины обѣщали королю стоять съ нимъ за одно въ борьбѣ съ Сигизмундомъ и выразили надежду на скорое заключеніе мира съ Россіей. Они вотировали военный налогъ хлѣбомъ, сѣномъ, скотомъ и иными натуральными поставками и съ особымъ письмомъ обратились къ сословіямъ Швеціи, призывая ихъ присоединиться къ ихъ постановленію. Отвѣтное представленіе сейма къ королю подписано: „Мы, нижеподписавшіеся, совѣтники шведскаго государства и земскіе чины Вел. Княж. Финляндскаго“. Король принялъ отвѣтъ сейма и въ свою очередь отвѣтилъ грамотою, въ которой онъ обѣщалъ принять мѣры къ устраненію недостатковъ въ упра-

*) Мѣстные сеймы въ Финляндіи были организованы совершенно по образцу шведскаго риксдага согласно уставу 1617 г.

вленіи Финляндіей. Онъ учредилъ нѣсколько чрезвычайныхъ комиссій, которыя по его приказанію и отъ его имени созвали окружныя земскія собранія (häradsting) для изслѣдованія причинъ злоупотребленій въ управленіи и для изысканія мѣръ для борьбы съ злоупотребленіями. Много пользы это изслѣдованіе не принесло, ибо дворяне отказались явиться на герадскіе сеймы и ихъ постановленіямъ не подчинились. Этотъ общій финляндскій сеймъ былъ предпослѣднимъ общефинляндскимъ сеймомъ до 1809 г.; вопросами законодательства онъ не занимался; его обсужденію подлежали только вопросы административные и финансовые. Такой же административный характеръ, носятъ и провинціальные сеймы, созванные въ царствованіе Карла X въ 1656 и 1657 г. Провинціальные сеймы были созваны въ Або, гдѣ собрались представители 3 сословій Абоскаго намѣстничества; въ Гельсингфорсѣ — гдѣ собрались представители сословій провинціи Нюландъ-Тавастгусской; въ Выборгѣ — представители сословій изъ провинцій: Выборгъ, Нишлотъ и Кюмменьгордъ; въ Торнео собрались представители сословій Остерботніи и Вестерботніи. Представители крестьянъ не были приглашены. Во всѣхъ этихъ собраніяхъ совѣщанія происходили подъ сильнымъ давленіемъ правительственнаго коммиссара, Горна. Во главѣ отдѣльныхъ сословій стояли какъ и на общихъ сеймахъ: ландмаршалъ и тальманы. Провинціальные сеймы вотировали военные налоги и сборъ рекрутъ, но повидимому ихъ постановленія не имѣли особеннаго авторитета; ибо когда начали производиться рекрутскіе наборы, то крестьяне бѣжали въ лѣса. Въ послѣдній разъ провинціальный сеймъ былъ созванъ въ 1676 и 1677 г. Хотя въ 1676 г. земскіе чины Финляндіи были собраны уже въ провинціальныхъ сеймахъ, тѣмъ не менѣе правительство задумало созвать еще общій финляндскій сеймъ (Land-tag) на августъ 1676 г.

Въ качествѣ представителя правительства въ Финляндію былъ отправленъ членъ государственнаго совѣта графъ А. Ю. Де-ла Гарди. Мѣстомъ сейма первоначально былъ назначенъ городъ Борго, но затѣмъ Борго былъ замѣненъ городомъ Або. Предметомъ обсужденій финляндскихъ земскихъ чиновъ былъ вопросъ о принятіи мѣръ къ вооруженію Финляндіи на случай возобновленія войны съ Россіей. Ландтагъ (оказавшійся далеко не общимъ) былъ организованъ по правиламъ сеймоваго устава 1617 г. Предметомъ обсужденія былъ вопросъ о военномъ налогѣ и о рекрутскихъ наборахъ. На этотъ разъ были приглашены также представители крестьянъ. Въ

1676 г. (въ сентябрѣ) собрался провинціальный сеймъ Ингерманландскій-Кексгольмскій. Въ 1677 г. провинціальные сеймы были созваны въ Або, (дворяне и крестьяне) въ Гельсингфорсѣ, въ Выборгѣ, въ Кексгольмѣ. На этихъ сеймахъ обсуждался исключительно вопросъ о чрезвычайныхъ рекрутскихъ наборахъ. Послѣ 1677 г. провинціальные сеймы не созывались. Швеція вступила въ эпоху крайней административной централизаціи. (Подробности о провинціальныхъ сеймахъ — ср. сочиненіе Бунсдорфъ: Провинціальные сеймы въ Финляндіи въ XVII ст. въ 1670—72 годахъ [1]).

---

[1]) Повидимому эти мѣстные сеймы разбудили на нѣкоторое время національное самосознаніе финновъ, чѣмъ шведское правительство было далеко недовольно. Это недовольство получало иногда очень странное выраженіе. Если уже названіе Або финской метрополіей не нравилось шведамъ, то не нравилось и величаніе финновъ особой націей. — Въ 1642 г. Гардинъ Спейцъ, одинъ изъ низшихъ судей въ Тавастландіи напечаталъ военные артикулы Густава-Адольфа на финскомъ языкѣ на пользу „финской націи". Эти слова и то, что переводчикъ на заглавномъ листѣ назвалъ себѣ „Тавасто-финномъ" вызвали гнѣвъ правительства и Спейцу пришлось перепечатать книгу, а себя назвать: уроженцемъ Сээксиэки, тавасто-финномъ-шведомъ.!!

На риксдагѣ 1635 г. вслѣдствіе жалобъ финскихъ депутатовъ, что они не въ состояніи понять пропозицію правительства,—было постановлено назначить для нихъ особаго секретаря-переводчика. Въ 1647 и 1659 г финскіе граждане Або и Выборга жаловались на то, что при избраніи депутатовъ въ риксдагъ они терпятъ притѣсненія со стороны шведовъ и нѣмцевъ, несмотря на то, что населеніе финское болѣе многочисленно, чѣмъ шведы и нѣмцы. Правительство распорядилось о принятіи мѣръ, дабы „одна нація не гнѣвалась на другую". Однако сіи мѣры оказались совершенно не дѣйствительными.

Какъ шведы вообще безцеремонно относились къ финнамъ, это доказываетъ слѣдующій фактъ. Въ 1682 г. Ландсгевдингъ (губернаторъ) Вестерботническій приказалъ финнамъ, жившимъ въ Вестерботніи, въ теченіи опредѣленнаго времени научиться шведскому языку, или же выселиться изъ области!

Но враждебное отношеніе къ „финской націи" не погасило чувства народнаго самосознанія. Финскіе депутаты — крестьяне на сеймѣ 1672 г. потребовали, чтобы имъ было отведено мѣсто непосредственно возлѣ Упландцевъ, ибо Финляндія по рангу своему: „Великое Княжество". — Къ концу XVII ст., въ царствованіе Карла XI (къ этому времени относится и вышеупомянутый эпизодъ съ финнами въ Вестерботніи) національное движеніе финновъ вновь стихаетъ. Королевское единовластіе повело энергичную борьбу со всѣми центробѣжными стремленіями въ различныхъ частяхъ государства. Высшіе классы въ государствѣ смотрѣли на финскій языкъ, какъ на языкъ отжившій свой вѣкъ. Знакомство съ нимъ иногда, и то рѣдко, требовалось отъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ управленія и суда. Высказывались даже мнѣнія о необходимости окончательнаго искорененія финскаго языка. Высшая власть начала относиться къ національнымъ требованіямъ финновъ, если не враждебно, то во всякомъ случаѣ безъучастно. Такъ, напр., когда въ 1689 году Королю Карлу XI

Въ историческомъ очеркѣ развитія административнаго строя Финляндіи нельзя обойти молчаніемъ учрежденія Гофгерихта въ Або. При отсутствіи строгаго разграниченія суда отъ управленія,—высшій судебный органъ долженъ былъ играть выдающуюся роль въ администраціи, члены которой (въ особенности высшіе,—губернаторы) имѣли значительную долю юрисдикціи.

Послѣ того, какъ средневѣковыя судебныя вѣча (raefsteting, rättareting), бывшія когда-то высшей судебной инстанціей и „судившія королевскій судъ" (döma Konungsdom) постепенно преданы были забвенію, послѣ того какъ попытки установить судъ высшей инстанціи 3 раза потерпѣли фіаско (Landrätt въ Финляндіи въ XIV, аппелляціонный судъ въ совѣтѣ при Густавѣ-Ваза, и высшій судъ короля Эрика XIV, Högsta nämnd),—Густаву-Адольфу удалось учредить прочную высшую судебную коллегію въ лицѣ Свеа-Гофгерихта (16 февраля 1614 года) съ особымъ предсѣдателемъ (государственнымъ дростомъ во главѣ), состоявшую изъ 12 членовъ, 4 чиновъ государственнаго совѣта, 4 дворянъ и 4 разночинцевъ. Гофгерихтъ былъ судомъ первой инстанціи въ нѣкоторыхъ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ, экзекуціонныхъ и отчасти фискальныхъ (въ дѣлахъ казеннаго управленія). Въ виду большого объема шведскаго государства въ XVII стол. вскорѣ учреждено еще 3 гофгерихта: въ Женчепингѣ (Гэта гофгерихтъ), въ Дерптѣ (для Лифляндіи и Ингерманландіи), и въ 1623 г. въ Або для Финляндіи. До 1776 г. вся Финляндія, какъ уже упомянутъ выше, составляла юрисдикціонный округъ Абоскаго гофгерихта; въ 1776 г. учрежденъ гофгерихтъ въ Вазѣ, а въ 1839 году Выборгскій гофгерихтъ.

Благодаря тому, что во главѣ Абоскаго гофгерихта сразу были поставлены другъ за другомъ представители высшей ари-

---

была подана петиція о назначеніи офицеровъ въ финскіе полки изъ финновъ, знающихъ финскій языкъ и финскіе нравы. Подавшіе петицію получили отвѣтъ: «Только изъ-за финскаго языка никто не можетъ быть принятъ на службу».—Эта централизаціонная политика шведскаго правительства лѣтъ 50 спустя, въ 1738 г., была объяснена президентомъ Гофгерихта С. Окерельмомъ слѣдующимъ образомъ: «Искони руководящимъ принципомъ шведскаго правительства было сліяніе финновъ со шведами: 1) путемъ введенія въ Финляндіи шведскихъ колоній, 2) при посредствѣ шведскихъ органовъ управленія и шведскихъ законовъ. Если эти стремленія были бы парализованы, то легко могло бы случиться, что или вся Финляндія образовала бы особое государство, или каждая финлядская губернія превратилась бы въ особую республику».

стократіи (Бьелке, Роламбъ, Куркъ) авторитетъ новаго суда быстро упрочился. Президенты гофгерихтовъ встали наравнѣ, а вскорѣ и выше губернаторовъ. Лишь генералъ-губернаторъ имѣлъ преимущество передъ гофгерихтскимъ президентомъ. 20-лѣтнее предсѣдательствованіе Курка имѣло вообще весьма благотворное вліяніе на весь судебный персоналъ Финляндіи. Его придворное вліяніе, богатство, а въ особенности рѣдкая въ то время спеціальная юридическая ерудиція вдохнули новый духъ въ заскорузлый строй финляндскихъ судовъ. Можно сказать, что если до учрежденія Абоскаго гофгерихта судьи пользовались весьма незавиднымъ реноме въ Финляндіи, обвиняясь постоянно въ ябедничествѣ, кривосудіи и взяточничествѣ, то съ второй половины XVII ст. именно судъ, начиная съ членовъ гофгерихта и кончая герадсгевдингами, сталъ пользоваться высокимъ уваженіемъ въ краѣ. Нужно замѣтить, что отчасти это является также заслугой короля Карла XI, который окончательно порвалъ съ средневѣковой традиціей жаловать лагманскія и герадсгевдинскія мѣста сановникамъ ради почета и ради полученія доходовъ. Онъ систематически выгонялъ съ этихъ мѣстъ аристократовъ, ставя условіемъ для занятія должности обязательное мѣстожительство въ предѣлахъ юрисдикціоннаго округа и запрещая порученіе веденія дѣлъ вице-лагманами и вице-герадсгевдингами. Этому единовластному королю вообще вся Швеція и въ ея составѣ и Финляндія обязана образованіемъ работящаго и честнаго класса чиновниковъ. Его желѣзная энергія и личный примѣръ неутомимаго трудолюбія изгналъ укоренившіеся взгляды на службу какъ на кормленіе, какъ на синекуру.

Его административныя реформы создали въ сущности ту систему управленія, которая и нынѣ въ своихъ главныхъ чертахъ сохранилась въ Финляндіи. Его реформы начались съ того, что онъ упорядочилъ систему обращенія съ Nervus rerum, съ деньгами. Несомнѣнно, что редукція государственныхъ земель дала матеріальную основу для упроченія управленія, лишеннаго феодальнаго вотчиннаго характера, но столь же несомнѣнно, что одна редукція не могла бы обезпечить правильнаго теченія государственнаго хозяйства, разстроеннаго не только уменьшеніемъ доходовъ и увеличеніемъ расходовъ, но до безразсудства неряшливымъ счетоводствомъ, отсутствіемъ контроля и полною расшатанностью системы взиманія доходовъ и производства расходовъ. Главы олигархіи, господствовавшей во времена регентства королевы Уль-

рики-Элеоноры и 5 высшихъ чиновъ королевства (президентовъ коллегій: Военной, Морской, Канцеляріи, Юстиціи и Камерной) успѣли не только расточить имущества государства, но и затушевать свои продѣлки туманными бюджетами, фиктивными статьями и балансами доходовъ и расходовъ. Благодаря редукціи власть этихъ полунезависимыхъ аристократовъ, стоявшихъ во главѣ коллегій, была уничтожена. Они перестали быть распорядителями судебъ страны и превратились въ покорныхъ бюрократовъ-президентовъ, исполнявшихъ въ точности предписанія короля, предписанія, исходившія уже не изъ полуфеодальнаго государственнаго совѣта, а изъ королевскаго кабинета, въ которомъ просвѣщенный абсолютистъ диктовалъ самовластно свои резолюціи своимъ статсъ-секретарямъ, не брезгая и собственноручно писать свои регламенты и инструкціи. Но Карлъ не ограничился изданіемъ инструкцій. Весь духъ администраціи при немъ измѣнился. Въ царствованіе Христины, Карла X и въ эпоху регентства, шведскіе чиновники и въ центральныхъ провинціяхъ, въ особенности въ отдаленной Финляндіи, привыкли къ лѣнивому, медленному обращенію съ порученными имъ казенными дѣлами. По разсказамъ современниковъ, и какъ видно изъ жалобъ крестьянъ на финляндскихъ провинціальныхъ сеймахъ, случалось не разъ, что Landshöfding, фохтъ или губернскій казначей, спокойно отправлялись на охоту или на трапезу къ другимъ товарищамъ, и что жены ихъ принимали просителей, вели книги, взимали подати. Даже капитаны военныхъ кораблей поручали зачастую исправленіе своихъ обязанностей своимъ вѣрнымъ женамъ. Эта халатность, уютность, исчезла. Всѣ коллегіи работали подъ непосредственнымъ руководствомъ короля. Отъ всѣхъ лицъ, хранившихъ казенныя суммы, требовались залоги и поручительства. Весьма продолжительныя каникулы были отмѣнены; король назначилъ каждому учрежденію продолжительность ежедневныхъ занятій. Камеръ-коллегія, бывшая въ XVII ст. центромъ всего внутренняго управленія, получила помѣщеніе въ королевскомъ дворцѣ, подъ комнатами короля. Король устроилъ себѣ особую потаенную дверь въ присутственную комнату и бѣда тому чиновнику, высшему и низшему, котораго онъ не находилъ на своемъ мѣстѣ въ 7 часовъ утра и въ 6 часовъ вечера. Во время своихъ поѣздокъ по странѣ Карлъ созывалъ крестьянъ и горожанъ и разспрашивалъ ихъ о положеніи округа, деревни, города, лично принималъ жалобы и какъ губернаторы, такъ и президенты, генералы и епископы, камериры и

капитаны, фохты и пасторы получали нерѣдко собственноручныя письма короля съ выговорами и замѣчаніями. Всѣ чиновники, высшіе и низшіе, судьи и военачальники, магистраты и священники тряслись, когда король въ сопровожденіи одного секретаря или адъютанта, верхомъ или на телѣгѣ крестьянской пріѣзжалъ въ село или городъ и прямо съ пути заходилъ въ канцелярію или казначейство, въ судебную камеру или провіантскій магазинъ, или когда онъ по цѣлымъ часамъ за однимъ столомъ съ писарями въ камеръ-коллегіи и статсъ-конторѣ провѣрялъ книги и отчетныя вѣдомости. Этотъ духъ административной неугомонной регламентаціи сказался и во всѣхъ регламентахъ и инструкціяхъ Карла XI и переданъ имъ въ наслѣдство и будущимъ поколѣніямъ.

Реформы начались съ центра (Государственный совѣтъ превращенъ въ совѣтъ королевскій, т. е. органъ стоящій, въ полнѣйшей зависимости отъ короля). До Карла XI, до 1680 года, какъ сказано выше, главнымъ органомъ всего внутренняго управленія была камеръ-коллегія, вѣдавшая и полицію, и финансы, и сельское хозяйство, и счетоводство. 11 декабря 1680 г. издана инструкція для новаго органа финансоваго управленія, для статсъ-конторы, которая первоначально до 1720 г. была внѣшнимъ образомъ связана съ камеръ-коллегіей, ибо она подчинялась одному и тому же президенту. Обязанности статсъ-конторы состояли главнымъ образомъ въ пріемѣ отъ мѣстныхъ казначействъ собранныхъ суммъ, храненіи ихъ въ казначейскомъ отдѣленіи конторы и въ уплатѣ суммъ по ассигновкамъ компетентныхъ лицъ.

Ни одинъ эръ или пфеннингъ, согласно инструкціи, не могъ быть выданъ, если въ росписи, составленной королемъ при содѣйствіи президента камеръ-коллегіи и его помощника, статсъ-коммиссара, не было ассигновано соотвѣтствующей суммы. Деньги казенныя выдавались не иначе какъ по представленіи ассигновки, подписанной или лично королемъ или лицомъ, получившимъ отъ короля право распоряженія казенными суммами. Крупныя асигновки должны были быть скрѣплены подписью одного изъ членовъ камеръ-коллегіи и статсъ-коммиссара (какъ видите — даны зачатки предварительнаго контроля). Органами статсъ-конторы въ мѣстности стали: Ландсгевдинги, Ландсбухгалтеры и Ландсъ-камериры и подчиненные симъ послѣднимъ Ландсъ-казначеи. Реформа денежнаго управленія должна была повлечь за собой реформу въ компетенціи органовъ мѣстнаго управленія и отчасти

и органовъ центральнаго (въ 1694 году камеръ-коллегія получила новую инструкцію и съ ней соединена коммерцъ-коллегія). Въ 1687 и 1688 г.г. появились новыя инструкціи мѣстнымъ административнымъ органамъ. Инструкціи эти имѣютъ важное значеніе и для исторіи административнаго права Россіи. Онѣ были при Петрѣ Великомъ переведены на русскій языкъ и должны были служить руководствомъ для новыхъ органовъ русскаго мѣстнаго управленія (ср. Милюковъ: Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст. и Реформы Петра Великаго. Глава IX, § 36, ср. также мое сочиненіе „Баронъ А. Х. Поттъ-фонъ-Люберасъ и его записки объ учрежденіи коллегій въ Россіи").

Инструкціи Ландсгевдингу (губернатору) изданы: 28 января 1687, 16 октября 1723 и 4 ноября 1734. (Первыя двѣ инструкціи напечатаны въ сборникѣ Шмедемана „Justitie Werk"; инструкція 1734 г. напечатана въ сборникѣ Modée Utdrag: ur publique handlingar, Placater, Förordningar, Resolutioner etc. T. II. 1740 г. Но этими публикаціями не ограничивается матеріалъ для выясненія значенія и роли, исторіи и компетенціи этихъ учрежденій и должностей. Въ сборникѣ Брантинга „Handbok innehållande uppgift a de från äldre tider intill och med år 1825 utkomnesvenska författningar", перечень различныхъ узаконеній и распоряженій, касающихся ландсгевдинговъ, занимаетъ 30 страницъ; изъ нихъ конечно не всѣ относятся къ Финляндіи. Инструкція ландскаммериру (или Landsbokhållare) издана 28 мая 1688 г. и вновь издана 1786 г.

Инструкція ландссекретарю издана въ 1688 г.

Инструкція короннымъ или герадскимъ фохтамъ издана 9 октября 1688 г.

Инструкція герадскимъ бухгалтерамъ (Härads skrifvare) издана 16-го октября 1689 г.

Инструкція губернскому казначею дана камеръ-коллегіей лишь съ 2 марта 1780 г.

Не останавливаясь на первыхъ 2 губернаторскихъ инструкціяхъ, перейдемъ къ третьей, 1734 г., которая вполнѣ покоится на инструкціи Карла XI. Инструкція ландсгевдингамъ 1734 г. дѣйствовала въ Финляндіи болѣе 150 лѣтъ, до изданія инструкціи губернаторамъ 1894 г. Согласно инструкціи 1734 г. ландсгевдингъ до вступленія въ должность долженъ былъ принести особую присягу въ вѣрномъ исполненіи всѣхъ возложенныхъ на него обязанностей и въ вѣрности законамъ государства (по редакціи 1734 г. ландсгевдингъ долженъ былъ присягнуть въ вѣрности формѣ

правленія 1720 г.). Присяга принималась первоначально въ камеръ-коллегіи. На ландсгевдинга возложена обязанность предупреждать всякое шпіонство, всякое появленіе въ провинціи лицъ, имѣющихъ задачей найти слабыя стороны страны въ угоду врагамъ, сохранять въ цѣлости земли, города, замки, дома и дворы, королю и государству принадлежащіе; стараться споспѣшествовать земледѣлію и сельскому хозяйству вообще, а также богобоязни, поддерживать и оберегать богослуженіе, школы, госпитали и иныя богоугодныя заведенія, — не вмѣшиваясь въ судоговореніе,—наблюдать, чтобы законный порядокъ соблюдался въ судахъ, чтобы суды засѣдали въ означенные въ законахъ сроки, принимать мѣры къ исполненію законныхъ приговоровъ, постановленій о взысканіи и устранять проступки. Надъ войскомъ, расположеннымъ въ краѣ, ландсгевдингъ не властенъ; онъ лишь поддерживаетъ и исполняетъ законныя требованія военнаго начальства и заботится о томъ, чтобы народъ не терпѣлъ притѣсненія отъ военныхъ, но онъ былъ обязанъ содѣйствовать исполненію постановленій и обязательствъ относительно содержанія поселенныхъ войскъ; такія же обязанности содѣйствія возложены на него въ отношеніи селитроваренъ, морского дѣла и т. д. Главной его обязанностью являлось — поддержаніе доброй полиціи и порядка, дабы верховныя права Е. В. не нарушались. Ландсгевдингъ долженъ былъ защищать всѣхъ жителей провинціи въ пользованіи ихъ законными правами и привилегіями, онъ долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы всѣ находились въ безопасности, безпрепятственно занимались хозяйствомъ, промыслами, все согласно законамъ, уставамъ и учрежденіямъ, наблюдать за тѣмъ, чтобы добрый порядокъ вездѣ соблюдался, общественный миръ не нарушался, земля хорошо обработывалась, лѣса не истреблялись, мосты и дороги содержались въ исправности, чтобы монетная система не терпѣла нарушеній, монеты, вѣсы и мѣры не поддѣлывались. Ландсгевдингъ наблюдалъ также за тѣмъ, чтобы городскіе доходы, промыслы, ремесла поддерживались и поощрялись и чтобы въ городахъ соблюдался добрый порядокъ и полиція.

Ландсгевдингу надлежало: (согласно § 18) наблюдать, чтобы вакантныя должности бургомистровъ, ратмановъ и городскихъ секретарей и остальныхъ низшихъ городскихъ служителей были законнымъ порядкомъ замѣщены; чтобы магистраты употребляли городскія средства на законныя цѣли; чтобы все имущество, пожалованное и подаренное городамъ, было надлежащимъ образомъ

употреблено; чтобы не селилось въ городахъ излишнее количество ремесленниковъ и чтобы сборъ съ ремесленниковъ въ пользу городовъ (gernings öre) поступалъ въ городскую казну; чтобы пріобрѣтеніе гражданства совершалось законнымъ порядкомъ и чтобы повсюду въ краѣ, въ городахъ и селахъ, гастгеберскіе дворы были надлежащимъ образомъ устроены, чтобы вольно гуляющіе и праздношатающіеся были привлечены къ узаконеннымъ работамъ, а больные помѣщены въ больницу; чтобы въ городахъ не былъ терпимъ никто, кромѣ состоящихъ на государственной службѣ, осѣдлыхъ гражданъ, честныхъ иностранныхъ гостей, полезныхъ жителей, прислуги и рабочихъ. Онъ долженъ былъ принимать мѣры противъ нищенства, наблюдать за порядкомъ въ смирительныхъ и сиротскихъ домахъ; чтобы всѣ доходы и имущество казны надлежащимъ образомъ охранялись, чтобы обязанныя отчетностью должностныя лица представляли надлежащіе отчеты въ установленныя контрольныя учрежденія; вести надлежащій надзоръ за совершеніемъ мантальной переписи, не допускать отступленія отъ бюджетныхъ ассигнованій, заботиться о доставленіи въ казну узаконенныхъ и назначенныхъ денежныхъ штрафовъ; принимать мѣры къ взысканію недоимокъ, къ сложенію съ счетовъ налоговъ, къ уменьшенію оклада, гдѣ нужно. Затѣмъ слѣдуютъ предписанія относительно надзора ландсгевдинга за веденіемъ хозяйства въ имѣніяхъ и на земляхъ шкатовыхъ и казенныхъ крестьянъ, за распредѣленіемъ повинностей ямской, дорожной, постойной, за провіантскими магазинами, за составленіемъ вѣдомостей справочныхъ цѣнъ; опредѣляется порядокъ разрѣшенія ландсгевдингомъ споровъ между крестьянами о земляхъ и межахъ.—Ландсгевдингу поручается забота о лѣсномъ хозяйствѣ, о горномъ хозяйствѣ, объ охотѣ и т. д.

Однимъ словомъ, компетенція необъятная! Ландсгевдингъ и хозяинъ губерніи и опекунъ всего населенія (за исключеніемъ дворянъ, духовенства и военныхъ). Ландсгевдингъ долженъ жить въ главномъ городѣ своей губерніи; онъ долженъ объявлять во всеобщее свѣдѣніе о дняхъ пріема и принимать лично всѣхъ просителей (sollicitanter), давать имъ точный и письменный отвѣтъ съ указаніемъ мотивовъ и узаконеній; заносить всѣ рѣшенія и отвѣты въ книги и реестры и не удаляться безъ разрѣшенія короля изъ губерніи болѣе чѣмъ на двѣ недѣли. Ландсгевдингъ стоитъ во главѣ губернскаго правленія (Länsstyrelseu, Landshöfdingsstyrelseu) раздѣленнаго на два отдѣленія, или какъ говорили въ XVIII ст.,

два департамента, земскую канцелярію (Landskansliet) и земскую контору (Landskantoret). Во главѣ первой стоялъ Landssecreterare, ландссекретарь, во главѣ второй Landskamererare, ландскамериръ. Первая вѣдала дѣла чисто административныя и административно-судебныя, вторая — фискальныя и камеральныя и счетоводство.

Подчиненныя ландсгевдингу должностныя лица назначаются или по его предложенію и на основаніи составленнаго имъ кандидатскаго списка камеръ-коллегіей (Landssecreterare и Landskamererare) или имъ самимъ: фохтъ, бухгалтеръ (которые со второй половины XVIII ст. тоже переходятъ въ отношеніи порядка назначенія въ 1 классъ), ленсманъ и т. д.—Если ландсгевдингъ оставлялъ службу, онъ долженъ былъ отдавать отчетъ о своемъ управленіи и представлять на хозяйственный контрольный осмотръ участки, бывшіе въ его пользованіи взамѣнъ жалованья (Landshöfdings boställen). Это же правило установлено и въ отношеніи остальныхъ должностныхъ лицъ мѣстнаго управленія. Во всѣхъ отношеніяхъ ландсгевдингъ долженъ поддерживать службу и интересъ Его Величества, пользу и благо губерніи и т. д. Онъ не долженъ употреблять въ обращеніи съ кѣмъ-либо грубыхъ словъ, а напротивъ „по отношенію къ каждому высказывать благоволеніе и уваженіе, сообразно сословію каждаго".—Къ этой инструкціи въ теченіе XVIII в. въ шведское время уже изданы дополненія и изъясненія. Я укажу только на болѣе главныя: Высочайшимъ королевскимъ рескриптомъ 26 марта 1746 г. постановлено: Въ случаѣ отсутствія ландсгевдинга, его должность исправляется ландскамериромъ и ландссекретаремъ; если же между ними будетъ разногласіе, то перевѣсъ даетъ голосъ того изъ нихъ, къ спеціальности котораго данное дѣло относится. Болѣе точное распредѣленіе дѣлъ и обязанностей между ландссекретаремъ и ландскамериромъ установлено въ 1752 года. (Кор. Рескриптъ 23 марта 1752 г.).

Кор. Рескриптомъ 13 мая 1802 г. постановлено, что ландсгевдинги обязаны разъ въ каждое пятилѣтіе представлять камеръ-коллегіи отчетъ о состояніи губерніи. Камеръ-коллегія обязана была изъ этихъ губернаторскихъ отчетовъ составлять одинъ общій отчетъ для короля. Согласно рескриптамъ отъ 1 января 1807 и 10 іюня 1808 г. ландсгевдинги обязаны были къ концу января непосредственно королю представлять отчеты о различныхъ мѣрахъ, принятыхъ имн въ губерніяхъ.

Губернскій бухгалтеръ и губернскій казначей (Lånebokhållare

и Landträntmästare) были непосредственными подчиненными ландскамерира. Правила дѣйствія ландрентмейстера даны въ Высоч. Рескриптѣ 15 мая 1694 г. и въ циркулярѣ камеръ-коллегіи 18 мая 1694 г.; Ленсъ-бухгалтеры получили инструкціи отъ камеръ-коллегіи 2 марта 1780 г.; но она была напечатана лишь въ 1819 году. Во главѣ герадовъ стояли коронные фохты, а при нихъ герадскіе бухгалтеры. Ихъ матеріальная компетенція соотвѣтствовала, въ рамкахъ конечно герада, компетенціи ландсгевдинга и ландсгбухгалтера, однако кругъ ихъ вѣдомства не распространялся на города. Низшими органами управленія въ приходахъ были ленсманы, или кирхшпильсъ—фохты (по терминологіи Петра В.) Согласно Высоч. Резолюціямъ 25 сентября 1675 г., 1680 г., 25 мая 1720 г. ленсманы назначались ландсгевдингами. Въ 1720 г. крестьяне подали петицію о томъ, чтобы имъ было дано право замѣщать вакансіи ленсмановъ по выбору, но правительство отказало, ссылаясь на то, что оно питаетъ довѣріе къ ландсгевдингамъ въ томъ, что они какъ люди опытные и честные будутъ назначать хорошихъ ленсмановъ. Правила дѣйствія ленсманы получали отъ ландсгевдинговъ.

Въ 1714 году 14 декабря камеръ-коллегія издала инструкцію земскимъ фискаламъ. Эти должностныя лица (должность эта установлена въ XVII столѣтіи) обязаны были съ надлежащей тщательностью слѣдить за тѣмъ, чтобы казенное имущество, движимое и недвижимое не расточалось, чтобы частныя лица не обременялись незаконными поборами и повинностями, чтобы должностныя лица исполняли свои обязанности, чтобы не обременяли страну гуляющіе люди, нищіе, бродяги, чтобы повсюду законы исполнялись; они должны были доносить надлежащимъ судамъ о извѣстныхъ имъ преступленіяхъ и проступкахъ. Они стояли въ двоякомъ подчиненіи: у адвокатъ-фискаловъ гофгерихта и ландсгевдинговъ, давали и тѣмъ и другимъ отчетъ и получали отъ нихъ указанія. Съ 1638—1778 г. въ каждой губерніи (какъ уже сказано выше) существовалъ еще т. н. general gevaldiger или general rikets schultz, для наблюденія за ненарушеніемъ правъ королевскаго верховенства подданными и чиновниками. Про дѣятельность и компетенцію этого должностнаго лица въ Финляндіи точныхъ свѣдѣній не имѣется.

Такова была организація управленія въ шведское время. Прежде чѣмъ перейти къ выясненію дальнѣйшаго ея развитія нужно сдѣлать два отступленія: 1) сказать пару словъ о начав-

шейся въ XVIII ст. борьбѣ за равноправность въ администраціи финскаго языка съ шведскимъ, которой мы отчасти коснулись выше; 2) указать на организацію управленія въ Финляндіи въ эпоху т. н. „великой разрухи“, т. е. сѣверной войны съ 1710—1721 г., когда вся Финляндія была занята русскими войсками и когда казалось какъ будто Финляндія уже тогда навсегда останется въ рукахъ Россіи.

XVII-е столѣтіе принесло шведамъ и финнамъ не только прочную организацію управленія; оно дало также толчекъ развитію въ ней народнаго просвѣщенія, какъ общаго, такъ и спеціальнаго. Въ коренной Швеціи король Густавъ Адольфъ возстановилъ почти разрушенный Упсальскій университетъ; отчасти учредилъ, отчасти поставилъ въ лучшія условія среднія учебныя заведенія и даже низшія городскія и сельскія школы не были имъ забыты. Въ Финляндіи эту задачу исполнилъ генералъ-губернаторъ графъ Перъ Брахе; онъ учредилъ академію на Аурѣ, т. е., Абоскій университетъ, въ 1640 г. Онъ преобразовалъ устарѣвшія каѳедральныя школы, онъ же старался поощрять основаніе народныхъ школъ въ селахъ. Всѣ эти реформы въ области народнаго просвѣщенія содѣйствовали культурному подъему финскаго народа въ цѣломъ и должностного класса въ частности, но имѣли и иное послѣдствіе. До XVII ст. замѣтна была извѣстная феннизація шведовъ, переселившихся въ Финляндію; духовная и умственная связь съ Швеціей была т. ск. поверхностная, случайная. Съ второй половины XVII ст. эта связь становится живѣе, прочнѣе, чувствительнѣе. Несомнѣнно въ университетѣ и въ школахъ царствовалъ космополитическій латинскій языкъ, но большинство всѣхъ этихъ просвѣтителей, университетскихъ профессоровъ и учителей, были шведы. Благодаря имъ въ обыденной жизни образованныхъ классовъ шведскій языкъ сталъ господствующимъ.

Большинство студентовъ въ Абоскомъ университетѣ были шведы; изъ 9 студенческихъ землячествъ только три были землячествами финскими. Свенизаціи Финляндіи содѣйствовала также все возраставшая административная централизація. Въ Гофгерихтѣ, въ губернскихъ правленіяхъ сидѣли лица, получившія образованіе въ Упсалѣ, а часто и въ германскихъ и голландскихъ университетахъ. Многія изъ старыхъ дворянскихъ финскихъ семействъ или вымерли, или обѣднѣли; они переходили въ Швецію, стараясь при дворѣ наверстать потерянное благодаря редукціи богатство. Представители этихъ семействъ (Тоттъ, Куркъ, Флеммингъ, Вреде, Сто-

лармъ) возвращались въ Финляндію на мѣста губернаторовъ. Но тотъ духъ упрямой самостоятельности и независимости, съ которымъ пришлось выдержать борьбу и Густаву I и Карлу IX—онъ исчезъ. Всѣ эти „господа", какъ называлъ ихъ финскій народъ, тянули къ Швеціи. Мѣста коренныхъ финновъ (которые, слѣдуя модѣ, превращали свои финскія фамиліи въ болѣе звучныя, какъ казалось, французскія, шведскія, нѣмецкія, съ различными Stjerna, Krona, Hjelm, Hufvud въ качествѣ окончаній), заняли выходцы изъ Германіи, Франціи, Англіи, Голландіи и Балтійскихъ провинцій. Послѣ присоединенія къ Швеціи нѣмецкихъ владѣній, Лифляндіи и Эстляндіи, въ шведской арміи и въ управленіи началъ играть крупную роль элементъ нѣмецкій. И въ города вторгнулись чужіе элементы. При Густавѣ-Адольфѣ, Карлѣ XI, а въ Финляндіи въ эпоху великой сѣверной войны въ гражданство записалось множество нѣмецкихъ бюргеровъ, появились и русскіе бѣглецы, раскольники и т. п. (такіе „infödd svensk män" какъ Apoloff, Amïnoff—русскаго происхожденія). Этотъ русскій элементъ въ Финляндіи, преимущественно въ восточной, претворился въ шведскую націю послѣ Столбовскаго мира, когда шведское правительство всячески старалось свенизировать русскихъ жителей въ Ингріи и Кареліи. Указанное выше централизаціонное движеніе дало несомнѣнно Финляндіи болѣе богатое просвѣщеніе; шведскіе юристы и шведскій судъ упрочили правовое чувство въ народѣ, но вреднымъ оказалось то, что шведская администрація, пренебрегая финскимъ языкомъ, стала чуждой народу. Съ XVII ст. финскій языкъ терпитъ все большее и большее притѣсненіе. Шведское правительство не отрицало этого неудобства, и иногда высказывалось имъ самимъ требованіе, чтобы лица, назначенныя на административныя и судебныя должности въ Финляндіи, знакомились съ финскимъ языкомъ. Однако это требованіе рѣдко исполнялось и къ концу XVII ст. все чаще и чаще подаются королямъ жалобы на незнаніе чиновниками финскаго языка и просьбы о назначеніи администраторовъ изъ туземцевъ. Шведское правительство отклоняло эти челобитныя, ссылаясь на то, что Финляндія составная часть Швеціи и что такія требованія неумѣстны и несправедливы, ибо нарушаютъ государственное единство. Правительство ограничилось палліативными мѣрами. Уже въ 1620 г. въ шведской государственной канцеляріи былъ назначенъ финляндскій референдарій въ качествѣ докладчика по дѣламъ и жалобамъ финновъ. Ему въ помощь данъ секретарь, знавшій по-фински. Эти чиновники обязаны были

переводить на финскій языкъ всѣ постановленія, касавшіяся Финляндіи.

Сѣверная война ввергла низшіе классы финскаго народа въ крайнюю нищету и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличила пропасть между финскимъ простонародіемъ и шведской интеллигенціей. Между тѣмъ какъ въ восточной Финляндіи, отошедшей къ Россіи, началось господство нѣмецкаго языка, благодаря назначенію въ Выборгскую область преимущественно чиновниковъ изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ,—въ шведской Финляндіи финскій языкъ почти совсѣмъ исчезъ изъ оффиціальнаго употребленія. Только одни пасторы (и то не всѣ) не гнушались употреблять въ проповѣдяхъ языкъ $^4/_5$ всего населенія. Когда послѣ заключенія Ништадскаго мира по приказанію правительства двѣ большія ревизіонныя коммиссіи объѣзжали всю шведскую Финляндію для ознакомленія съ нуждами изнуреннаго населенія, то повсюду, и въ селахъ, и въ маленькихъ городахъ,—подавались жалобы на притѣсненіе финновъ и ихъ языка. Это угнетенное состояніе подстрекнуло финновъ къ сопротивленію *). Къ концу 20 годовъ XVIII ст. происходитъ стычка между финнами и шведами. Сцена этого столкновенія т. ск. фенномановъ и свекомановъ,—Або, и поводъ дали выборы городскихъ депутатовъ въ риксдагъ 1726—1727 г. Граждане раздѣлились на двѣ партіи, шведскую и финскую. Большинство голосовъ осталось за финской партіей, но шведы не подчинились рѣшенію большинства; ихъ избранникъ самовольно появился въ палатѣ городского сословія и настоялъ на признаніи себя депутатомъ.

Благодаря поддержкѣ со стороны Швеціи, шведскіе граждане успѣли захватить всю власть въ городѣ въ свои руки и стали вмѣшиваться даже въ выборы финскихъ пасторовъ въ финской церковной общинѣ. Наконецъ, шведскіе горожане въ 1734 г. добились постановленія о двухъстепенныхъ выборахъ; право избранія депутатовъ передано 24 электорамъ; изъ нихъ только 8 избирались финскими гражданами. Послѣ 1734 года въ риксдагахъ финскій депутатъ отъ городского сословія появлялся лишь въ видѣ исключенія.

Въ теченіе XVIII ст. шведскій языкъ, благодаря дѣятельности ряда даровитыхъ поэтовъ и литераторовъ, быстро развивается, между тѣмъ какъ финскій языкъ далеко отсталъ въ своей при-

*) Мы коснулись національнаго движенія финновъ въ XVII ст. выше.

мѣнимости для выраженія литературныхъ или научныхъ идей и понятій. Ни финской книжной литературы, ни финскихъ газетъ не было. Единственными книгами, напечатанными на финскомъ языкѣ были: библія въ переводѣ XVI ст., псалтирь и катехизисъ. Презрительное отношеніе къ финскому языку дошло до такой степени, что даже рожденные коренные финны отказывались изучать родной языкъ, и народъ и интеллигенція понемногу перестали понимать другъ друга. Ясно, что жалобы на этотъ анормальный порядокъ стали появляться все чаще, что антипатія народа къ шведскимъ господамъ росла изъ года въ годъ. Правительство сознавало, что это не безопасно въ политическомъ отношеніи. Во время войны 1741—1743 г. и во время русской оккупаціи снова поднимались, хотя и рѣдко, голоса въ пользу присоединенія Финляндіи къ Россіи.

Жалобы финскаго населенія на первыхъ порахъ привели лишь къ одному положительному результату. Финскимъ пасторамъ въ Стокгольмѣ и одному финляндцу (Матезіусъ) былъ порученъ переводъ всѣхъ постановленій касающихся Финляндіи. Въ 1734 году сей Матезіусъ былъ назначенъ финляндскимъ переводчикомъ при шведскихъ коллегіяхъ въ Стокгольмѣ. Послѣ изданія новаго общаго уложенія 1734 года при Абоскомъ гофгерихтѣ учреждена была коммиссія для перевода уложенія на финскій языкъ. Переводъ оконченъ и напечатанъ въ 1759 году. Указанная выше податливость правительства послѣ окончанія Сѣверной войны сдѣлала финновъ смѣлѣе. Уже Сейму 1731 г. была подана петиція о томъ, чтобы должности лагмановъ и герадлевдинговъ были замѣщаемы только лицами, владѣющими финскимъ языкомъ, и если сія мѣра не будетъ признана осуществимой, то по крайней мѣрѣ, чтобы при каждомъ судѣ былъ опредѣленъ присяжный переводчикъ. Правительство обѣщало принять мѣры къ осуществленію этихъ желаній, но, повидимому, сдѣлано было не много, ибо сеймъ 1738—1739 г. былъ свидѣтелемъ новыхъ жалобъ и петицій, и по поводу ихъ вновь разыгрались крупныя дебатты о правахъ финскаго языка, дебатты, которые черезъ 130 лѣтъ возобновились въ мѣстномъ финляндскомъ сеймѣ. Вопросомъ о языкахъ занимался секретный комитетъ въ сеймѣ, т. е. могущественный органъ и законодательства и управленія въ Швеціи въ эпоху „вольности“ или „свободы“. Большинство членовъ комитета пришло къ заключенію, что преимущество при назначеніи на должность лагмановъ и герадсгевдинговъ должно

быть дано лицамъ, знающимъ финскій языкъ. — Противъ этого мнѣнія выступилъ президентъ Абовскаго гофгерихта Окерельмъ*). Онъ указалъ на то, что почти весь финляндскій шхерный архипелагъ, большая часть Нюландіи и половина Остерботніи заселены населеніемъ, говорящимъ по-шведски, что въ Финляндіи нѣтъ ни одного священника, короннаго фохта, полицейскаго чиновника высшаго ранга, даже унтеръ-фохта, не знающаго одновременно по-шведски и по-фински (?), такъ что научиться финскому языку остается только герадсгевдингамъ, лагманамъ и низшимъ чиновникамъ. Если закрыть шведамъ доступъ къ должностямъ Финляндіи, то это вызоветъ недоразумѣнія между обѣими націями, могущія нанести вредъ государству вообще. Представитель города Або депутатъ Вехтеръ замѣтилъ, что вовсе не предполагается исключить шведовъ; отъ нихъ требуется только изученіе финскаго языка. Бой между фенноманами и свекоманами XVIII ст. продолжался еще въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій. Баронъ Вреде объявилъ, что хотя онъ финляндецъ и финляндскій помѣщикъ, все-таки онъ не можетъ допустить какого-либо различія между Финляндіей и Швеціей. Финляндія всегда пользовалась покровительствомъ и помощью со стороны Швеціи. И тѣмъ не менѣе ходятъ слухи, что нѣсколько пустыхъ головъ среди финляндцевъ объявили, что они соединятся съ Россіей для того, чтобы бить шведовъ, если отношеніе шведовъ къ нимъ не измѣнится. Рѣчь Вреде оскорбила финновъ, которые потребовали исключенія его словъ изъ протокола, на что Вреде не согласился. Оппозиція Вреде и Окерельма ни къ чему не привела. Сеймъ издалъ резолюцію 16 марта 1739 г. Въ § 45 сказано: „Его Королевское Величество склоненъ замѣщать мѣста судей и иныя должности въ Финляндіи такими лицами, которыя владѣютъ финскимъ языкомъ, насколько то допускаютъ обстоятельства, а также способность и служебные годы даннаго лица“. Эта оговорка, конечно, отчасти парализовала значеніе постановленія. Жалобы финновъ на то, что имъ давали въ начальники не знавшихъ и не желавшихъ знать финскаго языка, не прекращались.

Интересъ къ изученію родного финскаго языка началъ пробуждаться въ высшихъ классахъ, отчасти и въ служиломъ (хотя меньше) къ концу XVIII ст., когда на каѳедрѣ финляндской исторіи и словесности въ Абовскомъ университетѣ сидѣлъ Генрихъ

*) О которомъ было упомянуто выше.

Портанъ, вдохновившій своихъ учениковъ и студентовъ къ изученію судебъ родины и къ сближенію съ народомъ и его бытомъ. Однако еще 60 лѣтъ финнамъ пришлось бороться съ подавляющимъ преимуществомъ шведской словесности и языка (о развитіи фенноманіи въ XIX ст., о литературной дѣятельности и политической пропагандѣ Арвидсона, Эрштрема, Снелльмана, Ирье-Коскинена рѣчь будетъ въ иномъ мѣстѣ).

Намъ нужно сдѣлать еще одно отступленіе: остановимся хотя и вкратцѣ на временной русской организаціи финляндскаго управленія въ эпоху „великой разрухи“ 1712—1721 гг. (den stora ofreden). До 1714 г., пока во главѣ русской арміи въ Финляндіи стоялъ графъ Апраксинъ, все управленіе завоеваннымъ краемъ, притомъ опустошеннымъ, было чисто военное, въ высшей степени суровое и для народа тягостное. Но послѣ сраженія при Стурчиро командованіе войсками перешло въ руки князя Мих. Мих. Голицына, одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ и даровитыхъ, и въ то же время гуманныхъ птенцовъ Петра Великаго. Онъ привлекъ къ управленію краемъ туземцевъ (въ особенности молодаго богослова Гавріила Пельдана). Медленно и настойчиво Голицынъ реорганизовалъ мѣстную администрацію, начиная съ регулированія порядка взиманія податей. Въ 1717 г. Голицынъ раздѣлилъ всю шведскую Финляндію на два административныхъ округа: западный и восточный. Западный округъ обнималъ провинцію Нюландъ-Тавастгусскую, Або-Бьернеборгскую и Остерботнію; восточный: провинціи Выборгскую и Кексгольмскую. Во главѣ гражданскаго управленія оставался номинально Апраксинъ, но онъ управлялъ заочно изъ Петербурга,— фактически все управленіе лежало въ рукахъ Голицына. Въ 1719 году мѣсто Апраксина заняла вновь учрежденная каммеръ-коллегія. Въ каммеръ-коллегіи докладчикомъ по дѣламъ финляндскимъ былъ бывшій шведскій военный коммиссаръ Шмидтъ.

Камеръ-коллегіи былъ подчиненъ русскій генералъ-губернаторъ въ Або, а западная Финляндія была раздѣлена на 5 округовъ, во главѣ коихъ стояли оберъ-ландрихтеры, органы и административные и судебные, замѣняя собою и губернаторовъ и лагмановъ. Оберландрихтерами были назначены лица изъ лифляндскихъ и эстляндскихъ дворянъ. Большинство изъ нихъ оказалось на высотѣ своего званія. Одинъ изъ нихъ (баронъ В. Ста-

кельбергъ) настолько пріобрѣлъ любовь населенія, что послѣ заключенія Ништадскаго мира жители его губерніи (Тавастгусской) молили шведское правительство объ оставленіи имъ русскаго губернатора. Того же нельзя сказать про генералъ-губернатора Абоскаго, графа Дугласа, человѣка жестокаго и взяточника. Его злоупотребленія то и дѣло приводили къ столкновеніямъ съ главнокомандующимъ кн. Голицынымъ *).

Оберландрихтерскіе округа, для цѣлей финансоваго управленія, были раздѣлены на фохтскіе округа; каждый фохтскій округъ состоялъ изъ 3, 4 или 6 приходовъ. Взиманіе налоговъ было поручено первоначально священникамъ, а затѣмъ свѣтскимъ сборщикамъ. Во главѣ приходовъ стояли „старосты", назначенные оберландрихтерами изъ числа наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ, отвѣтственныхъ за исправное поступленіе податей. Взиманіе податей въ городахъ возложено на магистраты. Взиманіе податей не обходилось безъ суровыхъ мѣръ, но все-таки эта суровость не выдерживаетъ сравненія съ тѣмъ, что въ то время совершалось въ Швеціи. Финляндія, завоеванная русскими, находилась въ сравнительно счастливомъ положеніи. „Среди общаго горя и унынія, говоритъ финскій историкъ Коскиненъ, государственный человѣкъ, которому было поручено управленіе Финляндіею, князь М. М. Голицынъ, заслужилъ благодарность финляндцевъ. Кромѣ блестящей славы военнаго полководца, онъ заслужилъ славу просвѣщеннаго, ласковаго администратора и во время періода управленія имъ Финляндіей, хотя тяжелаго для страны, онъ стяжалъ славу, которая болѣе драгоцѣнна, чѣмъ кровавые лавры сраженія". По словамъ Коскинена, ни одна жалоба, доходившая до его свѣдѣнія, не оставалась безъ вниманія, и часто его подчиненные, дозволявшіе себѣ насиліе надъ жителями, подвергались его строгому суду.

А противъ взяточника и разорителя графа Дугласа, Петръ Великій, какъ свидѣтельствуютъ матеріалы въ Морскомъ Архивѣ,

---

*) Очень цѣнныя данныя объ организаціи управленія въ Финляндіи въ эпоху 1714—1721 г.г. хранятся въ Морскомъ Архивѣ въ С.-Петербургѣ. Этотъ крайне интересный историческій матеріалъ могъ бы послужить обильнымъ источникомъ для монографическаго изслѣдованія русской администраціи въ Финляндіи въ эпоху Петра Великаго.

Кстати отмѣтимъ одинъ интересный и характерный фактъ. Русская администрація, повидимому, серьезно снискала себѣ славу гуманности въ сравненіи съ суровой шведской администраціей эпохи Карла XII. Шведскій городъ Умео ходатайствовалъ въ 1718 г. о подчиненіи его русскому управленію.

по настоянію Голицына, принялъ строжайшія мѣры. Онъ отдалъ его подъ судъ и приказалъ разграбить его имѣніе въ Эстляндіи въ возмездіе за его безчинства въ Финляндіи. Оригинальная кара!

Судъ былъ организованъ Голицынымъ слѣдующимъ образомъ: Низшей инстанціей являлись ландрихтеры, вторую инстанцію составляли оберландрихтеры, третью генералъ-губернаторъ. Кромѣ нихъ существовалъ еще кригсрехтъ, военный судъ, подъ предсѣдательствомъ самого Голицына. Строгая юрисдикція этихъ судовъ, за коими слѣдилъ самъ Голицынъ, доставила ему почетное прозвище: „бога финскаго народа".

Для регулированія податной тяжести, лежащей на жителяхъ, въ 1716 году Голицынъ ввелъ новое раздѣленіе на манталы: всѣ земли Финляндіи раздѣлены на 2400 крупныхъ податныхъ единицъ (манталы). Податной окладъ былъ опредѣленъ камеръ-коллегіей въ Петербургѣ. Каждый манталъ уплачивалъ ежегодно 8 р. деньгами, 6 тоннъ ржи, 6 тоннъ ячменя, овса и сѣна и 1 рубль для содержанія органовъ мѣстнаго управленія и суда. Города уплачивали контингентированный налогъ, напримѣръ, Або 1000 р. сер., Борго и Бьернеборгъ по 360, Ништадъ — 300, Нодендаль — 100, Ваза — 50 руб. сер. — Не оставилъ Голицынъ безъ поддержки и церкви и школы. Всячески старался онъ возвратить пасторовъ въ пастораты, учреждена была временная консисторія, открыты были новыя каѳедральныя школы; наконецъ, Голицынъ усердно, но тщетно хлопоталъ о возвращеніи профессоровъ въ Абовскій университетъ.

Управленіе восточной Финляндіей было организовано сходно съ управленіемъ западной части края, но съ тѣмъ отличіемъ, что и гражданская власть была передана въ руки воеводъ. Результатъ былъ не очень удовлетворителенъ, въ особенности пожалованіе казенныхъ земель въ широкихъ размѣрахъ, т. н. донаціи, сдѣлались источникомъ массы затрудненій, которыя лишь въ 60 годахъ XIX ст. были устранены.

Еще разъ въ XVIII столѣтіи Финляндія была занята цѣликомъ русскими войсками. То было результатомъ легкомысленной войны, начатой партіей „шляпъ" и пораженія шведовъ подъ Вильманстрандомъ и Гельсингфорсомъ (1741 — 1743). Извѣстно, что императрица Елизавета первоначально имѣла въ виду удержать всю Финляндію и потребовала присяги вѣрности отъ финляндцевъ. И опять гуманность трехъ русскихъ полководцевъ: Ласи, Кейта и Киндермана успѣла расположить въ свою пользу простонародье.

Первоначально все управленіе и военное и гражданское лежало въ рукахъ военнаго начальника Кейта. Для Остерботніи былъ назначенъ особый гражданскій и военный губернаторъ, генералъ Киндерманъ. Къ нему обратились финляндцы съ особой депутаціей, прося о защитѣ и покровительствѣ. По представленію Киндермана сословія Остерботніи получили разрѣшеніе собраться въ Вазѣ для обсужденія вмѣстѣ съ Киндерманомъ вопроса о способѣ продовольствія русскихъ войскъ и объ устройствѣ управленія въ краѣ. Собраніе сословій состоялось въ началѣ октября 1742 г. При открытіи засѣданій провинціальнаго сейма въ Вазѣ военный губернаторъ генералъ Киндерманъ принялъ отъ всѣхъ депутатовъ присягу вѣрности Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ и по ея приказанію обѣщалъ управлять Эстерботніей „по законамъ и по конституціи Швеціи". Сеймъ засѣдалъ въ теченіи одной недѣли.

18-го октября такой же провинціальный сеймъ собрался въ Або. Явились представители Або-Бьернеборгскихъ дворянъ, духовныхъ лицъ, горожанъ и крестьянъ. Здѣсь избраны были депутаты (по два отъ каждаго сословія), для отправки въ Москву, дабы испросить у Императрицы назначенія ея племянника Петра Федоровича Великимъ Княземъ Финляндскимъ.— По желанію императрицы эта поѣздка депутаціи не состоялась. Вскорѣ военное управленіе краемъ было отдѣлено отъ гражданскаго.

Гражданскимъ генералъ-губернаторомъ края былъ назначенъ баронъ Кампенгаузенъ, а главнокомандующимъ остался Кейтъ. Компетенція гражданскаго генералъ-губернатора была очень широка: онъ вѣдалъ всѣ хозяйственныя дѣла, высшее церковное управленіе, исполнялъ функціи президента гофгерихта, назначалъ судей и чиновниковъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ исполнялъ обязанности губернатора (оберъ-коммиссара Або-Бьернеборгской губ.). Провинціи Нюландъ-Тавастгусская и Кюммене-городъ — Нишлотская соединены въ одну губернію подъ начальствомъ одного оберъ-коммиссара; начальникомъ гражданской части въ Остерботніи въ 1743 г. назначенъ особый оберъ-ландрихтеръ.

Абовскій гофгерихтъ былъ возстановленъ, членами его назначены отчасти финляндскіе чиновники, отчасти русскіе изъ русской Финляндіи. Высшее церковное управленіе вручено консисторіи (временной) въ Або.

Для замѣщенія гражданскихъ должностей, какъ въ губернскихъ канцеляріяхъ, такъ и въ мѣстныхъ органахъ финансоваго

управленія употреблялись исключительно финны. Въ силу спеціальнаго предписанія Императрицы Елисаветы было запрещено назначать на должности шведовъ. Правительство въ особенности заботилось о томъ, чтобы повсюду, гдѣ шла рѣчь объ управленіи административными дѣлами, непосредственно касающимся народа, были употреблены въ дѣло исключительно лица, близко знакомыя съ своеобразнымъ устройствомъ, нравами и языкомъ края. Мѣстное завѣдываніе мостами, дорогами, почтою, военными транспортами было ввѣряемо преимущественно офицерамъ бывшей финской арміи, распущенной по домамъ на основаніи капитуляціи въ Гельсингфорсѣ 1742 г. Правительство избѣгало назначенія лицъ, взятыхъ со стороны, незнакомыхъ съ Финляндіей, оно было столь дальновидно, что не смотрѣло на завоеванную страну, какъ на область примѣненія способностей лицъ, непригодныхъ для службы въ центральныхъ областяхъ. Благодѣтельныя послѣдствія этой политики проявились въ томъ, что русская администрація въ краѣ пользовалась искреннимъ уваженіемъ финляндцевъ, такъ что, когда въ 1743 г. шведскій риксдагъ обсуждалъ вопросъ объ избраніи датскаго принца на шведскій престолъ, финляндскіе дворяне заявили, что Финляндія предпочитаетъ присоединеніе къ Россіи — датскому игу. То было время, когда мечты о самостоятельной Финляндіи, подъ русскимъ протекторатомъ, имѣли не мало сторонниковъ. Одинъ изъ финляндскихъ патріотовъ, Тандефельдтъ, составилъ уже проектъ особой финляндской конституціи.

Политическія событія 1741—1743 г.г., проявившаяся въ нѣкоторыхъ слояхъ финляндскаго населенія склонность къ Россіи, или по крайней мѣрѣ, къ пріобрѣтенію для Финляндіи полунезависимаго положенія подъ протекторатомъ Россіи, побудили шведское правительство съ большимъ вниманіемъ относиться къ интересамъ и потребностямъ Финляндіи. Уже во время войны шведскій сеймъ разрѣшилъ финляндскимъ депутатамъ собираться въ особыя національныя конференціи для обсужденія средствъ къ удовлетворенію нуждъ Финляндіи. Послѣ заключенія Абоскаго мира (въ 1743 г.) сеймъ учредилъ особую коммиссію для подготовленія къ слушанію дѣлъ, относящихся до Финляндіи. Въ Финляндію была послана особая коммиссія для изслѣдованія положенія дѣлъ въ ней и несомнѣнно, что изученіе на мѣстѣ фактическаго состоянія администраціи и народнаго хозяйства привело къ

мѣропріятіямъ, полезнымъ въ особенности въ области народнаго хозяйства.—Останавливаться на удачныхъ и неудачныхъ операціяхъ такъ называемой партіи „шляпъ“ и „шапокъ“ или „колпаковъ“ для поощренія промышленности, торговли, ремеслъ, банковъ—мы здѣсь не будемъ. (О нихъ мы подробно говорили въ нашемъ трудѣ „Государственное Хозяйство Швеціи“. Ч. I).

Формальный строй мѣстной администраціи измѣненіямъ не подвергся до 1772 г. Наступило царствованіе Густава III, послѣдовалъ государственный переворотъ, революція сверху, давшая шведскому государству знаменитую Форму Правленія 1772 г., а въ 1789 году Актъ Соединенія и Безопасности, двѣ конституціонныя хартіи, составленныя и введенныя въ дѣйствіе съ нарушеніемъ всѣхъ формъ законодательства. Не добрая воля привела сеймъ къ принятію ихъ, а военное возстаніе и военное pronunciamento въ Стокгольмѣ, въ Финляндіи и въ южной Швеціи. Штыки королевской гвардіи въ Стокгольмѣ провели Форму Правленія 1772 г. Сословія согласились ее принять, но недовольныхъ и порицавшихъ государственный переворотъ было не мало. Актъ соединенія и безопасности (1789 г.) вызвалъ прямой протестъ со стороны дворянъ. Если бы можно было обсуждать акты государственной политики съ исключительной точки зрѣнія juris stricti, — то прежде всего нужно было бы признать, что обѣ эти хартіи юридической силы не имѣютъ. Они незаконны съ точки зрѣнія шведскаго государственнаго права. Ссылка на вѣковую давность не имѣетъ силы. Извѣстна старая нѣмецкая пословица: „Hundert Jahre Unrecht geben noch keine Stunde Recht“. Но дѣло въ томъ, что jus strictum не можетъ быть абсолютнымъ закономъ политики. Форма правленія 1772 г. была для Швеціи политической необходимостью. На государственно-правовомъ значеніи формы правленія 1772 г. мы останавливаться не будемъ. Для административнаго права этотъ актъ имѣетъ значеніе въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) Монархъ сталъ вновь верховнымъ главою администраціи. Онъ управляетъ государствомъ, онъ одинъ, никто другой. Вторженіе народнаго представительства въ сферу прерогативъ монарха запрещено. § 39 гласитъ: „Земскіе чины должны съ тщательною вѣрностію сохранять въ полной неприкосновенности всѣ королевскія права въ ихъ силѣ и власти, какъ то предписано шведскими законами; все, что входитъ въ королевскую власть, они должны усердно, заботливо и прилежно соблюдать, защищать, укрѣплять...“ 2) Форма правленія перечисляетъ существовавшія въ Швеціи коллегіи, указы-

вая ихъ компетенцію; 3) въ отношеніи мѣстнаго управленія сказано слѣдующее (ст. 33): мѣстное управленіе состоитъ изъ обыкновенныхъ областей (Ландсгевдингсдэме), какъ онѣ теперь существуютъ, ибо впредь въ предѣлахъ государства не будетъ генералъ-губернатора, развѣ то потребуется особыми обстоятельствами и лишь на извѣстное время, и не будетъ выдѣленъ удѣлъ, ленъ и пожалованіе кому бы то не было. Губерніи распредѣляются такъ, какъ то указано въ формѣ правленія 1720 г. (Впрочемъ, это постановленіе было нарушено уже при Густавѣ III).

Форма правленія утвердила и положеніе юстицъ канцлера. Эта должность явилась слѣдующимъ образомъ. Канцелярскій уставъ Карла XII, 26 октября 1713 г. создалъ должность высшаго обвинителя (högste ombudsman), долженствовавшаго присутствовать въ совѣтѣ, при обсужденіи судебныхъ дѣлъ. Онъ же былъ начальникомъ т. н. ревизіонной экспедиціи; при немъ состоялъ помощникъ „förste ombudsman". Канцелярскій уставъ 29 мая 1719 г. упразднилъ эти двѣ должности. Надзоръ за правосудіемъ порученъ новому должностному лицу: „justitie kansler". Означенный Юстицъ Канцлеръ *) былъ начальникомъ „Юстицъ ревизіи", онъ долженъ былъ присутствовать въ совѣтѣ при докладѣ аппелляціонныхъ судебныхъ дѣлъ, имѣть надзоръ за адвокатъ-фискалами и правительственными повѣренными и представлять сейму отчетъ объ исполненіи законовъ и учрежденій. Эти же функціи возложены на него и Формой пр. 1772 г. § 51 § 2 Формы правленія постановилъ, что никто не можетъ быть лишенъ жизни, имущества, тѣлесной неприкосновенности или благополучія иначе какъ по суду за преступленіе. Неясность редакціи этой статьи вызвала много сомнѣній и споровъ. Возбужденъ былъ вопросъ, подходитъ ли подъ понятіе „благополучіе" право должностныхъ лицъ судебнаго и административнаго вѣдомства на несмѣняемость? Вопросъ былъ внесенъ на обсужденіе сейма 1786 г., который съ согласія короля изъяснилъ, что слово „välfärd" должно быть толкуемо въ широкомъ смыслѣ, и что подъ это постановленіе подходитъ и право должностныхъ лицъ на несмѣняемость, иначе какъ по суду за преступленіе. Привилегіей несмѣняемости не могутъ пользоваться „довѣренныя лица" и лица, назначаемыя т. н. конституторіалами.

---

*) Должность Юстицъ-Канцлера послужила образцомъ для должности прокурора Сената въ 1809 г., въ Финляндіи. См. ниже.

Это постановленіе подтверждено дополнительной статьей къ Акту соединенія и безопасности отъ 3 апрѣля 1789 г.

Послѣ государственнаго переворота 1789 г. былъ упраздненъ государственный совѣтъ. Его судебное отдѣленіе было преобразовано въ высшій судъ или юстиціи-ревизіонъ-коллегію, состоявшую изъ 12 свѣдующихъ въ законахъ членовъ (на половину дворянскаго, на половину изъ недворянскаго сословія); а административныя функціи совѣта переданы особому учрежденію, подъ названіемъ „Rikets allmännaberedning".

Еще раньше, 17 іюля 1773 г., изданъ былъ новый канцелярскій уставъ (Kansliordning). Согласно этому уставу, канцелярская коллегія должна была состоять изъ 1 президента, изъ нѣсколькихъ госуд. канцеляріи совѣтниковъ, 1 гофканцлера, 4 статсъ-секретарей и неопредѣленнаго числа канцелярскихъ совѣтниковъ.

Канцелярская коллегія состояла изъ 5 отдѣленій: 1) низшей юстицъ-ревизіи, состоявшей изъ юстицъ-канцлера и ревизіонсъ секретарей, экспедиціи внѣшнихъ дѣлъ, военной, внутреннихъ дѣлъ, торговли и финансовъ. Во главѣ каждой экспедиціи состоялъ одинъ изъ членовъ коллегіи, носившихъ званіе статсъ-секретарей, и въ ней состояли: экспедиціонные секретари, протокольные секретари, регистраторы, копіисты.

Вотъ эти-то 3 учрежденія: высшій судъ, общее подготовительное учрежденіе государственныхъ дѣлъ и канцелярская коллегія (съ ея уставами 1773 г. и 1801 г. 17 февраля) и послужили прототипомъ при выработкѣ проекта правительственнаго совѣта въ 1809 г. *).

Должность юстицъ-канцлера, какъ уже замѣчено выше, послужила образцомъ для созданія должности прокурора.

Таковъ былъ формальный строй администраціи шведскаго государства, равный для всѣхъ коренныхъ владѣній Швеціи и для ея финляндскихъ областей, объединенныхъ въ одно цѣлое почетнымъ титуломъ Великаго Княжества и составлявшихъ въ культурныхъ отношеніяхъ нѣчто дѣйствительно особенное, своеобразное, съ стремленіями и склонностями къ обособленію отъ шведской метрополіи. Сепаратическія стремленія проявились въ Финляндіи уже 4 раза. Въ XIV ст. восточные финны грозили отложиться отъ Швеціи; угроза подчиненія Россіи высказана въ концѣ XVI ст., въ эпоху дубинной войны; война Швеціи съ Россіей въ 1741—

*) См. подробнѣе: Часть II. Главу «Финляндскій Сенатъ».

1743 г. приведшая къ 4 лѣтней оккупаціи Финляндіи, побудила финляндцевъ вновь обдумать шансы обособленія отъ Швеціи. Императрица Елизавета по совѣту Бестужеева предлагала финляндцамъ отторгнуть ихъ родину отъ Швеціи и образовать особое полунезависимое государство подъ покровительствомъ Россіи съ Великимъ Княземъ Петромъ Федоровичемъ во главѣ, въ качествѣ Великаго Князя Финляндскаго. Однако, избраніе на престолъ Швеціи угоднаго Елизаветѣ Петровнѣ короля Адольфа-Фредрика,—побудило Елизавету оставить этотъ планъ. Четвертая болѣе рѣшительная попытка отдѣлиться отъ Швеціи имѣла мѣсто въ 1788—1789 г.г. Внезапно, въ сущности безъ всякаго серьезнаго повода, честолюбивый Густавъ III объявилъ войну Россіи, въ моментъ когда Екатерина II вела свою вторую турецкую войну. Говорятъ, что объявленіе войны было результатомъ подстрекательства Пруссіи и Англіи. Моментъ былъ изъ удачныхъ въ политическомъ отношеніи. Почти всѣ войска были стянуты къ южнымъ границамъ; Екатерина не ждала нападенія съ сѣвера. Около Петербурга и въ Финляндіи стояло не болѣе 6000 ч.; крѣпостные верки Выборга, Фридрихсгама и Нюшлота были въ плачевномъ положеніи. Все это разсчиталъ Густавъ III, но одинъ факторъ имъ не былъ принятъ въ разсчетъ: Затаившаяся въ сердцахъ дворянъ жажда мести за государственный переворотъ 1772 г. и за политику цезаризма, которую велъ Густавъ съ 1778 г.!

Я считаю лишнимъ перечислять историческіе факты интересной эпохи 1788—1790 г. Кто интересуется этими событіями, осадой Фредриксгама, отступленіемъ шведской арміи вслѣдствіе непокорности финскихъ полковъ, заговоромъ въ Аньяла, побѣдою надъ ними Густава III, того я ссылаю на историческіе труды: Брюкнера, Ордина, Ирье-Коскинена, Шюбердсона, Тигерстедта и др. Партія сепаратистовъ въ Финляндіи попыталась воспользоваться броженіемъ въ шведскомъ офицерскомъ корпусѣ и отторгнуть Финляндію отъ Швеціи, мечтая о возможности созданія полунезависимаго финляндскаго государства подъ русскимъ протекторатомъ. Но шведскіе офицеры, тѣ же заговорщики въ Аньялѣ, съ ужасомъ отвернулись отъ этой мысли. Планы финляндскихъ сепаратистовъ (Спренгтпортена, Клика, Егергорна) не удались, ибо и русское правительство считало рѣшеніе финляндскаго вопроса преждевременнымъ. Взоры Великой Екатерины были обращены на югъ и на Польшу. Черезъ нѣсколько лѣтъ (1796 г.) она задумала еще болѣе смѣлый планъ: женить молодого шведскаго короля Густава IV на своей внучкѣ,

Великой Княжнѣ Александрѣ Павловнѣ, и при помощи этой связи наложить на всю Швецію свою мощную руку. Вопросъ о вѣроисповѣданіи будущей королевы разстроилъ этотъ смѣлый планъ.

Внукъ Екатерины II, Александръ I, пошелъ на встѣчу сепаратистамъ 1788 г.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію событій, приведшихъ къ присоединенію Финляндіи къ Россіи, намъ нужно бросить взглядъ на положеніе вещей въ т. н. „Старой Финляндіи". Въ одной изъ предшествующихъ лекцій я указалъ на территоріальную организацію областей, перешедшихъ къ Россіи на основаніи мирныхъ трактатовъ Ништадскаго и Абовскаго (1721 и 1743).

Въ Ништадскомъ мирномъ договорѣ нѣтъ оговорки въ пользу сохраненія за бывшими шведскими областями въ Финляндіи ихъ правъ и преимуществъ. Но русское правительство считало себя обязаннымъ сохранить эти преимущества (насколько они касались сословныхъ правъ и общегражданскаго строя) въ виду того, что оно гарантировало ихъ сохраненіе Лифляндіи и Эстляндіи. Это явствуетъ изъ жалованной грамоты городу Выборгу: „О подтвержденіи всѣхъ правъ и преимуществъ сему городу данныхъ", 27 октября 1742 г.; Сенатскаго указа 14 Октября 1775 г. о выборѣ въ Финляндіи должностныхъ людей по тамошнимъ правамъ; Сенатскаго указа 19 февраля 1779 г. о сужденіи уголовныхъ дѣлъ въ Финляндіи по новому Шведскому уложенію и Сенатскаго указа 23 февраля 1787 г. о нераспространеніи новаго шведскаго уложенія, существующаго въ Кюмменегородской провинціи на Выборгскую губернію. Въ Абовскомъ мирномъ трактатѣ (ст. 5) помѣщено обѣщаніе сохраненія жителямъ вновь присоединенной Кюмменегородской провинціи присвоенныхъ имъ въ шведское время правъ и преимуществъ, (т. е. не политическихъ, но сословныхъ въ узкомъ смыслѣ). Формальный строй управленія былъ измѣненъ, ибо правительство не считало себя обязаннымъ въ отношеніи неизмѣннаго сохраненія шведскихъ административныхъ учрежденій. Однако матеріальное административное право осталось или безъ измѣненія, или подвергалось измѣненіямъ незначительнымъ, за исключеніемъ одной области, т. н. донацій, о которыхъ мы сейчасъ поговоримъ. Указанныя выше административныя учрежденія (воеводская канцелярія и провинціальная контора), губернаторы и воеводы были, подчинены отчасти камеръ-коллегіи въ Петербургѣ, отчасти дѣла финляндскія вѣдались совокупно съ дѣлами Лифляндскими и Эстляндскими. Судебные органы съ 1735 г. (въ силу Сепатскаго

указа 25 іюня 1735 г.) были подчинены юстицъ-коллегіи Лифляндскихъ и Эстляндскихъ дѣлъ, переименованной въ юстицъ-коллегію Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ. Подчиненіе финляндскихъ административныхъ и судебныхъ установленій означеннымъ двумъ органамъ въ эпоху, когда вся русская центральная администрація приняла нѣмецкій характеръ, было причиной вторженія въ Старую Финляндію нѣмецкихъ чиновниковъ, нѣмецкаго канцелярскаго языка. Почти всѣ высшія мѣста въ администраціи были замѣщены прибалтійскими нѣмцами. Какъ уже указано выше, въ 1744 г. 3 провинціи: Выборгъ, Кексгольмъ и Кюмменегородъ соединены въ одну губернію, съ губернаторомъ во главѣ (Высоч. утвержд. докладъ Сената 14 января 1744 г.).

При губернаторѣ состояла губернская канцелярія съ 2 совѣтниками, раздѣленная на два отдѣленія: шведское и русское, съ 2 секретарями, шведскимъ и русскимъ. Второй сверху административной инстанціей были 2 провинціальныя канцеляріи (въ Выборгѣ и въ Вильманстрандѣ), съ воеводами во главѣ. Финансовое управленіе было ввѣрено 3 казначействамъ (рентереямъ) въ Выборгѣ, Кексгольмѣ и Вильманстрандѣ, низшей финансовой административной единицей были коммиссаріаты (6). Въ руководство всѣмъ этимъ должностнымъ лицамъ даны шведскія инструкціи 1734, 1687 и 1689 гг.—Судебное же устройство осталось всецѣло на шведскихъ началахъ (герадскіе суды, лагманскіе суды и ратгаузскіе суды). Въ виду недостатка въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи, юношество получило разрѣшеніе проходить курсъ наукъ въ Абоскомъ университетѣ. Образованіе было конечно чисто шведское. Въ дѣлахъ употреблялись 3 языка: въ судахъ шведскій, въ администраціи низшей и средней отчасти шведскій, отчасти русскій; въ высшей инстанціи—нѣмецкій.

Когда въ 1745 г. послѣдовала реорганизація школьнаго дѣла, когда взамѣнъ разоренныхъ и упраздненныхъ во время сѣверной войны школъ появились новыя школы (каѳедральныя, тривіальныя и т. п. педагогіи), то въ нихъ благодаря нѣмецкому учительскому персоналу укоренился нѣмецкій языкъ. Нѣмецкій языкъ въ преподаваніи сохранился въ школахъ Выборгской губерніи до 40-хъ и отчасти 60-хъ годовъ XIX ст. — Этотъ строй управленія сохранился безъ измѣненія до 1784 г. Екатерина говорила: „Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями, нарушить оныя ограниченіемъ всѣхъ вдругъ весьма непристойно бы было, однакоже и

называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью, глупость". Въ 1783 и 1784 г. появился рядъ узаконеній о введеніи новой системы мѣстнаго управленія (1775 г.) въ Финляндіи. 25 іюля 1783 г. изданъ именной указъ о составленіи Выборгскаго намѣстничества изъ 6 уѣздовъ и о переименованіи мѣстечка Сердоболя городомъ, 26 іюля изданъ Высочайшій штатъ Выборгскаго намѣстничества. 18 октября данъ именной указъ Выборгскому губернатору объ опредѣленіи въ засѣдатели и въ прочія должности по Выборгскому намѣстничеству изъ дворянъ другихъ губерній, о составленіи дворянской опеки изъ уѣзднаго судьи съ засѣдателями и о позволеніи имѣть въ каждомъ кирхшпилѣ (приходѣ) ландсмана (т. е. ленсмана). 4 февраля 1784 г. изданъ Сенатскій указъ объ открытіи Иркутскаго и Выборгскаго намѣстничествъ; 9 октября Сенатскій указъ о производствѣ дѣлъ въ Выборгскомъ намѣстничествѣ по учрежденіямъ о губерніяхъ 1775 г. и по законамъ, утвержденнымъ для Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи. Весь сложный аппаратъ губернской администраціи, придуманный Екатериной II и Сиверсомъ, перенесенъ въ Финляндію, а съ нимъ вмѣстѣ появилось множество чиновниковъ, какъ нѣмцевъ, такъ, на этотъ разъ, и русскихъ.

Во главѣ Выборгскаго намѣстничества стояли: государевъ намѣстникъ или генералъ-губернаторъ, при немъ гражданскій губернаторъ и вице-губернаторъ. По общему правилу высшее мѣстное управленіе гражданскими дѣлами было отдѣлено отъ военнаго управленія.

Но первымъ генералъ-губернаторомъ былъ принцъ Фридрихъ Виртембергскій, братъ великой княгини Маріи Ѳеодоровны, впослѣдствіи первый король Виртембергскій, и онъ соединялъ въ своихъ рукахъ начальство надъ гражданскимъ управленіемъ съ начальствомъ надъ управленіемъ военнымъ. Его преемникомъ былъ графъ Брюсъ. Оба были генералъ-губернаторами не долго; послѣ нихъ постъ генералъ-губернатора былъ незамѣщенъ, если не считать краткаго промежутка времени, т. е. время войны 1788—1790 г. При генералъ-губернаторѣ состояло, какъ и въ другихъ намѣстничествахъ,—намѣстническое или губернское правленіе, въ составъ которыхъ входили: два совѣтника, одинъ ассесоръ, одинъ губернскій прокуроръ, два фискала, два секретаря и необходимое число канцелярскихъ чиновниковъ. Финансовое управленіе было вручено Выборгской Казенной палатѣ, начальникомъ которой былъ

вице-губернаторъ; въ каждомъ изъ уѣздныхъ городовъ состояло казначейство.

Мѣстное полицейское управленіе было ввѣрено низшимъ земскимъ судамъ. Органами суда гражданскаго и уголовнаго были: нижняя и верхняя расправа, уѣздные суды и палаты гражданскихъ уголовныхъ дѣлъ; отъ нихъ аппелляція шла къ Правительствующему Сенату въ Петербургъ. Кромѣ того учреждены: приказъ общественнаго призрѣнія, дворянскій судъ, сиротскій судъ, совѣстный судъ. Въ городахъ магистраты, въ Выборгѣ губернскій магистратъ. Какъ повсюду въ Россіи, такъ и въ Старой Финляндіи организація учрежденій была основана на коллегіальномъ началѣ; въ большинствѣ установленій общественные элементы были соединены съ приказными, коронными. Что же касается языка, на которомъ велось дѣлопроизводство, то оффиціальнымъ языкомъ въ губернскомъ правленіи былъ объявленъ русскій; въ среднихъ административныхъ и судебныхъ установленіяхъ языкомъ дѣлопроизводства былъ нѣмецкій, благодаря назначенію въ большинствѣ случаевъ нѣмцевъ на должности судебныя и административныя. Въ низшихъ органахъ суда и администраціи господствовалъ шведскій языкъ.

Впрочемъ, въ средѣ народной, шведскій языкъ началъ все болѣе выходить изъ употребленія. Онъ сталъ для народа почти непонятнымъ, до такой степени, что въ 1812 г., послѣ присоединенія Выборгской губерніи къ Великому Княжеству, новый губернаторъ К. Шернвалль просилъ о назначеніи русскихъ чиновниковъ.

Сословія были организованы на началахъ жалованныхъ грамотъ дворянству и городамъ 1785 г. Впрочемъ, отъ древняго шведскаго дворянства осталось не много. Большинство шведскихъ дворянъ послѣ 1721 и 1743 г. покинуло Финляндію. Правда, русское правительство пожаловало большую часть казенныхъ земель русскимъ дворянамъ, какъ высокопоставленнымъ, заслуженнымъ, такъ и разнымъ проходимцамъ, фаворитамъ, авантюристамъ. Но большинство изъ нихъ не проживало въ помѣстьяхъ своихъ, а сдавало ихъ въ аренду; новое не столбовое, чиновное дворянство появилось, образовавшись на основаніи табели о рангахъ Петра I. Но большинство этихъ новоиспеченныхъ дворянъ, отчасти также получившихъ жалованныя имѣнія, было нѣмецкаго происхожденія, а посему учрежденное въ 1787 г. дворянское собраніе съ губернскимъ предводителемъ дворянства во главѣ носило также нѣмецкій характеръ. Городское сословіе, „средняго рода люди“ по

жалованной грамотѣ городамъ 1785 г., также составили особое, якобы однородное сословіе, съ дѣленіемъ на гильдіи и цехи, господствуя или вѣрнѣе: бездѣйствуя, въ органахъ городского самоуправленія: общей думѣ, шестигласной думѣ.

Извѣстно, что Екатерина II задумала и старалась провести въ широкихъ размѣрахъ реформу дѣла народнаго просвѣщенія. Какъ видно изъ изданнаго въ 1764 г. „Генеральнаго учрежденія о воспитаніи обоего пола юношества", цѣлію реформаторской дѣятельности Екатерины II было ни болѣе ни менѣе „какъ произвести способомъ воспитанія такъ сказать новую породу людей, или новыхъ отцовъ и матерей, которые бы дѣтямъ своимъ тоже прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердце вселить могли". Въ 1786 г. появилось новое учрежденіе народныхъ школъ, введенное въ силу въ Выборгской губерніи. Всѣ старыя школы были упразднены и были замѣнены сѣтью новыхъ городскихъ школъ, подчиненныхъ Главному правленію народныхъ училищъ въ Петербургѣ. Но цѣль, поставленная Екатериной II, не была достигнута; желанія не сбылись. Методы преподаванія, заимствованные изъ Австріи, не привились; учительскій персоналъ оказался не на высотѣ своего призванія. Въ 1805 г., въ министерство Завадовскаго, произведена новая реформа всего училищнаго строя. Школы Выборгской губерніи (или какъ она называлась съ 1802 г. въ силу именного даннаго Сенату указа 13 декабря 1802 г. Финляндской губ.) были подчинены училищной коммиссіи при Дерптскомъ университетѣ. Преподаваніе велось на нѣмецкомъ языкѣ. До конца XVIII ст. лица, желавшія получить высшее образованіе, безпрепятственно могли поступать въ Абовскій университетъ. Всѣ почти пасторы приходовъ въ Выборгской губерніи замѣщались кандидатами богословія Абовскаго университета. Но извѣстно, что въ концѣ царствованія Екатерины II либеральное теченіе въ ея политикѣ уступило мѣсто реакціонному направленію. Въ 1794 г. 18 іюля изданъ Сенатскій указъ „О неопредѣленіи въ Выборгской гражданской палатѣ на убылыя пасторскія мѣста приходящихъ изъ-за границы духовныхъ лицъ, обходя учащихся тамъ въ училищѣ богословія и безъ свѣдѣнія генералъ-губернатора или губернатора". Въ 1798 г. (уже при Павлѣ I) изданъ рядъ указовъ, запрещавшихъ выѣздъ за границу, и появилось запрещеніе молодымъ людямъ поступать въ иностранные университеты. Притокъ шведскихъ богослововъ пріостановился; но послѣ учрежденія въ 1802 г.

Дерптскаго университета начался притокъ прибалтійскихъ, содѣйствовавшихъ, конечно, германизаціи сѣверной окраины.

Извѣстно, что императоръ Павелъ I рѣшилъ твердо по возможности уничтожить все, что было введено и сдѣлано въ царствованіе его матери. Извѣстны слова императора Александра I въ бесѣдѣ съ братомъ В. Кн. Николаемъ Павловичемъ: „дѣла были тогда крайне запутаны по отсутствію всякихъ основныхъ началъ въ управленіи; ибо, хотя въ послѣдніе годы жизни императрицы Екатерины II порядку было мало, но все нѣсколько держалось еще прежнихъ; съ вступленіемъ же на престолъ родителя, вслѣдствіе принятаго правила совершенно уничтожить все дотолѣ существовавшее — и остальной порядокъ былъ разрушенъ безъ замѣны другимъ“.

Эти слова примѣнимы вполнѣ и къ Финляндской губерніи. 12 декабря 1796 г. данъ именной указъ Сенату „О возстановленіи въ Выборгской губерніи присутственныхъ мѣстъ по тамошнимъ правамъ и привилегіямъ“. Однако это возстановленіе шведскихъ порядковъ вовсе не осуществилось: Губернское правленіе по организаціи 1775 г. осталось въ губерніи. Выборгское намѣстничество было раздѣлено на 6 земскихъ коммиссаріатовъ и названо Выборгской губерніей. Юстицъ-коллегія Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ возстановлена въ Петербургѣ; строго говоря, сообразно тамошнимъ правамъ и привилегіямъ устроены лишь лагманскіе и герадскіе суды.

Если школьное дѣло сильно озабочивало правительство, не радуя его никакими благодѣтельными результатами, то еще болѣе заботъ и усилій, и тоже безрезультатныхъ, доставлялъ вопросъ о регулированіи податной системы и земельнаго устройства крестьянъ. Послѣ завоеванія восточной Финляндіи въ 1721 году и послѣ заключенія Ништадскаго мирнаго договора Петръ Великій щедрою рукой раздарилъ казенныя земли гражданскимъ чиновникамъ и военнымъ.

Въ царствованіе императора Петра II вновь крупная часть казенныхъ имѣній поступила въ частныя руки. Первоначально эти казенныя имѣнія жаловались на срокъ, или пожизненно; но при Аннѣ Іоанновнѣ и Елизаветѣ Петровнѣ начались пожалованія наслѣдственныя. Эти пожалованія, донаціи, сдѣлались для русскаго правительства источникомъ массы заботъ, недоразумѣній и т. д. Прежде всего въ финансовомъ отношеніи. Доходъ казны значи-

тельно сократился. Но, что самое главное—такъ это соціально-политическая сторона дѣла!

Донаціи имѣли цѣлію ввести въ финляндскую окраину русскій элементъ, укоренить его въ ней. Для достиженія этой цѣли необходима была наличность двухъ условій: 1) дѣйствительное управленіе имѣніями русскими помѣщиками; 2) сохраненіе и обезпеченіе свободы крестьянъ, предохраненіе ихъ отъ крѣпостнаго права. Но ни та, ни другая цѣль не была достигнута въ достаточной степени. Шведскіе законы, обезпечивающіе личную свободу крестьянъ, остались въ силѣ только номинально.

Донаціонные крестьяне уплачивали установленный оброкъ, изъ коего $^2/_3$ поступали въ пользу помѣщика, $^1/_3$ въ пользу казны; но донатаріи не имѣли права вмѣшиваться въ хозяйство крестьянъ. Однако эти требованія закона не были соблюдаемы. Донатаріи въ большинствѣ случаевъ не жили въ помѣстьяхъ, а передавали управленіе въ руки фохтовъ или бурмистровъ, которые функціонировали и какъ частные управляющіе, и какъ казенные уполномоченные, взимавшіе налоги и облеченные извѣстною долею полицейской власти. Волненія среди крестьянъ возрастали и повторялись, и правительство сочло необходимымъ принять мѣры для упорядоченія этихъ отношеній. Эти мѣры были двоякаго рода: уже въ 1724 г. (17 января) изданъ именной Сенату указъ о выкупѣ въ завоеванныхъ у шведовъ провинціяхъ коронныхъ „маетностей", состоящихъ въ залогѣ у частныхъ владѣльцевъ. Въ томъ же году часть крестьянъ переведена съ помѣщичьихъ земель на казенныя. Въ 1741 г., 9 іюля, изданъ Сенатскій указъ о платежѣ казенныхъ податей Выборгской провинціи владѣльцами прежде взысканія ими своихъ доходовъ съ ихъ „маетностей". Затѣмъ правительство приступило къ ревизіи и размежеванію, чтобы опредѣлить размѣры владѣній и размѣръ повинностей и податей отбываемыхъ крестьянами. Впервые такая ревизія предписана въ 1727 году. Въ 1746 г., 6 марта, учреждена коммиссія для разсмотрѣнія дѣлъ о розданныхъ мызахъ, деревняхъ и земляхъ. Въ 1742 г. предписана періодическая ревизія черезъ каждые 5 лѣтъ. Въ 1745 году началось межеваніе земель. Наконецъ въ 1765 г. изданъ указъ „о учиненіи новой ревизіи въ Финляндіи". Всѣ эти мѣры, какъ засвидѣтельствовано самимъ правительствомъ, ни къ чему не привели. Безъ всякихъ законныхъ основаній помѣщики повышали и подати и повинности. Послѣдствія: неоднократныя волненія и возмущенія донаціонныхъ крестьянъ, ходатайства которыхъ о защитѣ не на-

ходили поддержки со стороны судовъ и властей административныхъ. Такія возстанія имѣли мѣсто въ 1779 и 1785 г.г. Къ концу столѣтія само правительство признало систему пожалованія казенныхъ земель не выгодной для казны. Оно замѣнило пожалованіе арендой. (Высоч. указы 12 и 29 ноября 1796 г.). Но аренда въ свою очередь привела къ столкновеніямъ между крестьянами и помѣщиками. Въ силу Высочайшаго указа 15 февраля 1798 года было постановлено, что въ случаѣ споровъ между помѣщиками и крестьянами о размѣрѣ податей, герадскій судъ долженъ былъ опредѣлить размѣръ ихъ. И это не помогло. Крестьяне были принуждены заключать невыгодные контракты, какъ напримѣръ, пресловутый Таубила контрактъ 1801 г.—Результаты были плачевны.

Итогъ всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ подведенъ правительствомъ Императора Александра I.

Въ 1802 г. изданы сразу 3 Высочайшихъ указа: 1) объ учрежденіи коммиссіи для устроенія Выборгской губерніи; 2) объ учрежденіи коммиссіи для разсмотрѣніи финляндскихъ дѣлъ; 3) именной, данный Выборгскому гражданскому губернатору Ореусу, объ остановленіи продажи и уступки коронныхъ гейматовъ.

Второй изъ этихъ указовъ заключаетъ въ себѣ ни что иное, какъ рѣзкое осужденіе всѣхъ мѣропріятій XVIII ст. въ отношеніи упорядоченія дѣлъ въ Финляндіи. „Съ самаго присоединенія, сказано здѣсь, къ Россіи Финляндіи сколько ни употреблено было средствъ къ усовершенствованію въ ней хозяйственныхъ предметовъ, обиліе народное составляющихъ, но къ прискорбію Нашему находимъ Мы и нынѣ край сей въ бѣдственномъ положеніи, мало различествующемъ отъ того, въ каковомъ состоялъ онъ при его занятіи.

Въ 1765 г. учреждена была особая ревизіонная коммиссія для исчисленія земель и опредѣленія оброкоположенія, сообразнаго съ естественными выгодами губерніи; но 37 лѣтъ протекло безъ всякаго успѣха, и коммиссія вмѣсто ожидаемой пользы доставила казнѣ однѣ безвозвратныя для нея издержки; да и не можетъ никогда достигнуть своей цѣли, когда самое оброкоположеніе манталовъ полагается не соразмѣрно числу на нихъ жителей, а приводитъ въ одинаковую повинность, какъ многолюдные, такъ и малолюдные манталы. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ и по жалобамъ отъ финляндскихъ жителей къ Намъ доходящимъ, признали Мы за благо, уничтоживъ сію Коммиссію (Ревизіонную), никакой пользы не принесшую, учредить подъ непосредственнымъ

вѣдѣніемъ Нашимъ особую Коммиссію для разсмотрѣнія Финляндскихъ дѣлъ, въ которой подъ предсѣдательствомъ Тайнаго Совѣтника Сенатора Тайльса быть членами Г. М. Копьеву, Оберпрокурору Правител. Сената Розанову и Статскимъ Совѣтникамъ Эмину и Болгарскому". (Коммиссія получила особую, какъ увидимъ ниже, инструкцію).

Имѣя передъ собою такое оффиціальное признаніе несостоятельности русской администраціи въ Финляндіи, едва ли справедливо укорять финляндскихъ публицистовъ нашего времени во враждебности по отношенію къ Россіи, если они темными красками рисуютъ положеніе Старой Финляндіи до 1812 г. Эта враждебность относится не къ Россіи, а къ тѣмъ жалкимъ представителямъ русской власти, которые безсовѣстно хозяйничали на окраинѣ, срамя русское имя и лишая Верховную Власть любви и привязанности подданныхъ. Если что препятствовало сближенію Старой Финляндіи, если что содѣйствовало тому, что она послѣ 90 лѣтъ соединенія съ коренной Россіей съ легкимъ сердцемъ отдѣлилась отъ нея, не познавъ ни истиннаго русскаго духа, ни притягательной силы русскаго народа, ни величія русской государственной идеи, то вина тому т. н. „ташкентцы", которые водружали на окраинахъ не русское государственное знамя, а стягъ своего любостяжательства и карьеризма.

Впрочемъ и въ шведской Финляндіи народъ былъ недоволенъ чиновниками. Въ одномъ изъ писемъ Портана (въ 1796 г.) встрѣчаются слѣдующія слова: „Если принять во вниманіе все угнетеніе, всю эксплуатацію, всѣ обманы, которые народъ долженъ терпѣть отъ чиновниковъ и власть имѣющихъ, то не покажется чудомъ, что въ глазахъ народа слово „баринъ" и слово „врагъ"— означаютъ одно и тоже".

Главной задачей указанной выше Коммиссіи была выработка проекта мѣръ для упорядоченія финансоваго управленія въ „Старой Финляндіи" и для улучшенія быта низшаго земледѣльческаго класса, донаціонныхъ крестьянъ, бобылей, батраковъ, а отчасти и казенныхъ торпарей. Но связь этихъ спеціальныхъ финансовыхъ и экономическихъ вопросовъ съ вопросомъ объ улучшеніи всего устройства Старой Финляндіи была ясна правительству, и коммиссіи было поручено изслѣдовать положеніе судопроизводства въ краѣ, и въ случаѣ признанныхъ коммиссіею недостатковъ, затрудненій, неудобствъ и „противорѣчій единообразію общаго въ Имперіи Нашей управленія заимствовать изъ Россійскихъ зако-

новъ все, что пользамъ, правамъ и выгодамъ жителей соотвѣтствуетъ". (П. С. З. № 20.275. Мая 19. Именной указъ, данный Коммиссіи для разсмотрѣнія Финляндскихъ дѣлъ. „О правилахъ, коими она должна руководствоваться въ исполненіи возложенной на нее обязанности").

„Препровождая, сказано въ этомъ любопытномъ памятникѣ, дошедшее къ Намъ начертаніе о разныхъ вызвавшихся отъ времени въ Финляндіи злоупотребленіяхъ, имѣющихъ важное вліяніе на всѣ состоянія жителей края того, и предпріявъ положить скорую и вѣрную онымъ преграду, даровать каждому охраненіе и защиту законовъ и распространить на сію часть Имперіи Нашей общія выгоды, всѣмъ вѣрноподданнымъ Нашимъ предоставленныя, повелѣваемъ: 1) разсмотрѣть права и преимущества, утверждающія каждому состоянію его принадлежность, переходъ гейматовъ въ руки чиновниковъ, разночинцевъ и духовенства, земледѣльческихъ повинностей не несущихъ, объяснить все, что относится до гейматныхъ владѣльцевъ, особливый классъ людей составляющихъ и ни съ какимъ другимъ званіемъ въ Россіи несходствующихъ, изслѣдовать всѣ отъ того выгоды и потери, изыскать причины, повергающія жителей въ нищету и бѣдственное положеніе торпарей и бобылей и порядокъ средствъ къ поселенію и водворенію ихъ на удобныхъ земляхъ, возвратить въ нихъ государству потерянное число хлѣбопашцевъ; 2) войти въ точнѣйшее и подробнѣйшее изслѣдованіе всѣхъ статей Государственный доходъ составляющихъ и изыскать всѣ средства къ увеличенію онаго безъ народнаго отягощенія, разсмотрѣть всякаго рода поземельные сборы и подати и, примѣняясь къ состоянію и возможностямъ обитателей края того, узнать, не согласнѣе ли съ пользами общины и частными будетъ установленіе съ поселянъ въ Финляндіи оброка и прочихъ принадлежащихъ къ четвертому классу губерній повинностей, съ уничтоженіемъ всего того, что къ отягощенію жителей ввели шведскіе законы и съ пресѣченіемъ всякаго вреда казеннымъ и помѣщичьимъ поселянамъ отъ незнанія пользъ ихъ самимъ себѣ причиняемаго; 3) обратить особенное вниманіе на всѣ отрасли хозяйства, какъ-то: земледѣліе, лѣсоводство, винокуреніе и прочіе сего рода предметы, взявъ равномѣрно въ замѣчаніе вывозъ за границу естественныхъ произведеній губерніи той, и переходъ въ руки чужеземцевъ народнаго богатства, стараться привести всѣ сіи части въ надлежащее устройство и порядокъ; 4) вникнуть въ образъ судопроизводства гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, изслѣ-

довать всѣ постановленія до того края относящіяся и въ случаѣ признанныхъ коммиссіей недостатковъ, затрудненій, неудобствъ и противорѣчій единообразію общаго въ Имперіи Нашей управленія, заимствовать изъ Россійскихъ законовъ все, что пользамъ, правамъ и выгодамъ жителей соотвѣтствуетъ; 5) принявъ въ уваженіе отяготительные съ поселянъ для духовенства сборы, оброки и работы, опредѣлить безъ всякаго излишества приличные званію сему и достаточные къ содержанію онаго способы, и наконецъ, въ разсужденіи самаго снабженія Финляндіи духовными чинами, постановить такія мѣры, чтобы всѣ приходы и кирхшпили получали пасторовъ изъ балтійскихъ подданныхъ, съ приличнымъ этому званію предготовленіемъ; 6) коммиссіи отправиться въ Финляндію, гдѣ осмотрѣвъ всѣ части, требующія исправленія, собравъ всѣ нужныя свѣдѣнія и удостовѣрясь очевидными опытами на мѣстѣ обо всемъ, особому вниманію подлежащемъ, возвратиться въ С.-Петербургъ для приведенія къ окончанію всего ей порученнаго. Впрочемъ буде Коммиссія разсмотрѣнія Финляндскихъ дѣлъ кромѣ предметовъ въ приложенномъ при семъ начертаніи изъясненныхъ, найдетъ что либо достойное замѣчанія и служащее къ общей пользѣ, то имѣетъ и на оное обратить равномѣрное вниманіе, и наконецъ, изъ всего ею собраннаго сочинить къ лучшему преобразованію губерній общій планъ и поднести Намъ на утвержденіе". Но и работа этой Коммиссіи желанныхъ результатовъ не имѣла. Ея труды слѣдовъ не оставили. Она упразднена въ 1810 г., уступивъ мѣсто новымъ коллегіальнымъ органамъ, съ задачами болѣе широкими, благодаря измѣнившимся политическимъ обстоятельствамъ. Первой преемницей была учрежденная въ 1810 г. (Им. Высоч. указъ 10 іюля 1810 г.) коммиссія для Финляндскихъ дѣлъ.

Высочайшій Манифестъ 11 декабря 1811 года возвѣстилъ о присоединеніи Выборгской губерніи къ Великому Княжеству Финляндскому. Все управленіе въ Выборгской губерніи было организовано на началахъ общихъ съ началами управленія въ остальныхъ частяхъ Финляндіи. Но соціально-экономическое положеніе главной массы крестьянскаго сословія, крестьянъ донаціонныхъ, все еще оставалось столь же неопредѣленнымъ и шаткимъ, какъ въ эпоху XVIII вѣка. — 28 марта 1812 г. было издано Высочайшее объявленіе объ уплатѣ въ казну податей земледѣльцами Выборгской губерніи на основаніяхъ, установленныхъ для частныхъ собственниковъ до того времени, пока тамъ не будетъ введено новое

предположенное обложеніе земель. Въ этомъ постановленіи крестьянамъ обѣщано, что на нихъ не будутъ возложены новыя подати и повинности, свыше ранѣе существовавшихъ, и помѣщикамъ было запрещено обременять донаціонныхъ крестьянъ новыми платежами и повинностями.

Эти постановленія значительно успокоили донаціонныхъ крестьянъ. Упроченію ихъ положенія содѣйствовали кромѣ того два законодательныхъ акта 1817 г.: 1) Выс. пост. 10 января 1817 г. касательно пожалованныхъ въ прежнія времена частнымъ лицамъ имѣній и арендъ въ Выборгской губ. находящихся, и 2) Высоч. пост. о состоящихъ въ Выборгской губ. казенныхъ и шкатовыхъ гейматахъ, рустгальтахъ, сетерейныхъ и прочихъ гейматахъ и имѣніяхъ. Первое изъ этихъ законоположеній провело различіе между пожалованіемъ на вѣчныя времена и на срокъ и предписало произвести изслѣдованіе свойствъ земли и ихъ податной силы (jordransakning), дабы изслѣдовать на основаніи записей и документовъ, которыя изъ земель шкатоваго свойства и которыя фрельзоваго. Податная оцѣнка (skattetal) и размѣръ оброковъ съ донаціонныхъ гейматовъ должны были быть внесены въ особую поземельную книгу, и записи въ этой книгѣ должны были впредь служить руководствомъ при раскладкѣ податей и повинностей. До окончательнаго установленія новой раскладки — нормы 1812 года должны были быть приняты въ руководство неизмѣнно. Ту же цѣль: упростить фискальныя подати и повинности имѣло второе постановленіе.

Все клонилось къ лучшему; спокойствіе водворилось въ донаціонныхъ имѣніяхъ и послѣдовательное проведеніе началъ 1817 г. могло бы имѣть благопріятнѣйшія въ политическомъ отношеніи послѣдствія. Но въ 1825 году совершился крутой поворотъ. 13 января 1825 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи коммиссіи для новаго изслѣдованія вопроса о донаціонныхъ имѣніяхъ. На основаніи заключенія коммиссіи послѣдовало 25 ноября 1826 г. Высочайшее постановленіе о свойствѣ жалованныхъ имѣній въ Выборгской и Кюмменегородской губерніяхъ. Это постановленіе объявило, что всѣ донаціонныя имѣнія имѣютъ свойство фрельзовыхъ земель и даютъ владѣльцамъ всѣ выгоды и привилегіи съ владѣніемъ фрельзовымъ сопряженныя. Гейматы, находящіеся въ непосредственномъ хозяйственномъ употребленіи помѣщиковъ, немедленно были зачислены въ категорію фрельзо-

выхъ, слѣдовательно окончательно потеряли свойство казенныхъ и шкатовыхъ земель.

Что касается гейматовъ, не находящихся въ хозяйственномъ пользованіи помѣщиковъ, а отданныхъ въ аренду крестьянамъ, то донаціонные крестьяне могли оставаться во владѣніи ими, уплачивая и отбывая ранѣе установленныя подати и повинности въ теченіе 10 лѣтъ, съ 1827 до 1837 г. По истеченіи этого срока донатаріи-помѣщики были вправѣ по своему усмотрѣнію опредѣлить размѣръ оброка, отвѣтственность за содержаніе геймата и условія владѣнія имъ, разъ содержатель геймата въ теченіе 2 лѣтъ со дня изданія постановленія не докажетъ документально, что въ содержаніи у него находящійся гейматъ былъ въ шведскую эпоху зачисленъ въ разрядъ шкатовыхъ. Это же постановленіе упразднило всякое юридическое различіе между пожизненнымъ и срочнымъ донаціоннымъ владѣніями. Всѣмъ донатаріямъ присуждено фрельзовое право въ отношеніи ихъ земель и съ 1837 г. опредѣленіе размѣра всѣхъ платежей и повинностей съ нихъ было предоставлено въ ихъ распоряженіе.

Легко себѣ представить, какое неудовольствіе въ средѣ крестьянъ на донаціонныхъ имѣніяхъ должны были вызвать эти постановленія. Кто же изъ крестьянъ въ неоднократно разоренной огнемъ и мечомъ Финляндіи былъ въ состояніи привести документальныя доказательства въ пользу своего шкатоваго права? Начались процессы, челобитныя, ходатайства, наконецъ вспыхнули нешуточныя крестьянскія возстанія въ Выборгской губерніи, усмиренныя военной силой! Крестьянскія волненія привели къ изданію постановленія 7 марта 1838 года относительно отвѣтственности, которой подвергаются обыватели жалованныхъ имѣній Выборгской губ., уклоняющіеся отъ исполненія своихъ повинностей. Въ силу этого постановленія на крестьянъ возлагалась безусловная обязанность подчиняться всѣмъ требованіямъ помѣщиковъ о платежѣ податей и отбываніи повинностей, какъ вытекающихъ ихъ фрельзовыхъ правъ. За неисполненіе этихъ требованій имъ грозило тѣлесное наказаніе и привлеченіе къ отвѣтственности на основаніи Устава о преступленіяхъ Общаго Уложенія 1734 года и Кор. Постановленія 26 февраля 1773 года („чтобы фрельзовые и другіе поселяне въ Финляндіи были своимъ хозяевамъ послушны и отбывали имъ свои повинности“). Если крестьяне не согласятся на условія, предложенныя помѣщиками, то они должны были оставить гейматъ безъ соблюденія сроковъ о наймѣ и отказа отъ

найма (fardag). Крестьяне, сопротивлявшіеся удаленію отъ геймата, объявлялись „lösdrifvare“, бродягами и присуждались къ крѣпостнымъ работамъ и военной службѣ. Все это не помогало. Борьба между донаціонными крестьянами и помѣщиками продолжалась. Все это постановленіе было грубѣйшей несправедливостью и притомъ роковой политической ошибкой. Большинство крестьянъ съ незапамятныхъ временъ владѣло своими гейматами на шкатовомъ правѣ. Сохраненіе имъ ихъ правъ было обѣщано русскимъ правительствомъ и вдругъ однимъ размахомъ пера свободные поселяне превращены въ misera plebs contribuens, corvéable et taillable à merci.

Въ 60-хъ годахъ рѣшено было положить конецъ этимъ анормальнымъ отношеніямъ. Правительство предложило сейму на обсужденіе проектъ выкупа донаціонныхъ имѣній въ казну.— Выкупъ совершился съ 1868 года.

Ex C. 7. 9.
8/14/22